

Е.И.КОЛЫЧЕВА

АГРАРНЫЙ СТРОЙ РОССИИ

XVI
ВЕКА

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт истории СССР

Е.И.КОЛЫЧЕВА

АГРАРНЫЙ СТРОЙ РОССИИ

**XVI
ВЕКА**

МОСКВА

«НАУКА»

1987

Монография посвящена раскрытию важнейших типологических особенностей развития феодализма и изучению проблем частно-собственнической и государственной эксплуатации крестьян XVI в. Впервые в советской историографии исследуются следующие вопросы: о влиянии обычного права на эволюцию сеньориальной ренты, о распределении земельной ренты между государством и вотчинниками; определяется величина государственных налогов в центральных уездах, выявляются особенности эксплуатации разных социальных категорий крестьянства. Специальная глава посвящена малоизученной проблеме экономического кризиса второй половины века. Исследуется противостояние интересов царизма в процессе борьбы за установление самодержавия и церкви, притязания духовенства на сохранение своих земельных владений и податных привилегий.

Рецензенты:

Е. П. МАМАТОВА, Е. Н. ШВЕЙКОВСКАЯ

ВВЕДЕНИЕ

Аграрный строй — это совокупность исторически сложившихся производственных отношений в сельском хозяйстве, определяемая системой землеустройства и землепользования. При феодальной формации основополагающее значение приобретает собственность на землю и вытекающая из нее личная зависимость крестьянина, что и определяет в конечном счете характер эксплуатации земледельцев.

Карл Маркс вскрыл характер угнетения крестьян при феодализме, указав, что для всех форм ренты обще то обстоятельство, что она есть экономическая реализация земельной собственности¹. Он же отметил, что феодальная земельная рента на определенном этапе поглощала весь прибавочный продукт, а нередко и часть необходимого продукта². Производство прибавочного продукта, принимающего специфическую экономическую форму феодальной ренты, используется для удовлетворения потребностей правящего класса путем эксплуатации. Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали, что вся социально-общественная пирамида (князья, чиновники, дворянство, духовенство, бюргеры) всей своей тяжестью ложилась на крестьянина³. Следовательно, при изучении аграрного строя основное внимание должно быть сконцентрировано на характеристике форм эксплуатации крестьян, на анализе земельной ренты.

Значительных успехов за последние десятилетия добились историки в освещении рентных отношений XVII в. Появились фундаментальные труды о формах и степени эксплуатации различных социальных категорий земледельцев. Это работы А. Н. Сахарова о патриарших крестьянах, Ю. А. Тихонова — о формах ренты в поместьях за полуторавековой период (с конца XVI в. до 1725 г.), Н. А. Горской — о сущности и формах феодально-крепостнических отношений в монастырских вотчинах. Широко известны книги Л. В. Черепнина и А. Д. Горского, которые на крайне скудной источниковедческой базе выявили способы угнетения и порабощения земледельцев в XIV—XV вв. Ряд положений, сформулированных и разработанных авторами, имеют принципиальное значение и для исследуемого столетия.

Советские историки в последние годы уделяют много внимания изучению экономических отношений собственности как в зависимости от стадияльного развития феодализма, так и от типологических сдвигов по горизонтали в разных регионах. В результате этих исследований удалось установить, что в России и в ряде других стран на определенном этапе развития налицо сочетание (совмещение) частновладельческих (сеньориально-вотчинных) форм и государственного феодализма⁴.

В предлагаемой монографии предпринята попытка проследить отдельные аспекты данной проблемы и некоторых других особенностей аграрного строя Русского государства конца XV—XVI в.

Данный период имеет особое историческое значение, ибо, как писал Л. В. Черепнин: «Образование централизованного государства является значительным внутренним рубежом периода развитого феодализма в России»⁵. Завершение политического объединения Руси, укрепление верховной власти московского великого князя (затем царя), становление самодержавия неминуемо должны были вызвать ряд важнейших социально-экономических преобразований. И на первое место надо поставить стремление верховной власти подчинить экономически и юридически сеньориально-вотчинные формы землевладения: добиться ограничения в присвоении прибавочного продукта частными феодалами, низвести владельцев вотчин на положение служилых людей, поставить земли черносошных крестьян под строгий учет правительства, а к концу XVI в. вернуть утраченные государственные prerogatives, отменив податные тарханы, ранее широко выдаваемые церкви, союз с которой царю был необходим на определенном этапе борьбы со светскими землевладельцами. Резкое возрастание государственных налогов в период Ливонской войны при неблагоприятных экологических ситуациях и наличии условно-поземельного обложения вызвали тяжелую депрессию в народном хозяйстве: экономический кризис 70—90-х годов, сопровождавшийся нарушением агроструктуры использования пахотных земель. Данный круг проблематики и определил структуру книги.

Понимая, что в одной книге невозможно охватить все стороны эволюции аграрного строя России XVI в. (да это и непосильно для одного человека), автор специально не касается проблемы товарно-денежных отношений на Руси и причинно-следственной взаимосвязи их с формами и размерами ренты, с экономическим кризисом 70—90-х годов, надеясь в будущем вернуться к этому вопросу. В монографии не рассматриваются поборы с крестьян, идущие на содержание местного административного аппарата, а также проблемы эволюции общины.

Книга посвящена изучению аграрных отношений главным образом центральных регионов страны XVI в., которые не получили должного освещения в монографических работах советских историков. Это объясняется в какой-то степени своеобразием источниковедческой базы, так как большинство писцовых материалов погибло во время московского пожара начала XVII в. По-иному сложилась судьба кадастров по Новгородско-Псковскому краю: в архивах имеются десятки писцовых книг, цифровой материал которых поддается статистической обработке и в известной степени отражает социально-экономическое развитие данного региона на протяжении второй половины XV—XVI в. Данное обстоятельство позволило коллективу ленинградских ученых под руководством А. Л. Шапиро издать трехтомный труд, посвященный аграрной истории Северо-Запада России. Наряду с характеристикой форм землевладения и землепользования основной упор в нем сделан на изучение крестьянских повинностей, выведены обобщенные показатели по ряду параметров сельскохозяйственного производства, смоделирован крестьянский бюджет, показаны размеры экономического кризиса и его последствия. Выход в свет этого фундаментального исследования является безусловно большим событием в исторической науке. Однако в рецензии на этот труд отмечались и излишнее увлечение статистикой, и некоторые методико-источниковедческие просчеты. В частности, рецензенты справедливо указали, что авторы исследования не учли разные

принципы описаний на протяжении XVI в., а также своеобразие окладных единиц⁶. Данные замечания, подробно аргументированные рецензентами, имеют практическое значение для изучения аграрной истории любого региона.

С выходом в свет «Аграрной истории Северо-Запада России XVI в.» неизбежно возник вопрос: насколько закономерности, выявленные на материале новгородских книг, соответствуют процессам, протекавшим в тот же период в центре страны. Новгородско-Псковский край, сравнительно недавно присоединенный к Русскому государству, с подавляющим преобладанием поместного землевладения, со своеобразной окладной единицей «обжей» был не похож на центральные регионы, что отнюдь не исключает адекватности многих сторон аграрного развития. По-прежнему некоторые вопросы (о преобладающих формах ренты и их размере, о распространении экономического кризиса и его влиянии на становление барщины и т. п.) являются дискуссионными.

Многие проблемы, непосредственно касающиеся аграрных отношений, как-то: критерии эволюции принципов посошного описания, характеристика вытного письма, особенности выти и сохи как окладных единиц, взаимовлияние обычного права и государственных нормативов на размер крестьянских повинностей, распределение прибавочного продукта между сеньором и государством, вытеснение традиции-обычая из рентных отношений — вообще не разрабатывались в советской исторической науке.

Из дореволюционных исследований надо отметить А. С. Лаппо-Данилевского, П. Н. Милюкова, М. А. Дьяконова, В. И. Сергеевича, которые в той или иной степени поставили вопрос о принципах посошного описания, величине и происхождении выти. Особняком стоит фундаментальный труд С. Б. Веселовского о сошном письме XVII в., где несколько глав посвящены полемике с предшественниками по проблемам обложения, сошной реформы середины XVI в., происхождения вытного письма. Выдающийся ученый, внесший большой вклад в историческую науку, изучая принципы сошного обложения, опирался главным образом на материалы кадастров XVII в., поэтому порой невольно переносил более поздние явления на предшествующий век. Эволюция принципов посошного описания в течение всего XVI в. не была предметом его исследования.

В настоящее время в распоряжении исследователя, изучающего аграрную историю XVI в., имеются писцовые книги по отдельным уездам, часто дошедшие в форме сокращенных приправочных списков, составленных в начале XVII в. Как правило, в них нет материалов о крестьянских повинностях, порой не выделена даже барская запашка, а если ее наличие указано, то нет сведений: обрабатывалась ли она крестьянами или же холопами. Сохранившиеся писцовые материалы по разным уездам и составленные в разное время не всегда сопоставимы без знаний эволюции принципов посошного описания. Все это послужило причиной того, что историки, касаясь форм и методов эксплуатации крестьян центра страны, обычно ограничивались иллюстративным подбором фактов. И тем не менее надо отдать должное предшественникам: без их разработки многих аграрных проблем, без введения в научный оборот пусть разрозненных (за неимением других) сведений о формах и величине крестьянской ренты вряд ли в настоящее время можно было бы решиться на попытку данного монографиче-

ского исследования особенностей аграрного строя в центральных регионах страны.

В основу данной монографии положено комплексное изучение почти всех типов источников, отражающих в той или иной мере аграрные отношения России XVI в. Среди изученных источников часть опубликована, остальные хранятся в архивах Москвы и Ленинграда. Первостепенное значение для рассматриваемой темы имеют кадастры. Помимо писцовых книг, мною собрано большое количество выписей из них и сотных грамот, что позволило проанализировать этапы государственного землеустройства, показать, в чем конкретно проявлялось усиление юридической и экономической функций государственного феодализма (утрата ранее существовавшего статуса вотчинными и черносошными землями). На основе кадастров предпринята попытка выявить степень интенсивности экономического кризиса 70—90-х годов, показать наиболее разоренные районы. В отдельных видах описаний содержатся сведения о формах и величине земельной ренты, что позволяет воссоздать методы эксплуатации крестьян, правда, необходимо отметить, что правительственные кадастры являются нормативными материалами и не отражают в полной мере действительной тяжести феодального гнета.

Ко второй группе источников относится монастырская хозяйственная документация: оброчники, вытные книги, книги денежных выплат, уставные грамоты крестьянам того или иного территориально-административного комплекса, книги ключей и т. п. В настоящее время часть вотчинной хозяйственной документации издана под редакцией А. Г. Манькова.

В книге широко использовались акты, летописи, записки иностранцев, законодательные источники второй половины XVI в.

Тема данной монографии была предложена автору А. А. Зиминим, светлая память о котором жива в сердцах его учеников и коллег.

Приношу глубокую благодарность ответственному редактору книги Н. А. Горской, которая оказала неоценимую помощь и поддержку в разработке ряда положений, изложенных в монографии.

Искренне признательна за советы, замечания, помощь С. М. Каштанову, Е. П. Маматовой, В. Д. Назарову, Б. Н. Флоре, Е. Н. Швейковской и всему коллективу сектора феодализма под руководством А. А. Преображенского.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПОСОШНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОПИСАНИЙ КОНЦА XV—XVI В. СОХА КАК ОКЛАДНАЯ ЕДИНИЦА

Материалы кадастров * (писцовых, дозорных, окладных книг) давно привлекают внимание исследователей, так как в них отразились буквально все стороны жизни Русского государства конца XV—XVII вв., и в первую очередь аграрная политика правительства и податное состояние различных социальных групп. Несмотря на то что буквально каждое исследование, посвященное этим вопросам, не обходится без ссылок на писцовые книги, ни в советской, ни в дореволюционной историографии нет ни одной работы, где были бы рассмотрены проблемы эволюции сошного письма на протяжении всего XVI в. Исследователям не известны ни главные особенности генеральных переписей конца XV—XVI в., ни ареал уездов, охваченных в тот или иной период валовым описанием, ни политическая окраска ряда преобразований в сошном письме. В литературе встречаются самые противоречивые высказывания о сохе и ее размерах в землях разного социального статуса. Между тем соха являлась основной окладной единицей для государственных налогов и повинностей и служила своего рода показателем податного состояния тех или иных слоев населения. Сошное письмо — своеобразный индикатор аграрной политики правительства.

Древнейшим упоминанием сохи в качестве окладной единицы принято считать приведенное В. Н. Татищевым известие об уплате в 1273 г. дани татарам. Великий князь Василий Ярославич доставил в Орду «дань урочную со вся земли по полугривне с сохи, а в сохе числиша по два мужи работники. . . И хан. . . рече: ясак мал есть, а люди многи в земле твоей, почто еси не от всех даеши? Князь же великий отымался числом баскаков прежних. И хан повеле послати новы численники во всю землю Русскую»¹. В основу этой сохи было положено не количество земли, а число работников: 2 человека на соху.

Достоверные сведения о сохе как окладной единице относятся лишь к первой половине XV в. В известной грамоте 1461 г. черноробцам в Торжок говорится: «А послал князь велики на Черный бор Семена Яковлича в Торжок. А брати. . . с сохи по гривне новой, а писцу княжу мортка с сохи. А в соху два коня, а третье припряжь». К сохе же при-

* Термин «кадастр» означает список, реестр, составленный официальным органом или учреждением (БСЭ. 1973. Т. II С. 127). Веселовский употребляет этот термин главным образом в качестве синонима значения: «описание с целью обложения налогом». (Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915; Т. I. С. 30—32.)

равнялся: чан кожевничий, невод, лавка, кузнец, 4 пещца. «А хто сидит на исполовыи, на том взяти за полсохи». Две сохи клялись за плуг, црен, лодку. Соха здесь выступает в качестве окладной единицы, распространяемой как почти на все средства производства, так и на отдельные категории мало-лошадных и безлошадных производителей: половники, кузнецы, пещцы. Под последними подразумевались, по всей вероятности, безлошадные работники. В грамоте 1391 г. митрополита Киприяна читаем: «А пешеходцем из сел... рожь молоти и хлебы печи...» В отличие от них «большим людем из монастырских сел... игумнов жеребен весь ролыи орати...»² Земля в качестве самостоятельного объекта обложения в грамоте черноборцам не фигурировала. Примерно таких же размеров встречаем соху и в ответе 1478 г. новгородцев Ивану III: «3 обжи — соха, а обжа один человек на одной лошади орет. А кто на трех лошадях, а сам третий орет, ино то соха». А. Л. Шапиро замечает, что соха представляла собой как единое трехлошадное хозяйство, так и 3 однолошадных, однообожных хозяйства. Ленинградские историки установили, что в 70—80-х годах XV в. писцы далеко не всегда следовали норме «один человек на одной лошади пашет». В ряде случаев в обжу кляли двор независимо от числа людей³.

К середине XV в. относится важное упоминание о сохе как окладной единице в центральных уездах. В жалованной грамоте 1447—1455 гг. Троице-Сергиеву монастырю великий князь Василий Васильевич дал две пустоши в Гороховце и Ярополче Владимирского у., «да к тому если им ослободил купить своих земель черных тяглых на 10 сох». Он же в своем завещании 1461/62 г. пишет: «А как почнут дети мои жити по своим уделам, и моя княгини и мои сын Иван, и мои сын Юрьи, и мои дети пошлют писцов, да уделы свои писцы их опишут по крестному целованью, да по тому письму и обложат по сохам и по людем. Да по тому окладу моя княгини и мои дети и в выход учнут давати сыну моему Ивану с своих уделов. А переменит бог Орду и моя княгини и мои дети возмут дань себе с своих уделов, а сын мой Иван в то не вступается»⁴. Речь идет не просто о земле, а о заселенной, с которой уплачивались налоги (в первую очередь дань), а возможно, исполнялись какие-то повинности. Пустоши, передаваемые князем вместе с тяглой землей в монастырь, в сохи не были положены.

Никаких данных в пользу того, что в середине XV в. в центральных уездах соха являлась поземельной фискальной единицей, нет, как нет и единой сохи на территории страны: ее характерные признаки в разных землях разнились между собой. В пользу этого свидетельствует тот факт, что после присоединения той или иной области почти всегда вставал вопрос о местных окладных единицах. Так было с присоединением Новгорода, когда Иван III задал свой широко известный вопрос: «Что есть соха?». Так случилось и с Тверью после ее падения в 1485 г. В 1491/92 г. «князь великий Иван Васильевич послал Тферские земли писати по-московски в сохи. А писал Тверь князь Федор Олабыш, а Старицу Борис Кутузов, а Зубцов да Опоки Дмитрий Пешков, а Клин Петр Лобан Заболотцкой, а Холм и Новый городок Андрей Карамышев, а Кашин Василий Карамышев». Выражение «писати по-московски в сохи» можно толковать двояко: 1. В Тверской земле были иные окладные единицы, а не соха. 2. Тверская соха резко отличалась от московской. Описание 1491/92 г. Тверской земли «по-московски в сохи» вполне удовлетворило правительство, и при последующей генеральной

переписи 1497—1504 гг. она не описывалась. По духовной грамоте Ивана III 1504 г. города и волости Тверского края распределяются между его сыновьями с ссылкой на описание 1491/92 г. Юрий, например, получил «во Тферской земле город Кашин и с волостьми и с путми и з селы... по тому, по каа место писал х Кашину писец наш Василей Карамышев». Описание 1491/92 г. сохранило свою силу на протяжении почти полувека. В писцовой книге 1539/40 г. упоминается спорная деревня, «а в старых книгах Алабышева письма та деревня писана у великого князя села у Лукьяновского и ошоено вместе с Лукьяновскими деревнями»⁵. Выражение «осошено» означает: положено в сохи.

От 80-х годов XV в. сохранились источники, где соха выступает в качестве окладной единицы черных, дворцовых и других категорий земель. В уставной грамоте 1488 г. Ивана III на Белоозеро наместники собирают корм «со всех сох: княжих, боярских, монастырских, черных и з грамотников», т. е. под сошное описание попадают все типы социальных владений: 1) дворцовые, 2) черные, 3) вотчинные, 4) монастырские. Те же категории плюс служилые земли упомянуты в грамоте 1478—1481 гг. вологодского князя Андрея Васильевича Меньшого Леонтию Злобе Львову: «Пожаловал... ослободил есми ему на Вологде купити земли на соху боярских и служних и черных тяглых земель, хто ему продаст». В то же время, судя по жалованной кормленной грамоте 1506 г. в Бежецкий Верх, может создаться впечатление, что в сохи были поверстаны только монастырские и вотчинные земли, а черные деревни остались вне сошного обложения. Волостелю и его людям предоставлялось право собирать корм «со всех грамотников з боярских и с монастырских» с сохи. При регламентации же корма, идущего с черных деревень, термин «соха» не употреблялся: корм берут сразу с 6 деревень⁶. Веселовский считал, что подобные группы деревень — «только счетная единица оклада»⁷.

Сохранились сведения о проведении описаний в ряде регионов XV в. Белозерский у. писали кн. Ф. Ф. Алабыш и Василий Долматов, а в 1492/93 г. здесь отводили землю «белозерские писцы, судьи» М. Д. Глебов, Иван Голова Семенов, Захар Микулин. В середине XV в. в Галиче работал писец великого князя Д. А. Лыков, в Костроме — Данило Иванович. В одном судебном деле перечисляются писцы Бежецкого Верха: Исак Дубровин, писец удельного князя Андрея Васильевича, «а писал весь Бежецкий Верх», затем того же князя писец Жито Исаков Дубровин. В Вологодском у. до начала 1470-х годов описал земли сохами писец удельного князя Андрея Васильевича Меньшого дьяк Федор Мячков. Несколько позже, при переходе Вологды к Ивану III, сюда был послан в качестве писца И. М. Волинский⁸. Выписи из сошных описаний той поры неизвестны, за исключением небольшого отрывка из «книги ключа» письма Федора Киселева 1481/82 г. на места рыбной ловли по рекам Клязьме и Оке, принадлежащие митрополиту и Печерскому монастырю⁹.

Первое генеральное описание Русского централизованного государства приходится на конец XV—начало XVI в. Есть основания и для более точной датировки: подавляющая часть уездов была описана в промежутке 1497/98—1503/04 гг. 1497—1498 гг. — своего рода кульминационный период уходящего столетия, когда великокняжеский московский дом как бы публично закреплял достигнутые успехи в объединении русских земель. К началу

90-х годов были ликвидированы уделы, кроме небольшого Волоцкого. После присоединения Твери (1485 г.), северских земель (1494—1503 гг.) существовало лишь два самостоятельных государственных образования — Великое княжество Рязанское и Псковская феодальная республика, находившиеся в полуассалльной зависимости от Москвы. Однако сепаратистские тенденции представителей самого великокняжеского дома были достаточно сильны. Поэтому большое политическое значение придавалось коронованию внука Ивана III Дмитрия Ивановича в качестве наследника престола, которое произошло в Москве в феврале 1498 г. Коронация должна была способствовать укреплению самодержавной власти. Незадолго до этого (в июле 1497 г.) на великокняжеской печати впервые появляется двуглавый орел — византийский и имперский государственный герб. Этим Россия заявляла о своем равенстве с крупнейшими державами древности и современной Европы¹⁰. В сентябре 1497 г. была закончена работа над созданием Судебника, который, по словам Л. В. Черепнина, «явился первым кодексом феодального права Русского централизованного государства»¹¹.

Наряду с укреплением политических и правовых основ, правительство проявляло озабоченность и по поводу экономического состояния страны. Необходимо было всеобщее описание земель и введение для удобства фиска одноименной окладной единицы. По всей вероятности, все три мероприятия, проводившиеся в 1497—1498 гг. (коронация Дмитрия, создание Судебника, начало общегосударственного описания земель), в сознании правительства были взаимосвязаны и рассматривались как шаги по укреплению централизации государства. За период 1497/98—1503/04 гг. были описаны следующие земли, уезды: Бежецкий Верх, Белозерск, Владимир, Вологда, Вятка, Галич, Гороховец, Дмитров, Кашира, Коломна, Кострома, Можайск, Москва, Нижний Новгород, Переяславль, Пошехонье, Ростов, Радонеж, Суздаль, Углич, Юрьев, Ярославль. Есть глухое упоминание о переписи в Муромском у. Продолжается описание Новгородской земли, начатое несколько ранее. После инкорпорации в 1478 г. Новгорода общей переписи пятин в конце 70-х—начале 80-х годов не проводилось. Описанию подлежали лишь конфискованные земли. Но где-то во второй половине 80-х годов, по мнению ученых, валовое описание пятин состоялось¹². Однако оно не удовлетворило правительство, видимо, главным образом из-за отсутствия в «старом письме» основной окладной единицы Московского государства — сохи. Г. В. Абрамович считает, что «перепись конца XV—начала XVI в. была связана с переобработкой земель и уточнением размеров окладной единицы — обжа в зависимости от качества земли»¹³. В 1495 г. началось описание Деревской и Обонежской пятин, в 1498 г. — Копорского у., входившего в Вотскую пятину. Начало переписи всей Вотской пятины падает на 1499/1500 г. В Шелонскую пятину писцы прибыли в 1498 г. Окончание работ в Новгородской земле приходится на 1504/05 г.¹⁴. Столь растянутый срок переписи Новгородского края (1495—1504/05 гг.) объясняется прежде всего тем, что здесь было испомещено очень большое число помещиков, при описании владений которых писцы обязаны были детально отмечать размеры посевных площадей (в коробьях) и причитающийся им доход с крестьян, что не делалось ни в вотчинных, ни в черносошных землях. Такая детализация, скрупулезное сопоставление старого письма с новым, без сомнения, сильно задерживали ход работ. Обычно же описание уезда длилось 2—3 года.

Итак, основные работы по описанию Новгородского края шли в указанных нами хронологических рамках, хоть и начались в двух пятинах несколько раньше общего потока. Тверской край был, как уже отмечалось, описан в 1491 г. С. М. Каштанов считает, что работы были начаты осенью 1491 г.¹⁵ Тип описания, когда земля окладывалась сохами «по-московски», вполне удовлетворил правительство: надобности в повторном описании не было.

П. Н. Милюков относит к 1491 г., помимо Твери, посольное описание еще двух уездов: Переяславля-Залесского и Звенигородского¹⁶. Что касается последнего, то здесь простое недоразумение: Милюков сослался на выписи из писцовых книг В. И. Голенина о митрополичьей Великой слободе и селах Никитского и Ополева станов¹⁷. Уезд в самом документе не был указан и, так как в копиях выписи предвзяло несколько звенигородских грамот, то и документ письма В. И. Голенина Милюков отнес к Звенигородскому у. На самом деле выписи была сделана с книг Переяславского у. Князь Василий Иванович Голенин возглавлял описательные работы по Московскому у. (1498/99 г.), а также в Радонеже (1503/04 г.), который в те годы, возможно, еще сохранял статус самостоятельного уезда. Работал он и в Переяславль-Залесской земле, о чем имеется ряд свидетельств, но большинство из них не приводят точной даты переписи. Лишь три документа указывают годы описания В. И. Голениным Переяславского у. Это уже упомянутая выпись на митрополичьи владения 1491/92 г., жалованная льготная грамота Симонову монастырю, выданная в июле 1538 г., где есть ссылка на описание В. И. Голениным в 1491/92 г. пустых варниц у Соли Переяславской, и, наконец, разъезжая грамота от 8 февраля 1504 г., когда «великого князя писец князь Василий Иванович Голенин разъехал есми великого князя землю... с Чюдовского монастыря землею»¹⁸. Разрыв в датировке описаний, равный 12—13 годам, свидетельствует о том, что мы имеем дело с двумя разными переписями, причем ту и другую проводил В. И. Голенин, или же в даты описаний вкралась какая-то ошибка. Существует еще несколько недатированных документов, где В. И. Голенин выступает как писец Переяславского у.¹⁹ Исследователи (С. Б. Веселовский, С. М. Каштанов, А. Д. Горский) придерживаются разных точек зрения относительно точности датировки этих документов. Вернее, Каштанов судный список по Переяславскому у. относит не к 1499—1502 гг., как это было указано в издании, а к январю, февралю 1504 г. Горский поддержал доводы Каштанова. Разъезжая грамота Голенина в Переяславском у. датирована издателями 1503/04 г.²⁰ В грамоте от 25 января 1507 г. Василий III устанавливает сумму оброка с переяславских сокольников «по книгам, по новому письму по княжу Васильеву Ивановича Голенина»²¹. «Новым письмом» в актах начала XVI в. назывались сошные книги генеральной переписи 1497—1504 гг. Таким образом, факт описания Переяславль-Залесского у. В. И. Голениным в период проведения на Руси первой генеральной переписи не вызывает сомнения. Труднее ответить на вопрос: руководил ли описанием В. И. Голенин в 1491/92 г. и было ли оно? Указание этой даты в двух документах, относящихся к разным фондообразователям, как будто дает основание для положительного ответа. Вместе в тем ряд факторов позволяет усомниться в данном положении. В судебном деле, которое датировано 1502—1504 гг., одна из тяжущих сторон ссылается на прежнее описание: книги Степана Бородатого. Известно, что в 1468—

1478 гг. Степан Бородатый, дьяк Марии Ярославны, жены Василия II, вел дела по покупке для княгини села по р. Клязьме²². Вероятно, он действительно в какой-то период описывал Переяславский у. Но удивляет другое, почему при судебном разбирательстве 1502—1504 гг., для доказательства права владения деревней ссылаются на старое «письмо» Бородатого и ни словом не упоминают более новое, которое якобы состоялось в 1491/92 г. и было проведено Голениным. Но вот другое судебное дело, относящееся к 1492—1494 гг., т. е. к периоду идущего или уже прошедшего описания 1491/92 г. На вопрос судьи волостным крестьянам, почему они не сообщили раньше о распашке их селищ Троице-Сергиевым монастырем, ответ следовал такой: «Бивали. . . челом великому князю не одинова. И князь великий так молвил: как поедет мой писец Переяславля писати, и вы ему укажите мои земли, и он мне скажет. И писец в Переяславле давно не бывал». Стало быть, переписи 1491/92 г. в Переяславле, проводимой В. И. Голениным, не было. И еще один штрих: В. И. Голенин в качестве послуха подписывает на Москве грамоту 4 августа 1492 г. вместо того, чтобы быть в это время в Переяславле, так как лето — наиболее плодотворный период описательных работ²³. Дату 7000 находим в документах, отдаленных 2—3 десятилетиями от описания 1503/04 г. За прошедшее время первая страница «книги сошного письма» Переяславского у. истрепалась от частого пользования, в результате чего прочитывалось только имя писца и начальная цифра года описания — 7000. Последние две цифры стерлись, или текст в этом месте был утрачен. Возможно, что десятки лет были написаны не цифрами, а, как это делалось порой, словами. «7000 двенадцатого года» или «7000 тринадцатого года». Симптоматично, что в документах, близких по времени возникновения к 1504 г., дата описания В. И. Голениным не указывалась. Таковы жалованные грамоты Василия III переяславским рыболовам и переяславским сокольникам (1506—1507 г.)²⁴

По всей вероятности, валовому описанию конца XV—начала XVI в. предшествовала большая подготовительная работа как по выработке общегосударственных принципов обложения, так и по созданию некоторого единого образа, уточнения в системе мер длины и площади. В конце XV в. впервые в памятниках русской письменности появляется термин «аршин»²⁵. Вероятно, предпринимаются какие-то попытки к изживанию местного партикуляризма в русских мерах. Даже наиболее популярная мера длины «сажень», которой измеряли не только землю, но и величину строений, двора, могла быть различной. Существовала «сажень прямая», «сажень трехлокотная». В Суздале, Белозерске для измерения земли в качестве меры пользовались ужищем, «а в ужище по 30 колов». В 1430 г. на р. Тверце пашня измерялась вервью: «30 сажон в вервь»²⁶. Для измерения площади земли в XV в. употреблялась как четверть, так и десятина. В 1495 г. Иван III взял у Спасо-Евфимиева монастыря «3 десятины пожон и 12,5 десятин пашни, дав за это своей земли 16 десятин». Примерно в это же время (1495—1506 гг.) Троице-Сергиев монастырь производит обмен с С. И. Борисовым в Муромском у. Чернецы отдали «землю монастырскую. . . в поле в Чегодаевском. . . 30 десетин с десетиною, да на чертеже и на полянах 36 десетин», итого 67 десятин. Выменили же «в дву полех пахотной же земли семьдесят десетин без трех. А мера десетинам: длина 80 сажон, а поперек 30 сажон»²⁷. Данное нововведение крайне важно: размер десятины соотносится не только

с мерой объема высеваемого хлеба (2 четверти ржи), но и с геометрически абстрактной площадью (80 сажень \times 30 сажень). В дальнейшем почти на протяжении всего XVI в. именно такой десятиной описывались дворцовые земли.

В 1505/06 г. волостные крестьяне захватили часть владений Чудова монастыря в Костромском у., «а лесу... посекали на три десятины, да сего лета и ярью посеяли». В 1504 г. в Рузском у. ржи «вымолотили 100 чети. И та рожь высеяна на 51 десятине». В 1498/99 г. некто А. Т. Рчинов отводит в Московском у. у Невера Юрьева «у его селца у Турикова государя своего метрополичью землю в дву полах. В одно поле... 20 десетин, а в другом поле... 13,5 десетин. А в деревне в Лихорадове... в всех трех полах земли двадцать десетин з десетиною. А все пашни и что на сечах сено косили 76 десетин». Тот же А. Т. Рчинов измерил всю деревню Лихорадовскую: «И в той деревне пашни в всех трех полах 30 десетин, а сена 20 копен в тех же десетинах»²⁸. Из вышеприведенных отрывков явствует, что к началу XVI в., по всей вероятности, сделаны попытки унификации десятины, которая становится счетной единицей для измерения земли. Новая десятина еще не стала привычной, повсеместной, поэтому в источниках и приводят ее размер (2400 кв. саженей).

Ранее конца 90-х годов десятина лишь дважды упомянута в источниках как мера площади. В грамоте 1485 г., дошедшей до нас в форме более позднего пересказа и с позднейшими наслоениями, говорится о постройке в г. Рязани церкви, к которой приписан «за рекою Окою луг... четыре десетины». В жалованном акте 1490 г. во Владимирский у. речь также идет о луге: «и яз им того лугу придал на мельницу десетину девятилокотную на рече на Рпени»²⁹. Перед нами какая-то разновидность десятины — девятилокотная, возможно достаточно распространенная в XV в. до введения «новой» десятины.

При измерении земли в XV в. широко пользовались четвертью, а не десятиной. В 1467—1474 гг. угличский князь констатирует, что троицесергиевские монахи «пригородили к двема полем моее земли Павловского села на 30 четвертей». В 1488 г. волостные крестьяне Белозерского у. «отняли 10 четей земли» у Кирилло-Белозерского монастыря. Четверть в качестве меры площади фигурирует и в конце XV—начале XVI в. В мировой 1493/94 г. говорится, что некий С. Закхеев посеял на монастырской земле «сило 5 четвертей ржи, а в яровом поле пашные земли на 10 четвертей на ржаную». В 1498 г. братья Струнины «покосили... на осмине льну... да пожали... на двадцати четвертях овса»³⁰. При описании земель Русского государства XVI в. основной мерой земли была все-таки не десятина, а четверть. Десятинами измерялись дворцовая земля, луга, леса. При крайне несовершенной технике измерения, при разбросанности, чересполосице крестьянских полей единственно рациональным методом учета пашни было описание ее четвертями. Хотя не исключена возможность, что первоначально правительство хотело (а может быть, и осуществило) описание дворцовых и поместных земель десятинами. Однако от первой генеральной переписи дошло всего несколько выписей из писцовых книг, главным образом на митрополичьи вотчины и вотчины Троице-Сергиева монастыря. Владельческая земля в тот период учету не подлежала. Сведения о поместных имениях центральных уездов за период 1497—1504 гг. не сохранились.

Можно ли хотя бы приблизительно определить размеры сохи? В одной из летописей рассказывается, что после присоединения Новгорода Иван III конфисковал часть земель у монастырей и ряда бояр. Размер отписанной пашни приводится как в обжах, так и в сохах. У Михайлова монастыря было взято 97 обож, у Антониева монастыря — 50 сох, у Юрьева — 720 обож. «А которые села были за князем Василием за Шуйским, и тех князь великий за себе же взял. . . 6 сел, а сох в них 80 без дву»³¹. Мы не знаем, идет здесь речь о московской или новгородской сохе, но ее размер невелик. Если исходить из того факта, что на каждое село приходилось приблизительно 13 сох, то величина сохи не могла превышать несколько десятков четвертей. Соха центральных уездов по первой генеральной переписи могла быть больше. В пользу этого свидетельствует появление на рубеже XV—XVI вв. принципа дробления сохи на части. В основу были положены широко бытующие в Древней Руси способы счета: «раздвоение» и «растроение»: $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ или $\frac{1}{3}$, $\frac{1}{6}$. Меньше (при раздвоении) $\frac{1}{32}$ и (при растроении) $\frac{1}{6}$ долей сохи при описании 1497—1504 гг. неизвестны. Для более точного фискального обложения части сох складывались и вычитались: например, «9 сох без получетверти сохи»³². Дробление «на 2» более популярно и сложилось, видимо, раньше, чем деление с основой, где фигурирует «3». Понятно, что возникновение такой мелкой дроби, как $\frac{1}{32}$, говорит о достаточно большой величине сохи, заключавшей в себе сотню-другую четвертей. Веселовский относит появление принципа дробления сохи лишь ко второй половине XVI в. и связывает его с введением 800-четвертной сохи³³. Как видим, доли сохи появились значительно раньше. Термин «соха» всегда сочетается со словом «пашня»: «пашни в селе и в деревнях $\frac{1}{3}$ сохи». Починки без пашни в сохи не клались. На одной из судебных тяжб монастырский старец пояснил, что «писцы боярских и монастырских пустошей и отхожих пожен в книги не пишут»³⁴. Действительно, в дошедших до нас выписях из писцовых книг 1497—1504 гг. угодья (лес, пожни) не упоминаются. Но вызывает большое сомнение сам термин «пашня». В тот период пашней вплоть до 70-х годов XVI в. в официальных документах обозначался комплекс окультуренных земель, часть которых периодически запускалась в перелог (помимо третьего поля). Писцы не ставили перед собой задачу учета пашни, и если при этом вспомнить, что в XV в. существовало обложение «по людям», по селениям, то надо признать, что критерием «сошной пашни» были не столько посевные площади, сколько само крестьянское хозяйство. В разных регионах разные писцы, возможно, на основе привычных традиций, сложившихся в данной местности, решали на основе целого комплекса признаков вопрос о величине сохи. Вероятнее всего, в основу описаний должны быть положены или дворы, или селения с учетом их «посильности». Характерно, что в уставной грамоте 1506 г. переяславским рыбакам Василий III требовал оброк «по новому письму» и добавлял «а коли велю. . . нарядити людей на свою службу и тогды. . . нарядят людей с дву сох, а не с дворов»³⁵, т. е. между двором и сохой не было тождества. Милюков собрал достаточно большой материал, свидетельствующий об отсутствии прямой связи между этими величинами³⁶.

И тем не менее для того, чтобы судить об эволюции сохи, прибегнем к крайне приблизительному методу подсчета дворов, приходящихся на одну

соху, так как во владельческих описаниях того времени, это, пожалуй, единственные данные, приводящиеся в тексте. При всей своей условности подобная методика дает некоторое представление о величине сохи, так как 3—5 дворов будут иметь, как правило, меньше пашни, чем 20—30 дворов. В писцовой выписи 1498/99 г. на солигалицкие владения Троице-Сергиева монастыря говорится, что «пашни в селе и в деревнях треть сохи». Упоминаемые далее пустоши и посадские дворы в сохи не положены. На треть сохи приходится 13 дворов, т. е. в одну соху положено столько пашни, сколько могут ее обработать 30—40 крестьянских семей. Примерно такое же соотношение встречаем и в Радонеже³⁷. От конца XV—начала XVI в. сохранились описания митрополичьих владений в ряде уездов. Количество дворов, приходящихся на одну соху, колеблется в основном в пределах интервала от 20 до 45³⁸.

Особенно интересно описание Владимирского у., где был ряд территориально-хозяйственных комплексов, каждый из которых был положен в сошное письмо. В более чем половине хозяйств (10 из 18) число дворов в сохе равнялось 32—37. Это соотношение не случайно. В некоторых деревнях было по одному двору: д. Теремец, д. Старый Ярославль, д. Митрополичья. Такие поселения описывались $\frac{1}{32}$ сохи. В деревнях Яновец, Офимкино стояло по 2 крестьянских двора, на селение клалось $\frac{1}{16}$ сохи. Во Владимирском же у. находились великокняжеские Симизинские села, которые описаны десятинами и положены в вытное письмо: на выть по 5 десятин крестьянской земли. В сц. Чоково на соху приходится 5 дворов, 32,3 десятины пашни; в сц. Железово — примерно 4 двора и около 14 десятин пашни³⁹. Если только в сошное описание Железова не вкралась ошибка, то приходится констатировать, что даже в четко регламентированном дворцовом хозяйстве количество пашни в сохе играло второстепенную роль. Правда, описание Симизинских сел дошло в поздней копии, в ней есть пропуски, описки. О сц. Железово сказано: «А пашни в сельце полтрети сохи». Если под «полтрети» имелось в виду 2,5 сохи, то в сохе будет около 14 десятин. Но не исключено, что «полтрети» могло обозначать $\frac{1}{6}$. При таком варианте весьма вероятно, что было пропущено переписчиком числительное «одна», которое в протографе могло быть обозначено буквой «а», т. е. «одна да полтрети сохи». Если последнее предположение верно, то на соху здесь приходится около 31 десятины. Находящиеся тут же починки без пашни в сохи не положены. Вероятно, не входила в соху и княжеская пашня, которая к моменту описания была отдана крестьянам на сьем.

Для нас важно отметить, что великокняжеская соха была в несколько раз меньше монастырской и митрополичьей. Следовательно, уже в XV в. на размер сохи среди прочих факторов влиял социальный статус землевладельца.

Итак, перепись земель 1497/98—1504 гг. — первое валовое описание Русского централизованного государства. Одна из важнейших целей: зафиксировать социальную принадлежность селений и ввести на территории всей страны одноименную окладную единицу — соху. Считалось, что соха имеет поземельный характер и ею описывалась пахотная окультуренная земля. В действительности же в соху клались крестьянский двор или же селение. Их число в сохе определялось рядом факторов: социальным статусом

землевладения, сложившейся традицией в данном регионе, «посильностью» хозяйств. Пустоши и беспашенные починки сохами не описывались. *Поземельной соха могла быть лишь в дворцовых и поместных владениях*, так как в вотчинных хозяйствах пашня учету не подлежала. В центральных регионах величина сохи, судя по количеству положенных в нее дворов, была равна примерно 100—300 четвертям (в зависимости от региона). Закладываются основы будущей методики делопроизводственного счисления сошного письма: дробление сохи на мелкие доли со знаменателем в основе 2 и 3 («раздвоение» и «растроение»). Бортные леса («бортные ужожи»), реки, озера описывались в отдельных книгах. Книги описания 1497/98—1504 гг. зафиксировали статус феодального землевладения. Недаром впоследствии при судебных тяжбах спорящие стороны при сохранении института знахарства и процедуры полевого поединка все чаще для подтверждения своих прав на землю ссылаются на писцовые книги⁴⁰. Надо отметить, что при проведении описания писцы исполняли функции судий для решения земельных споров.

После смерти Ивана III его дети, помимо Василия III, получают уделы и некоторые из них проводят описание земель. Так, Кашин перешел к Юрию Ивановичу, который в 1505/06 г. посылает писцов для описания своих владений⁴¹. Его примеру последовали некоторые братья. Известно, что весь Бежецкий Верх писали писцы Семена Ивановича не позднее 1509/10 г.⁴² После окончательного присоединения Псковской земли ее описывает, по данным Н. Н. Масленниковой, в течение 1510—1519 гг. М. Г. Мисюря Мунехин⁴³.

Конец 30-х—начало 40-х годов — второй крупный рубеж в описании земель Русского государства. Абрамович датирует эту генеральную перепись 1536—1545 гг.⁴⁴ Определить точные хронологические рамки второй валовой переписи труднее, чем первой, так как в промежутке между 1504 г. и 1536 г. проводились описания отдельных уездов или же определенных типов социальных владений. Согласно источникам основная волна переписи приходится на период 1540—1544 гг. В этот период были описаны следующие уезды: Белоозеро, Верея, Владимир, Вологда, Волоцк, Вышгород, Кашин, Кашира, Коломна, Клин, Кострома, Можайск, Москва, Муром, Нижегородск, Новоторжск, Переяславль, Пошехонье, Романов, Серпухов, Суздаль, Стародуб Рязоловский, Тверь, Торопец. За период 1536—1540 гг. описывались более северные и северо-западные земли: Новгородские пятины, Двина, Галич, Бежецкий Верх, а также Углич, Дмитров и Звенигород. Последние 3 уезда совсем недавно входили в число уделов. Именно по отношению переписи 40-х годов в документах встречается термин «новое письмо». Обращает внимание и тот факт, что некоторые уезды, где в 30-х годах побывали писцы, вновь подверглись описанию в 40-е годы. Так, относительно Коломенского у. известно, что в нем работали писцы в 1535/36 г., в 1539/40 г. Тем не менее в 1548/49 г., хоть и несколько позже основного потока переписи, в Коломну вновь были посланы писцы⁴⁵. Это позволяет предполагать, что второе генеральное описание с использованием новых конструктивных элементов приходится все-таки на начало 40-х годов.

Пожалуй, единственной работой, посвященной анализу «письма» этого периода, является статья Г. В. Абрамовича, который все значение переписи фактически сводит к установлению в результате большого поместного

верстания 1538/39 г. нормированного минимального размера поместья в 100 четвертей ⁴⁶.

Но задачи переписи были намного шире, чем отражение факта помещения служилых людей, и проводилась перепись фактически по всей стране, в том числе и в тех районах, где помещичье землевладение было минимальным или вообще не существовало. Безусловна заслуга Абрамовича, отметившего связь поместного верстания с посошным письмом того времени. Действительно, в этот период идет нивелировка размеров поместий за счет сокращения мельчайших и очень крупных владений. Но говорить, что 100 четь стали минимальным размером поместий, не представляется возможным. В новгородских пятинах, судя по многочисленным таблицам, помещенным в коллективном труде ленинградских ученых, доля мелких поместий достаточно велика. Еще более неудачной представляется ссылка на тверскую писцовую книгу 1539/40 г. Как правильно отметил автор, при описании каждой волости писцы подразделяли поместные земли на две группы: «великого князя села и деревни» за помещиками и «дворцовые села, розданы помещикам». Последняя группа земель связана, по мнению Абрамовича, с поместным верстанием 1538/39 г., т. е. как раз и должна отражать новые веяния относительно минимальных размеров поместий. Для доказательства своего тезиса автор прибег к среднестатистическому расчету, в данном случае никак не подходящему для этих целей. Изучение текста описания Твери показывает, что минимальной нормы в 100 четвертей при верстании 1538/39 г. не существовало. В Тверском крае была помещена группа мелкопоместных служилых дворцовых слуг (псарей, сытников, подьячих, ключников), размер владений которых колеблется где-то в пределах 50 четвертей ⁴⁷. Следовательно, этот размер и был наименьшим в тот период. Абрамович ошибается также, подчеркивая, что норма исчислялась в доброй земле. При переписи конца 30-х—начала 40-х годов качество земли не отмечалось. Это начали делать только во второй половине столетия.

Периодические описания земель, особенно при смене правительства, — закономерный процесс. В 1538 г. умерла Елена Глинская, официальным правителем страны стал Иван IV. В первой половине XVI в. на местах появляются выборные органы — губные и земские избы, ведавшие борьбой с разбойниками, татями и следившие за сбором с населения всевозможных податей. От 1539 г. дошла Белозерская губная грамота. В 1541 г. «бысть жалование государя... нача жаловати, грамоты давати по всем градом большим и по пригородам и по волостем: лихих людей обыскивати самым крестьяном меж себя... и их казнити смертною казною, а не водя к наместнику». 23 октября 1541 г. губная грамота была выдана Троице-Сергиеву монастырю на вотчины в Тверском, Новоторжском, Старицком уездах: «и как к вам ся наша грамота придет и вы б... в тех селах и в деревнях учинили меж себя у 10 дворов десятцкого, у 50 дворов — пятидесяцкого, у 100 дворов — сотцкого» ⁴⁸. *Впервые* в истории сошного описания владельцам земли, вотчинникам стали выдаваться *сотные* грамоты. Такие же акты получало население дворцовых и черносошных волостей. Сотные грамоты удостоверяли право пользования землей, описанной в акте, а также фиксировали количество сох, соразмерно которым платились подати и исполнялись государственные повинности. В некоторых сотных отмечались межи владений. Сотные грамоты, выданные владельцам или держателям земли

(их выборным людям), пресекали злоупотребления должностных лиц, которые порой пытались увеличить число сох, положенных на тот или иной комплекс. Жалобы на подобные действия местных властей встречаются в источниках. Выдача сотных грамот в XVI в. стала традицией. В последующие десятилетия тексту сотных порой предшествовала преамбула: «а сотные де им с книг письма своего не дал и платить им не по чему». Сохранилось достаточно большое количество сотных грамот начала 40-х годов. На них сысались при земельных тяжбах даже в конце XVI—начале XVII в.

Учету по-прежнему подлежали только дворцовые, оброчные и поместные земли. Еще при переписи 1497—1504 гг. была введена методика исчисления возделываемой пашни на основе условной равномерности всех трех полей как следствие развития на Руси трехпольного севооборота. Но делопроизводственная формула «в поле, а в дву по тому ж» в сошном письме конца XV—начала XVI в. отсутствовала. При описании великокняжеских Симизинских сел приводилась величина площади одного поля, а затем итог: «во всех трех полях». В новгородских поместных имениях указывалось: «сеют в поле ржи... коробей». Итак, выражение «...в поле, а в дву по тому ж» появляется при описании 40-х годов, да и то не везде. В торопецкой писцовой книге 1540 г. количество поместной земли указывалось так: «пашни в поле в одном... чети», а формула «а в дву по тому ж» отсутствовала.

В дворцовых хозяйствах посевные площади измерялись в десятинах, поместная и оброчная земля учитывались с помощью четверти, которая в те годы, вероятно, являлась своего рода показателем того, что данная земля находится не в собственности владельца, а на правах держания. За пользование земель полагалось служить великому князю. Таким образом, термин, обозначающий меру площади, приобретает политическую окраску. Примечательно, что Ермолай Еразм в своем сочинении уделяет большое внимание проблеме измерения посевных площадей, критикуя сложившуюся практику «четвертью меряще».

Вотчинная земля учету не подлежала и описывалась только сохами. Сохранились известия о существовании в первой половине XVI в. 30-вытной сохи. Дьяконов обратил внимание на грамоту 1527 г. Юрия Ивановича Колязинскому монастырю, согласно которой в монастырских владениях Кашинского у. на соху приходится в одном имении 32 выти, в другом — 34 выти⁴⁹. Если учесть, что, согласно обычному праву, выть была равна 10 четвертям крестьянской земли, то соха в вотчине Колязинского монастыря заключала 320—340 четей. Милюков считал, что соха измерялась количеством рабочей силы⁵⁰. В качестве доказательства он приводит отрывок из сотной выписи 1544 г. Владимирского у. на владения Рождественского монастыря. Деревня «Кучино со князем Александром Друцким в споре, а пашет ее князь Александр. А в соху положена одноколькомою $\frac{1}{32}$ сохи»⁵¹. По какому-то странному недоразумению Милюков, а за ним и ряд последующих историков (например, В. И. Сергеевич) толковали термин «одноколькомою» (у Милюкова «однокольцом») как владельца одной колышки или телеги. Отсюда делался следующий вывод: $\frac{1}{32}$ сохи — наименьшая доля, в основе ее лежит одна конная упряжь, т. е. «неделимая единица рабочей силы, на которой строится соха». Между тем, по всей вероятности, данное

словосочетание означало лишь то, что за спорную деревню Кучино, описанную $\frac{1}{32}$ сохи, налоги должны были платить вместе («однокольцою») и князь и монастырь. Построение Милюкова вызвало сомнение уже у Дьяконова, отметившего, что в таком случае величина сохи находилась бы в прямой зависимости от числа рабочего населения и количества дворов⁵². Веселовский в противоположность мнению Милюкова выдвинул принцип «посильности тягла»⁵³, который мало что объяснил и который вряд ли отвергали его предшественники.

Ответить на вопрос, что клалось в основу сошного счета, крайне трудно. И наверное, в разных регионах и в землях разного социального статуса применялись разные критерии. Во владениях Кирилло-Белозерской духовной корпорации в Белозерском у. в 1544 г. в соху кладется примерно 20 деревень, а количество починков и дворов учитывается как бы во вторую очередь. При изучении черных волостей Торопецкого у. выясняется, что одной сохой описывалось 26 деревень и починков. Но ровно в половине территориальных комплексов число селений в сохе выше. Вероятно, не все починки имели пашню⁵⁴. Количество же беспашенных починков неизвестно, а они обычно не учитывались писцами в сошном письме. Кроме того, тогда не существовало жестких нормативов даже в пределах одного уезда. Судя по сотным грамотам 40-х годов, во многих регионах счетной единицей в сохе была деревня, а не двор, хотя и количество последних в какой-то степени учитывалось, особенно если в соху, помимо деревень, входило село. Объяснить это можно, проследив пути складывания большеразмерной сохи, когда ряд деревень объединялись для платежа корма наместнику или для исполнения какой-либо повинности. И. Н. Миклашевский, а затем более подробно Веселовский указали один из путей складывания большой сохи, отметив, что уже в XV в. существовала практика объединения мелких окладных единиц в более крупные, в своего рода податной округ. Так, в цитируемой выше грамоте 1448—1461 гг. черноборцам основной сбор шел с сохи. Но там же упомянута и составная окладная единица — 10 сох. «А корм з 10 сох князя великого черноборцем взяти: 30 хлебцов, боран, а любо полоть мяса, трое куров, сито заспы, 2 сыра, бекарь соли. А коневого корму 5 коробей овса в старую коробью, 3 возы сена з 10 сох, как пошло». Черноборцы были бы в затруднении, если бы корм собирался с 1 сохи: пришлось бы давать $\frac{1}{10}$ барана, $\frac{3}{10}$ кур, $\frac{2}{5}$ сыра и т. д. Неудобно это было и князю. Веселовский приводит и другие примеры существования составных окладных единиц. В описании конца XV в. Удомельской волости оброк, дань, посопный хлеб шли с обжи, а корм волостелям верстался с 25 обож. Такое же соединение в 25 обож встречаем в Новгородской области середины XVI в. и в доходном списке Ладожского кормления 1555/56 г. А в наместничьих грамотах первой половины XVI в. на Двину, Каргополь, Турчасов корм собирается с 10 сошек⁵⁵.

В центральных районах в 40-х годах количество дворов на соху превышает порой сотню, что свидетельствует о дальнейшем увеличении размеров сохи. Но помимо косвенных данных, описания поместных и дворцовых земель позволяют судить о количестве пашни, приходящейся на соху. В торопецкой писцовой книге 1540 г. учтено 45 поместий, соха не имеет фиксированного размера. 70 % поместий описаны сохой, заключающей в себе 270—530 четей. Сох размером ниже 270 четей нет. Высший предел — 730 четей. Амплитуда

колебаний размеров сохи равна примерно 450 четям. Она сопоставима с более поздней поместной сохой, фиксированный размер которой в зависимости от качества земли колебался также в пределах 400 четвертей (800 четей доброй земли, 1200 — худой земли). Наверное, и в 40-х годах немалую роль играло качество земли, количество угодий, социальный престиж того или иного служилого человека. Так, например, городничий был обложен сохой с высшим количеством четвертей — 900. Упоминание о другом городничем также связано с большой сохой — 650 четей⁵⁶. При описании ямов использовали 400—500-четвертную соху. Пустые деревни и пашня «наезде» клались в сошное письмо, наряду с «живущим». Исключением являлись только те случаи, когда данное поселение и в предшествующем описании числилось пустым. В таком случае предоставлялась льгота на ряд лет.

От генеральной переписи 40-х годов сохранилось несколько сотных, на основании которых можно судить о величине сох других социальных типов. В 1543/44 г. было описано село великого князя Буйгород с деревнями и село Палкино. В обоих случаях соха равна 400 десятинам (800 четвертям). Вышеприведенный отрывок из сотной опровергает расхожее мнение о времени и месте возникновения 800-четвертной сохи. Веселовский пишет, что 800-четвертная соха появилась лишь во второй половине XVI в., первоначально в поместных и вотчинных землях, и лишь затем была перенесена в дворцовое хозяйство⁵⁷. Дело, видимо, обстоит наоборот, возникнув и будучи апробирована на дворцовых великокняжеских землях, она впоследствии стала употребляться и при описании других типов землевладения. Причем время ее возникновения приходится не на вторую половину XVI в., а на 40-е годы. В 1542/43 г. было описано оброчное селение в Суздальском у.: 20 четей пашни положено в $\frac{1}{32}$ сохи⁵⁸. С селения шел мед в великокняжеский дворец. При умножении 20 четей на долю сохи получим, что в последней 640 четей. На самом деле и здесь мы имеем дело с 800-четвертной сохой: $\frac{1}{32}$ такой сохи равна 25 четям. В селении было 20 четей и писец описал ее наименьшей долей. Нельзя забывать, что исчисление в 3-х полях, величина пашни, устанавливаемая по количеству высеваемых четвертей зерна ржи — все придавало очень условный характер точности описания.

Регламентированная поместная соха в 40-х годах встречается в Волоцком у. Около упоминаемого уже дворцового села Буйгорода ряд деревень по письму 1543/44 г. Василия Брехова были розданы помещикам. Однако в 1546/47 г. они были отобраны у прежних владельцев и приписаны к селу Буйгород. В 16 деревнях было 182 четверти пашни в поле, «а сошные пашни по Васильеву письму Брехова полтрети сохи»⁵⁹. Следовательно, служилая соха содержала около 1000 четвертей. Земля здесь, судя по последующим описаниям, была средняя. Итак, в центральных районах страны уже в 40-х годах применяются дворцовые и поместные сохи таких размеров, которые впоследствии распространяются и на другие регионы.

Подводя итоги вышесказанному можно констатировать следующее: вторая генеральная перепись приходится в основном на 40-е годы, результатом ее деятельности стало широкое распространение нового типа документов: сотных грамот. Вотчинные земли по-прежнему учету не подлежали. В центральных районах в дворцовых и поместных хозяйствах мы сталкиваемся с сохой, размер которой был регламентирован и равнялся 800 четвер-

тям. Усовершенствуются приемы пососного описания. Впервые формулу «в поле... а в дву по тому ж» встречаем в наказе 1535 г. подьячему, посланному в Радонеж: «Да... описал сколько деревень и починков с людьми и что пустых. Да и пашню бы еси в тех деревнях измерил, сколько четвертей в одном поле, а в дву по тому ж, и что сена и лесу пашенного, и селищ и пустошей и всяких угодий... Да и сошное бы еси письмо те деревни и починки пометил, посмотря по земле и по угодьям, как будет пригоже»⁶⁰. При описании поместных земель отмечается наличие леса, воды (рек, озер), сенокосов. В некоторых случаях писцы давали подробный перечень межевых границ. Как видим, ряд конструктивных признаков, получивших широкое распространение впоследствии, впервые оформился во второй генеральной переписи.

Третья генеральная перепись страны приходится на конец 50-х—60-е годы. В историографии сложилась традиция связывать начало валового описания с работой Стоглавого собора 1551 г., а также с царскими вопросами, возникшими согласно историографии в 1550/51 г. Один из них гласит: «Да приговорил есми писцов послати во всю свою землю писать и сметити и мои, царя и великого князя, и митрополити и владычни, и монастырские, и церковные земли, и княжеские, и боярские, и вотчинные, и поместные, и черные, и оброчные, и починки, и пустоши, и селища, и земецкие земли всякие, чье ни буди. А мерити пашенная земля и непашенная, и луги, и лес. И всякие угодья смечати и писати: реки, и озера, и пруды, и оброчные ловли, и колы, и сежи, и борти, и перевеси, и мыта, и мосты, и перевозки, и рядки, и торговща, и погостыцкая земля и церковная, и дворы и огороды, и в книгах то все поставити»⁶¹. В данном отрывке изложена программа всеобщей переписи, ее основные особенности. Землю предполагалось не только описать, но и *измерить*, т. е. учет земли становится важнейшим неотложным делом.

Исследователи считают, что на начало второй половины XVI в. приходится одна из важнейших реформ сошного письма. Суть ее заключалась в следующих нововведениях: 1. С начала 50-х годов проводится новое генеральное описание уездов Русского государства. 2. Устанавливается нормированный размер сохи, зависящий от двух показателей: качества земли и ее социальной принадлежности. 3. Для поместных земель вводится метод их «одабривания». Такой точки зрения придерживаются П. Н. Милюков, М. А. Дьяконов, С. Б. Веселовский, И. И. Смирнов⁶². Ни одного из этих исследователей не насторожил тот факт, что уезды, описываемые в 1550—1553 гг., через несколько лет, в конце 50-х годов, были описаны повторно. Следовательно, надо определить: встречаются ли 3 вышеназванных признака сошной реформы в описании 1550—1553 гг. Только при их наличии можно говорить о «новом письме».

Что же представляли собой переписи начала второй половины XVI в.? Думается, что они, действительно, связаны с той программой описания, о которой упоминается в дополнительных царских вопросах. Этот документ весь пронизан заботой обеспечения служилых людей землей. Видимо, говоря о всеобщей переписи, Иван Грозный предполагал, что ее основной задачей должно стать решение вопросов, связанных так или иначе со служилым землевладением: изыскание земельных резервов, испомещение служилых людей. И в этом отношении И. И. Смирнов прав, указав, что переписи начала 50-х годов преследовали цель обеспечить дворян землей.

Об этом свидетельствует ареал уездов, где проводилось описание. Это — южные районы с большими массивами неосвоенных земель (Рязань, Тула, Серпухов, Кашира), Северный край с черносошным земледелием (Двина, Вага, Галич), где при необходимости можно было пустить в раздачу помещикам дворцовые, оброчные, черные земли. Понятен интерес и к новгородским пятинам, району преобладающего помещичьего землевладения. Из центральных уездов внимание правительства привлекли лишь три: Московский, Звенигородский, Рузский. Именно в эти места и были отправлены писцы, что, безусловно, было связано с проектом испомещения избранной тысячи. «Лета 7059-го октября царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии приговорил з бояры учинить в Московском уезде, да в половине Дмитрова, да в Рузе, да в Звенигороде, да в числяках и в ординцах, и в перевесных деревнях, и в тетереvничих, и в оброчных деревнях от Москвы верст за 60 и 70 — помещиков детей боярских лутчих слуг 1000 человек»⁶³. В приведенной записи Тысячной книги названы 4 уезда, где должны были быть испомещены лутчие слуги: Московский, Звенигородский, Рузский и половина Дмитровского. Вне зависимости от полемики о реализации на практике этого проекта можно утверждать, что правительство крайне серьезно готовилось к его осуществлению. Из центральных уездов описаны в 1550/51 г. именно те уезды, которые предназначались по проекту испомещения избранной тысячи. Лишь о Дмитрове нет сведений.

Описание 1550—1553 гг. строилось на старых принципах. Сохранилась сотная 1551/52 г. на владения серпуховского Высоцкого монастыря: 7 сел + 9 дер., 330 дворов. «А сошные пашни» 3 сохи $1/16$ сохи. Как видим, перечень сделан не по-новому: пашня не измерена, качество земли не указано, тем самым мы имеем дело с явно ненормированной сохой. Недаром всего через несколько лет, в 1554/55 г., в Серпухов были отправлены новые писцы, которым был дан наказ о величине монастырской сохи. Результатом их деятельности явились «книги письма и меры», где владения Высоцкого монастыря измерены в четях и положены в нормированные сохи⁶⁴. В 1551/52 г. описана черная волость Высокая Коломенского у. на основе старых принципов, без измерения площади земли. В 1560/61 г. здесь вновь работают писцы, тщательно измеряя количество пашни, леса, сена. От 1553 г. дошла сотная на имение рязанского Богословского монастыря⁶⁵. В ней также земля не измерена, отсутствует нормированная соха. Итак, судя по рассмотренным сотным, в 1550—1553 гг. еще не были выработаны новые принципы письма, поэтому начало генеральной переписи, преследовавшей задачи измерить весь земельный фонд и положить его в нормированные сохи, относится к более позднему времени. Уезды, где были писцы в 1550—1553 гг., через несколько лет были описаны вновь. Так, в Звенигороде писцы побывали в 1550 и 1558/59 гг., в Туле — в 1551/52 и 1558/59 гг. То же самое и в Серпухове, Галиче. Несколько раз в течение 50-х годов описывался Московский у.⁶⁶ Вторичная перепись с интервалом всего в несколько лет была бы не нужна, если бы уже в начале 50-х годов были выработаны те положения, которые впоследствии были использованы при сошной реформе.

Итак, генеральная перепись с применением большой нормированной сохи и с измерением пашни у всех социальных групп землевладельцев не могла начаться ранее середины 50-х годов. Но и после этого понадобилось

несколько лет, чтобы выработать и закрепить все ее основные конструктивные элементы. Так, например, качество земли стали повсеместно указывать лишь с 1558 г. Вероятно, этот год и следует считать началом третьей генеральной переписи, а ее наибольший размах приходится на 60-е годы.

Главным итогом реформы был переход от описания земель в вотчинных и черносошных владениях к ее *учету* во всех типах социальных владений. Появляется новый вид кадастров — «книги письма и меры». Но даже в самом конце 50-х годов принцип всеобщего учета земель проводился не везде. Так, сотная 1559/60 г. на костромские вотчины Ипатцкого монастыря производит впечатление «письма» 40-х годов. Недаром чуть ли не через год в Кострому был послан новый писец⁶⁷. Единицей учета пашни любой социальной принадлежности, за исключением дворцовой, была четверть. Четвертная пашня становится своего рода показателем «обязательства» землевладельца по отношению к правительству. Таким образом, в социально-политическом аспекте вотчинники приравнивались к помещикам и должны были впоследствии служить царю. Данный акт свидетельствует о дальнейшем укреплении самодержавия. Описывая все пахотные земли четвертью, правительство как бы подчеркивало их феодальную принадлежность царю. Десятина в качестве единицы измерения сохраняется лишь в дворцовых хозяйствах.

Крайне важное значение имеет тот факт, что правительство берет под свой контроль не только пахотные земли, но и вообще все угодья, имеющиеся на территории вотчинных и черных владений. Отныне в писцовых книгах указывается размер лугов (в копнах сена), леса (в десятинах и верстах), т. е. то, что в актах (купчих, меновных, данных и т. п.) обычно скрывалось под неопределенно-расплывчатой формулой: «куда соха, и коса, и топор ходили». Эта клаузула сложилась под действием обычного права при наличии больших массивов еще не окультуренных земель, когда границы имений определялись степенью разработанности своих и соседних угодий. Понятно, что подобная практика с увеличением плотности населения приводила к бесконечным спорам и судебным тяжбам.

Принципиально новым является не только сам факт строгого учета различных угодий (лесных, сенных и т. п.), что само по себе крайне важно, но и наступление на нормы обычного права, решительные действия, направленные к замене обычного права публично-правовым. Тем самым правительство закрепляло за собой полновластные полномочия единоличного распоряжения всей землей на территории страны. Отныне леса, луга, озера, места рыбных ловель, не записанные в писцовые книги за тем или иным владельцем, не могли быть использованы на основе обычного права. В многочисленных судебных спорах о земле во второй половине XVI в. решающим фактором всегда являлись данные, помещенные в писцовые книги.

Исследователи дружно подчеркивают необычайную важность факта введения в 50-х годах большой нормированной сохи. Однако в литературе высказываются прямо противоположные мнения о времени ее появления, размерах, о последствиях ее применения в писцовой практике. И. И. Смирнов писал, что введение большой московской сохи означало замену ею многочисленных и разнообразных местных «сошек»⁶⁸. Но замена местных сошек московской окладной единицей произошла еще в XV в. по мере роста и

усиления Русского централизованного государства. Другое дело, что на территории страны в отдельных областях существовали разные по размерам сохи, например, на Севере и Северо-Западе. Но подобные своеобразия не были уничтожены в середине XVI в. и сохранили свою силу почти на протяжении всего столетия. Значение реформы 50-х годов в сошном письме заключается не в распространении взамен местных московской сохи, а в том, что отныне для большинства уездов страны размер сохи был нормирован и зависел от двух факторов: качества земли и ее социальной принадлежности. В поместных и вотчинных хозяйствах отныне вводится соха, заключающая в себе 800 четей доброй земли, 1000 — средней, 1200 — худой. Как уже указывалось, 800-четвертная соха, вопреки бытующему мнению, возникла первоначально не в середине столетия, а при описании 40-х годов. В период проведения реформы регламентированная соха в поместьях и вотчинах появляется с середины 50-х годов. В 1555 г. владения серпуховских помещиков были описаны нормированной сохой. В 1561/62 г. дмитровские писцы в вотчинную соху клали 1200 четей худой земли⁶⁹. Историки единодушно связывают введение нормированной сохи с уложением 1555/56 г. о службе, согласно которому со 100 четвертей доброй земли должен быть выставлен конный воин в полном вооружении.

В литературе довольно прочно укоренилось мнение, что 800-четвертная соха употреблялась только при обложении служилых и светских вотчинных земель. Так, С. М. Каштанов, И. И. Смирнов считают, что при описании черных и дворцовых поселений в соху соответственно качеству земли клалось 500—600—700 четвертей. Однако в центральных регионах дворцовая соха по размерам всегда совпадает с поместной. Сохранился указ, датируемый примерно 1557 г., согласно которому дворцовая соха равна 800 четям доброй, 1000 — средней, 1200 — худой, 1300 — «добре худой» земли. Но вряд ли указ носил общегосударственный характер. Так, в Белозерском у. езовые дворцовые волости описаны 500-четвертной сохой (600 четей средней, 700 — худой)⁷⁰. В монастырскую же соху того же Белозерского у. положено в два раза меньше земли — 250 четей⁷¹. Что касается черносошных волостей, то имеются следующие данные о величине сохи: в Коломенском у. — 600 четей доброй земли, в Каргопольском у. — 480 четей худой земли, в Вымско-Вычегодском крае — 100 четей доброй, 125 — средней, 150 — худой⁷². Следовательно, размер сохи зависел и от сложившихся региональных традиций.

Для церковных владений была введена соха в 600 четвертей доброй земли, 700 — средней, 800 — худой. Более тяжелое обложение этого типа земель объясняется, по всей вероятности, тем, что их владельцы не поставляли посопный хлеб, как дворцовые села, и не несли службу в пользу царя, как помещики и вотчинники. Но в то же время нельзя отрицать и мнения, высказанного в литературе, что тут «можно видеть отклик и проявление антагонизма между служилым и монастырским землевладением»⁷³, а точнее, между самодержавием и церковью. Первое упоминание о нормированной 600-четвертной сохе на землях духовенства относится ко времени середины 50-х годов. Именно в эти годы серпуховской городской приказчик описал ряд земель, принадлежащих как Высоцкому монастырю, так и царю, часть из которых была роздана помещикам. Из приписки к описанию следует, что приказчик землю в сохи не клал. Это было сделано несколько

позднее. «А по государеву указу велено писцом поместных земель в сошное письмо писати добрые земли по 800 четей в соху, а середние земли по 1000 четей, худые земли по 1200 четей. А которая земля добре худа и безугодна, и тое земли по 1300 четей в соху. А монастырских земель велено писцом писати в сошное письмо добрые земли по 600 четей в соху, а середние земли по 700 четей, а худой по 800 четей в соху. А которая земля добре худа и безугодна... по 900 четей в соху. И дьякам Угриму Львову да Юрию Сидорову те земли... велети сметив в сошное письмо написать по тому государеву указу, как в сей выписи написано», что и было ими исполнено⁷⁴. Стилистика распоряжения о монастырской сохе и указа о дворцовой сохе одинакова.

Одновременно с все большим распространением на церковных землях 600-четвертной сохи мы встречаемся с прямо противоположной тенденцией: применением в монастырских владениях служилой 800-четвертной сохи (факт неизвестный в литературе). Касаясь крайне важных социально-экономических и политических противоречий, существовавших в XVI в. между правительством и духовенством, историки уделяли достаточное внимание анализу методов привлечения на свою сторону могущественных духовных корпораций. Однако данная проблема до настоящего времени решалась несколько односторонне. Центр внимания сосредоточен на изучении земельных пожалований и иммунитета. Но наряду с поощрением земельными дачами, иммунитетными льготами правительство располагало еще одним мощным рычагом экономического воздействия на церковников: увеличивая или уменьшая размер окладной единицы, оно тем самым меняло и тяжесть налогового обложения. Первое известие подобного плана датировано 1564 г.: муромские владения Симонова монастыря, взятого впоследствии в опричнину, описаны служилой сохой. В то же время при описании 1562 г. костромских земель того же монастыря употреблялась обычная 600-четвертная соха⁷⁵. По всей вероятности, правительство придерживалось в этот период практики, применяемой при выдаче жалованных грамот: привилегии не распространялись сразу на весь комплекс земель того или иного монастыря, а давались на отдельные владения.

В октябре 1572 г. на освященном соборе правительство добилося принятия крайне важного для себя постановления: «О монастырских вотчинах приговорили... в большие монастыри, где вотчины много, вперед вотчин не давати». Можно понять, что данное решение вряд ли пришлось по вкусу крупнейшим духовным корпорациям. В качестве компенсации, видимо, было решено при описании владений наиболее престижных монастырей в очень разоренных уездах приравнять их земли к землям служилых людей. От 1574 г. дошла сотная на московские владения Иосифо-Волоколамского монастыря, описанные служилой сохой. Описывая те же земли в 1585 г., писец применил 600-четвертную соху. Вместе с тем факт описания в 1574 г. земель Иосифо-Волоколамского монастыря служилой сохой нельзя объяснить только «разорением» Московского у. Рязанский край в эти годы был также опустошен, тем не менее поселения Богословского монастыря были положены в 600-четвертную соху^{75а}. Особым покровительством пользовалась Троице-Сергиевская корпорация. В 1598 г. в приказ Большого Прихода был направлен указ, согласно которому велено пашню Троице-Сергиева монастыря в Московском у. «положити в сошное письмо

против поместных земель». Далее следовал расчет: 800 четей доброй земли, 1000 — средней, 1200 — худой. Годом ранее такое же распоряжение было отдано относительно имений костромского Ипатцкого монастыря⁷⁶. На привилегированное положение могли претендовать и некоторые обители в пограничных районах. В 1584/85 г. поместной сохой были описаны владения белевского Спасского монастыря. При предшествующем его описании 1563/64 г. в соху было положено 800 четей плохой земли и 960 четей добре худой земли. От 80-х годов сохранилось еще одно известие о предоставлении льготы в посхоном описании. Оно касалось имений маленькой Андриановой пустыни в Пошехонье. При передаче ей дворцовых земель они не были «переосошены», т. е. сохранилась дворцовая соха, равная 640 дес. худой земли⁷⁷.

То обстоятельство, что применение служилой сохи в монастырских вотчинах усиливается в период 80-х годов, вполне закономерно. Правительству на соборах удалось добиться санкции о запрещении дальнейшего роста церковного землевладения и об отмене тарханов. Лишенные привычных привилегий, вынужденные платить и без того крайне высокие налоги с наиболее «утяжеленной» сохи, монастыри оказались в очень неблагоприятном положении среди других феодальных вотчинников. Необходимы были какие-то льготы крупным корпорациям в поощрение за поддержку правительственной линии. Нужны были льготы и мелким монастырям, которые «за скудостью» едва владели свое существование. Нуждались в протекции и пограничные обители, владения которых наиболее часто подвергались разорению врага. Кроме того, центральная власть была заинтересована в быстрейшем развитии земледелия в еще плохо обжитом крае. Для разрешения возникшей ситуации правительство использовало разные меры: от разрешения на приобретение новых земель до выдачи жалованных грамот, в том числе использовалась и служилая соха при описании монастырских имений.

Маневрирование с размерами монастырской сохи открывало перед правительством широкие возможности не только в сфере «поощрения», «жалования» монастырей, но и в области наказания неугодных обителей путем увеличения налогового обложения за счет дальнейшего сокращения числа четвертей в сохе. Видимо, с подобным случаем мы сталкиваемся на примере Спасо-Евфимиева монастыря. По описанию 1585/86 г. в Гороховцеком у. за монастырем числилось пашни паханной 75 четей, да перелогоу 126 четей, живущего $\frac{1}{8}$ сохи, в пусте $\frac{1}{6} + \frac{1}{24}$. О качестве земли мы узнаем из сопровождающих выписи документов, где неоднократно говорится, что «земля середняя», следовательно, в соху положено 600 четей средней земли вместо 700 четвертей. Отношения между царской властью и Спасо-Евфимиевым монастырем на протяжении второй половины XVI в., по свидетельству самих монахов, были достаточно напряженными⁷⁸.

В связи с введением повсеместного учета земли появляется необходимость в создании эквивалента, опираясь на который, можно было бы сопоставлять, соизмерять различные по достоинству земли. В делопроизводственной практике вырабатывается метод одабривания земель. 100 четвертям доброй земли соответствовало то же количество средней земли, увеличенное на 20 %, худой — на 50 %, перелога — на 100 %, т. е. соответственно 120 четей, 150 четей, 200 четей. Эти надбавки назывались наддачами.

На практике писцам приходилось совершать обратную операцию: имеющийся комплекс средней или худой земли приравнивать к доброй. Для этого из суммы четвертей вычитался результат, полученный от деления: для средних земель на 5, для плохих на 3.

Исследователи прочно связали метод одабривания с поместным землевладением. Как крайность можно расценивать мнение авторов «Русской метрологии» о том, что одабривание производилось только на служилых землях⁷⁹. Первые известия о нем связаны как раз с другими типами социальных владений. Уже Милюкову была известна послушная грамота 1552 г. по Переяславлю, согласно которой Федоровскому монастырю за отобранную у него площадь под слободку жаловались черные земли. Для сопоставления разных по качеству земель был применен метод одабривания⁸⁰. В 1555 г. в Серпуховском у. происходит размежевание спорных монастырских и царских владений, в результате чего часть земель была отписана у Высоцкого монастыря и роздана помещикам. Другой частью селений спорящие стороны обменялись. При этом опять-таки было применено одабривание, когда к доброй земле приравнивалась не только пашня, но и пустоши. В то же время помещики получили в оклад среднюю землю без одабривания. «И те деревни розданы детям боярским в поместье, а середняя земля дана без наддачи»⁸¹. Вероятнее всего, метод одабривания первоначально возник в дворцовом ведомстве как для нужд дворцового хозяйства, так и для урегулирования землевладельческих отношений с церковью. Впоследствии в связи с указом 1556 г. о службе, одабривание получило широкое и чуть ли не единственное распространение на поместных землях.

Трагические события 70-х годов (нашествие татар, неурожай, голод, страшная эпидемия) привели к демографическому спаду, к запустению посевных площадей. Количество пашенной земли, положенной в сохи, сократилось по отдельным уездам в несколько раз. Правительство, видимо, еще не осознав масштабы разорения, первоначально пытается использовать уже привычные, отработанные в течение десятилетий способы, а именно, предоставление на несколько лет льготы от уплаты государственных податей. В 1571/72 г. льготу на 5 лет получил серпуховский Высоцкий монастырь на 3500 четвертей пашни, что составляло почти 90 % всех его посевных площадей. Ряд льготных грамот в эти же годы оформляется Троице-Сергиевскому монастырю, в том числе на земли в Московском и Гороховецком уу. Монахи жалуются правительству, что подати «правят с пуста», «и с пуста на живущих крестьянах... правят, и от того де их достальные крестьянишки розбредлись». Не обойдена вниманием просьба о льготе Симонова монастыря⁸². Такие же льготные грамоты выдавались светским феодалам⁸³.

Одновременно правительство предпринимает «дозор» наиболее разоренных уездов, куда посылаются писцы с целью зафиксировать состояние посевных площадей, учесть размер запустения. Результатом их деятельности явились «книги писма и дозору», так называемые «дозорные книги», ранее в делопроизводственной практике не встречавшиеся. Одно из первых известий о подобном описании относится к 1570/71 г. в Юрьеве-Польском. Интересно, что термин «дозор», «дозорные книги» еще не выработался в применении к подобной ситуации, и документы описания именуются книгами «описи и досмотру»⁸⁴. В перечнях описаний, составленных Милюковым и Дьяконовым, числится около 25 уездов, куда на протяжении

1571—1575 гг. были отправлены дозорщики⁸⁵. Это Новгородский край, южные районы (Рязань, Серпухов, Оболенск), Нижегородский у. и большинство центральных уездов. Дозору подвергались также Двина и Белозерск, т. е. фактически описание прошло по всей стране.

Дозорные описания начала 70-х годов не имели, видимо, того публично-официального характера, который придавался генеральным переписям. Проводить дозор никогда не посылались «большие писцы». Характерно, что сохранился очень ограниченный круг документов, имеющих ссылку на дозоры первой половины 70-х годов. Это нельзя объяснить тем, что фактическое состояние, изложенное в них, быстро претерпело последующие изменения. Ссылки на переписи 40-х и 60-х годов мы встречаем в документах XVI в. и даже начала XVII в. Дозоры 1571—1573 гг. взаимосвязаны с увеличением выдачи льготных грамот по поводу запустения земель. Дозорщики фиксировали наличие заброшенной и жилой пашни в четвертях и долях сохи. Но не исключено, что это еще не являлось законным основанием для освобождения от уплаты податей с перелога. Дозор лишь предоставлял материал для оформления на его основе льготных грамот. Иначе трудно понять сам факт выдачи льготных грамот, если «пустота» изымалась из круга земель, подлежащих обложению тяглом. Здесь мы подходим к проблеме «жилого» и «пустого» в сошном письме.

Для всех исследователей не подлежит сомнению, что, во-первых, запустевшая пашня клалась всегда в сохи отдельно от «жилой», и во-вторых, что с «пустоты» никогда не взималось тягло. Наиболее четко данное положение сформулировано Веселовским: «Живущее это то, что должно платить налоги, а вся остальная часть служилого владения, вотчины или тяглого участка, за вычетом живущего, есть пустое. Пустое тягла не несет, а живущее числится живущим только до тех пор, пока обязано нести тягло. Высказанное кем-то в литературе предположение, что пустое сошное письмо несло, быть может, некоторые налоги, источниками совершенно не подтверждается. Если бы оно несло их, то по приказной терминологии перестало бы быть пустым и стало бы живущим»⁸⁶. Однако в сотных грамотах 60-х годов есть упоминания о пустошах, перелог, положенных в «живущие» сохи. При переписи 1561/62 г. Костромского у. в имениях ряда монастырей выявлен перелог и даже «перелог, лесом поросший». Это не помешало писцам включать пустоши в общее число сох, с которых монастыри обязаны были платить тягло. Еще более наглядно это видно по сотной 1569 г. на владения Иосифо-Волоколамского монастыря в Рузском у. В Локнышском стану было «пашни худые 860 четий да перелогу 470 четий, и обоего 1330 четий. А сошные пашни $1\frac{1}{2}\frac{1}{8}\frac{1}{32}$ »⁸⁷, т. е. «пустота» составляла $\frac{1}{3}$ земель и тем не менее была положена в сохи и облагалась тяглом. Стало быть, в 60-х годах перелог, если только на него не оформлялась льгота, входил в «живущие» сохи и с него взимались налоги. Данное установление сыграло роковую роль в годы начавшегося экономического кризиса, так как правительство далеко не сразу решилось отменить его, и те местности, которые и ранее находились в чрезвычайно напряженном налоговом режиме из-за уплаты тягла за пустоту, были буквально разорены в первые же годы разрухи.

В течение XV—первой половины XVI в. сложилась практика: в случае большого запустения селений, варниц и т. п. правительство давало льготу, чаще всего со сроком на 5 лет. В 1522 г. Симонов монастырь получил

жалованную льготную грамоту на села с деревнями в Московском у., которые «татарове выжгли и вывоевали и крестьян в полон вывели». Подобные акты сохранились в фондах многих монастырей⁸⁸. В начале 70-х годов царский синклит, не осознав масштабов разорения, пытался найти выход в привычном предоставлении «льготных лет». Льгота предоставлялась не только на запереложённые массивы, но и на целину. В 1571/72 г. в Веневском и Епифанском уу., не тронутых еще эпидемией чумы и оставшихся в стороне от гибельного пути Девлет-Гирея, шло испомещение дворян. В счет оклада, помимо пашни, представлялась также целина. В сошное письмо она не клалась: на ее освоение опять-таки предоставлялось несколько льготных лет, по прошествии которых, по замыслу правительства, она переходила в разряд окладных земель. Но в условиях быстро прогрессирующего кризиса льготные годы превратились в пустую формальность, так как «назвать крестьян» из обезлюдивших уездов было невозможно. Не позже 1573 г. материалы прошедших писцовых дозоров становятся основанием для официального признания сложившейся конъюнктуры. Отныне при описании всех уездов действующая пашня и перелог описываются сохами раздельно. Для засеянной земли писцы вводят новое понятие «пашня паханная».

Во второй половине 70-х годов, главным образом в 1576—1578 гг., проводятся новые описания по ряду уездов. Их перечень наводит на мысль, что писцы были посланы, вероятно, в наиболее разоренные районы. Вместе с тем в одних уездах составлялись «книги письма и меры», в других — «книги письма и дозору». К первой группе принадлежат: Волоцк, Коломна, Кострома, Рославль, Суздаль. Ко второй — Бежецкий Верх, Белозерск, Владимир, Нижний Новгород. Чем объяснить подобное различие, пока неизвестно. В некоторых случаях, когда перед нами позднейшие списки, возникшие в XVII в., можно предположить интерполяцию со стороны приказных чинов, которым по прошествии нескольких десятилетий и в связи с изменениями, происшедшими в системе сошного письма, было безразлично, как обозначить писцовую книгу XVI в. Но все сводить к безразличию подьячих XVII в. невозможно, хотя бы потому, что сохранились документы и XVI в.

В ряде уездов описание земель сопровождалось «отделом», испомещением служилых людей. Сведения об этом сохранились по Бежецкому Верху, Костроме, Казани, Москве. Нельзя упускать из виду и тот факт, что 1575—1584 гг. наполнены рядом драматических событий: отречение от престола Ивана IV и образования его «удела», передача Симеону Бекбулатовичу Тверского удела, существование в течение 1577—1584 гг. деления страны на двор и земщину. Бесспорно, что в ряде случаев такой «перебор» земель сопровождался писцовыми сошными работами. Калачовым опубликовано описание 1580 г. тверской вотчины Симеона Бекбулатовича.

В 80-х годах начинается новая генеральная перепись страны. В. И. Корецкий в приложении к своей книге привел перечень собранных им сведений об описаниях 80—90-х годов. Это единственный подобного рода список в советской историографии, который охватывает писцовые материалы на территории всей страны. Корецкий, как он пишет, не ставил перед собой задачи рассмотрения вопроса о составлении писцовых книг 80—90-х годов во всем объеме. Но составленный им перечень убедительно подтвердил

версию о проведении общей переписи не в 1592/93 г., как это считали С. Ф. Платонов и Б. Д. Греков, а в 80-х годах. Корецкий полагал, что перепись началась в 1581—1585 гг. с описания наиболее пострадавших от кризиса новгородских пятин⁸⁹. В настоящее время можно утверждать, что пятая валовая перепись началась не в 1581 г., а с 1584/85 г. После смерти Ивана Грозного его преемник Федор, вступивший на престол в период кульминации экономического кризиса, должен был начать с ревизии хозяйственного состояния земель. Что касается описания Северо-Запада, то это скорее продолжение письма конца 70-х годов. В первой же половине 80-х годов велись работы по описанию в Ярославле, Кашине, Твери, которые входили в состав дворовой территории Грозного. В 1580 г. дозорщики побывали и в Романове.

Генеральная перепись приходится в основном на 1585—1587 гг. Главной чертой этого описания становится необычайная точность подсчета количества земли. Применявшийся ранее метод описания пашни долями сохи (даже при их сложении или вычитании) давал число, лишь относительно соответствующее количеству четвертей. Всегда оставался «зазор», достигавший порой десятка четвертей в ту или иную сторону. Теперь каждая четверть была на учете и не должна была «ускользнуть» от финансового прессы. Поэтому, начиная с 80-х годов, при расчете сошного оклада писцы проявляют незаурядные математические способности для достижения высокой степени точности: «А сошного письма в живущем полполполтрети и полполполчети сохи. И перешло за сошным письмом пашни 2 чети без третника»⁹⁰, т. е. обложению подлежит не только соха, но и оставшиеся («перешедшие») за сошным письмом четверти, осмины. Но на основании этого считать, что в России XVI в. существовало поземельное обложение, вряд ли возможно, так как единицей обложения служит не столько земля, сколько условная единица — соха, в которой земля исчисляется в трех полях. Скорее, можно говорить об условно-поземельном обложении.

При описании 80-х годов писцам, видимо, был дан наказ охватить учетом весь имеющийся фонд ранее окультуренных земель. Большое внимание уделяется наезжей пашне. Чтобы поощрить распашку перелога и способствовать его возвращению в народнохозяйственный оборот, наезжая арендная крестьянская пашня описывалась «пустыми» сохами и обложению не подлежала. В литературе принято считать, что в 90-х годах обеляется барская запашка помещиков, исправно несущих государеву службу⁹¹. Вывод сделан на основании новгородских писцовых книг. Распространялось ли это положение на всю страну и с какого времени, неизвестно. По всей вероятности, в отдельных случаях этой льготой пользовались представители других слоев феодалов. В 1584/85 г. монастырская пашня пошехонской Андриановой пустыни была «в сошное письмо не положена»⁹². Тщательно описывались в сохах пустоши, перелог. В. И. Сергеевич считал описание пустошей и подсчет их в сохах «чистым рутинерством», а писца Тимофея Хлопова, описывавшего в 1584—1586 гг. Московский у., называл «величайшим рутинером». По его мнению, «класть в сошное письмо пустоту не было надобности», так как с пустоты никогда не платили⁹³. Но правительство должно было знать, какая часть земли и в каких уездах была запереложена. Пустующие земли раздавались в поместья и даже продавались в вотчину.

При проведении переписи второй половины 80-х годов опять-таки в части уездов составлялись «книги письма и меры», в других работали дозорщики и результатом их работы стали «книги письма и дозора». К первой группе относятся: Белев, Болхов, Гороховец, Зубцов, Кашин, Козельск, Москва, Старица, Суздаль, Торжок и некоторые другие. Большинство перечисленных уездов ранее входили в дворовую территорию Ивана IV. Во второй группе: Белозерск, Вологда, дворцовые волости Каширы, Нижний Новгород и др.

В заключение надо отметить, что перепись 90-х годов также существовала, но она носила не валовой характер. Описывались владения Троице-Сергиева монастыря и некоторых других крупных духовных корпораций. Известно, что перепись шла в Путивле, Вязьме, Костроме, Орле, Вологде, в Новгородском крае, Рязани и других районах, в большинстве которых преобладало поместное земледелие. Надо отметить крайне важную черту: при описании 90-х годов (начиная где-то с самого конца 80-х годов) наблюдается тенденция во владельческих хозяйствах описывать вытями не все селение, а каждый двор. Официально утверждается круговая порука: платежи ушедшего крестьянина должен был выплачивать мир. Перепись 90-х годов, действительно, прикрепляла крестьянина к земле.

В 1640/41 г. был издан указ, согласно которому для решения спорных земельных дел между новгородцами решающее значение придавалось книгам 80-х годов: «А по именному... Михаила Федоровича указу ... 149 году ... старым книгам верить не велено, а велено верить и дела делать по новым книгам [70]91 г. всех пятин»⁹⁴.

ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА И ВЫТНОЕ ПИСЬМО

Советские медиевисты, опираясь на марксистско-ленинскую методологию, поставили изучение проблемы эксплуатации крестьян на научную основу. В обобщающих историографических обзорах подведены итоги степени разработанности важнейших аспектов рентных отношений¹. В то же время историографы дружно отмечают необычайную полемичность в суждениях по ряду кардинальных вопросов, когда ученые высказывают диаметрально противоположные, исключающие друг друга мнения. Уже в течение нескольких десятилетий историки дискутируют о ходе эволюции барщины на протяжении XVI в. и ее удельном весе среди других типов ренты, о времени становления барщинной системы, о соотношении полевой пашни и десятинной, которую порой трактуют как особый вид издольщины. Подвергается сомнению и сам факт существования в первой половине XVI в. барского поля, отделенного от надельной крестьянской земли. Нет единства и в определении хронологической последовательности разных форм ренты: большинство исследователей считают, что барщина стала существенной составной частью системы эксплуатации лишь во второй половине XVI в., будучи в известной мере обусловлена резким возрастанием количества помещичьих хозяйств, при этом работа на господском поле часто характеризовалась как наиболее тяжелая крестьянская повинность по сравнению с другими.

Некоторые стороны проблемы угнетения крестьян вообще выпали из поля зрения исследователей или не получили должного развития: своеобразие форм эксплуатации разных социальных категорий земледельцев; характеристика окладных единиц, распространенных в центре; закономерности, обуславливавшие размер поборов. Такая ситуация, сложившаяся на одном из магистральных направлений исторической науки, объясняется прежде всего скудостью источниковедческой базы, а также широко применяемым иллюстративным методом доказательств. Однако следует подчеркнуть, что на определенном периоде развития исторических знаний подобный подход к источникам не только оправдан, но и закономерен.

Выход в свет коллективного труда ленинградских ученых, посвященного аграрной истории Северо-Западного региона второй половины XV—XVI в., ознаменовал новый этап в области исследования рентных отношений. В основу трехтомного издания положен метод сплошной статистической обработки всех сохранившихся писцовых книг, с одновременным использованием некоторых других видов документов. Помимо традиционно-исторических методов, авторы широко применили моделирование, корреляцию. Все это позволило получить ряд крайне важных параметров для характеристики аграрной истории феодализма. Большое внимание уделено анализу форм эксплуатации крестьян. В заключительных главах А. Л. Шапиро, подводя итоги обследованию новгородских пятин, пришел к выводу, что величина господской запашки в начале XVI в. невелика (14—17 %),

к середине столетия она увеличивается как в абсолютных, так и относительных размерах, в 70—80-х годах вновь снижается. В книге специально оговаривается, что из-за специфики кадастровых описаний нельзя выявить, холопы или крестьяне обрабатывали барскую пашню, тем не менее далее несколько неожиданно следует тезис об обременительности барщины для помещичьих крестьян. Рост господской запашки в 40—50-х годах ученый объясняет двумя причинами: увеличением числа поместий и помещиков, а также стремлением феодалов возместить сокращение поступлений от оброка. Колебания в величине и структуре натурально-денежной ренты связаны с ценами на хлеб: при их стабильности помещик вынужден был согласиться на уменьшение натуральных платежей, увеличивая денежную долю. В 1550-х годах хлебные цены значительно поднялись, и при таких обстоятельствах натуральная часть оброка росла быстрее денежной. В книге сформулирован тезис о произвольном обложении земледельцев феодалами².

Фундаментальный труд ленинградских ученых был по достоинству высоко оценен в печати. Вместе с тем рецензенты отметили некоторые серьезные источниковедческо-методические погрешности, которые поставили под сомнение отдельные конкретно-исторические выводы: например, по кругу вопросов, связанных с окладной единицей, урожайностью, учетом перелога³. Значительно обогатив историческую науку, трехтомник по аграрной истории Северо-Запада не смог, однако, существенно повлиять на полемику по поводу важнейших проблем рентных отношений XVI в. Одной из причин этого явилось своеобразие региона: занимая окраинное положение, Новгородско-Псковский край сравнительно поздно вошел в состав Русского централизованного государства и бесспорно сохранил следы прежних обычаев, традиций, в той или иной степени оказавших влияние на размер, форму ренты. Данное обстоятельство для конца XV—начала XVI в. оговорено авторами книги⁴. Кроме того, регион с резким преобладанием поместного землевладения (вотчины практически отсутствовали) подвергся во второй половине XVI в. разрушительному опустошению, запустению как в результате опричнины, Ливонской войны, так и ряда других причин.

В работах советских историков, посвященных изучению интенсивности эксплуатации владельческих крестьян XVI в., почти совсем не фигурируют такие сдерживающие факторы влияния на систему угнетения, как крестьянская община и обычное право. Поэтому столь важное значение имеет статья Л. В. Милова, который вышел за рамки традиционных форм полемики и попытался показать поэтапный процесс развития крепостничества в борьбе с земледельческой общиной маркового типа⁵.

По центральным уездам России, по существу, нет массовых источников, раскрывающих форму и степень угнетения крестьян. Разрозненные, чаще всего неполные сведения сохранились в уставных грамотах и некоторых других актах, в монастырских хозяйственных книгах, реже в писцовых материалах. При этом в документах обычно отсутствуют данные о количестве земледельческих дворов, поэтому статистические выкладки о величине повинностей в расчете на крестьянский двор практически невозможны. Но есть иной путь изучения эволюции эксплуатации земледельцев на протяжении XVI в., а именно анализ норм ренты, установленных для владельческих окладных единиц. Данный подход представляется тем более

закономерным, что в рассматриваемое столетие обложению официально подлежали не двор и не крестьянское хозяйство, а условно-поземельная мера: обжа, выть, сошка и т. п. (Речь идет об *окладных* повинностях.)

Влияние обычного права на формирование размеров выти и норм крестьянских повинностей

Окладной единицей для владельческой ренты в подавляющем большинстве уездов России XVI в. была выть. Однако особенности вытного обложения, размер выти, ареал ее распространения, а также нормы эксплуатации крестьян с выти, по существу, почти совершенно не изучены. Причина кроется не только в малочисленности и локальности источников, но и в необычайном разнообразии размеров выти и повинностей. Создается впечатление какого-то калейдоскопа случайных величин, абсолютно не взаимосвязанных друг с другом. Подобная точка зрения неоднократно высказывалась в литературе. И. Д. Беляев писал, что государство в отношении крестьян установило только время выхода и размер пожилого, все же остальные платежи были оставлены на усмотрение землевладельца. Величина выти соизмерялась не столько с количеством земли, сколько с силой земледельца. Это мнение было повторено А. С. Лаппо-Данилевским, считавшим, что выть «сливала субъект и объект налога» и что только в XVII в. выть стала иметь определенные размеры, да и то лишь в дворцовых селах и отчасти в черных волостях. «Вытное письмо сложилось скорее ввиду частнохозяйственных, а сошное — ввиду государственных целей». Ему возразил П. Н. Милоков, приведя несколько примеров нормированной выти, равной в XVI в. в зависимости от качества земли 5—6—7 десятинам или соответственно 10—12—14 четвертям⁶. Однако последующие историки вновь подчеркивают хаотичность размеров выти. Так, В. И. Сергеевич, правильно отметив, что между крестьянским наделом и вытью не было тождества, пишет, что размеры последней колебались от 6 до 1,5 дес. доброй земли. Черные земли, как правило, в выти не клались. В поместных землях выти встречаются редко. По существу, выть — специальная окладная единица. Что же касается размеров крестьянских повинностей с выти, то они определялись крестьянскими порядными, отсюда и столь большие различия в их составе и величине. Н. К. Никольский считал, что вытное письмо древнее сошного и постепенно вытесняется последним. Он приводит ряд примеров, когда та или иная местность не знала выти как окладной единицы, и в то же время в одной и той же вотчине выть могла заключать в себе от 3 до 10 дес.⁷

С. Б. Веселовский в своем капитальном труде высказал ряд крайне важных конструктивных соображений о мирских раскладах на выть, об условности вытного письма и т. п. Он выступил с резкой, порой не вполне оправданной критикой своих предшественников. Особое неприятие у Веселовского первоначально вызвало два постулата: о частнохозяйственном происхождении выти и о противопоставлении вытного письма сошному. Основные методические просчеты ученого, впрочем, как и некоторых вышеназванных историков, заключаются в следующем: 1. Изложение строится на документах как XVI, так и XVII в. При этом далеко не всегда

прослеживаются этапы эволюционного развития того или иного явления. 2. Отсутствуют четко очерченные границы и определяющие признаки предмета спора, в результате чего один вопрос подменяется другим. Так, тезис о возникновении выти в дворцовых хозяйствах опровергается на том основании, что она существовала также в черных волостях, в имениях служилых людей, монастырей. Но широкое распространение выти на землях разной социальной принадлежности отнюдь не исключает того факта, что она могла появиться вначале в княжеских вотчинах. В конечном итоге Веселовский принимает точку зрения о частнопроводном и частнохозяйственном происхождении выти, правда, как он утверждает, с существенными оговорками. Он пишет, что выть являлась прежде всего раскладочной и окладной единицей — мнение, которое до него высказывали историки и именно в этом смысле подчеркивали частнохозяйственное значение выти, так как с нее собирались главным образом частновладельческие поборы. Критикуя противопоставление сошного письма вытному, Веселовский делал упор на то, что в основе обоих описаний лежит четверть и что приемы писцов и в том, и в другом случае одинаковы. Но его предшественники обращали внимание на другие крайне важные стороны: соотношение разного качества земли в сохе равнялось 4 : 5 : 6, а в выти — 5 : 6 : 7 или же 6 : 7 : 8; сошное письмо служило прежде всего для сбора государственного тягла, вытное письмо — обычно для владельческих поборов⁸.

Несколько особняком стоит работа Н. А. Рожкова, который основное внимание уделял не вытному письму, а крестьянским повинностям. Что касается выти, то он считал, что она вплоть до середины XVI в. представляла собой крестьянский надел, «который мог обработать один рабочий на одной лошади, подобно новгородской обжа»⁹.

В советской историографии проблемы вытного письма почти не разрабатывались. Единственная статья на эту тему написана А. Л. Шапиро и посвящена переходу от повытной к повенечной системе обложения, и лишь косвенно затрагивает XVI в. По этой причине ряд постулатов, сформулированных автором и, возможно, правильных для XVII в., не приемлемы для предшествующего столетия. Так, Шапиро, отмечая неустойчивость размеров выти, пишет, что для сбора государственных податей был создан унифицированный вытный участок, который мы встречаем в книгах сошного письма XVI в.: 6, 7, 8 десятин¹⁰. Тогда как государственные налоги обычно взимались с сохи, а выть, даже унифицированная, служила в первую очередь для владельческих поборов. Вызывает сомнение широко трактуемое понятие «владельческая окладная единица» и несколько прямолинейно сформулированный тезис о том, что землевладельцы старались привести количество и качество надельной земли крестьян в соответствие с размерами выполняемых ими повинностей и т. п. Вместе с тем статья Шапиро сыграла значительную роль в историографии, и об ее актуальности свидетельствует тот факт, что к ней обращаются вплоть до настоящего времени (спустя четверть века после публикации).

Первоначальное значение выти, как указал еще В. И. Сергеевич, — часть, доля¹¹. Первое упоминание выти относится к 1434 г. В тексте докончания великого князя Василия II с галицкими князьями Дмитрием Шемякой и Дмитрием Красным Юрьевичами говорится о сборе денег «выхода» для Орды: «А галицкие ми выти не взяти в выход на три годы».

Согласно духовной грамоте 1433 г. их отца Юрия Дмитриевича, в русский «выход» в 7000 р. Галич вносил 525 р., и почти столько же Звенигород, принадлежащий также галицким князьям. Допустимо предположение о генетической связи термина «выть» с Галицким княжеством. Именно из тех мест дошли до нас три правые грамоты 60-х годов XV в., в тексте которых, отражающих обиходную речь спорящих сторон, встречается слово «выть». К этому же времени относится и льготная грамота 1459 г. владимирским крестьянам: «А что делали города Владимира, и они свою выть делают»¹². Это свидетельствует, что уже в начале второй половины XV в. данный термин получает широкое распространение в центральных областях Русского государства. В 1476 г. суздальский землевладелец дал своему брату «Григорьевского села свою выть, четверть». Здесь выть означает четвертую часть села. В 1483 г. тверской князь в жалованной грамоте Калязинскому монастырю предоставил право поставить монастырскую слободу и звать в нее людей «из зарубежья и из-за бояр здешних, а не с выти мое великого князя», т. е. не с дворцовых княжеских земель. Термин «выть» как синоним слова «часть» встречается на протяжении всего XVI и XVII вв. Так, в завещании 1546 г. Елизарий Табаков говорит о закладной кабале, оформленной на четырех братьев в восьми рублях. «И им свою выть, три нас заплатили, а кабала ся осталась... в двух рублях на брата нашего Ондreja». Он же передает в монастырь «свою вотчину свою вытку в трети селца Чюрилова». Во Владимирском у. при описании сц. Дубенки используется следующее словосочетание: «а в нем сошного письма осмая выть сохи», т. е. $\frac{1}{8}$ сохи^{12а}. Подобных примеров, где выть означала часть, долю, можно привести множество.

Одновременно во второй половине XV в. вытью в центральных уездах стали именовать участок земли, данный в надел крестьянину, который платил за это подати и исполнял повинности в пользу феодала. В судебных грамотах 1460-х годов вытью назывался надел, включавший в себя какое-то количество пашни и сенокосных угодий и передаваемый в ряде случаев по наследству¹³. Поэтому вскоре понятие «вытные люди» стало синонимом «тяглых людей», а под вытью стали понимать не только земельный надел, но и окладную единицу. В жалованной грамоте 1475/76 г. угличский князь разрешил Покровскому монастырю призывать в слободку людей из других княжеств или же «из моей отчины безвытных людей». «А тяглых монахов людей письменных и вытных в ту слободку им не принимати». В 1493 г. двум новопоселенцам на пустоши в Вологодском у. была предоставлена льгота: освобождение на 12 лет от основных платежей и «вытного розруба». От самого конца XV в. дошло первое известие о размере выти, равной пяти десятинам¹⁴. Нормированная выть становится официальной поземельной единицей вначале в дворцовых великокняжеских хозяйствах, затем в течение XVI в. распространяется и на другие типы социальных владений.

На величину, структуру выти и нормы эксплуатации с нее несомненное воздействие оказало обычное право в том значении, о котором пишет В. А. Александров: старинная неписаная традиция, особенно сильно проявлявшаяся в докапиталистическом обществе. Правоотношения, составлявшие обычное право, могли иметь типологически весьма разное и сложное происхождение — собственно устоявшийся обычай, прецедент (бытовой, хозяйственный и т. п.), трансформированная норма закона и т. д. Алек-

сандров подчеркивает, что роль обычая сводилась не только к роли регулятора экономических и гражданских отношений: обычное право было опорой социальных групп феодального общества в борьбе за удовлетворение своих жизненных интересов¹⁵. В литературе до настоящего времени не было предпринято попытки обосновать существование какой-либо общей закономерности, обуславливающей в ряде случаев нормы хотя бы некоторых сеньориальных повинностей. Не ставился вопрос и о том, влияло ли неписаное обычное право на величину ренты, а если да, то в какой форме и мере.

Тяжесть эксплуатации крестьян (без учета внеэкономического фактора) зависела как от размеров окладной единицы (обратно пропорциональная связь), так и от величины взимаемых с нее поборов и исполняемых повинностей (прямо пропорциональная связь). Обе эти величины на протяжении XV—XVI вв. претерпели значительную эволюцию. Их размеры в какой-то мере обуславливались сложившейся практикой, действующими в данной местности нормами обычного права. Трудно допустить, что в условиях существования потенции свободного перехода крестьян каждый феодал произвольно устанавливал величину поборов.

В древнерусских княжествах, как и в других государствах, широкое распространение имел счет на «пятки». Пятеричная система счисления была положена в основу «абака» — наглядно-механического приспособления для выполнения арифметических подсчетов и состоящего из разлинованного «поля» и передвигаемых по нему, согласно особым правилам, косточек от слив, вишен или камушек. «Поле» (доска, столешница, земля и т. п.) делилось вертикальной чертой на две части: правая сторона для единиц, левая — для «пятков», впоследствии — для десятков. Поперечные черты отделяли разряды чисел¹⁶. Известно, что числа в Древней Руси записывались буквами или словами, поэтому подсчеты в форме «столбика», как это практикуется сейчас, были невозможны. На помощь приходил абак. Причем совсем необязательно было класть на него десятки или сотни единиц. Достаточно было положить на соответствующее данным разрядам поле одну единицу (косточку, камушек или же деньги). В свою очередь, плодовые косточки в зависимости от размера могли означать деньги (или вес) разного достоинства. Например, вишневая косточка — алтын, сливовая — гривна или рубль. Пять единиц составляли нечто целое, следующий разряд, т. е. число-совокупность. В то же время единственное наглядно доступное деление при пятеричной системе было возможно на пять, отсюда широкое бытование при различных расчетах нормы «на пять шестой». Благодаря своей простоте, наглядности пятеричный абак, как и сама пятеричная система счисления, должен был получить широкое применение с ростом частноправовых операций и, без сомнения, повлиял на некоторые производные величины, в частности на размер ряда платежей. В то же время вырабатывался своеобразный стереотип восприятия, в результате которого почти любую величину, любое целое можно было представить состоящей из пяти частей, что позволяло производить те или иные расчеты.

Одно из первых упоминаний о внимании пятой части находится в Пространной редакции Русской Правды, многие нормы которой легли в основу обычного права последующих веков. В уставе Мономаха нормальным размером ростовщического процента считалось следующее соотношение: «по 10 кун от лета на гривну» (ст. 53). Согласно расчетам Л. В. Черепнина,

1 гривна в Пространной Правде соответствовала 50 кунам¹⁷, т. е. обычный «рост» по «Уставу» равнялся 20 %. В таком же соотношении взыскивались некоторые платежи. Так, величина основной денежной пошлины, идущей в пользу вирника при взимании им штрафа в размере 40 гривен, равнялась 8 гривнам, а при штрафе в 80 гривен — 16 гривнам (ст. 9, 10). Низший судебный чин («котрок») получал пошлины также из расчета пятой части: со штрафа в 12 гривен ему шло 2 гривны 20 кун (ст. 74). Следует отметить, что в Краткой Правде величина пошлины, взимаемая вирником, была иная. Пятеричная система оказала влияние и на величину некоторых штрафов, вознаграждений и даже на ценообразование. Так, поймавший чужого беглого холопа получал 1 гривну при том, что холоп оценивался в 5 гривен. Раба в те времена ценилась выше. Ее денежный эквивалент образовался путем увеличения стоимости холопа на пятую часть, т. е. цена рабы равнялась 6 гривнам (ст. 16, 112, 113). Стало быть, не позднее XII в. складывается традиция, обычай — при кредитных операциях, некоторых платежах в пользу представителей княжеской администрации, при вычислении штрафов, вознаграждений брать за основу пятую часть от основной суммы.

Соотношение «на пять шестой» прочно вошло в практику обычного права и продолжало действовать в последующие столетия. В заемных и служилых кабалах второй половины XV—начала XVI в. и даже в некоторых закладных кабалах этого же времени присутствует следующая клаузула: «А на серебро давати нам рост по рошету, как идет в людех, на пять шестой» или «А не похочю у него работать до сроку, а мне ему деньги его дать все и с ростом по росчету, как дают, на пять шестой». Характерно, что 20-процентная норма «роста» сопровождается словами: «как идет в людех», «как дают», что свидетельствует о ее широком распространении. Ни в одной из дошедших до нас кабал другая величина «роста» не встречается. Показательно и то, что почти в половине дошедших до нас кабал сумма займа кратна пяти: 500, 300, 120, 50, 25, 10 р., 100 денег. В других случаях кратность пяти легко достигалась путем перевода рублей (1, 2, 3, 4, 8 р.) в гривны (в 1 р. — 10 гривен). Такое же соотношение, правда, значительно позже, встречается и при займе хлеба в северных районах. В 1568 г. крестьянин занял у монастыря четыре четверти ржи «без наспа». «А поляжет хлеб по сроке, ино дать на пять шестой», т. е. в случае неуплаты в срок ссуды полагалось давать «насп» из расчета «на пять шестой»¹⁸.

Традиционный обычай взимания «на пять шестой» мог и должен был оказывать какое-то влияние на формирование некоторых норм крестьянских платежей, повинностей в Северо-Восточной Руси XV в. В грамоте великого князя Василия Дмитриевича и митрополита Киприяна, относящейся к рубежу XIV—XV вв., устанавливалась юрисдикция митрополичьих владений и порядок сбора с них дани «в выход». «А ям по старине шестый день»¹⁹. Из текста неясно, о каком шестом дне идет речь. Но в качестве рабочей гипотезы (одной среди возможных других) не исключено, что имелся в виду один день в неделю, т. е. один из шести рабочих дней (не считая воскресенья) или же каждый шестой день, в том числе и воскресенье. В любом случае перед нами своеобразная модификация все того же старинного принципа «на пять шестой»: пять дней крестьяне работают «на себя» и митрополита, шестой день — на великого князя. Конечно, это

не значит, что все крестьяне еженедельно исполняли ямскую повинность. Внутри митрополичьих сел, по всей вероятности, существовала очередность. Но сама митрополичья вотчина выступала относительно великого князя как нечто целое и была обязана «по старине» обеспечивать людьми и лошадьми «шестой день» на яме. В Торопецкой писцовой книге 1540 г. зафиксировано положение, согласно которому крестьяне за пользование озерами, принадлежащими монастырю, попам, дьякону, давали духовенству одинаковый оброк: шестую рыбу. «А дают те озера ловцом ловити из шестые рыбы: ловцом пять рыб, а им шестая рыба»²⁰. В широко известной митрополичьей грамоте (1496—1510 гг.) владимирскому Царево-Константиновскому монастырю указывалось, что земледелец за свой надел должен был обрабатывать на феодала дополнительный участок, равный пятой части своей пашни. «Да дал бы еси христианом в тех селех в всех трех полах по пяти десятин, а на монастырь бы еси указал им пахать шестую десятину. А будет земли обильно, а кому будет земли надобе боле того, и он бы по тому же пахал и монастырскую пашню — шестой жеребей. А кому не будет силы пахать пяти десятин, и он бы по тому пахал и монастырскую пашню и всякое дело делал по своей пашне». Перед нами нормированное соотношение из расчета «на пять шестой» между наделом и величиной барщины. Примечательно, что в конце XIV в. в этом же монастыре роль барщины среди других отработочных повинностей невелика. Вся монастырская пашня пахалась «взгоном», т. е. какого-то фиксированного размера отработок на барском поле для крестьянского дворохозяйства не существовало. Иначе обстояло дело в 1391 г. с сенокосением: «а сено косити десятинами и в двор ввести». Вероятно, сенокосная повинность раскладывалась между крестьянами соответственно величине надела, числу десятин в нем²¹.

Традиции обычного права «на пять шестой» в применении к норме барщины относительно величины надела можно обнаружить еще в одном документе конца XV в. В описании 1498/99 г. великокняжеских Симизинских сел Владимирского у. (сельцо Чокowo, сельцо Железово) сказано: «А положено христианину по пять десятин в выть». Вытей в обоих селах было 26,5. Тут же находилась княжеская пашня, отданная к моменту описания крестьянам на оброк. Ее размеры (27 дес. в поле) позволяют предполагать, что до отмены барщины крестьяне обрабатывали 1 дес. барского поля на выть (2 дес. в двух полях)²². Несмотря на кажущееся чуть ли не полное тождество с указной грамотой Царево-Константиновскому монастырю, между содержанием этих двух документов существует серьезное различие. В монастырской вотчине крестьянские повинности соизмерялись сообразно величине надела, хотя налицо тенденция к его унификации («поравнению»), к установлению пятидесятинной нормы надела в качестве основы. Тем не менее в грамоте предусмотрены случаи, когда надел был больше пяти десятин или, наоборот, меньше. Во всех ситуациях принцип распределения отработочных повинностей для крестьян один — «по своей пашне», т. е. по ее количеству из расчета «на пять шестой». В великокняжеских селах выть впервые становится *нормированной* окладной единицей, которая отнюдь не тождественна фактическому крестьянскому наделу. В Чокowe было крестьянской пашни 97 дес. в поле, вытей 19 1/2, дворов 14. Итого: 6,9 дес. в поле на двор. В Железове крестьянской пашни

было 36 дес. в поле, вытей 7, крестьянских дворов 9, т. е. 4 дес. на двор. Правда, оба селъца были расположены вблизи друг от друга. Об этом свидетельствуют размеры бывшего княжеского поля, которое обрабатывалось крестьянами обоих сел. Поэтому допустимо предположение, что наделная земля дворохозяина могла располагаться в обоих селениях сразу. Случаи, когда третье поле (а иногда и часть второго) были удалены от основного массива посевов, — достаточно обыденная вещь. При такой ситуации среднестатистический уравниненный надел составлял 5,78 дес. на двор. Если же раскладку пахотной земли сделать с учетом в селъце Железово поповского двора, то итог будет — 5,5 дес. на двор. Но обычно надел священника не входил в крестьянскую пашню. В рассматриваемом документе сенокосные угодья попа выделены отдельно. Размер же его пашни, видимо, случайно опущен, как и итоговый подсчет дворов по селъцу Железово. Перед нами поздняя копия документа, когда великокняжеские села, по всей вероятности, перешли во владение митрополита. Таким образом, выть и надел перестают быть взаимозаменяемыми понятиями. Если бы выть в Симизинских селах играла роль «поравненного» пятидесятинного надела, то общее число вытей должно было бы быть равным количеству крестьянских хозяйств, крестьянских дворов — 23 вытям, а не 26,5 вытям, как указано в источнике. В то же время налицо генетическая связь выти с наделом. Величина выти достаточно близка к размерам надела: 26,5 выти приходится на 23 крестьянских двора, т. е. 1,15 выти на двор.

Описание Симизинских сел 1498/99 г. позволяет остановиться еще на одной крайне важной проблеме. В исторической литературе неоднократно высказывалась мысль, что в конце XV—XVI в. барское поле не было обособлено от крестьянского надела, поэтому имеет место не барщина, а издольщина: земледelec пахал на барина шестую десятину своего земельного участка. Ситуация в Симизинских селах иная. В селъце Чоково было 19½ вытей, следовательно, и княжеское поле должно было занимать 19,5 дес. На самом деле его величина равнялась 16 дес. В селъце Железово обратная картина: вытей 7, бывшего княжеского поля 11 дес. Княжеское поле было отделено от крестьянских наделов.

Появление окладной нормированной единицы, не тождественной крестьянскому наделу, знаменует начало нового этапа в эксплуатации крестьян. С образованием Русского централизованного государства в связи с бурным ростом поместной системы необходима была более единообразная система эксплуатации, ориентированная на какие-то равные нормированные окладные единицы. Выть — это не столько определенная земельная площадь (в десятинах или четвертях), сколько *единица исчисления крестьянских повинностей* в пользу сеньора. Унифицированная окладная единица, не зависящая от реальной крестьянской запашки, должна была стать своеобразным гарантом определенного уровня владельческой ренты. Объем доходов в конечном итоге зависел от числа вытей в имении. Правительство, наделая служилых людей определенным земельным окладом, заранее могло судить о примерном уровне их «прожиточности» и тем самым в какой-то мере и об их боеспособности. Необходимость нивелирующего рентные отношения фактора заставила правительство пойти по пути «поравненных» наделов для каждого крестьянского хозяйства вне зависимости от того, какая *реальная* часть крестьянской земли была обработана. Термином

«пашня» в официальных документах обозначался комплекс окультуренных земель, часть которых периодически запускалась в перелог (помимо парового поля), т. е. бывало «блуждающее трехполье». Вполне возможно, что, по мысли царского синклита, унифицированная окладная единица должна была создать стимул для максимальной распашки, освоения земель, входивших в выть. Но вместе с тем отныне облагалась не единица хозяйства, а условная «единица» держания.

В выти сначала были положены земледельческие хозяйства. Поселения рыболовов, бобровников, бортников, а также оброчные деревни, платящие денежную ренту, были описаны вытиями несколько позднее.

На величину выти и норму повинности с нее на первоначальном этапе оказала влияние все та же широко бытовавшая традиция расчетов: «на пять шестой». В правосознании древнерусского крестьянства достаточно прочно укоренилось представление, что обрабатываемый им надел — это как бы его собственность, доходами с которой он вправе распоряжаться единолично. Взамен он должен обработать какую-то часть господской земли, прибыль с которой поступала сеньору. Таким образом, согласно его идеалистическому мировоззрению доход господину шел не с надела, а с дополнительной господской земли. Класс феодалов в лице правительства при введении выти в качестве окладной единицы стремился (или был вынужден) сохранить сложившийся стереотип восприятия распределения доходов между крестьянином и господином. На выть клалось пять десятин в одном поле (это как бы крестьянская земля, крестьянский надел) + дополнительная десятина (2 дес. в двух полях), которые в качестве своеобразной платы за надел обрабатывались на сеньора. «А положено на выть пашни по шесть десятин и с тою десятиною, что им дана для посопного хлеба». «А положено на выть добрые земли по шесть десятин и с тою десятиною, которая дана пахати для посопного хлеба». Показательно, что при фиксации натуральной и денежной ренты в конце XV — первой половине XVI в. она указывалась не на надел или выть, а лишь на «дополнительную» десятину. Угличский и звенигородский князь Андрей Васильевич повелел в 1490 г. игуменам Савво-Сторожевского монастыря взимать с монастырских сел «за дань и за все пошлины с десятины по пяти алтын, да по десяти гривенок масла, да по два сыра, да по овчине». Доход посельскому зафиксирован по тому же обычаю: «с десятины по две денги на праздник». В Долговой книге 1532 г. Иосифо-Волоколамского монастыря помещена роспись оброков, взимаемых с десятины (дополнительной). «В Спаском — пол 30 вытей . . . з десятины по чети. . . по шесть гривенок масла, по 50 яиц, за овчину по три деньги, нити, осмина пшеницы, осмина конопель, по две братины сметаны, по алтыну за довод и за явку». С десятины же шли пошлины посельскому на три праздника. «В Гаврилове: з десятины по четыре алтына, по три деньги за овчину, по братине сметаны». Не зная этой особенности обложения, может создаться впечатление, что эти поборы взимались с каждой десятины крестьянского надела. Несомненным доказательством того факта, что при нормировании натуральной и денежной ренты «с десятины» под последней подразумевалась выть, является роспись оброка с тяглых деревень Краснохолмского монастыря 1564/65 г. (Бежецкий Верх). В вотчине монастыря было 208 $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{4}$ выти. Количество дохода с выти равно доходу «с десятины». «Да с тех жо с тяглых деревень доходу по осмине хмелю з десятины да по четверти жита

да по 50 яиц да по восемь гривенок масла. И всего хмелю на год поидет 104 четверти с полуосминою и с четвериком, да ячмени 208 четвертей 1½ осмины, да яиц 10 437, а масла 1670 гривенок. По холсту з десятины, а не люб холст ино пять денег, а всех 208 холстов и полхолста и четверть холста». В 1533/34 г. В. С. Племянников передал в Троице-Сергиев монастырь свою вотчину, деревню в Московском у., положенную в две выти. Из текста грамоты выясняется, что в деревне проживало три семьи. Одна из них «сидела» на десятине, две других — на полудесятине. В данном случае указан не размер надельной земли, а раскладка сеньориальной ренты в деревне²³.

Стереотип восприятия, согласно которому обложению подлежал не сам крестьянский надел, а дополнительная к наделу господская земля, обрабатываемая трудом земледельца, вытесняется под воздействием новых нормативов. Размер натуральных и денежных поборов был строго регламентирован. При неурожае, эпизоотиях, всевозможных природно-климатических и социальных бедствиях крестьянин, чтобы выполнить положенный на него оброк, должен был затрачивать какую-то часть, а то и весь урожай с «надельных» десятин. Фактически рента всегда взималась *со всего крестьянского надела*, а не с какой-то дополнительной господской десятины. Очень скоро правительство в своих дворцовых селах, а феодалы в своих имениях стали устанавливать размеры выти без дополнительной шестой десятины. Известную роль в «размывании» прежней структуры и размера выти сыграла реформа кадастровых описаний 50-х—начала 60-х годов, когда в окладные единицы стали класть разное количество земли в зависимости от ее качества. Теперь на выть приходилось 6 десятин доброй, 7 — средней, 8 — худой пашни, или 12—14—16 четвертей.

Пятидесятинная выть (в пересчете на «добрую» землю) во второй половине XVI в. существует не только в промысловых селениях, платящих оброк рыбой, медом, несущих груз всевозможных отработочных повинностей (строительство, повоз, устройство езов и т. д.), но и в селах, обязанных поставлять хлеб. Вполне вероятно, что в первую очередь это коснулось областей, которые позже вошли в состав Российского государства и поэтому в них принцип расчета «на пять шестой» не имел статуса традиции, освященной «стариной». Таковы были северные уезды, входившие ранее в состав Новгородской республики, Каргополь, Вага.

С усилением самодержавной власти правительство закрепляет за собой право единоличного распоряжения всей землей на территории страны. Унифицированная нормированная выть, сложившаяся и применяемая в дворцовых и поместных землях, начинает принудительно распространяться и на другие социальные типы владений, и в первую очередь на черные волости. Поводом для этого послужила отмена кормлений (1556—1561 гг.) и передача власти на местах органам земского самоуправления, в связи с чем вводился новый налог «наместничий откуп», собираемый не с сохи, а с более мелких окладных единиц. Отсюда необходимость их единообразия. В 1561/62 г. черные земли Каргопольского у. «описывал оброком за наместничий откуп» Н. Г. Яхонтов. «А положено в обжу доброй земли по 10 четвертей, а средней земли по 12 четвертей, а худые земли по 14 четвертей, а сена по 30 копен». Лишь в двух административных черных округах этого уезда в обжу клалось худой земли не 14, а 16 четей. Такая же реформа была

проведена и в ряде других северных уездах, в том числе в Важском^{24—25}. Совсем иначе описывались черные земли центральных уездов, где размеры выти сложились под воздействием традиционного расчета «на пять шестой». От 1561/62 г. дошла сотная грамота на черную волость Высокое в Коломенском у. В литературе утвердилось прочное мнение об отсутствии здесь нормированной выти. Действительно, на первый взгляд количество пашни и число вытей не находятся в строгой взаимосвязи. Однако, это происходит потому, что, вводя жесткую регламентацию вытных нормативов, правительство в случае недостатка сенокосных угодий (как и на севере, это те же 30 копен на выть) предоставляло пашенную землю из расчета за 10 копен — 1 четверть в одном поле, т. е. 1,5 десятины в трех полях. Если вычесть эту «сенокосную» землю из общего количества посевных площадей, то получается, что на выть клалось 14 четвертей средней, 16 четвертей худой и 20 четвертей «добре худой» земли. Шестидесятинная же выть была введена в Богаевской черной волости Владимирского у.²⁶

В начале 80-х годов правительство предпринимает следующий шаг по пути унификации мелких окладных единиц, пытаясь установить десяти-четвертной размер обжи в поместьях Новгородского края. Обжа ранее не имела строго нормированного размера. Писцы, отправлявшиеся в новгородские пятины «по приговору бояр князя Федора Михайловича Трубецкого с товарищи да думных дворян да дьяков... писали по 10 чети на обжу». Таких же размеров обжа вводилась в Заонежских пятинах, ранее бывших на статусе «чернокунных». Унификация окладных единиц коснулась и Двины, но унифицировалась не обжа, а сошка, состоящая из 3 обжей. Возможно потому, что сошка была более крупной единицей, чем просто обжа, ее приравнивали 12 четям доброй, 14 средней, 16 худой земли, т. е., сохранив старое название, правительство по существу заменило сошку все той же шестидесятинной вытью²⁷.

Пятидесятичная выть без дополнительной господской десятины встречается и в центральных уездах. В 60-х годах в Костромском у. крестьяне одного из хозяйств были переведены с барщины на натуральную ренту. Однако господская пашня (состоящая из «дополнительных» десятин) не раздается в надбавку к пятидесятичной выти для посопного хлеба. Барское поле разбивается на новые выти для призвания новых тяглецов. Посопный хлеб с пятидесятичной выти платят в 70—90-х годах дворцовые села в Муромском и Нижегородском уу. Пятидесятичная выть фигурирует в описании 1592—1594 гг. владений Троице-Сергиева монастыря в Кашинском, Дмитровском, Казанском, Свияжском уу.²⁸

Исчезновение декларативно-дополнительной десятины из окладной единицы, замена шестидесятинной выти пятидесятичной при сохранении тех же размеров ренты означали следующий шаг по пути усиления эксплуатации крестьянства (в расчете на окладную единицу). Крайне важно и то, что из социального сознания постепенно исчезло представление, что обложению подлежал не сам надел, а дополнительная господская земля. Ранее работа на феодала была как бы отделена от собственного крестьянского хозяйства в пространстве и времени, хотя бы в плане психологическом. Теперь такая грань исчезла.

Таким образом, мы проследили, как широко бытовавшая норма обычного права «на пять шестой» на первоначальном этапе формирования окладной

единицы оказала воздействие на ее величину и структуру и как в течение XVI в. под влиянием изменившихся социально-политических условий выть утратила эти архаичные признаки. Но надо отметить следующее: даже первоначально норма эксплуатации с выти только формально соответствовала соотношению «на пять шестой». Вплоть до 70-х годов XVI в. фискальное описание не отделяло перелог от пашни. В состав пятидесятинного надела выти входили не только посевные площади, но и заброшенные выпашанные земли. Н. А. Горская и Л. В. Милов, по-видимому, правы, предполагая, что посев зерна не охватывал все земли, положенные в новгородскую обжу²⁹. То же можно сказать и о выти. 10 дес. (20 четвертей) в двух полях вряд ли было под силу обрабатывать каждому крестьянскому хозяйству. Норматив 5 дес. крестьянской земли в одном поле на выть отнюдь не означал, что все 10 дес. (в двух полях) были засеяны. Реальная площадь обрабатываемого в каждый данный момент крестьянского надела была значительно меньше, но распахать, засеять господскую десятину надо было полностью. Класс феодалов, используя традиционно привычную форму расчета «на пять шестой», в действительности ужесточил эксплуатацию. Во второй половине XVI в., как правило, на одной выти сидело несколько крестьянских семей. Наиболее часто встречающаяся норма вытного описания на крестьянский двор в 80—90-х годах XVI в. составляет $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{8}$ выти. Такие дробные части выти к концу столетия не рассматривались как компоненты универсальной единицы держания, а как особые держания. Перед феодалом открывалась возможность присваивать прибавочный труд нескольких крестьянских семей, что, в свою очередь, позволяло реально увеличить размер ренты на выть.

Итак, на протяжении второй половины XVI в. был предпринят ряд мероприятий по унификации мелких окладных единиц как на черных, так и на частновладельческих землях. Однако полного единообразия не было достигнуто: на практике величина владельческих окладных единиц достаточно сильно колебалась. В ряде случаев само правительство допускало всевозможные отступления от выработанной системы. Примером может служить мордовская выть, первые сведения о которой относятся лишь к 90-м годам XVI в. По количеству земли она вдвое превышала русскую выть: 10 дес. доброй земли. В некоторых местностях появление выти также датируется концом века. В Белозерском у. в 90-х годах в вотчине Троице-Сергиевого монастыря «вытей в селе Танищах с деревнями по крестьянской сказке преж сего не бывало, и вытей не знают». Такая же картина наблюдается и в другом троицком владении, расположенном в самом центре государства — в Московском у.: «А в выти у них волость Вохна не положена, складывают деньгами»³⁰. Но подобные явления, вероятно, достаточно редки и объясняются своеобразием края или его принадлежности. Так, ранее Вохна входила в удел князя Владимира Андреевича, где были, видимо, другие принципы обложения.

Перейдем к рассмотрению норм собственно ренты. В документах XVI в. неоднократно повторяется, что повинности исполнялись «по старине», «по старому», согласно чему ни величина ренты, ни ее формы вроде бы не должны меняться. Действительно, обнаружен ряд случаев, когда на протяжении нескольких десятилетий размер основных повинностей стабилен. Особенно интересна ситуация с волостью Высокой Коломенского у., социаль-

ный статус которой изменился, а величина платежей осталась прежней. В 1560/61 г. она была черносошной и платила по 1 р. с выти за «наместничий окуп». В 1586 г. Высокое вошло в состав владений Чудова монастыря. «Наместничий окуп» превратился в сеньориальную ренту, взимаемую в том же размере: 1 р. с выти. Такая же ситуация сложилась при переходе дворцовых земель Казанского и Свияжского уу. помещикам: норма барщины осталась прежней³¹. Размер и характер повинностей был своего рода обычаем, что сдерживало до какой-то степени увеличение размеров старых широко бытовавших форм владельческой ренты. Но главное было, конечно, в том, что XVI век — время стремительного роста государственных форм эксплуатации.

Традиционными видами владельческой ренты, бытовавшими еще в XV в., были отработочная повинность, куда входила и барщина, а также оброк натурой. Выше уже говорилось, что нормы барщины в конце XV в. складывались с учетом традиции обычного права «на вять шестой». Так было в Царево-Константиновском монастыре, когда на 5 десятин наделной земли полагалось распахать ~~шестую~~ ~~десятину~~ барского поля или по тому же расчету, если величина надела была больше или меньше. С появлением или распространением окладной единицы «выти» шестая десятина становится нормой барщины с выти. Именно такой норматив мы встречаем в дворцовых владениях Владимирского у. (конец XV в.), Волоцкого у. (1543/44), Свияжского и Казанского уу. (1562/63). «С выти по десятине» пашут крестьяне в хозяйствах Краснохолмского монастыря (1564/65), казанского и свияжского духовенства (60-е годы), светского вотчинника Коломенского у. (50—60-е годы)³².

Таким образом, вытный расклад, ставший на какое-то время традиционным нормативом, обуславливал величину барского поля, обрабатываемого руками крестьян. Его размер в первой половине XVI в. не должен был теоретически превышать 16,6 % всей пахотной земли в хозяйственно-административном комплексе или 20 % при пятидесятиной выти. Конечно, на практике при отсутствии точных критериев измерения земли такое буквальное соотношение вряд ли реально, за исключением некоторых дворцовых сел. Возможны были колебания в ту или иную сторону. В действительности же доля господского поля в ряде случаев превышала верхнюю грань. На Новодевичий монастырь распахивалось в 1567/68 г. в Рузском у. 17,5 % всех посевных площадей, что достаточно близко к вычисленному пределу. Но в Звенигородском у. в 1558/59 г. барская пашня того же монастыря занимала 21 %. В троицком селе Паникарове Ростовского у. крестьяне на монастырь распахивали 20 % окультуренных земель. Еще более разнообразные цифры встречаются в имениях светских феодалов. По писцовой книге 1558/59 г. Звенигородского у. в вотчинах кн. И. М. Шуйского и Н. З. Сатина относительные размеры господской пашни достигали 27—28 %, хотя у первого все посевные площади составляли около 150 дес., а у другого только 44 дес. У малоземельных братьев Хвошинских барское поле занимало 21 %, а в громадных княжеских вотчинах, принадлежащих И. И. Пронскому и Д. Ф. Палецкому, — всего 8,5 и 11 %³³. Объяснением ряда высоких относительных размеров господского поля может служить несколько причин. Помимо отработки 1 десятины на выть, крестьяне какое-то количество десятин могли распахать «взгоном». Подобные ситуации

зафиксированы в источниках. В монастырских хозяйствах возможна обработка клина земли руками детенышей, в светских — руками холопов. Кроме того, при описании светских имений писцы приплюсовывали к господской пашне «служную», т. е. пашню холопов-слуг. Объяснением может служить и тот факт, что в частновладельческих хозяйствах пятидесятинная выть имела в тот период далеко не повсеместное распространение. Ее размер часто был меньше. Обработка десятины барского поля с меньшей выти соответственно увеличивала его относительную величину. В то же время удаленные от центральной усадьбы деревни или имеющие ярко выраженную промысловую, оброчную и прочую специализацию освобождались от барщины или исполняли ее в урезанном размере. Так, например, власти Соловецкого монастыря установили в 1561 г. для крестьян Бежецкого Верха более низкий размер барщины (0,5 дес. на выть) за счет значительного хлебного оброка³⁴.

Итак, в барщинных хозяйствах величина господского поля в силу вышеперечисленных причин могла быть выше теоретически допустимого верхнего предела крестьянской барщины, занимая примерно пятую часть культивируемых земель. Правда, почти все приведенные примеры относятся к концу 50-х—началу 60-х годов, когда нормы барщины на выть возрастают. Как уже указывалось, после введения выти в качестве окладной единицы традиционный обычай расчета «на пять шестой» был в действительности нарушен как в силу того, что крестьянин не распахивал все пять наделных десятин, так и потому, что на выть садилось несколько земледельцев: в первой половине XVI в. — обычно 2—3 человека, во второй — значительно больше. Это значит, что чуть ли не с момента появления окладной единицы, степень эксплуатации на барском поле крестьянской семьи (дворохозяйна) разошлась с нормами вытного обложения, выдержанными в духе привычных традиций. Постулаты обычного права все больше размываются, вытесняются новыми нормативами. В 60-х годах, когда в зависимости от качества земли в выть стали согласно распоряжению правительства класть разное количество десятин (как правило, в соотношении 6:7:8), древний обычай расчетов «на пять шестой» утрачивает даже формальное звучание. В центральных уездах страны преобладала «средняя» и «худая» земля, т. е. на выть клалось 7 или 8 дес., в некоторых местах даже 9 дес. Следовательно, при сохранении нормы барщины в 1 дес. с выти высшая грань относительной величины господского поля (имея в виду только крестьянскую запашку) должна была снизиться с 16,6 до 14,3 % при «средней» земле и до 12,5—11 % при «худой» земле. Но нормы барщины растут. В 1570/71 г. в Веневском у. на выть «доброй» земли, т. е. на 5 дес. крестьянских наделов, пашут 1,5 дес. как в дворцовых селах, так и в имении Ивана Мстиславского. Интенсивность эксплуатации подымается до 23 % по отношению к массиву всех посевных площадей. Норма барщины 1,5 дес. на выть (3 дес. в двух полях) становится общераспространенной. В 90-х годах она широко используется Новинским монастырем в вотчинах, расположенных в Московском, Дмитровском, Кашинском уу.; Царево-Константиновским — во Владимирском у. (напомним, что в конце XV в. нормой здесь была 1 дес. на 5 наделных); Благовещенским — в Нижегородском у.; Троице-Сергиевском — в ряде хозяйств Серпейского, Угличского, Дмитровского и Ростовского уу. В том же Троицком монастыре нормы барщины могли быть

значительно выше. В Костромском у. — 2 дес., в некоторых селах Ростовского у. — 3 дес. Максимальный оклад барщины на выть встречается в троицком селе Кишкино: 5 дес.

Но это воспринималось современниками как исключительный случай. В качестве компенсации за столь высокий оклад жители Кишкина освобождались от всех остальных поборов и повинностей. В село запрещалось также приезжать представителям монастырской администрации. Однако тенденцию к росту обнаруживает и величина выти, которая в ряде хозяйств возросла выше установленных в 60-х годах нормативов, достигая порой 12—15 дес. В троицком комплексе Федоровское Костромского у. на выть приходилось 12,5 дес. «средней» земли. Норма барщины на выть: 2 дес. + «взгоном» около 1,2 дес., т. е. в среднем 3,2 дес. Доля господского поля, благодаря большой величине выти составляла всего 20 %, что несколько неожиданно при столь высокой норме барщины. Относительный размер барской пашни мог быть и больше, и меньше. В троицких имениях Ростовского у. он колеблется от 13 до 35 %. Во владениях Кашинского и Казанского уу., где выть имела строго фиксированную величину в 5 дес. (вне зависимости от качества земли), нормы барщины остались прежними: 1 дес. на выть. Но в Дмитровском у. при такой же унифицированной пятидесятинной выти отработочная повинность возросла до 2 дес.³⁵

Следовательно, отмечая известную сохраняющуюся взаимозависимость между вытью и нормой барщины (общую тенденцию к росту, определенную обусловленность величины господского поля числом вытей), тем не менее можно сказать, что к концу XVI в. традиция обычного права (расчет повинностей «на пять шестой», исполнение барщины «по старине») почти полностью была вытеснена из рентных отношений. И еще: барщина на протяжении всего рассматриваемого периода всегда сопровождалась дополнительными отработочными повинностями (например, сенокос) и платежами как натурой, так и деньгами.

Что касается натуральной ренты, то и здесь в ряде случаев можно найти следы традиции «на пять шестой» в древнем варианте (шестой сноп в издольщине) или преобразованной в 20-процентную норму (от числа совокупности, а не *сверх* него): пятый сноп в издольщине. Перед нами процесс, сходный с эволюцией выти, которая вначале включала в себя дополнительную десятину, потом могла обходиться и без нее. Ермолай Еразм в сочинении «Благохотящим царям правительница и землемерие», выступая против денежной ренты, признавал законным взимание «царем и вельможем» пятой части крестьянского урожая или же продуктов промысла (мед, рыба, шкурки бобра и других зверей)³⁶. Но в XVI в. издольщина в центральных уездах не имела широкого распространения.

Господствующей была натуральная рента с фиксированным размером, что представляло собой еще один путь усиления системы эксплуатации, так как величина ренты объявлялась независимой от неурожая и прочих стихийных бедствий. Главным предметом натуральной ренты был хлеб: рожь и овес. Другие виды хлеба (ячмень, пшеница и т. д.) занимали второстепенное место. Первоначально на норму хлебного оброка, видимо, оказал влияние обычай, согласно которому доходы господину шли с дополнительной десятины. В сотных грамотах дворцовым крестьянам прямо говорится, что дополнительная десятина в выть дается для «посопного»

хлеба. Посмотрим, осуществлялся ли в действительности этот принцип. Уловить тенденцию в крестьянском обложении хлебным оброком легче в великокняжеских селах. Во-первых, выть там строго нормирована, а рентные оклады всегда давались из расчета на выть. Во-вторых, главной повинностью «посопных» сел был хлеб, т. е. на тенденцию размеров обложения не столь сильно влияли другие многочисленные крестьянские повинности, как это было, например, в имениях светских феодалов.

Дворцовые волости занимали обычно наиболее удобные (в данном уезде) земли. При обработке десятины на нее высевалось две четверти ржи, четыре четверти овса. Нормы оброка ржи, указанные в табл. 1, могли получиться с десятины (с вычетом семян для будущего сева) при следующих урожаях: Белозерск — сам 2,5; Вологда — сам 3, сам 3,5; Кострома — сам 3,5; Владимир — сам 4, сам 5; Нижний Новгород, Муром — сам 5,5, сам 7.

Таблица 1. Нормы хлебного оброка с выти в дворцовых владениях *

Уезд	Год	Оброк в четях		Уезд	Год	Оброк в четях	
		рожь	овес			рожь	овес
Белозерский	1561	3	5	Владимир-ский	1584	6	9
	1564	3	5		1554	8	12
Вологодский	1589	4	5	Нижегородский	1570—1580	9	9
		4	6			12	12
		5	6				
		5	7				
Костромской	1567/68	5	7	Муромский	1586	12	12

* Ист. архив. 1940. Т. 3. С. 186—187; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 120—123; САС. Вып. 2. С. 6—177; ЦГАДА. ГКЭ. № 5120; АПД. Т. 1, № 1; АГР. Т. 1. С. 233; Анпилов Г. Н. Нижегородские документы XVI в. М., 1977. С. 1—66; Чтения ОИДР. 1907. Кн. 2. Разд. V. С. 63—65. В таблицу не вошли села, где хлебный оброк не был преобладающим. Материал в таблице расположен в порядке возрастания вытими норм оброчной ржи.

В работе Н. А. Горской приведены таблицы, составленные главным образом на основе монастырских материалов конца XVI—начала XVII в. и зафиксировавшие резкие годовые колебания урожайности. Примерно на каждые 7 лет приходился один неурожайный год. Размеры урожайности по стране колебались от сам 2 до сам 8, сам 10. В Белозерске в удаленных от монастыря комплексах урожайность составляла около сам 3; в Вологде на монастырской пашне в среднем — сам 4,2, а иногда ниже: в 1603 г. — сам 2,2 в 1607 г. — сам 3,3; во Владимирско-Суздальском ополье урожай достигали сам 5. Урожайность овса была несколько ниже. В Белозерске вдали от монастыря средняя урожайность овса за 1605—1608 гг. составляла сам 2,3³⁷. Данные об урожайности ржи за вторую половину XVII в., собранные и обобщенные Е. И. Индовой, дают следующую картину: Север и Северо-Запад — сам 3,2, сам 3,1; Центрально-Промышленный район — сам 3,3; Центрально-Черноземный — сам 3,8³⁸. Вышеприведенные характеристики урожайности по регионам не противоречат высказанной гипотезе, что первоначально при установлении норм хлебной ренты с выти за основу принималась прибавочная продукция, возможно несколько превышающая среднестатистическую с одной десятины (подразумевалось дополнительное к надельной земле) с вычетом семян. При отсутствии других сеньориальных повинностей

и платежей, в том числе денежных, хлебный оброк с выти мог быть увеличен, как это, по всей вероятности, имело место в Нижегородском и Муромском уу. Земля здесь в долинах рек намывная и оценивалась как добрая.

В частновладельческих хозяйствах норма хлебного оброка была обычно ниже, так как крестьяне выполняли еще ряд всевозможных повинностей. В Тверском у. во владениях Симеона Бекбулатовича в 1580/81 г. с выти взимали 4,5 четвертей ржи и 7,5 четвертей овса. Кроме того, большое число так называемого «столового припаса», состоящего из продуктов животноводства и птицеводства, оцениваемых в 156 денег. В дворцовых же хозяйствах «столовый припас» давался из расчета 40—60 денег. Помещики Торопецкого у. в 1540/41 г. получали с выти 3 чети ржи и 6 четей овса, а кроме того, пшеницу, горох, коноплю, солод ячменный и, конечно, «столовый припас». В вотчинах Кирилло-Белозерского монастыря в 50-х годах XVI в., согласно подсчетам З. В. Дмитриевой, крестьяне платили около 3,4 чети ржи. Но выть здесь была равна примерно 2,6 десятины (реально обрабатываемой пашни). Сеяли крестьяне монастырскими семенами³⁹. Оброк в 3,4 чети ржи составлял примерно пятую часть всего ржаного сбора при урожайности сам 3,3 или сам 3,4. В случае же урожая сам 2,2 рента поглощала уже треть урожая.

Натуральная рента с фиксированным размером была в ряде случаев выгоднее феодалу, чем барщина. Особенно это касается северных районов страны, характеризующихся плохими погодно-климатическими условиями. И дело не только в том, что при отработочной повинности, по мнению историков, нужно было держать большой штат надсмотрщиков. При барщине величина получаемой продукции не гарантирована, при натуральном obroке доход феодала точно регламентирован. В случае неурожая и прочих бедствий недоимки взимались в последующие годы. То же касается и издольщины, которая, судя по работам Л. В. Черепнина и А. Д. Горского, занимала немалое место в XV в. Замена ее фиксированной рентой — шаг вперед по пути вытеснения обычно-правовых отношений строго регламентированной рентой. Есть еще один фактор, делающий оброк предпочтительнее барщины: норматив барской запашки (по крайней мере в первой половине XVI в.) достаточно жестко ограничен традиционным расчетом «на пять шестой». Регламентированная натурально-денежная рента, гарантируя устойчивый уровень присвоения прибавочного продукта, позволяла наращивать степень эксплуатации земледельцев менее заметно.

Подводя итоги вышеизложенному, можно заключить следующее: традиции обычного права оказали значительное влияние на формирование выти, на первоначальные размеры некоторых основных крестьянских повинностей как барщины, так и хлебного оброка. С укреплением Русского централизованного государства наступление на права крестьян усиливается. Это находит отражение в ряде правительственных мероприятий: введении поземельной окладной единицы (выти) неадекватной крестьянскому наделу, упразднении дополнительной (к наделу) десятины, которая в сознании современников связывалась с обложением, повсеместным распространением фиксированной ренты. Правительство стремится гарантировать землевладельцам стабильные размеры ренты. Что касается самих норм основных видов ренты, то изменения в них были не столь разительны, по крайней мере, до 90-х годов XVI в. Кроме того, увеличение их размеров

в расчете на выть еще не означало реального увеличения повинностей на десятину пашни или на двор, так как во второй половине XVI в. растет как число десятин в выти, так и количество крестьян, сидящих на ней. Нужен был сильный крепостнический аппарат, чтобы вести дальнейшее наступление на социальные и хозяйственные права крестьян, что и было предпринято в последующие столетия.

В заключение надо отметить следующее: предложенная нами модель эволюции сеньориальной ренты на протяжении конца XV—XVI в., конечно, не в состоянии охватить все аспекты социально-экономической жизни. Действительность всегда неизмеримо разнообразнее и не укладывается в прокрустово ложе ни одной модели. Но при локальности и скудости источниковедческой базы о крестьянских повинностях на подавляющей территории Российского государства XVI в. необходимо наметить хотя бы некоторые закономерности, учитывающие наибольшую частоту вариантов. Рабочая модель о норме основных крестьянских повинностей, возникшей на основе обычного права и первоначально равной прибавочному продукту с 1 десятины, позволяет судить о степени и формах эксплуатации, об изменениях системы угнетения при неполных разрозненных данных в источниках.

Сеньориальная рента в дворцовых владениях

В конце XV—XVI в. в Русском государстве значительное число селений находилось на статусе дворцовых владений, как светских, так и митрополичьих. Среди них своеобразием хозяйственного уклада все более выделяются разбросанные по территории всей страны великокняжеские (впоследствии царские) имения. Как писал Л. В. Черепнин, имеющиеся в распоряжении историков «тексты дают основание различать, с одной стороны, верховную собственность князя на всю государственную территорию княжества в качестве его политической главы, с другой — частную собственность на те земли, расположенные на данной территории, которые принадлежали ему как землевладельцу-феодалу и которые в дальнейшем получили название дворцовых»⁴⁰. Наиболее крупные дворцовые комплексы были расположены в окраинных районах. Посевные площади оброчных и дворцовых земель в Нижегородском у. составляли свыше 53 тыс. дес. (в трех полях), в Каширском у. — 38 тыс. дес., т. е. 19,2 % всей окультуренной земли уезда, в Вологодском у. — 28,5 тыс. дес., в Белозерском у. рыболовецким волостям было отписано 12 тыс. дес. В этом же уезде были села, платящие хлебный оброк. Дворцовые комплексы находились также в Казанском и Свияжском уу.⁴¹ В Муромском у. — волость Пурок, в Рязанском у. — села Федотьево, Вышегород с деревнями, в Веневском у. — ряд селений, в Балахнинском у. — Зауольская и Везломская волости⁴². Судя по сохранившимся сведениям, большой массив дворцовых хозяйств находился в Костромском у.: села Цыбино, Сретенское, Покровское, Коробаново, Никольское, Богословское, Павловское, Путилово с деревнями, волость Емста, погосты Шунга, Веж, Самит и ряд других. В Ярославском у. — волость Норская⁴³. Существовали дворцовые комплексы в центре страны: в Суздальском у. — посопное село Бережок с деревнями, во Владимирском у. — села Красное, Борисовское и некоторые другие, перечисленные в книге Н. А. Рожкова.

В летописи под июлем 1568 г. сказано: «из Переяславля царь был в селах своих: в Слободе, в Озерецком да в Можайску и в Можайском уезде в Новых селах, и в Вяземском уезде в Круглых селах, в Верее, в Вышгороде». В Верейском у. известно село Смолинское с деревнями⁴⁴. В 90-х годах XVI в. приезжали в Можайск регулярно торговать дворцовые крестьяне близлежащих сел Можайского, Московского и других уу.: Чертанова, Нового, Покровского, Борисова, Вяземы, Шеборшина, Кукарина, Белей. Кроме того, в Московском у. к дворцовому ведомству принадлежали с. Воробьево, Афанасьевское, рыболовные деревни с селом Озеретским⁴⁵. В данном перечне отражена лишь малая толика существовавших в XVI в. дворцовых хозяйств. Его цель — показать, что крупные царские вотчины были разбросаны по всей стране, занимая подчас сотни тысяч десятин. Часть из них впоследствии была роздана в поместья или же перешла к монастырям. В свою очередь, Иван Грозный отписывал на себя, менял вотчины монастырей, светских землевладельцев.

В историографии царским владениям XVI в. не повезло: положение дворцовых крестьян наименее изучено по сравнению с другими социальными категориями земледельцев. Советские историки касались лишь северо-западным дворцовых комплексов. При этом в коллективном труде ленинградских ученых далеко не по всем пятинам дана характеристика своеобразию этих хозяйств. Специальные статьи посвящены пришекснинским рыболовным волостям 1585 г. и казанским дворцовым волостям конца XVI—начала XVII в.⁴⁶ И это все. Между тем изучение дворцовых хозяйств имеет чрезвычайно важное значение. Во-первых, в дошедших до нас сотных грамотах на этот тип владений всегда содержится подробная регламентация повинностей и величины окладных единиц, благодаря чему можно проследить региональные особенности сензорияльного обложения. Во-вторых, привлекает возможность найти ключ к политике правительства относительно владельческих поборов, опираясь на изучение хозяйственного уклада в царских вотчинах.

В предыдущем параграфе указывалось, что выть в дворцовых хозяйствах была регламентирована: в нее входило обычно 5 дес. крестьянской доброй земли, за пользование которыми обрабатывалась дополнительная шестая десятина на великого князя (в форме барщины или хлебного оброка) или же с 5 дес. исполнялись какие-либо другие повинности, не связанные с хлебопашеством. В течение 50-х—начале 60-х годов дворцовое ведомство вводит зависимость величины выти от качества земли. Точнее, с этого времени узакониваются нормы этой зависимости. Плодородие почвы учитывалось и ранее. По крайней мере, сведения об этом сохранились с начала 40-х годов. В дворцовом комплексе Буйгород 1543/44 г. положено «на выть хрестьянские пашни по шесть десятин в поле, а пахати им на великого князя в селе на Бугороде. . . с выти по десятине». Следовательно, крестьянская пашня + господская десятина составляли семь десятин. Такой же норматив установлен и для соседних деревень. Впоследствии селения перешли в Иосифо-Волоколамский монастырь, и земля оценивалась как середняя⁴⁷. В дальнейшем шестидесятиной вытью мы будем именовать не только окладную единицу, содержащую 6 дес. доброй земли, но и ее модификации с 7 дес. средней, с 8 дес. худой земли, т. е. выть с добавочной господской десятиной. Такая выть употребляется для описания следующих

хозяйственных комплексов: Буйгород и Палкино Волоцкого у. (1543/44 г.), Борисовское и Красное Владимирского у. (1555/56 г., 1584/85 г.), Норское Ярославского у. (1556 г.), Ярогомж и Ирдомское Белозерского у. (1564 г., 1561 г.), Тверские волости (1580 г.), Вышгород и Федотьево Рязанского у. (1589, 1596 гг.), Вологодские волости (80-е годы). Сюда же можно отнести дворцовые поселения Веневского у., где в выть в 1571 г. клалось 5 дес. доброй земли + 1,5 дес. господской ⁴⁸.

Пятидесятинная выть и ее модификации для земли худшего качества (6 дес. средней пашни, 7 дес. худой), т. е. выть без дополнительной десятины, наиболее употребительна в промысловых селениях. Правда, необходимо учитывать один нюанс: при 5 дес. доброй земли в выти худой могло быть не только 7, но и 8 дес., что порою затрудняет классификацию селений по размерам выти. Рассмотрим применение пятидесятинной выти в рыболовецких комплексах. В пришекснинских деревнях Белозерского у. крестьяне устраивали езы и платили ренту рыбой, выть здесь пятидесятинная. Но в некоторых волостях с части населения взимался хлеб, в выть при этом клалось 6 дес. (в пересчете на добрую землю): Верейская волость, Долгая Слобода, Федосьин городок, Ивачевская вол. Пятидесятинная выть была и в московских рыболовецких деревнях села Озеретского ⁴⁹. Следовательно, в центральных уездах наличие в выти дополнительной господской десятины обуславливалась характером крестьянских повинностей, связанных с хлебопашеством.

Во второй половине XVI в. правительство начинает наступление на привычный стереотип расчета, на присутствие в выти дополнительной господской десятины. Особенно это касается селений, изоброченных хлебной натуральной рентой. В Костромском у. в дворцовых селах Цыбино и Сретенское в 1567/68 г. барщина была заменена хлебным obroком, который надо платить с шестидесятинной выти, но земля здесь средняя, т. е. по существу мы имеем дело с пятидесятинной вытью. Посопный хлеб без добавочной десятины на выть платили в 70—80-х годах крестьяне Муромского и Нижегородского уу. ⁵⁰ Отсутствие источников за первую половину XVI в. не позволяет с уверенностью решать, имеем ли мы здесь дело с местными традициями или же налицо результат преобразующей деятельности правительства относительно норм обычного права. Известная обособленность Нижегородского и Муромского княжеств в XIII—XIV вв., близкое их соседство с Казанским ханством и Ордой могли привести к тому, что в этих окраинных территориях не получил развитие принцип расчета «на пять шестой», чем не замедлили воспользоваться приказные чины Большого Дворца, определив крестьянские повинности с пятидесятинной выти без дополнительной господской десятины. Трудно установить, вводилась ли дополнительная десятина в Казанском и Свияжском уу. Унификация владельческой ренты в дворцовых здешних хозяйствах проведена была, видимо, в 1562/63 г. писцом Семеном Нармацким, о чем мы узнаем по ретроспективным сведениям книг 1565—1568 гг., которые зафиксировали передачу части дворцовых владений помещикам и церкви. Дворцовая выть содержала 10 четвертей доброй или 12 четвертей средней земли, с которой крестьяне обязаны были пахать «по десятине ржи и по десятине яри». В помещичьих хозяйствах 1565—1568 гг., судя по казанской писцовой книге, господская пашня отсутствует, т. е. создается впечатление, что

крестьяне должны были пахать на господина одну из пяти вытных десятин. Однако настораживает следующее обстоятельство: дворцовые селения перешли к помещикам, по существу, в момент описания, а для заведения отдельной господской пашни нужно было время, необходимо было осваивать перелог. В период же, когда селения были приписаны к дворцовому ведомству, крестьяне могли отбывать барщину в крупных селах, как это было в конце XVI в. Но писцовая дворцовая книга 1599/1600 г. по Казанскому у. свидетельствует и о другом: о потере вытью строго нормированного характера⁵¹.

Что касается Новгородского края, где также в обычном праве ранее отсутствовала традиция расчета «на пять шестой», то судить по «Аграрной истории Северо-Запада России», в каких дворцовых комплексах до конца XVI в. сохранялось «обжа», а в каких ее заменила «выть», невозможно. Это же относится и к размерам новгородской дворцовой выти, так как обычно авторами выводятся среднестатистические показатели без учета качества земли. Изучение опубликованных писцовых книг позволяет наметить некоторые тенденции в дворцовом землеустройстве. В Шелонской пятине 1500/01 г. в дворцовых комплексах появляется «десятина» в качестве единицы измерения площади великокняжеской пашни «в поле». Десятина соотнесена с нормой высева: «а на десятину сеют по коробье с четвертью ржи». При описании поместных земель эти новшества (измерение в десятинах, появление словосочетания «в поле») отсутствуют. В 1550/51 г. «коробья» подчас заменена четвертью: «сеют по пять четвертей ржи», вводится показатель качества земли (добрая, средняя) и традиционный для центральных уездов счет в три поля («в поле, а в двух полях по тому ж»). Однако единицей обложения остается обжа, а также и соха, равная трем обжам. В Паозерье с обжи распахивали примерно 0,8 дес. царского поля. В Псковской земле и примыкавшем к ней Порховском у. в 80-х годах окладной единицей являлась шестидесятинная выть, содержащая 12 четвертей доброй земли, 14 средней, 16 худой. Шестидесятинная выть и ее модификации в зависимости от качества земли действовали в 80-х годах в Себежском у. Никольской губе, южной окраине Псковского края⁵². Итак, правительство стремится на территории всей страны к известной унификации дворцовых окладных единиц, но в новгородских пятинах, видимо, чуть ли не в течение всего XVI в. в дворцовых хозяйствах роль окладной единицы играет обжа. Дальнейшее изучение этого вопроса должно выявить хронологическую грань, с момента которой новгородская дворцовая обжа в посопных селах имела твердый регламентированный размер. Произошло ли это в 80-х годах, когда поместная обжа была приравнена 10 четвертям, или же реформа была проведена раньше, и во всех ли новгородских районах величина дворцовой обжи была одинакова?

Существует еще одна крайне важная проблема, ответ на которую в настоящее время не найден. Земли всех социальных статусов, помимо дворцовых, описывались четвертями. Четвертная пашня, как уже говорилось в гл. I, рассматривалась как показатель службы царю. Дворцовые владения в первой половине века вплоть до начала 60-х годов клались в десятины, с 60-х годов ряд комплексов Поволжья (Казань, Свияжск, Нижний Новгород, Арзамас), а также Псковской и Новгородской земли, Вологды — в четверти. Можно было бы предположить, что где-то к 80-м годам все дворцовые

земли описываются четвертями, но это не так. Сохраняются десятины в южных уездах (Рязань, Кашира), в Тверском владении, переданном в 1580 г. Симеону Бекбулатовичу, в пришекснинских рыболовецких волостях Белозерского у., во Владимирском, Муромском уу. Почему именно в этих регионах сохранилась традиция описывать царские имения десятинами? Не представляло ли десятинное письмо какие-либо льготы или определенный статус, не освобождало ли от некоторых государственных повинностей? Или же десятинное описание к концу XVI в. являлось лишь свидетельством того, что данные земли не раздавались помещикам и все время сохраняли статус дворцовых?

Помимо пяти- и шестидесятинных нормативов, существовали и больше-размерные выти, применяемые обычно для оброчных, бортных и других имений. В 50-х годах в Балахнинских бортных малонаселенных волостях в выть кладется по 7 дес. доброй земли. В Нижегородском у. по дозорной книге 1588 г. в десятичетвертные выти положены только русские земли. С 90-х годов правительство начинает описывать вытями и мордовские поселения, при этом величина такой выти в два раза больше русской окладной единицы. В 1597 г. в Темниковском у. «по государеву указу дается мордве по 20 четей на выть». Такое же соотношение сохраняется и в нижегородской писцовой книге 1613/14 г.: в русских селениях на выть положено 10 четей доброй земли, в мордовских — 20 четей⁵³. Десяти- и десятидесятинные выти существовали до 1585 г. в белозерском рыболовецком селе Богословском: «кладено по старому письму на выть худые земли по 9 и по 10 десятин, а по новому письму кладено на выть по 7 десятин худые земли»⁵⁴.

Надо отметить еще один аспект вытного письма: установленный вытный норматив на практике не всегда столь жестко выполнялся. В 1546/47 г. в Волоцком у. часть деревень дворцового комплекса Буйгород, незадолго перед этим отданные в поместья, вновь приписаны к Буйгороду: «а пахати им великого князя пашня в селе на Бугороде». Установлена величина выти: «а на выть кладено земли по 12 четвертей». Однако при описании ряда деревень в выть положено больше земли: в деревнях Станок, Сырой Починок, Пронино, Костицыно, Кондратово на выть приходится 14 четвертей, а в деревнях Кувшиново и Плешково — 16 четвертей⁵⁵. В данном случае могло сыграть роль то обстоятельство, что деревни были лишены угодий: леса, озер и рек, а иногда и сена. Почти около каждой деревни имеется помета: «лесу нет и безводна», «сена под нею и воды и леса нет», «сена и лесу нет», «а лесу и воды нет». Пашня в выти — ведущий, но не единственный показатель. Для нормального ведения хозяйства нужны сенокосы и лес. В зависимости от местных условий количество сена на выть сильно колебалось: наиболее часто встречаются 20—30 копен, но могло быть и 40, и 60 копен. Леса на выть обычно клали 1 десятину. В случае отсутствия или недостаточности сенокосов или леса дворцовое ведомство давало «в леса место», «в сено место» пахотную землю. Так, в каширских дворцовых волостях 80-х годах за сено давали пашню, а за недостающий лес — пашню или луг, при этом указывалось, что земля дана в одном поле, «а в дву не дано». Недостающее сено возмещали в 1562/63 г. коломенским черным крестьянам из расчета 1 десятина за 20 копен⁵⁶. Вероятно, подобными принципами землеустройства руководствовались и ранее, добавляя некоторое количество пашни в выть сверх норматива при отсутствии угодий или же

сбавляя вытный оклад. Последний способ применен относительно одной из буггородских деревень. Из-за утраты текста ни ее название, ни количество в ней пашни неизвестно, но, судя по всему, она была описана уменьшенным вытным окладом: «а положена выть, потому что земля запустела». В дворцовом комплексе Бугороде в 1543/44 г. была д. Кирилловский Починок Короткой: «Пашни в одном поле полосы десятины, а пахать им в селе на Бугороде полвыти, потому что деревня згорела и земля у них худа — песок»⁵⁷. В данном случае «пахати. . . полвыти» означает исполнить половину вытного урока, т. е. распахать полдесятины в княжеском поле.

Причина появления мнения о разновеликих вытах порой кроется в методике наших подсчетов, когда приемы древнерусских описаний мы подменяем формально-математическими выкладками, поступая с долями выти как с современными дробями, т. е. умножая часть выти, которой описано селение, на количество десятин в нем и получая ирреальные величины выти, которых на самом деле не было. Рассмотрим описание дворцовой рыболовецкой волости Иванов Борок 1557 г. Надо сказать, что суждение о хаотичности размеров выти в дореволюционной историографии зиждилось на трех документах: на сотной коломенских черных волостей 1561/62 г., на описании дворцовой волости Иванов Борок 1557 г. и на отписной книге 60-х годов конфискованной вотчины Ивана Петрова Федорова-Челяднина. В коломенской сотной выть имела строго нормированный характер, а путаницу вызвал метод писцов, добавлявших взамен недостающих сенных покосов пашенную землю. Отписную книгу вотчины И. П. Федорова разберем ниже, в разделе о светских феодалах. Сейчас же остановимся на дворцовой волости Иванов Борок. В ней на момент описания было 19 селений и 8 пустошей, две из которых распахивались наездом. В одной из деревень вытний оклад пропущен, итого 18 селений. Расположим их в порядке убывания количества пашни (см. табл. 2). Если использовать современные методы, помножив долю выти, которой описано селение, на число десятин в нем, получим следующий ряд чисел: в 6 селениях выть равна 8 десятинам, в 1 — 8,6 дес., в 4 — 7,5 дес., в 2 — 9 дес., в 1 — 10 дес., в 4 — 12 дес., т. е. в трети населенных пунктов при описании пользовались восьмидесятиной вытью. Если же брать деревни не только с восьмидесятиной вытью, но и очень близкой ей 7,5-десятинной вытью, то число таких объектов превысит 55 %. Здесь надо отметить следующее: 1. Иванов Борок — промысловое хозяйство, крестьяне которого платили оброк рыбой (или деньгами за рыбу) и устраивали царев ез. 2. Рассматриваемая волость в 1557 г. считалась Пошехонского у., но впоследствии была приписана к Белозерскому у., где мы ее и находим в езовой книге 1585 г.⁵⁸ Северный регион сохранял известное своеобразие: достаточно напомнить, что при описании 40-х годов счетными единицами для сохи были деревни, а в кормленных грамотах объектом обложения служат не выть, не соха, а деревня или группа деревень. Собственно тот же принцип сохраняется и в описании 1557 г. Рента положена на всю волость, а не на выть, как это было в центральных земледельческих хозяйствах, платящих посопный хлеб. Волость как объект обложения рыбной рентой выступает и в езовой книге 1585 г. Ясно, что при этом особая точность соответствия пашни и вытного письма излишня. Тем не менее изучение принципов вытного описания на примере волости Иванов Борок достаточно поучительно.

Таблица 2. Описание волости Иванов Борок 1557 г.*

Селение	Дворы	Десятины		Выти	Десятин в выти
		пашня	перелог		
Огашинское	2+1п	10	—	1	10
Бережное	5	8	—	1	8
Доронино	5+1п	7,5	—	1	7,5
Харитонов	2	7	—	1— ¹ / ₈	8
Починок	5	6,5	2	1— ¹ / ₄	8,6
Мухортово	4+1п	5	3,5	1— ¹ / ₃	7,5
Кузминская	2	4	2	¹ / ₂	8
Плесцово	1+1п	3	1	¹ / ₃	9
Макаровская	1	3	—	¹ / ₃	9

Селение	Дворы	Десятины		Выти	Десятин в выти
		пашня	перелог		
Рагозино	2	2,5	—	¹ / ₃	7,5
Пасынково	1	2,5	1	¹ / ₃	7,5
Коврижино	1+1п	2	1	¹ / ₄	8
Олферовская	1	2	—	¹ / ₆	12
Плегузово	1**+2п	2	2	¹ / ₄	8
Косино	1	1,5	—	¹ / ₈	12
Бонема	1+1п	1,5	1	¹ / ₈	12
Пожарище Бабино	1+1п	1	1	¹ / ₁₂	12
Курганы	1+1п	0,5	2	¹ / ₁₆	8

* В основе таблицы лежит сотная: АЮ. № 218. Материал расположен в порядке убывания количества пашни в селениях.

** Во двор садятся 2 человека «ново на пусте», им предоставлена льгота. — означает отсутствие перелога
+ 1п означает наличие одного пустого двора.

Итоговое число десятин по волости Иванов Борок вычислено правильно: с учетом наезжей пашни, положенной в выти в двух пустошах, было 77,5 дес. Столь же точна цифра перелога — 41 дес. Однако в пустых вытях всего 1 ¹/₄, т. е. 10 дес. Это не ошибка. Пустыми вытиями описаны лишь четыре пустоши, где не было никакой запашки, и они не отданы никому на льготу. Расположенные рядом Вязовка и Шильняг, где также вся земля запереложена, даны на льготу трем братьям на 10 лет. Количество земли в этих двух деревнях подсчитано как перелог, но в пустые выти они не положены. Следовательно, налицо некий дуализм: несмотря на введение нормированной выти, *главным объектом обложения остается селение*, волость. В пустые выти кладутся полностью заброшенные селения. Переложная земля в жилых деревнях в пустых вытях не учитывалась. Что касается итога жилых вытей, то, по всей вероятности, они были высчитаны писцом не путем сложения всех долей, что при тогдашних способах подсчета было крайне трудоемко, а по итоговой сумме десятин, но, видимо, он ошибся, написав «вытей 10 без ¹/₃ ¹/₁₆ ¹/₂₄».

Сумма дробей (при выти, равной 8 дес.) составляет 3,5 дес., отсюда написанное число вытей соответствует не 77,5 дес., а 76,5 дес. Кстати, количество пустых вытей также высчитано по сумме перелога в четырех пустошах, а не путем сложения частей выти, которые судя по сотной, равны единице, а не $1\frac{1}{4}$. Итак, в связи с тем, что рента возлагалась на всю волость, а не на выть, а также учитывая недостаточно высокую квалификацию писца, при описании селений долями вытей могли быть допущены ошибки. И тем не менее можно и нужно определить некоторые счетные приемы.

Писец ни разу не воспользовался сложением, хотя применял вычитание. В тот период от писцов не требовалась большая точность, полное соответствие пашни и доли выти, как это наблюдается в 80-х годах. Поэтому одной вытью описана пашня в 8 дес., в 10 дес. и в 7,5 дес. (см. табл. 2). В пользу предположения о существовании здесь нормированной восьмидесятиной выти свидетельствует езовая книга 1585 г., где вся земля волости оценена как худая, а в выть, как во всех промысловых селениях, положено 7 дес. (без дополнительной господской). В 50-х годах при худой земле в выть клали 8 дес. Писец, по всей вероятности, пользовался заранее заготовленным шаблоном: 4 дес. описывались $\frac{1}{2}$ выти, 3 и 2,5 дес. — $\frac{1}{3}$ выти, 2 дес. — $\frac{1}{4}$, 1,5 дес. — $\frac{1}{8}$, хотя надо бы $\frac{1}{8} + \frac{1}{16}$, но сложение, как уже указывалось, писцом не применялось. Половина десятины приравнивалась $\frac{1}{16}$ выти. Отсюда понятно, что ирреальная величина выти в 9 дес. получалась при описании 3 дес. $\frac{1}{3}$ (Плесцово, Макаровская). Но 2,5 дес. также описывались $\frac{1}{3}$ ($8 : 3 = 2,6$ или $2,7$), отсюда ирреальный размер выти в 7,5 дес. (Рагозино, Пасынково). 5 дес. в Мухортове легче всего передать $1 - \frac{1}{3}$ выти. Полторы десятины в Косино и Бонеме выражены $\frac{1}{8}$ вытью (надо бы $\frac{1}{8} + \frac{1}{16}$), размер выти при умножении получается равным 12 дес. Выработанный шаблон настолько стал привычен, что, описывая общей долей выти пустые деревни Вязовку и Шильняг, в каждой из которых было по полторы десятины перелога, писец поставил не $\frac{1}{3}$, а $\frac{1}{4}$ ($\frac{1}{8} + \frac{1}{8}$). Таким образом, механизм описания селений долями выти и является причиной появления ирреальных размеров выти в 7 $\frac{1}{2}$, 9, 10, 12 дес., которые так смущали дореволюционных историков. Некоторые сомнения вызывают деревни Олферовская и Пожарище Бабино. В первом случае 2 дес. описаны не $\frac{1}{4}$, а $\frac{1}{6}$. Почти нет сомнений, что здесь вкралась описка: другие селения с пашней 2 дес. положены в $\frac{1}{4}$ выти. То же относится и к д. Пожарище Бабино, где 1 дес. положена в $\frac{1}{12}$ выти, а не в $\frac{1}{8}$. Считать, что писец описал эту деревню меньшим вытным окладом из-за того, что она выгорела, нет оснований. Пожар произошел давно, о чем свидетельствует наличие в селении дворов, причем один из них пуст. Это же название — Пожарище Бабино — фигурирует и в описании 1585 г., т. е. перед нами собственное название селения, которое возникло на бывшем пожарище⁵⁹. Итоговый показатель вытей, выведенный писцом, выше наших подсчетов по деревням, что свидетельствует, что при вытном окладе некоторых деревень были допущены описки. Правда, относительно Пожарища Бабино, помимо элемента ошибки, можно сделать следующий допуск: согласно заранее заготовленному шаблону 1,5 дес. описывались $\frac{1}{8}$ выти; 0,5 дес. $\frac{1}{16}$ выти. На практике писец 1 дес. должен был описать меньшей дробью, чем 1,5 дес. Небольшие мало-земельные хозяйства с 1 двором требовали большей осторожности, чтобы полностью не запустошить селение, где уже были заброшенные дворы.

$1/12$ выти была равна примерно 0,7 дес., что достаточно близко к 1 дес. А возможно, именно такое количество пашни и было в Бабино, ведь величина указывалась обычно округленно: размер меньше 0,5 дес. не отмечался.

К концу XVI в. выть теряет свое главенствующее значение, она как бы размывается, распадаясь на доли, которые приобретают самостоятельное значение. Показательно, что в грамотах к местным властям требуется сообщить в центр не просто количество вытей по селению и число дворов, но «крестьян по именам вытных и полувытных и четвертных» (1594 г. — митрополичьи владения). В поместьях Арзамасского у. 1579/80 г. указывалась доля, которой описан крестьянский двор: «двор четверушный, а в нем живет Лобан, двор полувытный. . .» и т. д.⁶⁰ Что касается дворцовых владений, то при описании их в 80-х годах выть сохраняет свое значение. Так, в посопном селе Красное Владимирского у. в 1584/85 г. 240 дес. доброй земли положено в 40 вытей. «А положено на выть доброй земли по 6 десятин с тою десятиною, которая дана пахати для посопного хлеба. А верстатися крестьяном и пашня делить меж себя самим полюбовно и ровно», т. е. раскладка тягла внутри волости предоставлена общине. Дворцовое ведомство выступает здесь как сторонняя сила, для которой главное собрать причитающийся доход с определенного количества пашни, а сам вытный разруб между жителями селений как бы перекладывается на мир. Но в условиях разрастающегося экономического кризиса и высоких государственных налогов крестьяне стремятся сократить размер распахиваемых земель, тем самым поземельный характер выти становится известным тормозом на пути усиления системы угнетения. Ощущалась нужда в сочетании поземельного с подворным обложением. Впервые сведения о подворно-вытном обложении дошли в описании 1588/89 г. дворцовых волостей Вологодского у., где число живущих вытей составляло всего около 8 % всех ранее окультуренных земель⁶¹. Сотни селений было заброшено. По всей вероятности, с этого времени новая система описаний стала распространяться на все дворцовые земли.

В 1596/97 г. в рязанской волости Федотьево жили крестьяне и бортники. Все дворы, кроме бобыльских, описаны долями выти, из них 42 % дворов окладывались $1/4$ выти, 27 % — $1/8$ выти. Земля была худая, на выть клалось 7 десятин + 1 господская десятина для посопного хлеба, итого 8 дес. на выть. Но, кроме деления выти на доли с основанием 2, выти делились на части с делителем 3: 26 % крестьянских дворов были описаны $1/3$, и всего лишь 1 двор — $1/6$ выти. Изучение дворов, описанных $1/3$ выти, убеждает, что часть этих дворовладельцев были старожильцами, которые выступали в качестве таковых в спорном деле о лесных межах, соседствующих с ними дворцовых крестьян села Петрович. К ним принадлежат Минко Федоров, Лукьянко Степанов, Фомка Кленов. Возможно, первоначально вытный оклад разрубался на три части, но допустимо и другое предположение: старожильцы имели более крепкое хозяйство, которое складывалось в течение длительного времени, поэтому они описывались большей долей выти, чем остальные ($1/3$, а не $1/4$). В мелкие вытные доли клали более маломочные хозяйства младших братьев, сыновей. В д. Торгино стояли 4 двора братьев Инютиных: на Антипку положена $1/3$ выти, на Костку — $1/2$ выти. Хозяйства их младших братьев оценены в $1/8$ выти. Такая же доля была положена на двор сына Костки. В сотной по волости Федотьево названы также лица, умершие или шедшие безвестно, с указанием года выбытия и части выти, на которых

они ранее сидели. Вот как по годам распределяется количество опустевших дворов, владельцы которых «разошлись безвестно»: 1587/88 г. — 2, 1588/89 г. — 3, 1589/90 г. — 2, 1590/91 г. — 1, 1591/92 г. — 3, 1592/93 — 1, 1593/94 г. — 1. Земли, опустевшие в результате смерти крестьян, помечены более ранними годами: 1585/86 г. — $\frac{1}{4}$ выти, 1586/87 г. — $\frac{1}{4}$ выти. Вероятно, отсчет опустевшей земли шел от предшествующего описания середины 80-х годов, хотя о нем в тексте не упоминается. Настораживает другое: судя по дошедшим источникам, подворно-вытное обложение появилось несколько позже середины 80-х годов. Возможны две версии объяснения того факта, что подворное описание вытью дано уже за 1585/86 г. Разруб вытных окладов между жителями селений производился всегда, и если раньше указывалось количество заброшенных земель в связи со смертью или уходом крестьянина, то в конце 80-х годов, когда правительство стало требовать величину вытных окладов опустевших дворов, эта величина постфактум была названа, исходя из крестьянских разрубов и размеров запустевших пашен. Менее вероятно иное предположение, а именно, что в части южных дворцовых комплексов подворно-вытное описание было проведено в 1585/86 г.

До нас дошел приправочный список дворцовых волостей Каширского у. 1588 г. Ряд принципов землеустройства как в Вологодском, так и в Каширском уу., несмотря на полярность географического положения, был одинаков. Это наводит на мысль, что в 1588 г. в каширских волостях также каждое крестьянское хозяйство было описано долями вытей. (Приправочный список составлялся в начале XVII в. и в нем даны только итоговые данные по селениям.) Данную версию подтверждает описание д. Шонкиной на р. Вошанке: переписчик случайно перенес в приправочный список сведения о существовании здесь общего поля размером в 2,5 выти, которые пашут «всею деревнею». Всего же в Шонкиной было 5— $\frac{1}{3}$ выти и 6 крестьянских дворов. Официальное выделение общего поля стало необходимо лишь при подворно-вытном описании⁶². Ранее, когда земля и число вытей записывалось за селением в целом, подобная дифференциация была не нужна. Итак, к настоящему времени мы не располагаем документами, которые бы свидетельствовали о введении подворно-вытного описания в дворцовых владениях ранее 1588/89 г.

Еще более видоизмененной предстает выть в дворцовых комплексах Казанского у. 1599/1600 г. Выть здесь не нормирована. Это, пожалуй, единственный известный случай для царских имений XVI в. в центральных регионах, хотя в начале 60-х годов дворцовая выть в Казанском крае была унифицирована и заключала в себе 10 четвертей крестьянской доброй земли. Однако по прошествии почти 35 лет с момента землеустройства дворцовых сел обстановка резко изменилась. Доли выти выступают как самостоятельные окладные единицы, утратившие поземельный характер, при этом объектом обложения становится двор, и даже не всегда двор, а и потенциальный в будущем дворовладелец. Так, в селе Чепчюги «написан во крестьяне Данилко Володин на чети выти, а двора своего и пашни нет, живет у зятя своего». Таких ситуаций в дозорной книге 1599/1600 г. Никиты Обухова много: идет увеличение вытного оклада для ряда дворовладельцев, подросшие члены семьи описываются тяглом отдельно. Выть как самостоятельная единица упоминается лишь при регламентации крестьянских повинностей:

нормы барщины даны на выть, соответственно величина княжеского поля в значительной мере обусловлена числом вытей. При уходе крестьянина из селения его долю барщины должны были исполнять «взгоном» оставшиеся жители. Описание тяглом каждого двора при отсутствии нормированной выти знаменует переход не столько к подворно-поземельному, сколько просто к подворному обложению. Это наглядно прослеживается в оброчных селениях, где выть как окладная единица в большинстве случаев отсутствует. И если в слободе Рыбной на р. Кама сохраняется видимость взимания денежной ренты с некой «рыбы» («рыба» = 100 деньгам, наивысший оброк = 350 деньгам), то в двух других селениях на Кама объектом обложения служит «двор» (180 денег со двора). Кроме того, часть дворовладельцев платит еще 180 денег за «пашню»⁶³.

Перейдем к рассмотрению собственно ренты в дворцовых имениях. На большей части центральных уездов структура окладной единицы (выти) определяла размер основных повинностей: за пользование крестьянскими десятинами, входящими в выть, надо было распахать дополнительную господскую десятину и отдать с нее прибавочный продукт в форме барщины или хлебного оброка. Как уже говорилось, данное соотношение для доброй земли равнялось пропорции «на пять шестой». Дошедшие до нас сотные свидетельства, что в XVI в. царское ведомство предпочитало натурально-денежный оброк барщине. Хозяйственных дворцовых комплексов с отработочной земледельческой повинностью немного. Это Симизинские села Владимирского у. (ранее 1498/99 г.), где с 5 крестьянских десятин надо было распахать одну в княжеском поле (две в двух полях). Барское поле занимало примерно 16,8 % посевных площадей. В Волоцком у., в селах Буйгород и Палкино (1543/44 г.), крестьяне пахали десятину с шестидесятичной выти, соответственно княжеское поле занимало около 14 % культивируемых земель. Однако упомянутые хозяйственно-территориальные комплексы с барщиной выбывают из дворцового ведомства ко второй половине XVI в. Во Владимирском у. к моменту описания 1498/99 г. барщина была отменена, а сами села впоследствии перешли в митрополичий дом. Волости Буйгород и Палкино были променены Иосифо-Волоколамскому монастырю⁶⁴. Для второй половины XVI в. дворцовые комплексы с барщиной известны лишь на окраинах Русского государства: в Веневском, Казанском и Свияжском уу., т. е. там, где необходимо было освоить большие площади пустующих земель и где плотность крестьянского населения достаточно низка⁶⁵. Тот факт, что дворцовое ведомство сознательно проводит политику отказа от барщины в подавляющей части центральных уездов, видно по сотной 1567/68 г. на села Цыбино и Сретенское Костромского у., где вместо отработочной земледельческой повинности устанавливался хлебный оброк⁶⁶.

Княжеская пашня была отделена от крестьянских наделов и находилась в селе, куда съезжались земледельцы из окрестных деревень. Наличие обособленного барского поля хорошо видно по сотной 1543/44 г. Волоцкого у. В селе Буйгород княжеская запашка достигала 134 дес. в одном поле, крестьянских же сельских вытей было 45, остальные выти приходились на деревни. В сотной так и сказано: «К селу Буюгороду которым в селе великого князя пашня пахати 57 деревень. . . а вытей в селе и в деревнях 134 выти. . . а пахати им на великого князя в селе на Буюгороде 134 десятины, с выти по десятине». Отдельно княжеское поле и в соседнем селе Палкино, которое

также обрабатывают, помимо сельчан, и жители деревень. Но вытей было меньше, чем это требовалось для обработки господского поля при нормативе с выти пахать десятину, поэтому 3 дес. полагалось пахать сверх вытной раскладки — «згоном».

Итак, типичная норма отработочной повинности с выти в центральных районах составляла 2 дес. в двух полях (1 дес. озимого + 1 дес. яри). Сев, видимо, производился крестьянскими семенами. На такое предположение настраивает строгая регламентация высеваемого зерна: «А сеяти им на десятину по две четверти ржи, а овса вдвое». Возражение, что подобная оговоренность была необходима как своего рода мера обрабатываемой площади, для данного времени не всегда состоятельно, так как уже в сотной 1543 г. даны геометрические размеры десятины: 80 сажень × 30 сажень, итого 2400 кв. сажений. Пашня предварительно уваживалась: «А навоз им возити на великого князя пашню своих дворов по 30 колышек на десятину, а мера колышке в длину и поперег четыре пяди, а вверх две пяди». Пядью обычно обозначали расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами (иногда между большим и средним пальцами)⁶⁷. Пядь в переводе на метрическую меру равна примерно 17—20 см. Отсюда следует, что «колышек» представлял в первой половине XVI в. небольшую телегу (или возок), специально предназначенные для перевозки навоза, размером около 80 × 80 см. Ясно, что и убирать урожай также входило в обязанности крестьян, хоть в писцовых книгах таких сведений нет. Вероятно, и перевозить урожай в указанное место приходилось опять-таки крестьянам, т. е. за формулой «пахати с выти по десятине» подразумевалась не только обработка земли и сев, а весь сельскохозяйственный цикл работ.

Показатель отработочной ренты на двор в дворцовых владениях первой половины XVI в. равен 0,9—1,4 десятины в двух полях. Это соответствует нормам первой половины XVII в. в помещичьих и отчасти монастырских хозяйствах⁶⁸.

Помимо барщины, крестьяне платили небольшие суммы денег за так называемый «мелкий доход» или, как еще говорили, «столовый запас», куда входили продукты животноводства и птицеводства: полоть мяса, баран, гусь, кура, яйца, масло, сыр, сметана. Иногда здесь могли присутствовать продукты лесного промысла: тетерева, зайцы, грибы, орехи, ягоды. Причем при коммутации этого мелкого дохода денежный эквивалент часто устанавливался вне зависимости от того, какие реальные продукты входили в его состав. Так, в Волоцком у. в упоминаемом уже селе Паликино к продуктам столового запаса, которыми были изоброшены земледельцы села Буйгорода, добавлены орехи и ягоды. Тем не менее денежный эквивалент столовому запасу в обоих селах был установлен одинаковым — 24 деньги с выти. Кроме того, крестьяне платили деньги за дань и посошный корм. В среднем на выть с учетом всех денежных владельческих платежей приходилось 29—30 денег.

Во второй половине XVI в. на окраинных территориях тяжесть барщины на выть возрастает. В Веневе к 5 дес. надельной земли добавлялось 1,5 дес. господской, т. е. с выти надо было распахать 3 дес. в двух полях царской запашки. Соответственно возрастает доля господского поля, занимая 23 % всех посевных площадей. Что касается норм барщины в Казанском и Свияжском уу. в 60-х годах, то мы располагаем лишь ретроспективными сведениями из более позднего описания 1565—1568 гг. Унификация владельческой ренты

в дворцовых хозяйствах была проведена, по всей вероятности, писцом Семеном Нормацим (Нармонским) в 1562/63 г. Им была установлена десяти-четвертная (пятидесятинная) выть доброй земли, с которой крестьяне были обязаны пахать «по десятине ржи и по десятине яри». Мелкий доход ни натурой, ни деньгами не взимался: «а доход oprичь пашни не помечен никакой», что объясняется недостаточной крестьянской колонизацией края. Ясачное население к барщине не привлекалось, у них были иные принципы обложения. Русских же земледельцев катастрофически не хватало, землеустройство дворцовых сел только начиналось. К концу XVI в. обстановка в Казанском крае изменилась: из разоренных экономическим кризисом центральных районов миграционные крестьянские потоки устремились на юг, северо-восток, восток. Судя по дозорной книге 1599 г. дворцовые села Казанского у. многодворны. Нормы барщины формально остаются прежними: «Пашут на государя царя и великого князя... на выть по две чети ржи, а овса вдвое»⁶⁹. Однако речь идет не о прежних «казенных» четвертях, а о новых — «таможенных».

В течение XVI в. правительство неоднократно предпринимало попытки унификации в разных регионах основной меры сыпучих тел — четверти. В источниках содержатся сведения, что во второй половине 80-х годов старая четверть была преобразована, и «новая мера» принята за своеобразный эталон для распространения в других уездах, в частности в Нижнем Поволжье. В царской жалованной грамоте Астраханскому монастырю велено давать на годовую ругу по 51 чети муки и 51 чети овса на год «в новую московскую меру». В 1591 г. в Астрахань посланы «поделав государевы казенные медяные меры за таможенными печатями» для измерения хлеба⁷⁰. Видимо, эта медная четверть и называется в дозорной книге 1599/1600 г. «таможенной». В ней помещалось около 1 четверти + 1 осмины + 1 четверика прежней «казенной» меры. И если ранее 2 четверти ржи высевались на десятину, то теперь 2 «таможенных» четверти ржи должны были занимать большую площадь. В связи с этим меняется и фактическая площадь десятин, которые в дозорной книге 1599/1600 г. именуются «неуложенными», т. е. не соответствующими ранее установленным размерам — 2400 кв. саженим. Показательно, что в XVII в. площадь десятины зачастую увеличивается и равна 3200 кв. саженим, а также и большему числу квадратных саженим. Итак, формально норма барщины осталась прежней, *фактически* же она возросла в казанских дворцовых волостях более чем в полтора раза: с выти полагалось в двух полях царской пашни возделывать 3 дес. 1 осмину (в прежней «казенной» мере). Выть по описанию 1599/1600 г. теряет строго нормированный характер и становится разновеликой, соответственно этому доля царской пашни в хозяйственных комплексах колеблется от 21 до 32 %. Появляются и дополнительные повинности: с выти 500 веников + 500 лубов, причем половина натуральных поборов заменена отработочной рентой на казенных мельницах. Видимо, подразумевался их ремонт: крестьяне за половину веников и лубов получали из казны деньги и делали всякое изделие на государевых казанских мельницах.

Поддавливающее число дворцовых владений было обложено натурально-денежными повинностями: поспом и деньгами. Посопный хлеб состоял из ржи и овса, причем овса взималось обычно в среднем в 1,5 раза больше, чем ржи. Несколько ниже коэффициент в Вологде — 1,2 (см. табл. 3). Оди-

наковое количество ржи и овса собирали с дворцовых владений Нижегородского и Муромского уу. Здесь же существовали и наиболее высокие оклады посопным хлебом: 9,12 четей. Столь же высокий оклад для овса установлен в дворцовых селах Владимирского у. По всей вероятности, юго-восточные районы, примыкавшие к Замосковному краю, давали наиболее высокие урожаи и были в более безопасном положении, чем южные уезды, подвергавшиеся нападению татар. Почти в каждом описании дворцовых селений, изоброченных хлебной рентой, подчеркивается, что в выть кладется дополнительная десятина для посопного хлеба: «А положено на выть пашни по 6 десятин и с тою десятиною, что им дано для посопного хлеба» (Владимир, 1554/55 г.); «Пашни у них вымерено в селе и в деревнях. . . и с тою десятиною, которая дана пахати для посопного хлеба» (Белозерск, 1564 г.); «А на выти отмерено крестьяном пашни паханные худые земли по 7 десятин, да им же отмерено на выть по десятине пашни пахати им для государева посопного хлеба» (Рязань, 1596/97 г.)⁷¹. Однако, как уже отмечалось выше, дворцовые комплексы Костромы, Нижнего Новгорода, Муром платили оброк с выти без дополнительной десятины. Показатель оброчной ренты на двор в среднем 2—3 четверти ржи, в Вологде — 1,2 чети, в Муроме — свыше 6 четвертей. Велик размер поспы на выть в Себежском у. — 10 четей ржи + 12 четей овса (в среднем на двор 4 чети ржи + 5 четей овса). Кроме того, за мелкий доход взималось 80 денег с выти — достаточно высокая сумма для того времени. Конечно, столь высокие нормы могли быть присущи только Северо-Западному региону, к которому и относится Себежский у. Последний включен в таблицу специально для сопоставления с рентными окладами центральных районов страны. Однако возможна и иная версия: в писцовой книге дворцовых имений Себежского у. нет указаний на государственные повинности, которые обычно всегда присутствовали в дворцовых описаниях. Государственные налоги отсутствуют и в сотной Муромского у. Не означало ли это, что размер ренты был увеличен за счет снижения или полной отмены некоторых государственных повинностей? Данное предположение вполне вероятно, так как царь по отношению к дворцовым волостям в одном лице соединял верховного правителя и сеньора. Что такая практика существовала, свидетельствуют писцовые книги рыболовецких промысловых сел Белозерского у., а также посопных волостей Каширского у.

Дозорная книга 1588/89 г. каширских дворцовых волостей Василия Измайлова и подьячего Меншика Заморского совершенно не изучена. Даже Веселовский, специально отметивший ее существование в составленном им «Списке сохранившихся описаний», руководствовался сведениями, почерпнутыми из V тома «Описания МАМЮ», а с самой книгой визуально, видимо, не был знаком. Между тем каширское описание 1588/89 г. представляет уникальнейший источник по ряду проблем. Каширский дворцовый комплекс — один из крупнейших и занимал примерно пятую часть окультуренных земель уезда. Он не был столь разорен, как посопные села центральных районов. В каширских дворцовых комплексах было 23 села, 13 селец, 118 деревень, в которых размещалось 2030 крестьянских дворов и 31 непашенный, итого 2061 двор. «В пусте» помечено: 37 пустошей, 164 двора, 585 мест дворовых. Итак, на долю пустых дворов и мест дворовых приходится 26,6 %, а количество запустевших селений и того меньше: 19,4 %. При этом только 5 пустошей действительно «пусты». В остальных — часть земли или

Таблица 3. Поборы с дворцовых имений, плативших хлебный оброк *

Год	Уезд	Волость, территориальный комплекс, хозяйство	Тяглые дворы	Пашня		Дворов на выть	Посопный хлеб с выти, в четях	
				в дес.	в вытах		рожь	овес
1554/55	Владимирский	Борисовское	191	480	80	2,4	8	12
1564	Белозерский	Ярогомж	42	223	30	1,4	3	5
1565	Нижегородский						6	6
1566	Белозерский	Ирдомск		83,5	11 ³ / ₄		3	5
1567	Костромской	Цибино Сретенское	26	79	13	2	5	7
1577/78	Нижегородский	дворцовые	613		163 ¹ / ₂	3,7	9	9
		посопные	156		76	2	12	12
		бортники	59		5			
1584	Владимирский	Красное	135	240	40	3,4	6	9
1585	Себежский	Никольская губа	23	131	9	2,5	10	12
1586	Муромский	Пурок	693	2084	381	1,8	12	12
1589	Вологодский	Юг и др.	657	1161	167	3,9	5	6
		Спасское	23	60	8	2,9	4	5
		Турунтаево	41	42	7	5,8	4	6
1596/97	Рязанский	Федотьево	152	401	38	4	5	6

* Таблица включает все известные автору дворцовые владения, где основной рентой являлся хлебный оброк: ЦГАДА. ГКЭ. № 11861. Л. 5—8; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 120—123; ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. 1. Л. 23; Ист. архив. 1940. Т. 3. С. 186—187, 199—200; ЦГАДА. ГКЭ. № 5120. Л. 5 об.—7; Анпилов Г. Н. Нижегородские документы XVI в. С. 7—66; АПД. Т. 1. № 1; ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. Кн. 17237. Л. 1—32; Чтения ОИДР. 1907. Кн. 2. Разд. V. С. 63—64; САС. Вып. 2. С. 6—183; ЦГАДА. Ф. 141. 16802. Д. 383.

Мед	Деньги с выти				Пошлина с 1 рубля дворец- кому и дьяку	Всего денег с 1 выти	Платежи, повинности с 1 сохи	
	мелкий доход	солома	скатерт- ное	посель- скому			посошный корм в деньгах	государствен- ные налоги и повинности
	29 или 49	6	0,5	3,5	10 денег	41 или 62	128	Ямские деньги. Полоняничные. Городовое де- ло: Посошная служба
	24	6		40	10 денег	73,5	128	Ямские деньги. Примет. Горо- довое дело. По- сошная служба
	24 100	6		40	10 денег	73,5 100	128	
				30		30		Данные день- ги. Городовое дело
10 п (7 р. 40 денег)					10 денег	2,5 р.		Данные и ям- ские деньги
	40	6		4	10 денег	52	128	Ямские деньги
	80					80		
				+				
	30			30	10 денег	60	128	Ямские день- ги. Приметные деньги
	30			30		60	128	То же
	40			40	10 денег	80	128	Ямские день- ги. Приметные. За городовое, засечное, ям- чужное дело.
1п. 22 ¹ / ₂ гр.					10 денег, с 1 п меда 5 денег		150	Ямские день- ги. Дани: с 1 де- рева меда 3 п. 6 гр.

Примечание: В таблице указана только «пашня паханая». Перелог и пустые дворы в та-
блицу не включались. Количество пашни дано по каждой волости суммарно, без разделе-
ния по качеству земли. Отсутствие сведений в некоторых графах означает, что они
отсутствуют и в используемом источнике. п — пуд, гр. — гривенка; + подбор взимался,
но его величина неизвестна.

даже вся земля распаханна. Каширский комплекс — единственный из всех известных специализировался на монокультуре, выплачивая ренту не рожью и овсом, а пшеницей: с выти — 7,5 четей пшеницы. В качестве сопутствующих культур в небольшом количестве взимались семена конопли и пшена русского: четверть конопли шла с 16 вытей, четверть пшена — с 150 вытей. Всего с каширских волостей в Большой Дворец поступало 7232 чети пшеницы, 60 четей конопель и 6 четей пшена русского. Кроме того, за аренду болот крестьяне давали 38 пудов хмеля⁷². Интересно, что В. П. Семенов, характеризуя Каширский район XIX в., отмечал преобладание здесь пшеницы над всеми другими культурами. Указывая наиболее значительные и древние сельские поселения, он называет Григорьевское, Колтово, бывшие по описанию 1588/89 г. центрами дворцовых волостей⁷³. Традиции агрокультур, сложившиеся в XVI в., а возможно, и раньше, определяли хозяйственное развитие края и в XIX в. Ассортимент ренты был настолько непривычен в сложившейся практике обложения, что в книге описания 1588/89 г. подчеркнуто, что эти посопные культуры (пшеница, конопля, пшено) взимаются в счет нескольких повинностей: «А оброку з живущих вытей за дань и за посошный корм и за мелкий доход и за государеву ржаную и за яровую пашню... пшеницы... конопель... пшена русского». Итак, пшеница и сопровождающие ее культуры (конопля+пшено) покрывали не только владельческую ренту (барщина+мелкий доход), но и некоторые государственные повинности (дань, посошный корм). «Дань» как самостоятельный платеж в дворцовых описаниях других уездов встречается лишь в Нижнем Новгороде 70—80-х годов. Дворцовые крестьяне Балахны в 1558/59 г. и Волоцка 1543/44 г. платили денежный оброк «за дань». Оброк медом за дань введен в Вeneве (1570/71 г.) и в Федотьевской волости Рязанского у. (1596/97 г.)⁷⁴ В Каширском у. дань трансформировалась в хлебный оброк. «Мелкий доход», шедший сенюру и состоящий согласно давней традиции в основном из продуктов животноводства, в царских хозяйствах XVI в. взимался не натурой, а деньгами (около 30—40 денег) с выти. В Федотьевской волости Рязанского у. за него платили мед, в Каширском у. — хлеб. Интересная трансформация в Каширском у. происходит с посошным кормом, который всегда взимался с сохи и на протяжении XVI в. в дворцовых владениях равнялся 128 деньгам. Единственными известными исключениями являлись Рязанский и Каширский уу., где окладной единицей для посошного корма стала не соха, а выть. В Рязанском у. этот вид обложения сохраняет денежный характер (2 деньги с выти, итого 150 денег с сохи), в Каширском — заменен хлебным побором. По всей вероятности, конопля и пшено были введены как заменители посошного корма и мелкого дохода.

С каширской выти взимались также денежные платежи: 40 денег за посельнич доход, 6 денег за солому, 2 деньги за езовое дело, итого 48 денег с выти. Кроме того, как и в других волостях, в пользу дворецкого шли пошлыны: с 1 р. — 10 денег. Оброк платили и непашенные дворы в размере 12 денег со двора+пошлина (1 деньга со двора). С 17 промысловых рыболовецких дворов Тешиловской слободки брали по 40 денег. Пошлыны в этом случае шли не со двора, а со всей суммы денег (с 1 р. — 10 денег). Рыболовам было дано «под дворы и под огороды и на выпуск и лугу на 10 чети в одном поле, а в два не дано»⁷⁵, т. е. примерно полчетверти на двор. Здесь же был торжок, «а торгуют в неделю один день: в среду». Таможенный откуп с торго-

в 1588/89 г. равнялся 34 р. Всего же на 2061 крестьянский двор (с учетом 31 непашенного двора), помимо государственных налогов, натуральной ренты, таможенного откупа приходилось 347 р. 163,5 денег, собираемых в казну. Основная часть (66,5 %) падала на вытные платежи. Оставшуюся долю составляли главным образом арендные деньги: за сьем земель, лугов, рек, озер.

Можно ли, хотя бы приблизительно, выразить в денежном исчислении посопный хлеб, т. е. натуральную ренту? Думается, что такую возможность открывает сопоставление посопных каширских сел с двумя оброчными деревнями, расположенными в Каширском же у. в Туровском стане на худой земле и платящими те же повинности, что и тяглые крестьяне, но в денежном выражении. «А оброку давати з дворов и с пашень за дань и посопный корм и за мелкий доход и за цареву за ржаную и за яровую пашню 8 р. 26 алтын 3 деньги»⁷⁶. Деревни описаны 4 вытьями, следовательно, на выть приходится 2 р. 40 денег. Но является ли эта сумма близким денежным эквивалентом посопной пшеницы, конопли и пшена русского? Сумма достаточно высокая, возможно, именно поэтому остальные повинности (деньги за солому, езовое дело, посельнич доход) выплачивались в меньшем объеме, чем это было принято во всем каширском дворцовом комплексе. Тяглые крестьяне платили с выти 48 денег, оброчные — в два раза меньше.

В дворцовом ведомстве ряд селений был занят рыбной ловлей. Большой комплекс находился в Белозерском у. по р. Шексне. Крестьяне ряда волостей были освобождены от основных государственных повинностей: ямских денег, посошной службы, городского дела, исполняя отработочную ренту по устройству царских езов. «И с тое волости ямских денег не платити, и посошные службы с них не наряжати, и городского дела им не делати. А за ямские деньги и за посошную службу и за городовое дело бити царев и великого князя ез». Причем эта практика сложилась не позднее середины XVI в., так как от февраля 1557 г. сохранилась сотная на Иванов Борок, где также основные государственные повинности заменены устройством езов⁷⁷. Пришекснинские волости платили в счет владельческой ренты оброк рыбой ценных пород (осетр, стерляди, белорыбца, севрюга) и осетровой икрой или вносили деньги. Государственные повинности заменены отработочной владельческой рентой по устройству царских езов, которые составляли мощные гидросооружения. Ленинградские ученые, издавшие Белозерскую езовую книгу 1585 г., пишут, что строительство езов продолжалось от 3—4 недель до полутора месяцев и занимало подчас шестую часть взрослого работоспособного населения волости⁷⁸. Кроме того, крестьяне заранее должны были заготовить большое количество древесины: несколько сотен бревен, а также колоды, жерди. Несколько человек выделялись в сторожа. Рыболовецкие имения положены в выти, однако прямой зависимости между количеством рыбного оброка и числом вытей нет. Такая зависимость существует между числом вытей и размером еза, состоящего из «козлов». В Заягорбской волости 34 выти, крестьяне взамен государственных повинностей строят Цылинский ез из 28 козлов. «В той же Заягорбской волости у Цылинского езу осталось у козлов живущих вытей 6 вытей. . . а с тех вытей бити им царя и великого князя ез пустой Коленцовский». В вол. Федосьин Городок с оставшихся «у козлов» вытей взимают посопный хлеб (1,5 четверти ржи + 3 четверти овса) + мелкий доход 20 денег + посопный корм + рыбный

оброк⁷⁹. Следовательно, выть выступает как окладная единица для отработочной ренты, введенной взамен государственных повинностей. Рыбный оброк и привоз рыбы дважды в год в Москву с вытным письмом не взаимосвязаны. Это свидетельствует о некотором искусственном характере поземельного вытного обложения в рыболовецких волостях. Здесь нет той органической связи, которая существовала в пашенных посопных селах между числом вытей и величиной ренты.

Помимо хлеба и рыбы, в дворцовое ведомство поступал в большом количестве мед, особенно из Поволжья и Рязанского у. Известны селения бортников в Нижегородском, Владимирском, в Балахнинском уу. Мед поступал и с ясачных народов. В Федотьевской волости Рязанского у. мед взимался за мелкий доход + посошный хлеб: с выти 1 пуд 22,5 гривенки. Кроме того, полагалась особая плата за бортные ухोजи: за «дерево» 1 пуд 30 гривенок + + пошлыны 5 денег с пуда. Ухोजи Федотьевской волости занимали большую территорию 6 верст × 7 верст, где было 5 деревьев с пчелами + 190 деревьев «делавах», за которые также полагалось платить мед. Всего, помимо вытных платежей, бортники вносили с этого ухोजея около 35 пудов меда и 174 деньги пошлын. Бортники жили в селе и деревнях и несли еще вытное тягло. В д. Торчиново бортник Васья Федоров описан $\frac{1}{8}$ вытью, а в д. Новяки бортник Гришка Игнатьев — $\frac{1}{4}$ вытью⁸⁰. Бортники Нижегородского у. были изоброченены только медом: с выти 2 пуда 16 гривенок, что в денежном исчислении составляло 288 денег (см. табл. 3). В середине XVI в. крестьяне Балахнинского у. давали с выти меда 1,5 пуда 2 гривенки, из расчета за 1 р. — 3 пуда. «Да сверх доняти со всех вытей 1,5 пуда 2 гривенки»⁸¹. Как видим, в бортных селениях вытное поземельное обложение, как и в рыболовецких волостях, также носило несколько искусственный характер. Применялись разные способы взимания меда: повытное обложение, добавочные платежи за бортные деревья, дополнительная разверстка на всю волость.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что дворцовое ведомство попыталось внедрить и приспособить поземельное вытное обложение во всех своих хозяйствах, в том числе промысловых, где натуральная рента в конечном итоге не зависела от числа вытей. Феодалная рента в дворцовых хозяйствах отличалась известным своеобразием: на протяжении всего XVI в. отработочная повинность в форме барщины занимала крайне незначительное место среди других форм ренты. Преобладающую роль играл хлебный оброк: рожь и овес. В Кашире существовал крупнейший комплекс по выращиванию пшеницы. Ряд дворцовых селений было занято рыбной ловлей и бортничеством: рента выплачивалась рыбой и медом, которые в большом количестве поступали в дворцовое ведомство, где, помимо других учреждений, существовал специальный Сытенный дворец для хранения и переработки меда. Рыба шла в Кормовой дворец⁸². Увеличение владельческой ренты могло осуществляться за счет отмены некоторых государственных налогов и повинностей. Денежная рента в чистом виде встречается редко, но какое-то количество денег полагалось платить с выти: главным образом за посельнич доход (посельскому) и за мелкий доход. Мелкие натуральные поборы продуктами животноводства, которые обычно встречаются в частновладельческих имениях (мясо, масло, яйца, овчины и т. п.), полностью заменены деньгами. Правда, не исключено, что в царских селах Московского, Старицкого уу. подобные «столовые припасы» натурой могли сохраниться. Довольно часто

взимались деньги за солому: 6 денег с выти (см. табл. 3). Всего с выти взималось 40—60 денег. Интересно, как устанавливалась цена за мелкий доход в 1554/55 г. в дворцовом селе Борисовском. Крестьяне первоначально платили мелкий доход «по дворцовым книгам», из расчета 29 денег, и привозили его в Москву. Однако предусматривалась ситуация, когда крестьяне не отправляли возы с продуктами из Владимирского у., а покупали предметы, входившие в мелкий доход, в Москве или же отдавали деньги в ведомство за столовый доход. Цены в Москве были выше. По сотной 1554 г. «велит государь за мелкий доход имати деньгами, а за мелкий доход имати на крестьянех по здешней цене по московской: с выти по 8 алтын с деньгою», т. е. 49 денег⁸³.

Экономический кризис, разразившийся в стране в 70—80-х годах, нанес чувствительный удар по дворцовому хозяйству. В вологодских дворцовых волостях в 1583/84 г. пашня составляла 19 % от всей ранее культивируемой земли, а в 1589/90 г. и того меньше — 12,6 %. Соответственно снизилось и количество хлеба, денег, поступавших в казну. Исходя из вытного расклада, Вологодский у. мог поставлять около 14 600 четвертей хлеба и 460 р. Однако в 1589 г. крестьяне теоретически (без учета недоимок) были в состоянии собрать в счет названных цифр 13 % ржи, 10 % овса и около 12 % денег. Еще хуже обстояло дело в Нижегородском крае, где последствия экономического кризиса были усилены «черемисской войной». В результате этого со всех посопных и бортных сел прекратили взимать все виды ренты. Таким образом, из строя вышли две важнейшие дворцовые «житницы». Правительство Федора Ивановича, обеспокоенное положением дел, проводит в середине 80-х годов реформу, согласно которой треть доходов с запустевших земель перекладывает «на живущие выти на все дворцовые волости». Вот как звучит царский приговор в сотной 1584/85 г.: «Федор Иванович. . . перечневых списков всех дворцовых сел слушал и велел во всех дворцовых селах пустоты, что убыло по новому письму перед старым: вытей и посопного хлеба и денежных доходов две трети сложити, а третью треть пустоты положить на живущие выти на все дворцовые волости. И того нялось по разводу со всех дворцовых треть пустоты на живущие выти: на 16 вытей — выть. И того нялось по разводу с выти по полуосмине ржи да с 2 вытей по малому третнику. А денежных доходов с тое пустые трети нялось с выти по 9,5 денег»⁸⁴. Что такая реформа была проведена, убеждают дополнительные 2,5 выти, приписанные к селу Красному Владимирского у. По сотной 1584/85 г. в Красном было 40 вытей, т. е. если исходить из посылки, что на каждые живущие 16 вытей класть одну дополнительную, то, действительно, к 40 вытям надо было дописать 2,5 выти. Если с обычной выти в селе Красном брали 6 четвертей ржи + 9 четвертей овса, то с дополнительных — по 4 четверти $\frac{1}{3}$ ржи + 5 четвертей $\frac{2}{3}$ овса. Показательно, что у дробей знаменатель равен 3. Дьяки сложили все недоимки и третью часть посопного зерна разложили на живущие выти. Неясно только, о каком «старом письме» шла речь, вероятно, учитывалась сравнительно недавняя «пустота». Видимо, за основу принималось описание конца 70-х годов, для некоторых регионов, возможно, описание 60-х годов. Во всяком случае, учитывалась не вся пустота, так как в селе Красное было 44 выти пустых, перелогом лежало 266 десятин. В сотной 1584/85 г. указывается время запустения ряда

дворов, в том числе основной причиной появления дворовых мест называется знаменитое «лихое поветрие» 1570/71 г.: «а запустили те места от морового поветрия тому 15 лет». В трех случаях указаны и более длительные сроки: 17, 18, 20 лет. Но на основании этих хронологических данных нельзя судить о датировке «старого письма». Из судебного дела 1585 г. известно, что писцы 1577/78 г. во Владимирском у. «дворцовых сел не писали». Наиболее позднее из известных нам по Владимирскому у. дворцовое описание произошло в 1554/55 г.⁸⁵, но вряд ли оно имелось в виду.

Крестьянское хозяйство в XVI в. базируется не только на использовании надельной пашни, но и съемной земли. Первые сведения об арендуемой пашне в дворцовых хозяйствах относятся к крестьянам села Борисовское Владимирского у., которые, судя по сотной грамоте 1554/55 г., помимо 480 вытных дес. (в одном поле), распахивали два поля по 308 дес., «а третьего поля нет». Писец разверстал двухполье на трехполье, получилось по 205 дес. с осминою в одном поле. «А оброку с тое пашни давати по старине: по 8 рублей на год да пошлин дворецкого и дьячих с 1 рубля по 10 денег»^{85а}. Получается несколько выше 8 денег за десятину при трехпольном расчете, т. е. 8 денег за 3 десятины или 2,7 деньги за одну десятину. Но так как впоследствии сдаваемая земля всегда описывалась трехпольем, то запомним цифру: 8 денег за десятину, 4 деньги за четверть. В 80-х годах в дворцовых владениях наиболее частая тарифная ставка: 6 денег за четверть, не взирая на качество земли. Следовательно, арендная номинальная плата за несколько десятилетий возросла более чем на 50 %. Однако если в конце XVI в. съемная пашня не описывалась ни сошным, ни вытным письмом, то в 1554/55 г. оброчная пашня положена в сохи. Борисовские крестьяне должны были с 0,5 сохи заплатить за посошный корм 64 деньги + ямские деньги. В тот период дань и ямские деньги были взаимозаменяемы: обычно вместо них земледельцы вносили с сохи определенную сумму, называемую «оброком», минимальная величина которой всегда превышала рубль. С учетом сошных платежей, а также пошлин, идущих дворецкому и дьякам, можно утверждать, что в 50-х годах съем 1 десятины пашни вряд ли обходился крестьянам дешевле, чем в 80-х годах.

Проблема внеадельного землепользования в советской историографии глубоко изучена Горской, которая на основе материалов о монастырских крестьянах XVII в. и применения как традиционно-исторических, так и математических методов доказала, что внеадельное землепользование являлось органической частью феодальной системы земельных отношений на протяжении последней трети XVI—XVII в. Оно носило всеобщий характер: оброчные земли обрабатывала подавляющая часть крестьянских дворов. Основным типом оброчных угодий были пустоши. Перевод оброчной пашни в тягло, по мнению автора, явление исключительное. Внеадельное землепользование, традиционно дополняя надельное, служило для земледельца средством наиболее полного использования меняющихся трудовых и хозяйственных ресурсов крестьянского двора, а для крестьянина-земледельца было единственным способом вести при благоприятных условиях расширенное воспроизводство своего хозяйства⁸⁶.

Особенности внеадельного землепользования в дворцовых имениях последней четверти XVI в. возможно рассмотреть по существу лишь на основании материалов дозорной каширской книги 1588/89 г., так как описания

других уездов открывают перед нами безрадостную картину запустения, где сѣм пашни встречается редко. Каширский дворцовый комплекс занимал 12 693 десятины в одном поле. К концу 80-х годов облагаемая рентой пашня занимала 52,6 % посевных площадей, 7 % приходилось на оброчные земли, 5 % — на наемные, т. е. реально обрабатываемая земля равнялась 64,6 %, из них 12 % приходится на вненадельное землепользование. Если же расчет вести только по живущей «пашни паханой», то доля вненадельной земли достигала 18,6 %, т. е. занимала почти пятую часть⁸⁷. Для ее обозначения дозорщики использовали два термина: «земля оброчная» и «земля наемная». Встает вопрос: скрываются ли за этими двумя понятиями разные типы аренды, или же писцы обозначали одно и то же явление синонимами. В историографии сложилась традиция, согласно которой эти понятия не различаются. В ряде работ термины: «наемная», «оброчная», «арендная», «наезжая» пашня употребляются как взаимозаменяемые. И это объяснимо, так как термин «оброк» в XVI в. нес многосмысловую нагрузку и использовался в значении нормированного платежа. При изучении каширской дозорной книги 1588/89 г. первоначально возникает впечатление, что принятое в историографии мнение правильно: в одних волостях фигурирует только оброчная земля, в других — лишь наемная, т. е. два лица, посланные писцом «для дозора» в разные волости, употребляли для одного явления наиболее привычные для себя термины. Но это не так. В наиболее крупных волостях (Лысцовской, Соломенской) оброчные и наемные земли фигурируют параллельно и в итогах по волостям подсчитываются раздельно. Такая же картина и в итоговой записи по всему каширскому дворцовому комплексу: «на оброке по государевым оброчным грамотам» — 791 десятина, «из найму пахано» — 566 десятин. Следовательно, в представлении приказного аппарата конца XVI в. оброчная и наемная земля не были тождественны.

При рассмотрении этих двух типов пашни первое, что обращает на себя внимание, — их большая схожесть. И оброчная и наемная земля освобождены от всякого тягла: они не положены ни в вытное, ни в сошное письмо. Это неоднократно подчеркивается как в тексте книги, так и в ее итоговой части. На этом (крайне важном факторе) сходство их кончается, и вырисовывается достаточно загадочная картина. Оброчный сѣм неплохо изучен. Пустоши или перелог в селениях («наезжая пашня») давались на оброк «по государевым оброчным грамотам». Правда, не совсем ясно, в каком качестве выступает здесь царь: то ли как сеньориальный владелец земель, то ли как носитель государственной власти. За полученную на оброк землю вносились деньги «в государеву казну в приказе Большого Дворца». Обычная такса, которая всегда отмечалась писцами, — 6 денег за четверть земли вне зависимости от ее качества. Но могли платить больше, могли меньше. Во всяком случае, крестьянин за землепользование всегда должен был платить в форме ли ренты или же арендных платежей. *Наемная земля* в каширском дворцовом комплексе *ничем не облагалась*, в Большой дворец с нее не поступало никаких денежных или натуральных платежей. В то же время, писцы отделяют ее от перелога (ничем не облагаемого) и льготной пашни (освобожденной от тягла временно).

То обстоятельство, что до нас дошло не само описание 1588/89 г., а лишь приправочный список с него, выполненный в начале XVII в., крайне затруд-

няет изучение внаемных земель. Материал о внутриобщинном землепользовании, о подворном обложении в приправочные списки начала XVII в., как правило, не включался. Кроме того, с точки зрения фиска наемная пашня не представляла интереса для дворцового ведомства, поэтому сведения о ней переписывались небрежно. Порой лишь рефрен («наемная пашня в выти не положена»), помещенный в конце описания селения, свидетельствует о наличии в нем этой формы съема. По сравнению с оброчными землями, которые охватывают достаточно крупные массивы перелога (весь имеющийся перелог в селении), а также пустоши, термин «наемная» почти всегда соседствует со словом «пашня», и ее величина обычно невелика: 3—4 дес., иногда даже опускаясь до десятины, но и зафиксированы случаи, когда она достигала 15 дес. По всей вероятности, съем небольших участков пашни оформлялся на месте. Плата же поступала или дворцовой уездной администрации и шла на ее содержание, или, что вероятнее, взималась в пользу крестьянского мира. Установление факта различия в приказном делопроизводстве XVI в. двух форм съема земли несомненно привлечет внимание историков, благодаря чему в конечном итоге статус наемной пашни будет определен.

Необходимо остановиться и еще на одном отличии в ситуации съема XVI и XVII вв. Дворцовое ведомство стремилось к переводу оброчных земель в тяглые. Правда, возможно, здесь сказывалось не столько своеобразие эпох (XVI и XVII вв.), сколько особое положение этих земель, владелец которых, царь, был заинтересован в получении не только сеньориальной ренты, но и государственных налогов. В оброчных грамотах срок пользования съемной землей устанавливался «до тех мест, как на ту пашню жильцы порядятся», «до тех мест, как на ту пустошь жильцы порядятся». Эти клаузулы были помещены в грамотах, выданных на дворцовые земли не Каширского, а Вологодского у. и отмечены при описании 1589/90 г.⁸⁸ Следующие обстоятельства позволяют нам считать, что точно такой же пункт присутствовал и в каширских оброчных грамотах: в 80-х годах в подавляющем большинстве дворцовых хозяйств вводится довольно жесткая унификация. В каширских и вологодских комплексах на выть кладется 6 дес. доброй (7 средней, 8 худой) земли, 30—40 копен сена, 1 дес. леса. И там и здесь встречается как коллективный, так и индивидуальный съем оброчных земель, наиболее распространенная такса — 6 денег за четверть земли вне зависимости от ее качества, одинаков размер пошлин с оброчных платежей (с 1 р. — 10 денег), и даже срок уплаты ежегодных оброчных денег часто совпадал (Оспожин день — 15 августа). Унифицированы цены за оброчное сено — 1 деньга за копну. Наконец, в каширском описании нигде не указаны сроки действия оброчных грамот, следовательно, там тоже присутствовал пункт о сохранности земли за оброчником «до тех мест как на ту пустошь жильцы порядятся».

Наше предположение подтверждается текстом каширской дозорной книги 1588/89 г. В волости Липецкой в селе Кипилово было 80 дес. вытной пашни, «да в том же селе на оброке того же села за крестьянином за Меленкою Микифоровым 74 десятины, а в выти та оброчная земля не положена. А оброку в приказ Большого Дворца с чети по алтыну, пошлин 8 алтын 1 деньга. А убыло из наезжие пашни в тяглую пашню 7 десятин в поле, а в дву по тому ж», т. е. 1¹/₆ выти. Интересно отметить, что оброчник Меленка Микифоров снимал еще пустошь, «что была деревня Маркитаевская», выпла-

чивая одних оброчных денег за землю около 7 р. в год. В соседней д. Зайцево «вышло из оброчной пашни в тяглу 6 десятин»⁸⁹. В обоих случаях крайне важен один момент: несовпадение количества взимаемых оброчных денег, пошлин с них и числа оброчных десятин. В селе Кипилово дозорщики, указав точную цену за четверть и количество пошлин, опустили сумму взимаемых оброчных денег. Если $74 \text{ дес.} \times 12 \text{ денег} = 4 \text{ р. } 88 \text{ денег}$, то пошлин с них следует взимать не 49 денег, как указано в книге, а 44,5 денег. Однако все встает на место, если рассчитать сумму денег не с 74 дес., а с 81 дес., т. е. с учетом земли, выбывшей в тяглу пашню. В д. Зайцево указано 8 дес. оброчной земли, также по алтыну за четверть, названа и сумма оброчного платежа — 28 алтын 4 деньги и сумма пошлин — 7,5 денег. Но эти платежи рассчитаны не с 8 дес., а со всей земли, ранее бывшей на оброке, с учетом выбывших в тягло 6 дес. Перед дозорщиками стояла трудная задача: при изложении текста правительственной оброчной грамоты они не смели произвольно записать в писцовую книгу иную сумму платежей, чем указано в официальном документе. Поэтому порой они могли выпустить (не зафиксировать в описании) основную сумму оброчных денег, но обычно переписывали все условия грамоты, кроме количества земли, так как выбывшая из оброка в тягло пашня уже была описана вытями, количество всей тяглой пашни дано в итоговых данных по селению. Опираясь на методический признак, состоящий в выявлении несоответствия цифр по оброку, можно выявить и другие случаи перевода наезжей пашни в тяглу.

Крестьяне каширской дворцовой волости, помимо оброчных земель, платили также оброк за пользование озерами, реками, лугами, за установку перевесей. Достаточно крупная сумма выплачивалась за невытное сено (за 1 копну — 1 деньга), т. е. за сено, которое оставалось сверх установленной нормы (на выть 30 копен). Эти деньги поступали не в казну Большого дворца, а в Конюшенный приказ. Возможно, перед нами трансформация в денежную ренту старинной крестьянской повинности («коня кормить»).

В заключение надо отметить следующее: дворцовое ведомство в течение всего XVI в. упорно вводило выть в качестве окладной единицы во всех своих территориально-административных комплексах. Тем не менее далеко не все поборы носили вытный характер. Рыбный и медовый оброк в ряде селений не зависел в конечном итоге от вытного письма. Еще более это касается пушной ренты. В целом же в селениях, подчиненных дворцовому ведомству, существовала унифицированная выть в качестве основной поземельной единицы и регламентированные нормы ренты.

Владельческая рента в вотчинах духовенства

XVI век характеризуется резким возрастанием удельного веса монастырского землевладения. Значительная часть духовно-корпоративных приобретений появилась путем захвата крестьянских волостных территорий, великокняжеских пожалований черных и дворцовых земель, покупок, вкладов со стороны светских феодалов⁹⁰. Возникают монастыри-гиганты всероссийского масштаба. Вотчины Троице-Сергиева монастыря располагались чуть ли не во всех уездах страны и насчитывали 143 тыс. четвертей в одном поле. Владения Симонова монастыря находились в 19 уездах. Их размер достигал 18 тыс. четвертей. В противоположность двум названным монастырям, основное ядро

вотчины Иосифо-Волоколамского монастыря было расположено в непосредственной близости от него — в Рузском и Волоцком уу. (74 % всех земель). Всего в его распоряжении находилось около 23 тыс. четвертей⁹¹. Достаточно быстро растет число монастырей и их вотчин на черносошном Севере. Особенно это касается южных уездов Поморья (Белозерского и Вологодского), где сосредоточились вотчины ряда монастырей, в том числе такого гиганта, как Кирилло-Белозерский. Увеличивается число вновь основанных духовных корпораций. Так, в Каргопольском у. в XV в. было 3, в XVI в. — 8, в XVII — 12 монастырей⁹².

Степень и формы эксплуатации монастырских крестьян были крайне разнообразны. Помимо географического фактора (жители Умбской волости платили Соловецкому монастырю издельщину продуктами рыболовного и охотничьего промысла⁹³), на положение крестьян влияли размеры землевладения духовных корпораций и наличие у последних иммунитета, благодаря которому ряд владений церковных феодалов был освобожден от уплаты государственных налогов и от вмешательства в судопроизводство великокняжеских судов. Кроме того, «престижность» крупных духовных корпораций способствовала росту денежных вкладов, «пожертвований» со стороны светских феодалов, что, в свою очередь, накладывало своеобразный отпечаток на монастырское хозяйство, делало его менее «напряженным». Примечательно, что после страшной эпидемии чумы 1570/71 г. и неурожая, в условиях идущего экономического кризиса, в Коломенском у. в 1577/78 г. земледельческое хозяйство местных небольших монастырей пришло почти полностью в упадок: чуть ли не все земли были «запереложены», крестьяне разошлись. В то же время в соседствующих имениях Троице-Сергиева, Чудова, Симона, Данилова монастырей, в вотчинах митрополита сельскохозяйственное производство, хоть и в сильно урезанном виде, продолжалось, количество запереложенной пашни в них меньше⁹⁴.

При изучении особенностей владельческой ренты на территории Северо-Восточной Руси почти все историки опирались на факты, почерпнутые из монастырских документов. И вместе с тем приходится констатировать, что иллюстративный подход к сведениям способствовал тому, что до настоящего времени повинности монастырских крестьян и их эволюция на протяжении XVI в. не исследованы. Еще хуже обстоит дело с монастырскими сеньориальными окладными единицами, вопрос о которых в советской историографии даже не ставился. Основным препятствием служит то обстоятельство, что в государственных описаниях монастырских вотчин вплоть до 90-х годов величина ренты не указывалась. Мешает также крайнее разнообразие местных условий, географических и политических факторов, которые в каждый определенный хронологический отрезок оказывали влияние на форму и структуру владельческой ренты.

В первом параграфе, говоря о влиянии обычного права на величину выти, мы оперировали и монастырскими данными. Две широкоизвестные указные грамоты: митрополичья — Царево-Константиновскому монастырю (1496—1510 гг.) и угличского звенигородского князя — Савво-Сторожевскому монастырю (30 января 1490 г.) — свидетельствуют, что уже в XV в. центральные духовные корпорации использовали условно-поземельный принцип обложения, имели окладную единицу, куда, помимо крестьянской надельной земли, входила дополнительная господская десятина. В грамоте 1490 г. как госу-

дарственные повинности (дань), так и владельческий оброк шли «с десятины» (дополнительной, господской). Роспись оброка «с десятины» встречается и в первой половине XVI в. вплоть до 60-х годов в Иосифо-Волоколамском (1532 г.) и Краснохолмском (1564 г.) монастырях, причем в контексте уже появляется именование окладной единицы — выть⁹⁵. В Царево-Константиновской духовной корпорации дается крестьянам по пять десятин в трех полях, а пахать на монастырь шестую десятину. Крестьянской наделной земли могло быть и больше пяти десятин, но неизменным оставалось соотношение «на пять шестой»: взявший пашни больше пяти десятин «пахал монастырскую пашню — шестой жеребей»⁹⁶. Характерно, что в некоторых монастырских хозяйствах окладную единицу называли «жеребей». По смысловому звучанию оба термина «жеребей» и «выть», означая часть, долю, участок, взаимозаменяемы. Однако в дворцовых селениях Северо-Восточной Руси официальное наименование окладной единицы всегда выть. В монастырских хозяйствах нет столь жесткой унификации, особенно если описание носило местный характер и проводилось силами духовной администрации. Надо отметить, что, судя по опубликованным актам, слово «жеребей» имело широкое распространение в обиходной речи XVI в. Возможно, на подобную ситуацию повлияло то обстоятельство, что к этому времени синоним «жеребья» «выть» принял характер регламентированной окладной единицы в дворцовых и поместных землях. Кроме того, при разделе имущества, земли часто применяли жеребьевку, соответственно доставшаяся часть именовалась жеребем. В троицком селе Паникарове Ростовского у. в 1529 г. окладной единицей служил жеребей, равный 16 четвертям, реже — 15 четвертям. В 1580/81 г. при описании митрополичьих владений митрополичьим же писцом в Ростовском у. Корашской волости деревня Рышкова положена также в жеребей: в живущем 2,5 жеребья, а в пуге 5 жеребев. «А сеют на жеребей живущий по 15 чети в поле». По этим двум достаточно далеко отстоящим друг от друга по времени документам можно судить, что в Ростовском у. окладная единица обычно именовалась «жеребей». В других писцовых книгах, составленных несколько позже, на ту же Корашскую волость земля положена в выти: «А на выть крестьяне сеяли по 18 четвертей». В другой митрополичьей деревне того же уезда по книгам 1583/84 г. «сеют на выть по 16 чети в поле». Интересно, что в переписной книге вотчин Кирилло-Белозерского монастыря в 1601 г. в Ростовском у. «жеребей» продолжает функционировать, им описываются деревни, и он представляет более крупную единицу, чем выть. «А сеется на жеребей по 31 чети ржи, а на выть с четью сеется 11 чети ржи»⁹⁷. Следовательно, на 1 выть высевалось более 8 четвертей с осминой. Правда, нам неизвестно, какая четверть имела в виду. Если «таможенная четверть», которая была введена в казанских дворцовых селениях в 1599 г., распространена на всю страну, то на выть приходилось 13—14 прежних четвертей.

Итак, только по одному Ростовскому у. церковная окладная единица равнялась 15, 16, 18 четвертям, причем качество земли не указывалось. В митрополичьей вотчине Владимирского у. на выть сеют 15 четвертей, а в селе Пушкино Московского у. — 13 четвертей⁹⁸. Такой разноречивой не должен смущать. Даже унифицированная дворцовая выть, как мы показали на примере Волоцкого у. 40-х годов, на практике имела отступления. Подсчет земли в три поля (а они никогда не были тождественны) всегда предпола-

гал некую условность при описании пашни вытным письмом. Кроме того, в дворцовых имениях была установлена величина десятины (2400 кв. сажень), и эта величина соотнесена с количеством высеваемого ржаного зерна. Церковные вотчины пользовались известной автономией, и земля в них стала измеряться лишь во второй половине XVI в., при этом лишь к концу XVI в. стали отмечать количество земли меньше четверти. Измерение земли в XVI в. достаточно условно и не может соответствовать по точности генеральному межеванию XVIII в. Да такая точность и не нужна была в то время. Вотчинник мог несколько поднимать или опускать размер ренты на выть в том или ином селении. Вышеприведенные цифры приблизительно соответствуют 6-, 7-, 8-, 9-десятинной выти. Такая выть, в зависимости от качества почвы, встречается и в дворцовых хозяйствах.

При государственном описании вотчин качество пашни указывалось. К концу века в писцовых книгах иногда фиксировалась и величина церковной выти, особенно в тех случаях, когда монастырю передаются дворцовые земли. При описании 1586 г. усольской вотчины Коряжемского монастыря в выть клалось 14 четей средней и 16 четей худой земли. Такая же норма выти была принята в Пошехонской Андриановой пустыни: на выть дано в 1584/85 г. по 8 десятин худой земли. В Усольском же у. были расположены вотчины вологодского епископа: в выти — 14 четвертей средней земли, 16 четвертей худой⁹⁹. В Хлыновской вотчине Трифонова монастыря существует другой вариант дворцовой выти — без дополнительной десятины: 12 четей средней земли, 14 — худой. В 1595/96 г. волость Вобловичи Слободского у. передается в монастырь, «в выть положено сreedние земли по 12 четвертей»¹⁰⁰.

Десятичетвертная выть, по всей вероятности, была довольно широко распространена в частновладельческих хозяйствах второй половины XVI в. В 1568/69 г. было произведено описание Рузского у. От этого времени дошла сотная грамота на вотчину Иосифо-Волоколамского монастыря. Земля оценена как «середняя» и «худая». Термин «выть» в ней не упоминается, хотя, судя по Долговой книге, выть существовала в рузских селах еще в 30-х годах XVI в. Однако знаменательно, что у трети селений (32 %) количество пашни делится без остатка на цифру 10. Полученный процентный показатель слишком велик, чтобы быть простой случайностью, тем более что среднестатистический дворовый надел равен 7 четвертям. Если же мы прибавим к полученным 32 % число селений, где количество пашни кратно пяти (т. е. $1/2$ выти), процентный показатель возрастет до 49 %. Но и в оставшейся половине селений часто пашня + перелог составляет несколько десятичетвертных вытей. Тот факт, что качество земли во внимание не принималось, свидетельствует, что 10-четвертная выть сложилась не позже первой половины XVI в., возможно, еще в XV в. Судя по составу натурально-денежной ренты, зафиксированному в Долговой книге, основной повинностью крестьян являлась барщина, поэтому дополнительная господская десятина распахивалась в селах. Десятичетвертная выть сохраняется, видимо, и в 80-х годах. От этого времени дошел документ на рузские владения Волоколамского монастыря, напоминающий по форме платежницу. Несмотря на то что в нем явно прослеживается несколько слоев, относящихся к более раннему времени, монастырская земля положена, судя по всему, в десятичетвертную выть¹⁰¹. Таких же размеров выть с обязанностью обрабатывать монастырскую запашку встреча-

ется в Казанском у. в 60-х годах. Здесь монастырям передается дворцовая земля, ранее описанная десятичетвертной вытью. Но если в поместьях, образованных также на дворцовых землях, нормирован и размер повинностей и величина выти («а доход помещиков... пашни пахати крестьяном на помещиков десятины, на выть по десятине как было за государем. А писано пашенные добрые земли на выть по десяти четвертей»), то в вотчинах казанского архиепископа, Преображенского и Илантовского монастырей, крестьяне традиционно распахивают десятину с выти, но сама выть в книгах письма и меры 1565—1568 гг. не унифицирована. Такая унификация — внутреннее дело самого вотчинника. Ввиду того что переданные церкви земли были положены в десятичетвертную выть и в соседних дворцовых селениях фигурировала эта же выть, в церковных вотчинах Казанского у. также преобладала десятичетвертная окладная единица. Однако фактически в выти порой было меньше или больше пашни. Так, по расчетам Ю. Н. Иванова, в архиерейской вотчине в некоторых селениях на выть приходилось реальной запашки 7 и 12 четвертей¹⁰².

В 90-х годах у свияжского и казанского Троице-Сергиевских монастырей, являвшихся, вероятно, дочерними центральному Троице-Сергиеву монастырю, «на выть положено по 10 четей доброй земли»¹⁰³. В Казанском у. монастырю все восемь территориальных комплексов даны «по государевой грамоте» из ранее бывших поместий, т. е. в пожалованных владениях сохранился хозяйственный устрой дворцового ведомства. В начале 90-х годов было проведено описание и других вотчин Троице-Сергиева монастыря. Десятичетвертная выть, помимо Свияжского и Казанского уу., введена также в Кашинском и Дмитровском уу.¹⁰⁴ Причем, если в Поволжье земля «добрая», то в последних уездах преобладала «худая» земля. Невольно напрашивается предположение, что незадолго до описания, а возможно, и в момент его на оба эти района распространился дворцовый статус. Далее мы вступаем в область пока еще мало обоснованных догадок. Кашин непосредственно примыкал к Угличу. При выделении удела царевичу Димитрию, кроме Углича (одного уезда царскому сыну по традиции было явно мало), могли дать примыкающий к Угличу Кашин и Дмитров. Некоторое подтверждение этой гипотезе дает титул Лжедмитрия: «Мы, Дмитрий Иванович, божиею милостию царевич всеа Руси Углицкой и Дмитровской и иных князь...»¹⁰⁵ Лжедмитрий, стараясь подчеркнуть свою идентичность с сыном Грозного Дмитрием, в своем титуле после царского наименования на первом месте ставит названия главных княжеств якобы своего бывшего удела: Углича и Дмитрова. Царевич Дмитрий умер 15 мая 1591 г., и к моменту описания троице-сергиевских владений в Дмитрове и Кашине еще мог оставаться в силе ранее введенный дворцовый статус с десятичетвертной вытью. К сожалению, наиболее уязвимое место в данной гипотезе — отсутствие десятичетвертной выти в самом Угличском у. Здесь выть равна приблизительно 16 четям средней земли и 18 худой, да и описывал Углич другой писец. Поэтому вряд ли здесь мы имеем дело с дворцовыми порядками бывшего Угличского удела. Допустимо еще одно предположение: после смерти Дмитрия царь Федор мог по примеру своего отца выделить Дмитров и Кашин в свои «дворовые» владения и, так как соха все больше теряла свой смысл в условиях большого количества заброшенных земель, ввести здесь жесткую десятичетвертную выть на всей территории и во всех типах имений.

В описании 90-х годов большинства троицких владений термин «выть» или вообще не упоминается или же количество четвертей, приходящихся на выть, даже в пределах одного стана, волости имеет очень сильный разброс. Так, в Рузском у. на выть приходилось от 10 до 32 четей худой земли, в Ярославском у. — 20—30 четей, в Ростовском — 14—18 четей¹⁰⁶. Трудно поверить, что существовало столь разительное отличие в вытном письме во владениях одного и того же феодала: в одних уездах выть равна 10 четям, в других она разновелика. Возможно, здесь нашло отражение своеобразие письма отдельных писцов. Кашинский и Дмитровский уу. описывал М. Г. Волынский, Казанский — Иван Клеопин. Эти имена среди писцов других уездов не фигурируют. Вполне допустимо, что начиная с 80-х годов выть в частновладельческих имениях во многих (а возможно, и в большинстве) уездах официально считалась равной 10 четвертям. В отличие от дворцовой выти качество земли в расчет не принималось. Однако, *реальные размеры* выти могли быть значительно выше. Правительство было заинтересовано в быстрой ликвидации хозяйственной разрухи, в освоении заброшенных посевных площадей, в приостановлении роста недоимок по сбору государственных налогов. С введением официальной десятичетвертной выти ставилась своеобразная преграда росту сеньориальной ренты в случае увеличения пахотной земли в выти. Возможно, духовная корпорация не могла самовольно увеличить количество вытей, число которых закреплено в данном хозяйственном комплексе, отсюда существование разновеликих вытей в одном и том же уездном комплексе.

Что касается новгородских монастырских вотчин, то в начале 80-х годов одновременно со светскими поместьями окладная единица была унифицирована и приравнена к 10 четвертям без учета качества земли. Ново-Девичий монастырь имел селения в Обонежской пятине, обжа в 1582/83 г. равна 10 четвертям. Такая же картина наблюдается в монастырских вотчинах Деревской пятины в 1581/82 г.: обжа равна 10 четвертям. В 60-х годах в Обонежской пятине Нагорной половине ряд монастырских обж приравнен 2,5 коробьям, т. е. примерно 5 четвертям¹⁰⁷.

При исследовании дворцового хозяйства уже отмечалось, что введение выти в селениях рыболовов, бортников носило несколько искусственный характер. Монастырская администрация не видела необходимости ввести вытное письмо во всех своих владениях. Так, в Белоозерском у. в 90-х годах в Троице-Сергиевской вотчине «вытей в селе Танищах с деревнями по крестьянской сказке преж сего не бывало, и вытей не знают». Характерно, что основной повинностью селян было «проводить рыбу» с Белоозера р. Шексною в Пошехонский у. дважды в год. «А ставят на оба рыбные отпуска суды и кормщики и гребцы по 7 рублей, а инде больше». Помимо этого, «крестьяне давали в монастырь оброку по 4,5 рублей да за московские дрова 24 деньга на год». Крестьянской земли было 120 четей, если исходить из десятичетвертной выти, то их количество будет равно 12. На выть приходилось примерно рубль денег, типичная величина денежного оброка, т. е. монахи достаточно четко рассчитали размер ренты. Но так как главная отработочная повинность требовала участия всей волости, то и выти здесь не были введены. Отсутствуют выти в митрополичьей вотчине, где бортники платили в 1577/78 г. оброк медом¹⁰⁸.

Перейдем к рассмотрению структуры и величины ренты в вотчинах мона-

стырей. Отработочная повинность в форме барщины существовала еще в XV в. Наибольшую известность приобрела указная грамота 1495—1511 гг. митрополита о нормах барщины во владимирском Царево-Константиновском монастыре: на 5 дес. надельной земли шестую полагалось распахать на монастырь. Здесь наиболее полно воплотился принцип обычного права «на пять шестой». Барская пашня функционировала в костромских троицких имениях. Во время одной из судебных тяжб 1495—1499 гг. ответчик показал: «Земля Шипулино — монастырская троицкая Сергиева монастыря. . . а ту землю пахали на монастырь крестьяне монастырские». Свидетель Иванко Васильев рассказывал: «Яз жил в монастырской земле в Подкосове, а ту пустошь Шипулинскую яз косил и пахал на монастырь. А тому лет с 15», т. е. в 1480-х годах монастырское поле отделено от крестьянской запашки и обрабатывается силами окрестных земледельцев¹⁰⁹. В судебном деле между Троице-Сергиевым монастырем и дворцовыми волостями, датированном И. А. Голубцовым 1492—1502 гг., а С. М. Каштановым январем 1504 г., речь шла о д. Сарычкине Переяславского у. Монастырский крестьянин показал: «яз в той деревне в Сарычкине жил за монастырем, а поставил тое деревню отец мой. . . да жил в той деревне отец мой за монастырем 30 лет и десятины на монастырь в селе Бебякове пахал. А яз после отца своего живу в той деревне 10 лет, да пахал есми десятины на монастырь в селе Бебякове 8 лет. И мишутинский дворской. . . отказал меня в Мишутинский стан тому 2 году, а тою деревню назвал великого князя. . . Да и десятин мне дворской на монастырь не велел пахати и яз от тех мест и не пашу десятин»¹¹⁰. Из данного отрывка четко следует, что уже в начале 60-х годов XV в. (40 лет назад от начала судебного процесса) основной крестьянской повинностью была барщина. Монастырское поле находилось в селе, куда съезжались для отработочной повинности земледельцы окрестных деревень. Барщина была регламентирована, ее не вспахивали «взгоном», как это было во владимирской вотчине Царево-Константиновской обители в XIV столетии. С крестьянского надела полагалось, вероятно, распахать 2 дес. в двух полях (используя ретроспекцию и отталкиваясь от норм Царево-Константиновского монастыря конца XV в.). Итак, сведения о монастырском поле, которое обрабатывалось крестьянами, сохранились за XV в. во Владимирском, Костромском, Переяславском уу. Исходя из предложенной нами модели, согласно которой под влиянием обычного права в пользу сеньора взимался прибавочный продукт с 1 дес., к вышеупомянутым уездам надо добавить и Звенигородский. В указной грамоте 30 января 1490 г. Савво-Сторожевскому монастырю удельный князь определил натурально-денежный оброк «з десятины»: 10 гривенок масла + 2 сыра + 50 яиц + овчина + 20—30 денег¹¹¹. Этот оброк очень невелик и, судя по материалам XVI в., представляет собой дополнительный побор «з десятины». Главной же повинностью ввиду отсутствия хлебной ренты являлась, по всей вероятности, полевая барщина. Следовательно, крестьянская барщина в сочетании с добавочными натурально-денежными поборами получила широкое распространение, по крайней мере, не позже второй половины XV в.

Такую же ситуацию, как и в Савво-Сторожевском монастыре, встречаем в окладной записи начала 30-х годов XVI в. Иосифо-Волоколамской духовной корпорации. Запись фиксировала с выти или с десятины сравнительно небольшие денежно-натуральные поборы. Наиболее часто встречается следу-

ющий оклад: 50 яиц + овчина + братина сметаны + 24 деньги + небольшое количество какого-либо зерна, например осмина пшеницы, полосмины конопель. Иногда вместо хлеба взималась кадь солода. Вообще единообразие не было: в каждом административно-территориальном комплексе дополнительные платежи варьируются. Но это именно дополнительные поборы, а основной повинностью «тяглых» сел являлась барщина, о чем свидетельствуют более поздние хозяйственные документы¹¹².

Размер барщины был обусловлен обычным правом: с выти две десятины в двух полях (озимом + яровом) или как тогда говорили «с выти по десятине». Именно такие нормы существовали в Царево-Константиновском монастыре (1495—1511 гг.), в вотчинах казанского и свияжского духовенства (1560-е годы), в имениях Краснохолмского монастыря (1564/65 г.) и Кирилло-Белозерской духовной корпорации (1577 г.)¹¹³.

В троицком селе Паникарово с деревнями Ростовского у. крестьяне в 1529 г. обрабатывали на монастырь 20 % всех посевных площадей и косили 39 % сенокосных угодий. В Звенигородском у. на Новодевичий монастырь в 1558/59 г. распахивалось примерно 21 % посевных площадей и косилось 14,5 % всего сена. Процентное соотношение, равное 20 %, могло получиться в том случае, если крестьяне с десятичетвертной выти пахали по 1 дес. (2 чети). При такой же норме барщины с двенадцатичетвертной выти, т. е. с земли худшего качества, величина барского поля должна была составлять около 16,6 % всей пашни. Действительно, в рузских владениях того же монастыря в 1567/68 г. барская пашня составляла 17,5 %. В митрополичьей вотчине Владимирского у. в 1566 г. митрополичья пашня занимала 18 % посевных площадей¹¹⁴. Нельзя забывать, что небольшое количество пашни могло, помимо вытного урока, распахиваться крестьянами «взгоном» или же детенышами. В некоторых писцовых материалах специально отмечалось, что монастырское поле обрабатывалось силами одних детенышей. Так, в 1589/90 г. земли Трифонова монастыря в Хлыновском у. обрабатывали «монастырские половники» и «монастырские детеныши». В пошехонском имении Андреяновой пустыни в 1584/85 г. в селе было 13 десятин монастырской пашни. Крестьяне в селе не проживали, зато было 9 дворов монастырских детенышей, которые, видимо, и распахивали монастырскую пашню. Это предположение подтверждается тем обстоятельством, что «монастырская и церковная пашня... в сошное письмо не положена». С 10 деревенских вытей крестьяне, вероятно, платили хлебно-денежную ренту¹¹⁵.

Барщина в первой половине XVI в. традиционно сопровождалась уплатой крестьянами некоторого количества продуктов животноводства (сыр, масло, сметана, яйца, овчина), небольшой суммы денег (≈ 24 —40) и обычно одной-двух осмин зерна (пшеница, конопля и т. п.). Можно с достаточной долей уверенности утверждать, что, помимо барщины и дополнительных натурально-денежных платежей, земледельцы исполняли также некоторые другие виды повинностей, например сенокосную, дровяную, повозную, строительную.

Сокращение норм барщины (менее 1 дес. с выти) знаменовало резкое возрастание удельного веса зернового оброка или же других видов ренты. По уставной грамоте Соловецкого монастыря 1561 г. крестьяне села Никольское-Пузырево Бежецкого Верха должны были с выти высевать на монастырском поле: 1 четверть ржи + 2 четверти овса. Итого в селе, где было 33 выти,

«сеяти в поле 33 четверти ржи, а овса 66 четвертей». Нормы посева овса были выше в два раза норм посева ржи. Стало быть, и в озимом и в яровом поле засевалось по 0,5 десятины. Иногда вытная норма могла несколько возрасти за счет посевов, помимо овса, других яровых культур: пшеницы, жита, гороха, гречи, льна («похочет приказщик сеяти. . .»). Уменьшение барщины уравновешено хлебным оброком: с выти — 4 чети ржи да 4 чети овса. Отдельно шла печеная продукция: хлеб, калачи. Среди отработочных повинностей главное место после барщины занимал «повоз» (с выти — лошадь) на Вологду, Москву, Белоозеро, а «не лучится крестьяном которого году повозу везти, ино на них взяти за подводу по 4 гривны московскую», т. е. 80 денег. Существовала также дровяная повинность (с выти 3 воза дров да 10 полен лучины), а также обязанность всей волостью молоть рожь и солод для представителей монастырской администрации. Кроме того, с выти взымали 50 яиц и сухой сыр. Из денежных платежей названо 20 денег в пользу доводчика¹¹⁶. В том же Бежецком Верхе Краснохолмский Антониев монастырь установил в 1564/65 г. следующие размеры вытного тягла: барщина — 1 дес. в одном поле, натуральный оброк — 1 четь жита, осмина хмеля, 50 яиц, 8 гривенков масла. «А доходу с них деньгами оброку и корму с выти дают по 10 алтын и по 3 деньги и за мельников доход и за плотников и за кирпичников»¹¹⁷. Денежная рента в 63 деньги с выти была сравнительно высока для того времени и, видимо, включала плату за отработочные строительные повинности.

Б. Д. Греков в своем фундаментальном труде перечисляет ренту крестьян Кирилло-Белозерского монастыря, зафиксированную в грамоте 1577 г. Размер барщины: с выти распахать 1 дес. монастырского поля. Если количество вытей сократится за счет выхода из вотчины земледельцев, то десятинную пашню не обеспеченную вытным тяглом, пахать крестьянам «згоном». Крестьяне должны были унавозить барскую запашку, а после созревания хлебов его измолотить и свезти в житницу. На крестьянах же лежала сенокосная повинность («пожни косить и сено возить») и дровяная: «дрова хлебные, угольные, овинные сечи и возити». Под угольными дровами, возможно, подразумевалось изготовление древесного угля, который уже в готовом состоянии доставлялся в монастырь. Помимо этого, в вытний урок входила заготовка бревен: «каждую осень сечи и возити по 30 бревен мостовых на выть да по 5 бревен на выть ронити по 5 сажень с локтем». Крестьяне же городили изгороди вокруг полей¹¹⁸.

В исторической литературе уже неоднократно высказывалось мнение, что «боярское дело», вменяемое в обязанности владельческих крестьян, о котором упоминает Судебник 1550 г. (ст. 88), касалось прежде всего барщины. Скорее всего, речь шла обо всем комплексе отработочных повинностей, которые крестьянин выполнял на владельца земли. Но то, что к середине XVI в. барщина получила широкое распространение по всей стране (за исключением севера), свидетельствует постоянная клаузула во всех послушных и ввозных грамотах второй половины XVI в.: «И вы б все крестьяне, которые в тех селах и в деревнях живут игумена. . . з братью (или же следует имя светского землевладельца) слушали, пашню на них пахали и оброк им платили. . .» Возражение некоторых исследователей, что формула «пашню на них пахали» имеет формальный характер и не всегда претворялась в жизнь, не меняет картины, так как постоянное помещение этой формулы в грамоты само по

себе достаточно примечательный факт, свидетельствующий как о широко бытовавшей практике применения барщины в частновладельческих хозяйствах, так и о заинтересованности правительства в этом виде ренты. Характерно, что в грамоте 1540 г. на передачу оброчных деревень Вотской пятины Вязицкому монастырю барщина не упомянута: крестьяне «доход бы естя хлебный и денежный и мелкий доход всякой давали по старине, как ести платили доход в великого князя казну по сей нашей грамоте»¹¹⁹. Оброчные крестьяне от работы на барской пашне освобождались, статус оброчных закреплен за ними и впредь.

Отсутствие в большинстве писцовых книг сведений об отдельной монастырской пашне — результат своеобразия сошного письма: с точки зрения фиска монастырская и крестьянская пашня одинаково клялись в сохи на протяжении почти всего XVI в., если только барское поле не обрабатывалось трудом детенышей. Формула в послушных грамотах «пашню на них пахати» представляла потенцию, которую на практике далеко не всегда можно было претворить в реальность, хотя бы потому, что после 1570 г. в условиях экономического кризиса и демографического спада численность крестьян в имении резко сокращается, хозяйство расстроено, большое количество земли запереложено и заросло лесом. В такой ситуации не всегда возможно выделить участки земли для барского поля, поддающиеся быстрому окультуриванию. Кроме того, выше уже отмечалось, что в зонах с неустойчивой климатической характеристикой и скудными подзолистыми почвами вотчинник постепенно понимал преимущество регламентированной натурально-денежной ренты перед барщиной. Такая же ситуация складывается и в некоторых регионах с «доброй» землей. В Богородицком монастырском владении Свияжского у. крестьяне после льготы должны были пахать «монастырские десятины с выти по десятине, сколько вытей будет». Но характерно, что уже обосновавшиеся крестьяне исполняли не барщину, а платили денежную ренту: с 3 вытей взимали по рублю, с остальных 11 вытей — по 150 денег. Деньги брались «с крестьян за пашню и за мелкий доход»¹²⁰.

В то же время клаузула «пашню на них пахати» не может служить и доказательством произвольной переобработки земледельцев монастырскими властями. Как уже указывалось, степень эксплуатации крестьян в известной мере ограничивалась нормами обычного права, действующими в той или иной местности на данный период времени. Первые из известных нам послушных грамот, выданных духовенству на вотчины в Северо-Восточной Руси, датированы январем 1550 г.: 4 января суздальскому Покровскому монастырю передаются селцо и деревни в Белозерском у.; 8 января этому же монастырю выдается грамота на черные деревни волости Талша Владимирского у.: описанные 1,5 сохой. Послушная грамота 27 октября 1551 г. выдана Троице-Сергиеву монастырю на село с деревнями в Коломенском у. «и з хлебом земляным». 16 сентября 1552 г. оформлена грамота на вотчину в Переяславле-Залесском¹²¹. Обращает внимание то обстоятельство, что ранее середины XVI в. послушные грамоты на вотчины центральных уездов неизвестны. Возможно, их появление обусловлено усилением царской власти и частичной утратой вотчинниками внутренней автономии. Ведь несколько позже (с конца 50-х—начала 60-х годов) правительство вводит учет вотчинных земель (см. гл. I). Начиная с первых послушных грамот и вплоть до конца столетия, во всех грамотах этого вида (нами собрано около сотни актов

с подобной клаузулой) в обязательном порядке присутствует формула «пашню на них пахати». Иногда она присутствует и в иммунитетных актах. В тарханно-несудимой грамоте 9 сентября 1564 г. в митрополичью переяславскую вотчину Борисоглебскую слободу определяются владельческие повинности слабжан: ставят митрополич десятинич двор «и в той деи митрополиче слободке монастыря его пашню пашут и всякие дела его митрополича делают»¹²².

Среди историков бытует мнение, что к концу XVI в. усиливается барщинный гнет. При изучении данной проблемы необходимо выделить несколько ее аспектов: динамику вытных нормативов барщины; удельный вес крестьян, исполняющих барщину, среди земледельцев, изоброченных натурально-денежной рентой; степень заинтересованности феодалов в барщине. Рассмотрим эволюцию норм барщины на выть. Действительно, во второй половине XVI в. они увеличиваются, достигая 1,5—2 и более десятин на выть. Имеется ряд уставных грамот, в которых зафиксированы формы и размер крестьянских повинностей. На основании этих документов можно проследить динамику ренты в вотчинах владимирского Царево-Константиновского монастыря на протяжении более чем 200 лет (см. табл. 4). Уставная грамота 1391 г. фиксирует обязанности крестьян, как было «при первых игуменах», т. е. где-то на период середины XIV в.

Население вотчины делилось на «больших людей из сел», под которыми подразумевались жители, имеющие лошадей и пашущие орудия производства, и «пешеходцев». Повинности для них были различны. Первые должны были пахать монастырскую пашню и выполнять весь комплекс работ, связанный с севом и уборкой хлеба. Молотьба вменялась в обязанности «пешеходцев», но, видимо, только части хлеба («к празднику и на семя»). Остальной хлеб, наверное, обмолачивали сами монахи. Вся монастырская пашня пахалась «взгоном», т. е. какого-то нормированного размера для крестьянского дворохозяйства не существовало. Сенокосение на монастырь регулировалось в соответствии с величиной наделной земли или площадью крестьянских пожен («косить десятинами»). Основное направление хозяйства промысловое. Крестьяне должны были изготовлять орудия ловли, чинить их, добывать рыбу и бобров. В их же обязанности входила постройка монастырских «хоромов», устройство изгороди вокруг монастыря. Итак, *основная повинность отработочная*, но собственно барщина на монастырском поле занимала незначительное место. Натуральный оброк ничтожен. Его давали на Пасху и Петров день (29 июня). Размер и состав натурального оброка не нормированы. Скорее всего, это продукты животноводства, бортничества. Уставная грамота специально подчеркивала, что натуральные поборы состоят из нетяжелых негромоздких предметов: «А на Велик день и на Петров день приходят к игумену, что у кого в руках». Раз в год селяне предоставляли игумену яловицу, которая однажды была заменена 3 баранами. Денежных платежей нет.

Через 100 лет, к концу XV в., на первое место выдвигается барщина. Архимандрит, отсылая указную грамоту, обеспокоен тем, «что монастырские крестьяне... пашут на себе много, а монастырские де пашут пашни мало». Размеры барщины регламентируются величиной наделных участков. Крестьянское хозяйство с пашней пять десятин в поле (15 дес. в 3-х полях) должно было обрабатывать шестую десятину на монастырь (2 дес. в 2-х

Год	Барщина			Повинности					Оброк			
	Категория крестьян	пахота, сев	уборка хлеба	унаваживание	сенокосение	строительная	дровяная	промысловая	хлебоделательная	повозная	натуральный	денежный
1590		На 1 выть по 1,5 дес ржи + + овса пахать, ныщи сеять мо- настыр- скими семенами	Жать, возить по клясть, на паш- теть, по ню с ко- ношен- ных и живо- тинных дворов	Навоз возить на паш- ню с ко- ношен- ных и живо- тинных дворов	На 1 выть ко- сить по 20 копен		С 1 выти сажень дров			По 2—3 подводы, когда игумен едет в Москву	С 1 выти 1/8 пше- ницы, 1/8 коно- пель, 4 гри- венки масла коровья, 100 яиц, 2 сыра, 2 поярка, овчина	
1602		На 1 выть по 1 деся- тине па- хоть, свозить, сеять мо- настыр- скими семенами	Жать, выть в мона- стырские гумна свозить, с коровья, коно- шенного, гостин- ного двора	На 1 выть навоз возить по 8 телег пек. с коровья, коно- шенного, гостин- ного двора	На 1 выть ко- сить по 20 ко- пен. гresti, метать в стога гостин- ного двора	Для мона- стырских строений лес валить; возить в мо- настырь; городить монастырь; кедьи ста- вить; коню- шенный, коровий, гостинный дворы делать; городить огороды, гумна	С 1 выти сажень дров		С 1 выти 4 чети овса или гречи в крупы и толочно делать игумена в Москву	С 1 выти 100 денег за коно- плю, пше- ницу, сыр, масло, яйца, овчины		

полям). По существу перед нами тот же вытнй урок, что и в дворцовых хозяйствах конца XV—начала XVI в., хотя сам термин «выть» в документе не упомянут. Предусматривалась ситуация, когда крестьянин пахал на себя больше 5 дес. или, наоборот, меньше. Во всех случаях шестая часть пахалась на монастырь. Об остальных повинностях ничего не известно в силу специфичности документа: указная грамота в отличие от уставной не содержала перечня всех видов ренты.

Еще через 100 лет, в конце XVI в., тяжесть барщины возрастает: с 1 вытн надо было распахать и засеять 1,5 дес. в поле (3 дес. в двух полях, яровом и озимом). Причем силами крестьян предусматривалось выполнение всего цикла сельскохозяйственных работ: от уваживания земли и пахоты до размещения обмолоченного зерна в монастырских житницах. Таким образом, увеличиваются не только нормы барщины (с 1 дес. до 1,5 дес. на выть), но и объем сельскохозяйственных работ, включаемых в понятие барщина. При этом специально оговаривалось, что «как крестьяне монастырскую пашню пашут и изделие всякое монастырское делают, и крестьяном свой хлеб ести». Полностью исчезает промысловая повинность. Нормируется дровяная повинность (на 1 выть сажень дров) и сенокосная (на 1 выть 20 копен). Копны имелись в виду «волоковые», т. е. крестьянин должен был скосить около 1 дес. луга. Вводится фиксированный натуральный оброк. Помимо традиционных «столовых запасов» (масла, сыра, яиц) и некоторой части продукции животноводства (овчина, поярка), с крестьян взимается по осмине пшеницы и конопли — две достаточно трудоемкие зерновые культуры. Крестьяне должны были исполнять также «повозную» повинность, предоставляя подводы под монастырские товары и сопровождая груз в Москву. Участие в «повозе» отрывало надолго крестьянина от хозяйства и считалось одной из самых тяжелых повинностей. Надо учесть, что при «повозе» в многодневных переходах обессиливала лошадь, кормить которую, как и себя, крестьянин должен был из своих запасов. Нормы «повоза» еще не фиксированы, что свидетельствует о недостаточно прочных и постоянных связях с главным рынком страны. Уставная грамота 1590 г. была обращена сразу к двум монастырям: Царево-Константиновскому и нижегородскому Благовещенскому, т. е. указанные в ней повинности, их нормы, были, видимо, довольно характерны (типичны) для населения наиболее плодородных черноземных районов, в данном случае для Владимирского Ополья и Нижегородского у.

Через 12 лет население вотчин Царево-Константиновского монастыря получает новую уставную грамоту, что было, по всей вероятности, вызвано свирепствующим в стране голодом и широким размахом народных волнений, вылившихся вскоре в первую Крестьянскую войну. Для уставной грамоты 1602 г. характерна мелочная регламентация всех повинностей. Вставлено, что после жатвы хлеб надо «в монастырское гумно свезти». То ли крестьяне отказывались это делать, ссылаясь на текст предшествующей грамоты, где эта обязанность была не оговорена (хотя понятно, что хлеб можно было молотить только на гумне), то ли монахи боялись, что в условиях голода крестьяне могли развезти хлеб по своим гумнам, где во время молочения часть зерна легче было бы утаить. При регламентации сенокосной повинности вставлено, что крестьяне должны также грести сено и метать в стога. Опять-таки осуществление этих работ как бы подразумевалось

в предшествующей грамоте. Главным же итогом уставной грамоты 1602 г. было *снижение вытных норм* монастырской запашки: с 1,5 дес. до привычной 1 дес. (2 дес. в двух полях). За счет этого вводится отработочная рента по производству круп, толокна (4 чети с выти) и строительная повинность по дальнейшему благоустройству и расширению монастыря (см. табл. 4). Вторым важным новшеством была *коммутация натурального оброка* — 100 денег с выти. Фиксируется размер повозной повинности: на 1 выть — одна подвода один раз в году для поездки в Москву.

Итак, для черноземных плодородных районов к концу XVI в. характерна зерновая специализация монастырского хозяйства. Господствующее место в феодальной ренте занимает отработочная повинность. Вытный размер барщины, увеличившийся в 90-х годах по сравнению с концом XV в. на 50 %, в начале XVII столетия вновь опускается до традиционной 1 дес. на 1 выть. Для 1590 г. характерно преобладание отработочной ренты с высоким удельным весом барщины + натуральный оброк. Для 1602 г.: преобладание отработочной ренты главным образом за счет увеличения различного «изделия» + денежный оброк.

От 1590 г. дошла уставная грамота, выданная тем же патриархом Иовом, на вотчины Новинского монастыря, расположенные в нечерноземных районах. Интенсивность барщины в них ниже, чем в черноземных уездах. Особенно это относится к селам, находящимся далеко от центра страны: в Романовском и Костромском уу., где монастырская запашка была невелика и распаивалась не повытно, а «взгоном». Здесь на первый план выступает продуктовый оброк, куда, помимо «столовых запасов», входят хлебные платежи рожью и овсом (см. табл. 5). Причем в костромском комплексе они достаточно велики, поглощая весь урожай ржи примерно с 0,7—1 дес. (при средней урожайности сам — 2, сам — 2,8). Во владениях Московского и Дмитровского уу., находящихся в непосредственной близости от монастыря, хлеб из натурального оброка исчезает, но резко возрастает объем отработочных повинностей. Помимо барщины — на 1 выть пахать под рожь 1,5 дес. (на счет яри указаний нет) и сенокосения, крестьяне исполняли строительную и дровяную повинности, пряли лен и коноплю на нити для скатертей, а шерсть для сукон. Кроме того, на каждую выть полагалось смолоть 2 чети ржи. Очень высоки нормы барщины и в Кашинском у. — 1,5 дес. на выть. Однако продуктовый оброк меньше и в него не включен хлеб.

Итак, для нечерноземных среднерусских районов к концу XVI в. также характерна зерновая специализация с достаточно высокой отработочной рентой. Но в удаленных от монастыря вотчинах удельный вес барщины мог падать за счет возрастания хлебного оброка.

Наивысший вытный норматив барщины в 1590 г. был, согласно уставным грамотам, в духовных корпорациях черноземной зоны 1,5 дес. (в одном поле), в нечерноземье — 1,5 дес.

В начале 90-х годов было проведено описание вотчин Троице-Сергиева монастыря. Посланы были разные писцы, отсюда отсутствие единообразия. Основная задача, которая ставилась перед большинством писцов, — проверить документацию на право владения той или иной землей и в случае ее отсутствия провести частичную секуляризацию. В результате такого подхода

Таблица 5. Рента в вотчинах Новинского монастыря в 1590 г.*

Уезд	Барщина				Повинности				Оброк	
	пахота	уборка хлеба	унаваживание	сенокосение	строительная	дровяная	повозная	прочие	натуральный	денежный
Московский, Дмитровский, Рузский	С 1 выти под рожь 1,5 дес.	Запас хлебный возить на мона-стырский двор возить	Навоз возить, сколько будет	Сено косить, сколько будет, и возить на мона-стырский двор	На 1 выть: возить по берну трех-саженному 1 воз — 6 денег Сечь	С 1 выти 3 воза дров (за 1 воз — 6 денег)	На 1 выть 3 воза дров (за 1 воз — 6 денег)	Прясть монастыр-ские кудели: 2 пряжки игумену на платье на овчина скатерти, (6 денег) овечью шерсть на сукна. Молотъ на 1 выть по 2 чети ржи	60 яиц, сыр (2 деняги) 10 денег	С 1 выти 10 денег
Романовский	Взгоном 15 дес.				Для поездки в Белозерск 7 подвод, и в Москву 2 подводы				С 1 выти 1 четь ржи, 2 чети овса, 30 яиц, сыр, 2 гривенки масла, овчина	То же
Костромской	Взгоном 4 дес.	Жнут взгоном	Навоз возят с мона-стырского двора	Сено косят	За повоз дают по 30 денег				На 1 выть 4 чети ржи, 4 чети овса, 30 яиц, сыр, 2 гривенки масла, овчина	То же
Кашинский	С 1 выти 1,5 дес. под рожь, 1,5 дес. под ярь			Сено косят, сколько будет	Ездат с запасом к Москве 1 раз в году				На выть 30 яиц, сыр, 2 гривенки масла, овчина	То же

*АФЗХ. Ч. III. С. 43—47.

далеко не во всех троицких имениях отмечались ассортимент и размер ренты. Еще более затрудняет работу по сопоставлению различных комплексов тот факт, что даже при наличии в писцовых книгах данных о крестьянских повинностях размер выти обычно отсутствовал, что, возможно, свидетельствует о широком распространении в конце XVI в. разновеликой окладной единицы.

Надо отметить, что единственная работа, где предпринята попытка систематического изучения описаний троицких вотчин 90-х годов, опубликованных Калачовым, принадлежит Ю. А. Тихонову, вместе с тем основной упор в статье сделан на анализ ренты первой половины XVII в.¹²³

Для нас особый интерес представляют Дмитровский и Кашинский уу., где руководили описанием Меньшов Григорьевич Волинский и подьячий Посник Степанов. Выть здесь строго регламентирована и равна 10 четвертям вне зависимости от плодородия пашни. В Дмитровском у. почва определена как середняя и худая, причем последняя преобладала. Около двух третей ранее окультуренных земель в дмитровских троицких вотчинах заросло лесом. За монастырем числилась 381 крестьянская выть + еще некоторое количество вытей занимали монастырские слуги. Приблизительно 60 % крестьянских вытей должны были исполнять барщину, на оставшиеся 40 % положен денежно-натуральный оброк. Наиболее распространенный вытный урок отработочной повинности равен двум десятинам (в одном поле). Эти господские десятины не включались в десятичетвертную выть. Помимо барщины, крестьяне должны были платить деньги за мелкий доход, причем амплитуда колебания денежного оклада достаточно большая: от 16 до 40 денег. Величина денежного оброка была как-то взаимосвязана с географическим расположением селений. Наименьшую сумму взимали в Повельском стане, наибольшую — в Вышегородском. Земледельцы Инобожского стана находились на особом положении: «денежных мелких доходов никаких с них в монастырь не емлют для того, что живут близко монастыря и изделье в монастыре частые делают и повозы всякие возят»¹²⁴. Отработочная повинность в 1,5 дес. встречается реже, занимая примерно треть вытей, изоброченных барщиной. С них взимались также деньги (28—34 денег) и обязательный натуральный оброк: 1 четь ржи + овчина + десяток льну. Лишь в одном комплексе Ижевского стана овчина и лен были заменены 1 четвертью овса. В сильно разоренном Троицком стане в небольших хозяйственных комплексах мелкий натуральный побор отсутствовал. Значит, с одной стороны, натуральная рента была своего рода компенсацией монастырю за уменьшенную на полдесятины отработочную повинность. С другой стороны, крестьяне самого крупного хозяйства в Дмитровском у., расположенного в Каменском стане, единственные, помимо максимальной нормы барщины и 30 денег, платили также и натуральный побор. Монахи, по-видимому, считали (и знали), что крупная сильная община в состоянии вынести увеличенный размер ренты.

Наиболее высокий денежный оброк в 1 р. фигурировал в небольшом комплексе в Каменском стане и в отдельных деревнях. Речь, видимо, шла о крестьянах, занятых торговлей, промыслами, ростовщичеством и т. п. Однако повсеместная ставка была равна 120 деньгам. Можно выявить следующую взаимосвязь: в хозяйствах, где на выть норма барщины составляла 2 дес., на оброчные выти клали по 120 денег, т. е. обработка 1 дес. как бы

приравнивалась 60 деньгам. При норме 1,5 дес. барщины оброчные выти в этом комплексе платили по 100 денег. Но, как уже отмечалось, при вытном уроке в 1,5 дес. крестьяне должны были вносить за мелкий доход натурально-денежную ренту. Эта же рента в том же размере и составе переносилась и на выти, изоброченные 100 деньгами.

В 70-х годах уже сложилась традиция брать с оброчных вытей, освобожденных от барщины, с выти по рублю, поэтому распространенная ставка в Дмитровском у., равная 120 деньгам, кажется сравнительно невысокой. Можно сделать несколько предположений. 1. Данный район, находившийся в непосредственной близости от Москвы, был сильно разорен в период экономического кризиса. Тот факт, что в вотчине распахивалась лишь треть ранее культивируемых земель, говорит сам за себя. Из всей пашни, используемой крестьянами, лишь 9 % падает на арендную, при этом на дмитровских земледельцев приходится еще меньше, так как сьем пашни здесь практиковался и жителями соседних уездов. Следовательно, уровень прожиточности основной массы дмитровских хлеборобов был низок, количество денег, которое они могли выручить за продаваемую продукцию, очень невелико. Отсюда и низкие нормы денежной ренты. 2. Дмитровские крестьяне, помимо указанных в писцовой книге повинностей, исполняли всевозможное изделие на монастырь, причем это касалось не только жителей Инобожского стана. В тексте описания иногда проскальзывают пометы: «Сено косят на монастырь», «сено по селищу косили на монастырь». Сенокосная повинность, по всей вероятности, существовала во всех комплексах, где был монастырский двор и господская запашка. Кроме того, в обязанности крестьян, наверное, входила доставка зерна в монастырь или в город на монастырский двор для продажи. В XVI в. славились троицкие сукна, которые расходились по всей стране. Возможно, часть крестьян изготавливали нити (как это было, например, в Волоколамском монастыре) или делали сукна, т. е., помимо зафиксированной в описании ренты, земледельцы исполняли еще всевозможные работы, не исключено, что и строительные. 3. Писца мало интересовало, как в действительности распределялась рента *внутри* монастырской вотчины, но кое-какой материал попал в писцовые книги. В Каменском стане в комплексе Синково (наиболее крупном в Дмитровском у.) на выть пахали по 2 дес. Около 16 % вытей были обложены денежной рентой по 120 денег. Как уже отмечалось, все выти без исключения в этом комплексе платили еще по 30 денег + натуральный побор. Но в деревнях Стырево, Шулгино «дают с выти оброку по полтине», в д. Хотунь (25 четей земли) «в живущем полторы выти да на оброке выть, а оброку на год с выти полтина». В селе Синково «на оброке полвыти, а оброку дают полполтины». И наоборот, в деревне Санково 10 четей пашни, выть: «а оброку дают с тое деревни и за монастырскую пашню по рублю на год». В последнем случае для нас важно, что освобождение от барщины поднимало денежный оклад до традиционного рубля. Почти такая же ситуация в Преснецово, где с $2\frac{1}{8}$ выти платят 2 р. без гривны. Селение явно торгово-промысловое: на двор приходится чуть больше 2 четей пашни¹²⁵. Следовательно, при большой пестроте всевозможных вариантов рентных повинностей в крупных монастырских вотчинах правительственные агенты отмечали в основном норму барщины и денежный оброк. При этом нельзя быть уверенным, что описание не было выполнено несколько фор-

мально. Допустимо, что в комплексах, где были зафиксированы отдельно тяглые и отдельно оброчные выти, фактически барщина и денежный платеж были распределены внутри общины по иному («разруб»). И все-таки в ряде станов реальная отработочная повинность резко возросла. Важно и то, что в 90-х годах исчезают принципы расчета, существовавшие в обычном праве «на пять шестой». Правительство считает правомерным на десяти-четвертную выть крестьянской земли класть норму барщины в 2 дес. (4 дес. в двух полях).

Троицкие вотчины в Кашинском у. были также запереложены, как и в Дмитровском у.: «пустота» достигала 33,7 %, но распределялась неравномерно. В землях, лежащих в юго-западной части уезда (станы Задубровский и Пудитский), хозяйство не заведено, посевные площади почти совсем не распахивались. Из трех хозяйственных комплексов лишь в одном Олексино крестьяне, судя по описанию, были на оброке, выплачивая с выти по 100—120 денег (см. табл. 6): «а оброку дают в монастырь за монастырскую пашню и за всякие мелкие доходы»¹²⁶. Два других комплекса были оброчно-тяглыми, т. е. часть вытей отработывали барщину (1—2 дес.), остальные платили денежную ренту. Наивысшая ставка (300 денег с выти) взималась с заволжских деревень, которые именуются «оброчными», стало быть, при сумме оброка в 100—120 денег полагались или дополнительные повинности или же хлебный оброк. Характерно, что в комплексе Фроловское по 2 дес. монастырской запашки положено на 13 вытей, т. е. монастырская пашня должна была бы равняться 52 четвертям, фактически же она составляла 38 четей. Данное число могло получиться при норме 1,5 дес. с выти. Это свидетельствует о большой доле условности в описании кашинских троицких вотчин. Норма 2 дес. барского поля с выти и в Кашинском у. считается официальным вытным уроком. Сама Троицкая духовная корпорация, видимо, не очень стремилась к распространению барщины среди крестьян. Соотношение тяглых и оброчных вытей в Кашинском у. обратно пропорционально, чем в Дмитровском у.: выти, с которых крестьяне несли полевую повинность, составляют 34 %. В Олексинском комплексе вся монастырская пашня (73 чети) лежала в перелог, крестьяне платили по 100—120 денег и несли, вероятно, еще какие-то повинности, не зафиксированные в писцовых книгах.

Таблица 6. Троицкие владения в Кашинском уезде *

Село	Деревни	Дворы	Выти	Приходится на выть				Денег на двор
				дворов	барщины	денежного оброка	мелкого дохода в деньгах	
Олексино	4	16	7 ¹¹ / ₁₂	2	—	100	—	50
	3	14	4 ³ / ₄	2,9	—	120	—	41,4
Архангельское	4	18	10 ¹ / ₄	1,7	1 дес.	—	50	130,4
	5	57	23 ¹¹ / ₁₂	2,3	—	300	—	
Фроловское **			8 ¹¹ / ₁₂		—	120	18	
			13		2 дес.	—	18	

* Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 1—12.

** Во Фроловском комплексе отделить тяглые деревни и дворы от оброчных невозможно, поэтому в таблице они отсутствуют.

Костромские владения Троице-Сергиева монастыря описывали другие писцы, быть не унифицирована, разновелика, но вытный урок барщины установлен тот же: 2 десятины. Судя по материалу, писцам был дан наказ, согласно которому на быть полагалось класть именно 2 десятины (не больше). Дело доходило до курьеза: в волости Нерехта в комплексах Федоровское+Кувакино 45,5 вытей «пашут на монастырь пашни на быть по 2 десятины да взгоном 54 десятины»¹²⁷, т. е. реально барщинная повинность на быть равна 3 дес.+8,5 дес. пахать «взгоном». Но писцы не имели права указывать вытный урок барщины выше 2 дес. Благодаря тому что на быть в среднем приходилось около 30—35 четей, монастырская пашня занимала менее 20 % посевных площадей. Соотношение оброчных и тяглых вытей в троицких костромских вотчинах почти такое же, как и в Кашинском у.: выти, изброченные барщиной, составляли 33 %. Ставки денежной ренты с оброчных вытей обычно равны 1—2 р., но ряд комплексов платят по 100—120 денег. В первом случае выти большемерные, во втором случае на быть приходится 10—12 четей. Со всех вытей, помимо истинно оброчных (платящих не менее 1 р.), взимались деньги «за сыры, за масла, за московские дрова». Ассортимент был одинаков, однако размер денежного эквивалента колебался: 20, 24, 26, 30, 31 деньга. Мелкий денежный платеж сопровождался небольшим натуральным оброком: овчина+десяток льну или овчина+12—24 аршина холста. Среди отработочных повинностей назван повоз. В волости Емсна в комплексе Марьинское с выти полагалось распахать и засеять монастырскими семенами 2 дес. господского поля да по 5 повозов в год, «опричь рыбных повозов для государева приезда». Как видим, тяжесть эксплуатации очень велика, и она усугублялась мелкими денежными и натуральными оброками: только с крестьян этого комплекса дополнительно с выти взимали по 1 чети ржи+1 чети овса.

Официальная ставка барщины в две десятины встречается в троицких вотчинах Серпейского у.: «монастырские пашни пашут на быть по 2 десятины». В действительности же господское поле занимает всего 13 % всех посевных площадей. Серпейский комплекс очень невелик, запущенная земля отсутствует, т. е. отсутствует площадь для расширения монастырской пашни. Подсека по существу невозможна, так как лес «непашенный» стоит на болоте. Ортемий Колтовский, описывавший серпейские троицкие имения, провел такую же работу и в других южных (по отношению к Москве) районах. Нормы полевой ренты им больше нигде не указаны, но относительный размер монастырской пашни следующий: в Боровске — 22 %, в Малоярославце — 21, в другом малоярославецком административном комплексе — 27 %. В Боровске, помимо крестьянской запашки, существовали хозяйства, где пашню на монастырь обрабатывали только детеныши¹²⁸.

Велики отработочные повинности в Московском у.: крестьянам вменялись в обязанность барщина, сенокосная, дровяная и повозная повинности. Нормы повинностей не указаны. Помимо этого, с выти взимали яйца, сметану, в некоторых селах добавлялась овчина, холст, четверть ржи, небольшое количество денег. В комплексе Растокино земледельцы, помимо полевой и сенокосной повинностей, делали «поделка на мельнице: ежевеснь землю к заплотине и навоз носят и лес секут». В станах Радонеж и Корзенева «ставят для скорого дела подводы под государевы гонцы и для монастырские розсылки», за счет этого крестьяне освобождались от некоторых податей,

однако полевая, сенокосная и дровяная повинности оставались. В Сосенском стане в 1589/90 г. с вытей брали по 100 денег, но к моменту описания денежный оброк снят¹²⁹. Подводя итоги по Московскому у., можно констатировать, что здесь сильно развиты отработочные повинности, в том числе и повоз, но очень мало оброчных вытей, платящих денежную ренту.

В троице-сергиевских вотчинах встречаются нормы барщины и в 3 дес. на выть. В Коломенском у. Хотунской волости «на монастырь пашут пашни по 3 десятины на выть и сено всеми вытиями укашивают на монастырь по 40 копен». Крестьяне платили за мелкий доход (масло, сыры, овчины) + приказчику — 25 денег. В писцовой книге отмечалось, что больше с них ничего не берут, так как «село и деревни безугодны, сена и дров мало». Зато резко возрастает повоз: «подвод к Москве сходит со всяким запасом на год с выти по 10 и больше». Норма 3 дес. полевой барщины с выти указана в вотчинах Ростовского у. В действительности на выть надо было распахать не по 3, а по 4,5 дес., так как в описании сказано: «на выть пашут по 3 десятины пашни да взгоном пашут 35 десятин». Монастырская запашка занимала 35 % посевных площадей. Крестьянская выть не унифицирована, в среднем на нее приходилось около 8,5 дес. и с выти, выходит, надо было распахать монастырское поле, по площади равное половине крестьянской выти. Кроме того, крестьяне давали в монастырь с выти по 1 чети ржи + 12 аршин холста + десяток льну + овчины + 62 деньги. Да на два праздника за государев приезд на корм по 1 р. с волости. А в том же Ростовском у. в Луцком стане на выть пашут по полудесятине + тот же натуральный оброк + денежная рента¹³⁰. Но в селе с барщиной 4,5 дес. выть приблизительно равна 17 четям, во втором случае — 14 четям. В первом случае комплекс более плотно заселен. И все-таки столь разительные колебания норм барщины объяснить трудно. Возможно, все дело в историковедческой неразработанности писцовых книг начала 90-х годов. В Луцком стане в описании есть помета: «А монастырских доходов в тарханные годы имали», далее следует выше приведенный перечень натуральных и денежных поборов. Выходит, после отмены тарханов состав ренты изменился и в 90-х годах натурально-денежный оброк не взымали? Не могло ли быть так, что писцы со слов монахов записывали *весь* состав ренты, в том числе и тот, который к моменту описания был заменен барщиной или другими отработочными повинностями?

Наивысший размер барщины в Троице-Сергиевом монастыре составлял 5 дес. на выть. От 1590 г. сохранились грамоты, вводящие эту норму крестьянам комплекса Кишкино, «сельским и деревенским», крестьянам Екиматовским и Осташковским. Уезд в акте не указывался.

Такая же норма «пахать на монастырь на выть по 5 десятин» предназначалась и для земледельцев Вохны. Кроме того, жители Вохны должны были доставлять в монастырь по 1000 тесниц и по 1000 лубов да сено возить. Вохной называлась одна из волостей Московского у., принадлежащая Троицкой корпорации. Однако в описании 1592—1594 гг. сказано, что в выти волость Вохна не положена: ранее она была в уделе Владимира Андреевича, ее жители занимались рыболовством и бортничеством. По писцовым книгам 1592—1594 гг. жители этой волости должны были давать денежный оброк «за волостелин доход и за пудовый мед и за диячей доход и за рыбную ловлю» с сошного письма 80 + 10 р. монастырскому приказчику + 20 четей

ржи+40 четей овса+20 четей хмеля+80 кур+8 баранов. Они же обязаны исполнять барщину, сенную и дровяную повинности. Из сопоставления структуры и размеров ренты Вохны Московского у. и Вохны, о которой идет речь в грамоте 1590 г., явствует, что их нельзя отождествлять. Вполне вероятно, что в грамоте 1590 г. шла речь о подмонастырских селениях. Норма барщины в 5 дес. считалась непомерно большой, крестьяне освобождались от всех остальных повинностей: от натурально-денежных оброков, от овчин, холстов, «камни и извести в монастырь не возити и дров в монастыре не сечи, ни возити». Приказчики не имели права брать крестьянских лошадей для поездки в город¹³¹. Значит, *барщина в 5 десятин с выти* к концу XVI в. была эквивалентна сумме всех сеньориальных повинностей и платежей.

Подводя итоги рассмотрению ренты в вотчинах Троице-Сергиева монастыря 90-х годов, можно сделать следующие выводы: 1. Несмотря на большое количество всевозможных вариантов, вытный урок барщины возрос. Наибольшее распространение получила норма барщины в 2 дес., но встречается и 3 дес. Вытный урок в 5 дес. был для того времени исключением. Мы знаем о нем лишь по грамотам 1590 г., в писцовых книгах 1592—1594 гг. такого размера барщины нет. Возможно, что писцы отказались зафиксировать в описании столь высокую величину полевой повинности. 2. Хотя вытный урок барщины возрос, но, судя по Кашинскому, Костромскому уу., число вытей, платящих денежный оброк, превышает в два раза число вытей, обрабатывающих монастырскую пашню. В промысловых районах барщина могла вообще отсутствовать. Так, крестьяне Белоозерского у. Андаского стана с $1/16$ сохи («а вытей не знают») дают в монастырь 4,5 р.+24 деньги за московские дрова. Они же «проводят рыбу» с Белоозера р. Шексню в Пошехонский у. на монастырский обиход дважды в год. Для этого ставят «суды и кормишки и гребцы по 7 р., а инды больши». В Ярославском у. монастырская пашня занимает ничтожный процент, крестьяне изоброчены денежной рентой, выплачивая по 1 р. и по 1 р. 30 денег. И лишь с тяглых вытей, каждая из которых распахивала около осмины монастырской пашни, взимается по 160 денег и натуральный оброк: 1 четь ржи+1 четь овса¹³². Следовательно, Троице-Сергиевская духовная корпорация в удаленных (особенно в промысловых) районах предпочитала барщине денежно-натуральную ренту и повозные повинности. 3. Наибольшее распространение сельскохозяйственные отработочные повинности (барщина+сенокос) получили в Московском и Дмитровском уу. Крестьяне всех без исключения московских вотчин должны были работать на барщине и исполнять сенокосную и дровяную повинности. Они же в качестве мелкого дохода поставляли с вытей в большом количестве сметану и яйца, которые, очевидно, поступали на Московский торг. 4. Со всех монастырских вытей, как с тяглых, так и оброчных (если оброк был ниже 1 р.), взимались дополнительные денежно-натуральные платежи.

Итак, отмечая к концу XVI в. безусловное увеличение норм барщины (2—3 десятины с выти), тем не менее стоит воздержаться от вывода, что пропорционально возрос и удельный вес барщины среди других видов ренты. Достаточно большое число крестьян продолжали платить денежно-натуральный оброк. Даже судить об увеличении степени эксплуатации барщиной (в отрыве от других повинностей) крайне трудно, так как в ряде

троицких административно-территориальных комплексов быть была больше-размерной. Несколько легче, на наш взгляд, ответить на вопрос: был ли заинтересован феодал в расширении барской запашки? Если в 90-х годах монастырская пашня, возделанная крестьянами, описывалась сохами, не обелялась и с нее полагалось платить государственные налоги, то земле-владелец, скорее всего, предпочитал барщине другие виды ренты: а именно те, при которых получение прибавочного продукта с населения вотчины не было связано с искусственным увеличением пахотного массива земель. Следовательно, натурально-денежный оброк не только обеспечивал феодалу гарантированный уровень ренты, но и способствовал уменьшению фискаль-ного перенапряжения хозяйства.

Податная политика правительства, основанная на принципах условно-поземельного обложения, встречала сопротивление не только крестьян, сокративших до минимума свои надель, но и духовных корпораций, пытавшихся присвоить большую долю прибавочного продукта. Между царским синклитом и церковью шла борьба за распределение ренты. После отменов тарханов в 1581/82 г. противоречия должны были еще более обостриться. Пытаясь найти выход из экономического кризиса, ускорить процесс реактивации заброшенных пашен, правительство, по всей веро-ятности, *принуждает* церковных феодалов увеличить число барщинных земель, используя для этой цели писцов. Начиная с 90-х годов, проводятся правительственные описания вотчин крупнейших духовных корпораций с фиксацией денежно-барщинных повинностей. Именно в 90-х годах в ряде монастырей наблюдается почти одновременная замена денежных платежей барщиной. Правда, при этом следует учитывать и тот факт, что после отмены тарханов на монастырского крестьянина ложатся двойные денежные пла-тежи (государственные налоги и сеньориальная рента), которые в районах с малоразвитыми товарно-денежными отношениями не могли быть выпол-нены. В более поздних описаниях монастырских вотчин прямо сказано, что барщина вводилась по велению царя.

В Иосифо-Волоколамском монастыре, который не был столь богат, как Троице-Сергиева корпорация, и почти не участвовал в торгово-промысло-вых операциях, в 1590/91 г. контингент крестьян, занятых на монастырской пашне, был увеличен за счет оброчных: «и которые деревни на оброке были, деньги с вытей давали, и с тех оброчных деревень деньги сложаны, а велено им пашня пахать». Пустоши розданы крестьянам пахать из третьего и четвертого снопов¹³³.

В 1601 г. «по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси наказу» Михаил Васильевич Молчанов и дьяк Василий Не-любов описывали владения Кирилло-Белозерского монастыря и заменяли в ряде сел оброчно-денежную ренту барщиной. Устанавливалась офици-альная унифицированная норма барщины: 2 дес. на выть. «А что в селех же остались пустые земли у десятин, а роздати было крестьянам в десятины нельзя, для того что те села от их же сел отдалены, и те пустые земли в селех розданы слугам монастырским». Кирилло-Белозерская духовная корпорация имела вотчины в ряде уездов, и почти повсеместно ранее взималась с крестьян натурально-денежная рента, которая теперь принуди-тельно заменена барщиной. В результате этой акции монастырская пашня (совокупно по всем уездам) возросла более чем в два с половиной раза

(на 266 %) и занимала площадь, равную 2827 четям (в одном поле). Но даже после искусственного перекося сложившихся типов крестьянских повинностей в сторону безусловного преобладания барщины, примерно, с трети вытей (31,4 %) продолжал поступать зерновой, денежный оброк, и земледельцы этих вытей не участвовали в обработке господского поля.

Ранее 1601 г. монастырская запашка в ряде уездов занимала сравнительно скромное место. В пошехонской вотчине она занимала 6 % посевных площадей (церковная пашня здесь и далее не учитывалась), крестьяне платят натурально-денежный оброк; в углической вотчине — 7,9 %, в дмитровском ямении — 12 %. В Клинском у., вероятно, ввиду незначительных размеров монастырского владения барская запашка отсутствовала как до описания 1601 г., так и после него: крестьяне платят денежную ренту (1 р. 26 денег), исполняют повоз (с выти 4 воза дров к Москве). Традиционно привычно соотношение монастырской пашни с окультуренным фондом земель в Костроме (17,5 %), Бежецком Верхе (18,5 %). Крестьяне белозерских близлежащих вотчин частично совмещали барщину с отработочной рентой по устройству езов, поэтому площадь господского поля часто невелика. В Словенском Волоку Белозерского у. монастырская пашня занимала 6,6 % посевных площадей, но в комплексе Рукина Слободка того же уезда — 14 %¹³⁴.

Однако тяжесть эксплуатации барщиной, вытные нормативы не зависели к концу XVI в. от процентного показателя величины барского поля. В Костромском у. при традиционно привычном соотношении монастырской запашки и надельной земли вытная норма барщины еще до 1601 г. составляла 2 дес. Господское поле обрабатывалось частью вытей, другая часть платила денежную ренту. Писцы в 1601 г. не стали проводить в Костроме переобработку и лишь пометили: «Крестьяном монастырская пашня пахати и оброк платити и сено косити по-прежнему». В Пошехонском у. в хозяйственном комплексе Кукобой на монастырь сеяли 30 четей ржи крестьяне с 15,5 крестьянских вытей, т. е. норма барщины 1 дес. на выть. После 1601 г. ту же пашню обслуживали земледельцы с 7,5 вытей из расчета 2 дес. барской пашни на выть. На оставшиеся 8 вытей положен хлебный оброк: по 2 чети без четверика ржи + по чети с полуосминой овса. Кроме того, со всех вытей (пашенных и посопных) оставался в силе следующий побор: 127 денег + овчина + поярок¹³⁵. Вряд ли двухдесятичная барщина (4 десятины в двух полях) была по тяжести эквивалентна хлебному платежу в 3 чети зерна. Такое же несоответствие наблюдается при переобработке почти всех монастырских административно-хозяйственных комплексов.

Отсутствие тождества в тяжести сеньориального обложения барщинных и посопных вытей еще раз убеждает, что реальная раскладка всей суммы повинностей осуществлялась внутри общины, хотя, возможно, и при участии монастырской администрации. В той же волости Кукобой барщину можно было разверстать на все выти (по 1 дес.), хлебно-денежные платежи распределить по вытям так же. А возможен и другой вариант: снять с пашенных вытей весь денежный оброк и перенести его на непашенные выти. Писцы же преследовали конкретную цель: с одной стороны, увеличить фонд пахотных земель и тем поднять размер налогов поступлений в царскую казну; с другой стороны, официально узаконить повышенные вытные нормативы и представить правительству сведения о монастырских

доходах. Все вышесказанное позволяет утверждать, что увеличение в конце XVI в. удельного веса барщины среди других видов ренты специально инспирировалось правительством.

Крестьянское хозяйство базировалось на использовании 3-х видов земель: надельной, съемной (оброчной или наемной) и общинной. При дозоре троицких имений в 90-х годах в ряде уездов крестьянский двор описывался долей выти. По всей вероятности, подобный тип описаний был проведен во всех или, по крайней мере, в большинстве центральных районов, но подчас мы должны оперировать более поздними списками, где вытное описание дворов опущено. Для нас представляет интерес Кашинский у. с нормированной вытью и с двумя комплексами, один из которых (Олексино) был оброчный: 100—120 денег с выти, другой (Архангельское) — тяглый, но к нему были приписаны деревни, платящие по 300 денег (см. табл. 7). Изучая текст писцовой книги, можно отметить следующую особенность: наименьшее количество дворов на выть приходится в деревнях, изоброченных барщиной: 1,7 двор на 1 выть, т. е. наделы у них крупнее, чем у оброчных. В оброчных селениях число дворов на выть и населенность двора взрослыми представителями мужского пола возрастает, особенно в деревнях, платящих 300 денег¹³⁶. В Архангельском комплексе, крестьяне которого пахали 1 десятину и платили 50 денег, нет дворов, описанных долей выти, меньше $\frac{1}{4}$. 62 % дворов положены в $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{3}$ выти. В Олексино при ренте 100—120 денег значительная часть дворов описана $\frac{1}{6}$ выти. В оброчных деревнях Архангельского комплекса с рентой в 300 денег более 21 % дворов положено в $\frac{1}{6}$ и $\frac{1}{8}$ выти. Доля $\frac{1}{8}$ выти встречается только в этом комплексе (см. табл. 7). Очень крупный надел ($1\frac{1}{4}$ выти) был не у крестьянина, а у монастырского слуги, который, помимо этого, арендовал еще землю в близрасположенной пустоши. У оброчных крестьян чем выше размер денежной ренты, тем чаще встречаются более мелкие доли: $\frac{1}{8}$ выти составляет 1,25 чети пашни в одном поле. Ясно, что при таких размерах надела основным занятием крестьян является не хлебопашество, а побочные промыслы. В данном конкретном случае, исходя из близости Волги, можно предположить найм в качестве гребцов, грузчиков на проходящие суда, их ремонт и т. п.

Таблица 7. Вытные описания троицких вотчин Кашинского уезда *

Рента на выть	Наименование комплекса	Число дворов, описанных долей выти							Общая пашня в %
		свыше 1	$\frac{3}{4}$	$\frac{1}{2}$	$\frac{1}{3}$	$\frac{1}{4}$	$\frac{1}{6}$	$\frac{1}{8}$	
300 денег	Архангельское			1	28	15	10	2	33,1
120 денег	Олексино			3		5	6		14,8
100 денег	Олексино		1	5	5	2	3		33,8
1 десятинна барщины	Архангельское	1	2	6	6	3			18
+50 денег									

* Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 1—12.

Реально в распоряжении дворовладельца земли было всегда больше, чем судя по вытной доле, которой описан крестьянский двор, так как, помимо индивидуального надела, существовала общинная пашня, обрабатываемая совместно жителями селения. В Кашинском у. почти в каждом населенном пункте крестьяне «пашут сопча по мере» какое-то количество земли, также учитываемое вытным письмом. В селе Олексино на $3\frac{3}{4}$ выти наделной земли приходится $\frac{1}{2}$ выти общего поля. В рядом расположенных деревнях процент общей земли выше: в Киликеине — 33 %, в Ситникове — почти 40, в Почалове даже 50 %. Из высчитанных процентов табл. 7 трудно выявить какую-либо закономерность, тем не менее видно, что наибольшее количество земли выделено под общее поле, главным образом в оброчных селениях. Изучая описание каждого поселения, можно сформулировать следующее положение: чем больше количество мелких наделов в том или ином населенном пункте, тем выше вероятность встретить «сопча» обрабатываемую пашню. Если в селении среди более крупных наделов есть участки менее $\frac{1}{4}$, т. е. равные $\frac{1}{6}$, $\frac{1}{8}$ выти — всегда какое-то количество земли выделяется под общее поле. В однодворных деревнях пашня общая отсутствует. Размер общего поля в оброчных деревнях наиболее высок, занимая примерно треть или четверть посевных площадей. Среди оброчных деревень комплекса Архангельское, обложенных 1,5 р., нет ни одного поселения без общей запашки. Она есть даже в Пестове, где величина тягл была выше $\frac{1}{4}$. В настоящее время трудно определить, какую функцию выполняла общая пашня. В первую очередь она была своего рода гарантом прожиточного уровня. В то же время существование общего поля могло инспирироваться сеньором, в данном случае монастырем, для создания круговой поруки при уплате ренты. Возможно, крестьяне стремились, чтобы основная часть платежей шла с общей пашни. Такие же общие поля существовали чуть ли не во всех селениях Троицкой вотчины в Дмитровском у.

С повытным описанием дворов можно говорить о начале перехода от условно-поземельного к подворно-поземельному обложению. В вотчинах Троице-Сергиева монастыря существует и чисто подворное обложение, иногда в виде дополнительного подымного платежа: по 1 деньге с дыма, а в основном с непашенных и бобыльских дворов. С них в разных уездах устанавливались различные суммы платежей: в Дмитровском у. — по 20 денег, в Ростовском у. — по 50, в Казанском у. — по 60 денег. В Ярославском у. брали с ремесленных людей по одному рублю. В Новоторжском у. существовало торгово-ремесленное село Медна, где жили непашенные крестьяне. Они имели лавки, с которых бралось по 0,5 р. в царскую казну. В монастырь же платили со двора по 20 денег. Однако благодаря достаточно подробному описанию, отсутствующему в писцовых книгах других уездов, узнаем, что непашенные крестьяне, помимо 20 денег, выполняли ряд работ на монастырь: «делают на монастырском дворе всякое дело, и в огородах пашут, капусту сажат и поливают, и пашенным крестьяном на монастырь пособляют сено косить»¹³⁷.

Для Новоторжского, Кашинского уу., судя по описаниям 90-х годов, сохранились сведения, которые, по-видимому, можно трактовать как свидетельство тяглых переделов. Например: двор пуст, такой-то умер, «сидел на $\frac{1}{3}$ выти», но в селении все остальные дворы положены в доли, полу-

ченные от раздвоения выти ($1/2$, $1/4$, $1/8$), а не от растроения ($1/3$, $1/6$). Или: двор такого описан $1/4$, а «ранее жил на $1/6$ ». Передел тягл в какой-то мере должен быть обеспечен пашенной землей. Вряд ли шел передел всей пашни в селении, но вполне возможно, что кому-то прирезался выморочный надел или же прирезалась часть общей расчистки пашенного леса. И наоборот, состарившийся член общины мог быть описан меньшей частью выти и соответственно какое-то количество его земли переходило в другие руки, т. е. частичные переделы генетически более раннее явление, чем полные.

Владельческая рента в имениях светских феодалов

В советской исторической литературе 60—70-х годов много писали об отсутствии оснований для противопоставления друг другу поместных и вотчинных хозяйств. Однако в последнее время появилась работа Л. В. Милова, М. Б. Булгакова, И. М. Гарсковой, где на примере описания начала XVII в. Лихвинского у. с использованием математических методов показано, что глубинные экономические процессы по-разному протекали в поместьях и в вотчинах¹³⁸. Думается, что данное положение вполне справедливо и для XVI в. В период экономического кризиса 70—90-х годов поместные земли запустевали быстрее, чем вотчина (см. гл. IV). Существовали различия и в формах эксплуатации крестьян помещиками и вотчинниками, особенно первоначально в период бурного развития поместной системы.

Судя по Торопецкой книге 1540 г., правительство рассматривало помещиков как своих слуг, а поместья как одну из форм дворцовых земель. Земли измерены четвертями и положены в выти. Выть, вероятно, нормирована, в среднем в ней 12 четвертей. Барская запашка первоначально, видимо, по замыслу не планировалась у помещиков. Все, что им нужно, они должны были получить с крестьян. Торопецкому помещику с 1 выти шло: 40 денег, 2 чети ржи, 4 чети овса, 2,5 осмины солоду, четь пшена, осмина гороха, осмина конопель, осмина круп гречневых, осмина хмелю, полть мяса, баран, 2 куры, четь пуда меда, 4 гривенки масла коровья, сыр, поярок, пяток льну, овчина. Колебания в этом ассортименте были небольшие: могло быть меньше денег, несколько меньше круп, зато появлялись воз сена, мед, зайцы, тетерева¹³⁹. Состав ренты продуман так, чтобы помещик был обеспечен всем необходимым и не нуждался в заведении собственного громоздкого хозяйства с барской запашкой. У помещика были слуги-холопы, которые сопровождали своего господина в походах, управляли хозяйством, следили за своевременным поступлением крестьянской ренты. Земли, которые занимали холопы, также клались в выти, но доход с них соответственно не шел.

В поместьях выть была не только окладной единицей для сбора крестьянских платежей, но и показателем «прожиточности» помещика. Опираясь на число вытей в поместье, правительство могло судить о боеспособности его владельца. Но именно поэтому вытное письмо в поместьях носит сильные черты условности. Так, торопецкий помещик взял пашни пол-7 выти за 13. Еще более условный характер выти проступает у казанских помещиков по описанию 1565—1568 гг., когда за пашенную землю даются рыбные ловли, мельницы, озера. Под д. Кадышевой на р. Солонице стояла «мельница большое колесо», которая была сдана в аренду протопопу. Последний давал

с нее в казну 6 р. В 1567 г. она была отдана в поместье «за 60 четей в поле, а в дву по тому ж». По такому же расчету давались и рыбные ловли: 1 р., который ранее платили в казну за пользование ими, приравнивался 10 четям поместной земли в одном поле, «а в 2 по тому ж»¹⁴⁰. Окультуренной земли в Казанском у. катастрофически не хватало, помещики получали в оклад только часть пашни (57 четей за каждые 100 четей оклада), остальное приходилось на нераспаханную землю. Наделяя земель помещиков в Казанском у., правительство так же, как и в Торопецком у., унифицировало размер выти, приравняв ее к 10 четям, и определило крестьянскую повинность: пахать с выти господскую десятину. Разница в размере выти у торопецких и казанских помещиков кажущаяся. В Торопце на 10 четей крестьянской земли накинута 2 чети, как делалось и в дворцовых имениях «для посопного хлеба». В Казани в выть опять-таки положено 10 четвертей крестьянской земли, а 2 чети господской пашни надо было обрабатывать на господина в форме барщины. Основная разница в том, что, если в первой половине XVI в. правительство делало ставку на натурально-денежный оброк в поместьях, то в 60-х годах устанавливает барщину. Но влияние здесь оказал не столько хронологический фактор, сколько географический: Казанский край был необжит, окультуренных земель сравнительно немного, крестьянская колонизация в поместьях почти отсутствовала. При такой ситуации единственным выходом была отработочная полевая повинность.

В начале 80-х годов правительство предпринимает ряд действий по пути унификации мелких окладных единиц в поместных землях всего государства, в том числе и на Северо-Западе. Писцы, отправлявшиеся в новгородские пятины, получили наказ приравнять местную обжу к 10 четям¹⁴¹.

Выть в качестве окладной единицы получила широкое распространение и в светских вотчинах. Она встречается уже в 30-х годах в имении Московского у. В. С. Племянникова. В деловой грамоте 1550/51 г. на вотчину Лавровских в Новоторжском у. все деревни описаны вытями. В выти положены деревни в Рузском у. (1555 г., 1566—1568 гг.), в Рязани (1564/65 г., 1584/85 г.), в Веневе (до 1570 г.). В духовной грамоте князя И. Д. Щепина передаются в монастырь деревни «и всего того 10 вытей и со всем угодьем и с лесом»¹⁴². Однако правительство, по крайней мере, до середины века не регламентировало размеры выти и ренты в вотчинах.

Обычным явлением было барское поле в частнохозяйственных имениях центральных районов. Упоминания о нем встречаются в следующих уездах: Дмитровском (1519, 1543, 1552 гг.), Ростовском (1521 г.), Коломенском (1521, 1545, 1562 гг.), Суздальском и Юрьево-Польском (1523 г.), Переяславском (1523, 1576 гг.), Рузском (1533, 1558 гг.), Московском (1553 г.), Звенигородском (1560 г.), Костромском (1562 г.), Рославльском (1571 г.) и др.¹⁴³ Особенно высокого процента господская запашка достигает в южных районах. В небольших имениях служилых татар Мещерского у. в 1563/64 г. она доходила до 54 %. В Каширском у. почти вся земля была помещичьей. В большинстве поместий существовала барская пашня. Такая же картина наблюдается в Тульском, Деделовском, Веневском уу. Помимо крестьян, на барской пашне здесь широко применялся труд холопов¹⁴⁴. В отказных книгах 1562/63 г. на бывшую вотчину читаем: «Оба те двора изстари были один двор боярский Василья протопопа... а жили в нем страдные люди Фома да Фура да Никита з женами и з детми и пашню на Василья

пахали»¹⁴⁵. Использование холопов на сельскохозяйственных работах, а также в качестве слуг, дворовой челяди, портных и т. д. имело достаточно широкое распространение в XVI в.¹⁴⁶

В центральных уездах господская пашня обычно занимала 15—20 % культивируемых земель. Имеются неоспоримые доказательства о привлечении к ее обработке крестьян. В начале 30-х годов XVI в. в московской вотчине В. С. Племянникова крестьянская земля была положена в две выти. Норма барщины — 1 дес. (2 дес. в двух полях) с выти. На одной выти жил один крестьянин, на другой — два. Следовательно, два последних крестьянина пахали по 0,5 дес. (1 дес. в двух полях). В Веневском имении князя Ивана Мстиславского в 60-х годах выть равнялась 13 четвертям в поле. На князя пахалось на выть по 1,5 десятины ржи + 1,5 десятины овса, косилось по 30 копен сена. Для отправки продуктов в Москву с выти полагалось поставить 2 подводы. Столовый припас взимался в следующем составе: 2 полти, баран, 2 куры, да еще десяток льну, т. е. потребность в хлебе полностью удовлетворялась за счет продукции, получаемой с господской пашни¹⁴⁷. В 1562/63 г. Кириловы-Заболотские променяли свою вотчину в Коломенском у. со служебною пашнею и с боярскою пашнею (по 50 четей в двух полях). Количество вытей во всем имении 18,5. Следовательно, распахивая с выти по 2 чети по принципу «на пять шестой», крестьяне обрабатывали не менее 37 четей господского поля. В вотчине княгини Стародубской были «пашни княгинины и служни и крестьянские 287 четей»¹⁴⁸. В 1619/20 г. в имении Владимирского у. крестьянин, сидящий на $\frac{1}{4}$ выти, пахал на помещика 3 чети. В 1584 г. в Коломенском у. на 2,5 вытях сидело 3 крестьянина, которые, помимо оброка, пахали господскую землю. В 1595 г., отписывая на себя поместья детей боярских, патриарх требовал, чтобы писцы устанавливали в каждом случае, сколько крестьяне «высевали ржи на помещикове пашне». Работая на господском поле, крестьяне часто засевали его своими же семенами¹⁴⁹. Барщина существовала и в Арзамасском у.¹⁵⁰ В Нижегородском у. в поместье Ивана Головы Соловцова также использовался труд крестьян на барском поле. Однако перед смертью ввиду малолетства сыновей, заботу о которых он поручал слугам и старшему сыну, все крестьяне были переведены на оброк. Господская же пашня раскладывалась в выти, и на них нужно было «призывать» крестьян. На выть клалось 8 дес. (16 четвертей). Оброк с выти был колоссальный — 4 р. Понимая это, Соловцов оговаривал, что если плата будет «невозможной», то количество пашни в выти можно увеличить до 10 дес. Кроме денежной ренты, с выти взимались деньги за мясо («полти») и какое-то количество «столового запаса» («принос»). В обязанности крестьян входило также сенокошение на слуг — холопов. Последним выделялась земля по 3 дес. на семью. Однако, это не значит, что холопий надел был меньше крестьянского, так как на выти к концу XVI в. сидело всегда несколько крестьянских семей. Особенное распространение получили наделы в $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$ выти, т. е. реально земли, приходящейся на крестьянский двор, могло быть значительно меньше, чем у холопов. В хозяйство холопов передавалось по 2 лошади, по корове и по 3 овцы — «тем им кормитца, и одеватися, и обуватца»¹⁵¹.

Достаточно систематических сведений о величине барской запашки в центральных уездах нет. В писцовой книге 1559 г. по Звенигородскому у. лишь изредка попадаются пометы о княжеской и боярской пашне. В вотчинах

князя И. М. Шуйского и Н. З. Сатина ее относительные размеры составляют 27—28 %, хотя в имении первого посевные площади занимали почти 300 четвертей в одном поле, а у другого — всего 88 четвертей. У братьев Хвошинских земли было и того меньше — 47 четей, из них 21 % приходился на барское поле. В громадных же княжеских вотчинах размером 549 четвертей и 898 четвертей, принадлежащих И. И. Пронскому и Д. Ф. Палецкому, относительная величина господской запашки 8,5 и 11 %¹⁵². О составе рабочей силы, вспахивающей и засевающей господские поля в Звенигородском у., ничего не известно.

Пожалуй, единственным источником, где подробнейшим образом перечислены размеры выти и крестьянских повинностей, является отписная книга 1568 г. на вотчину Белозерского у. И. П. Федорова¹⁵³. Данная книга требует специального изучения, так как она являлась одним из трех аргументов, опираясь на которые дореволюционные историки утверждали тезис о «хаотичности» сеньориального обложения и разновеликости выти. В предшествующих параграфах мы попытались доказать, что коломенская сотная 1561 г. и сотная на Иванов Борок середины XVI в. имеют унифицированную выть: в Коломне, равную 6 дес., а в Белозерске — 8 дес. Но правительство следило за нормированной вытью в дворцовых и черных землях. Что же творилось в частной вотчине и зависел ли размер оброка от величины выти?

Иван Петрович Федоров-Челяднин принадлежал к верхушке московского боярства. Его вотчины были разбросаны в разных уездах, в том числе и в Белозерском. Незадолго до смерти он завещал село Воскресенское с деревнями в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1568 г. последовала опала и казнь И. П. Федорова. После чего часть его вотчины в Белозерском у. (село Богоявленское с деревнями) была отписана в опричнину, а другая часть (село Воскресенское с деревнями) — в Кирилло-Белозерский монастырь¹⁵⁴. В административном комплексе Богоявленском в связи с переходом на новый социальный статус была проведена унификация размеров окладной единицы, в результате чего в выть было положено во всех селениях 12 четвертей земли¹⁵⁵. Отписная же книга комплекса Воскресенского зафиксировала тот порядок, который существовал при жизни И. П. Федорова.

В книге были описаны село, 38 деревень, 9 починков, итого 48 селений. Вся земля оценена как «средняя» и подавляющее большинство посевных площадей положено в десятичетвертную выть. Кажущаяся дореволюционным исследователям неразбериха в размерах повинностей этой вотчины объясняется в первую очередь особенностями «письма», когда в тексте против каждой деревни указывалась то расчетная сумма, собираемая с доли выти, которой было описано это селение, то назывался установленный размер оброка с 1 выти. Тем не менее всевозможных вариаций много. Начать с того, что, помимо десятичетвертной выти, встречаются выти с большим или меньшим размером, например 6, 8, 12, 15, 20 четей. Велико разнообразие и в величине ренты.

В вотчине И. П. Федорова каждое селение было описано вытями и платило натуральный и денежный оброк. Барщина практически отсутствовала. Из 628 четвертей земли, зафиксированных в отписной книге, лишь на двух из них существовала барская запашка. «Да в тех же деревнях сеяно на Ивана на Петрова во все 3 поля 6 четвертей ржи». Кроме того, на него же

«косили сена в трех местах 15 возов». Натуральная рента состояла из хлебного оброка (1 четверть ржи+2 четверти овса с выти) и пушного (5—6 белок с выти). От хлебного оброка освобождались только починки, да и то не все, а лишь те, которые платили денежный оброк в размере 72 деньги с выти (Некрасов, Сорин, Лукин, Филинский). Починки, положенные в меньший денежный оклад (60 денег с выти), поставляли хлеб соответственно той доли выти, которой были описаны (Ольховицин, Рылко, Наумков). Исключением являлся починок Потребин, который принадлежал к селениям, платящим 60 денег с выти, но хлебом не был изоброчен. Между размером хлебного оброка и вытью (чаще долей выти) существовала достаточно жесткая зависимость, вне связи от того, заключала ли выть 10 четей земли или больше. Объем хлебных поступлений обуславливался количеством вытей.

Несколько менее четкая зависимость существовала между вытью и пушным obroком. Как правило, на десятичетвертную выть клали 5 белок. Большеразмерная выть в 12—15 четей облагалась 6 белками. Но учитывались и многие другие факторы: прожиточность крестьян, относительное многоземелье в селении, их занятия промыслами. Так, например, десятичетвертная выть облагалась 6 белками в д. Стуленово, где на 5 дворов было 25 четей пашни, т. е. в среднем 5 четвертей на двор, что является достаточно высокой нормой для того края. В д. Петрино на двор приходится менее 3 четей земли, а в д. Язвечье и д. Полжихино надел составлял около 1,7 чети, зато величина ставок денежного оброка наиболее высокая (84 и 96 денег с выти), что свидетельствует об их прожиточности. Это явно промысловые (охотничьи?) деревни. На десятичетвертную выть здесь также кладется 6 белок. Итак, в отличие от хлебной ренты, взимавшейся всегда в одинаковом количестве с выти, оброк белками предусматривал два оклада, учитывавших, если употребить выражение С. Б. Веселовского, «посильность» крестьян. В частности, с большемерной выти взимался, как правило, высший оклад.

А. И. Копанев считает, что главная цель повсеместно проводившейся охоты — это стремление получать добавочные средства для хозяйства, так как одежда шилась преимущественно из бараньей овчины¹⁵⁶. Наличие белки в натуральной ренте вотчины Белозерского края свидетельствует не только о значительной роли охотничьего промысла. Оброк белками — наиболее архаичная часть ренты, существовавшая еще в период довытного «письма», когда объектами обложения были деревни или крестьянские хозяйства. Он играет в вотчине И. П. Федорова примерно такую же роль, что и «мелкий доход» продуктами животноводства (масло, сметана, баран, овчина и т. п.) в центральных уездах. В центре страны во второй половине XVI в. наряду с предметами «мелкого дохода», «столового припаса» указывался и их денежный эквивалент, что свидетельствует в какой-то мере об отмирании этой формы ренты, о стремлении феодалов перевести эту часть натурального оброка в денежную. Видимо, такой же процесс шел и в Белозерском крае по отношению к obroку белками. В отписной книге 1568 г. встречаются упоминания $\frac{1}{2}$, $2\frac{1}{2}$, $7\frac{1}{2}$ белок. С некоторых деревень надлежало брать «в 5 белок треть», т. е. что-то около 1,7 белки. Понятна вся условность подобного обложения: господину не нужны были отрезки маленькой недорогой шкурки. Видимо, ранее внутри

общины существовал другой расклад пушной повинности. Попытки «привязать» белку к выти носят формальный характер, если только эта часть натуральной ренты не выплачивалась деньгами.

Денежная рента состояла из кормовых денег, сумма которых с выти была постоянна: за 3 праздника 12 денег с выти. Исключением из этого правила являлось лишь село, где платили 16 денег. Возможно здесь мы имеем дело с простой опиской, но допустимо, что жители административно-хозяйственного центра округа чаще сталкивались со всевозможными управителями, отсюда и более высокая цифра платежей, чем у жителей деревенских. Помимо кормовых денег, крестьяне платили собственно денежный оброк, который не имел единообразной нормы с выти. Амплитуда его колебаний очень велика: от 48 до 108 денег с выти, т. е. высшая грань превосходит низшую в 2,25 раза. Между этими крайними гранями существовало несколько градаций норм денежного оброка с выти: 60, 66, 72, 80, 84, 90, 96, т. е. разрыв в большинстве случаев составлял 6 денег. Благодаря столь большому диапазону норм денежного оброка, удавалось при обложении учесть наиболее важные экономические факторы развития того или иного селения. Распространение алтына в качестве главной счетной единицы служит объяснением того факта, что разрыв между близлежащими разрядами составлял как раз 6 денег. Разряд 80 денег — кажущееся исключение: должно было бы быть 78 денег, отсюда и следующий разряд оклада — 84 деньги. Но в данном случае отпечаток на величину ренты оказала по-видимому другая распространенная счетная единица — гривна. Практика округления писцами чисел хорошо знакома исследователям.

Попытаемся выявить какие-либо закономерности в окладах денежного оброка. Для этого отбросим все селения с сомнительными данными или отсутствием некоторых из них. Сюда попадают: починок Сорин (нет указаний какой долей выти он описан), починок Безгачев (пуст, оброк не положен), д. Лодыгино (вместо хлебного оброка увеличена денежная рента), д. Воскресенская (в ней проживал священник, земля в тягло не положена). Сильное сомнение вызывают оклады деньгами и белками д. Дермелинской. Не включены в исследуемые поселения деревни, где выть была менее 10 четвертей или же подскакивает до 20 четвертей. Таких всего 3 селения: починок Лукин (выть=8 четям), д. Сорино (выть=6 четям), д. Афанасьев (выть=20 четям). Тут, возможно, мы имеем дело с описками писца или опечатками типографии. Исключение таких селений вполне оправданно, так как задача состоит в выявлении закономерностей на наиболее *типичных* примерах, что требует исключения всех случаев с искаженными, неполными или сомнительными данными. Таким образом, осталось 40 селений. Однако их сопоставление крайне затруднено тем обстоятельством, что в ряде деревень выть содержала более 10 четвертей. Вместе с тем, учитывая тот факт, что в большинстве деревень выть содержала 10 четвертей, и зная о широком бытовании в тот период пятидесятичной выти, можно предположить, что где-то в конце 50-х—начале 60-х годов (скорее всего, при проведении 3-й генеральной переписи земель) все селения были описаны десятичетвертной вытью. В пользу данного предположения свидетельствует количество сена в великомерной выти. В вотчине Ивана Петрова достаточно четко прослеживается соотношение: на каждую четверть земли клалась 1 копна сена. Но вот какая картина вырисовывается в дерев-

нях, где на 1 выть приходилось в 1568 г. более 10 четей земли: Ярдышево — 15 четей пашни, 10 копен сена, 1 выть; Онцифорово — 20 четей пашни, 15 копен сена, 1,5 выти, т. е. первоначально, судя по сему, все эти деревни описывались десятичетвертной вытью. За прошедшие годы в некоторых деревнях в результате хозяйственной деятельности крестьян количество окультуренных земель увеличилось (или же уменьшилось). Городовой приказчик, составлявший отписную книгу, не имел права на проведение нового вытного письма.

Попробуем создать модель, при которой все селения описаны десятичетвертной вытью и соответственно с перерасчетом денежной ренты на десятичетвертную выть. Для этого делим всю сумму денежного оброка, взыскиваемого с того или иного поселения, на количество земли, тем самым вычисляя величину денег, приходящихся на 1 четверть. Затем полученное число увеличиваем в 10 раз. Перед нами величина денежного оброка, которая бралась бы с выти, если бы в нее было положено 10 четвертей пашни. Самое удивительное, что при этом мы получили ряд не совершенно новых чисел, как можно было бы ожидать, а те же цифры (или очень близкие к ним), которые перечислены нами ранее в качестве разрядов денежного оброка. Новой явилась цифра 54, которая прекрасно вписывается между ранее известными окладами в 48 и 60 денег. Тем самым мы получили непрерывную лесенку денежных окладов от 48 до 84 денег. Наивысший разряд стал не 108, а 96 денег (см. табл. 8).

Перейдем к рассмотрению селений, обложенных разными денежными окладами: 48 денег с выти платят всего две деревни: Кулпино и Горка Гридина. В обеих имеются пустые дворы (см. табл. 8). Собственно окладом 48 денег с выти обложено только захиревшее Кулпино, состоявшее из двух дворов. Один был пуст, во втором, видимо, сравнительно недавно поселился «приходец», ранее не проживавший в этой вотчине, а, возможно, и в этой местности. Для того чтобы освоиться, подправить сгнившие постройки во дворе, поднять в одиночку частично запереложенную землю, требовалось время. К деревне было приписано 5 четей пашни в одном поле.

Таблица 8. Вотчина И. П. Федорова (рабочая модель) *

Денежный оброк на 1 выть (10 четвертей)	Селения			Земли на двор в четвертях	Денег на двор	Средняя дворность селения
	всего	починков	с пустыми дворами			
48	2	—	2	6,2	48	2,5
54	3	—	1	4,3	26,1	4,6
60	13	4	2**	3,6**	26,3**	2,6**
66	6	—	1	4,4	29,3	2,8***
72	10	2	—	3,1	22,5	3,8
80	2	—	—	2,8	23	3,5
84	2	—	—	3,1	27	4,5
96	2	—	—	1,7	16	3

* Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 127—136.

При вычислении земли на двор пашня раскладывалась и на пустые дворы. При вычислении среднего денежного платежа расчет производился только на реально заселенные дворы.

** Не учтены 2 деревни, бывшие за слугами Ивана Петрова.

*** Не учтено село.

Сразу ее освоить было невозможно (средний надел, судя по таблице, всегда был ниже 5 четей), а платить нужно было за всю землю. Поэтому в качестве крайней меры был применен низший оклад в этой вотчине — 48 денег, т. е. с 5 четвертей 24 деньги. По-другому складывалась судьба д. Горки Гридина, которая ранее принадлежала слуге Ивана Петрова. Распахивал ли он ее один или же с помощью тех же крестьян, своих зависимых людей, неизвестно, но пашни было много (30 четей), положенных в 2 выти. К моменту составления отписной книги на территории деревни жили 2 семьи, да один двор стоял пустым. Опять-таки перед нами, скорее всего, новоселы. Во всяком случае, «оброк положен на ту деревню ново, что была за Ивановыми слугами», и разряд оброка достаточно высок — 72 деньги с выти, но не с десятичетвертной, а с 15-четвертной. Отсюда на обычную выть приходилось только 48 денег. Но и эта сумма была тяжела для крестьян, даже если бы все три двора имели жителей. Косвенным свидетельством этого является пустующий двор. Но при наличии всех трех дворовладельцев на долю каждого пришлось бы 48 денег. Однако согласно тогдашней практике брошенная необрабатываемая пашня относилась к пустующей только в том случае, если в селении не оставалось жильцов. Если же в деревне проживали крестьяне, то оставленный надел не считался перелогом и с него взималось тягло. Тем самым создавалась система, при которой сами крестьяне были вынуждены поддерживать беднеющего соседа и не допускать его ухода из деревни, иначе доля тягла, приходившаяся на их дворы, автоматически возрастала. Отсутствие одного дворовладельца в Горке Гридина делало еще более напряженной податную обстановку в деревне: на двор падало 72 деньги. Однако наличие большого массива пашни, которая совсем недавно культивировалась слугами Ивана Петрова, и реально низкая плата за четверть земли позволяли надеяться на достаточно быстрое разрастание поселка.

54 деньги с десятичетвертной выти платят деревни Кошкино, Онциферово, Ярдышево. В действительности все они описаны более высоким разрядом: 72, 80 денег. Скорее всего, это результат «переобролки» последних лет, когда при очередном «досмотре» обнаружилось, что поселения входят в силу, количество пашни на выть увеличилось по сравнению с первоначальным положением, но «вытное письмо» осталось прежним. Но если бы при отписании вотчины в Кирилло-Белозерский монастырь писцы обладали правом изменять вытный расклад на деревню, то стоило ли это делать? Три названных селения не принадлежали к числу крепких. У всех не хватает сена, следовательно, ограничено количество скота, в том числе и лошадей. Мало навоза для удобрения пашни, отсюда почти наверняка более низкие урожаи, чем у соседей. В Кошкино стоит пустой двор, т. е. хозяйство слабое. В Онциферове упомянуты дворы двух «приходцев», у которых, возможно, еще недостаточно окрепло хозяйство. Что изменилось бы, если бы писцы официально приписали эти 3 селения к разряду денежного оброка в 54 деньги, соответственно увеличив число вытей, сделав последние десятичетвертными? Рассмотрим подобную ситуацию на д. Ярдышево. Живущие там 3 семьи пахали 15 четей и платили с 1 выти 80 денег — один из самых высоких разрядов денежного оброка в этой вотчине. Кроме того, 12 денег кормовых, 5 белок, 1 четь ржи + 2 чети овса. Если бы была введена десятичетвертная выть, а за деревней официально был бы закреп-

лен оброк в 54 деньги, то крестьяне теперь уж с $1\frac{1}{2}$ выти должны были заплатить 81 деньгу (54+27 денег)+18 денег кормовых. Итак, в первом случае 92 деньги, во втором 99 денег, т. е. возрастание только денежных платежей на 7,2 %. Но возросла бы и доля натурального оброка: 7,5 белок, 1,5 чети ржи+3 чети овса. Причем здесь процент прироста еще выше — 50 %. Недостаточно крепкое хозяйство могло не выдержать такого увеличения платежей. Кроме того, оставляя на какое-то время неизменным вытное письмо, писцы создавали тем самым известный стимул для расширения запашки, так как часть ренты (зерном, пушниной, кормовой налог) при этом оставалась неизменной. Но с ростом у феодалов потребности в деньгах была выработана разветвленная шкала денежного оброка, при помощи которой можно было реагировать на малейшее изменение в хозяйственном положении крестьянина.

Безусловно низшей границей *обычной* нормы денежного оброка в вотчине Ивана Петрова было 60 денег с выти. Такой суммой обложены 4 починки, причем 2 из них имеют пашни всего по 1 четверти в поле. Оба крестьянина сели, вероятно, на «нови», так как починки названы их именами. Луга не расчищены: «сена нет». Тем не менее оба эти крохотных починка описаны вытным письмом: «десятой жеребей выти» ($\frac{1}{10}$ выти), самой маленькой долей, встречавшейся в отписной книге. В двух других починках наделы составляли 1,3 и 2 чети. Оклад 60 денег с выти положен и на деревни Ракульская и Овинец. В последней из 3 дворов обитаем был лишь один и, по всей вероятности, ему приходилось платить за всю приписанную к деревне пашню. В Ракульской запустел один двор, но на оставшиеся 3 семьи приходилось 20 четвертей, т. е. по 40 денег с дворовладельца. 60 денег со своей деревни платит ямщик, который в силу рода своих занятий не мог уделять достаточного внимания земледелию. В его деревне числилось 10 четвертей, описанные 1 вытью, но распахивал он, наверное, меньше, будучи вынужден к частым отъездам.

60 денег с условной десятичетвертной выти платили 4 деревни, положенные в оклад 80 денег и 84 деньги. Первые две ранее были за слугами Ивана Петрова. К моменту описания, по всей вероятности, населения в них нет: ни о крестьянах, ни о количестве дворов в отписной книге ничего не сказано. Не означало ли это, что хоромы являлись собственностью слуг и были проданы или перевезены ими в другое место? Тогда вновь поселившимся здесь крестьянам предстояло наряду с хлебопашеством большое количество времени уделять строительству. Размер выти в обеих деревнях 13,3 чети. В эту же группу входят Тютрюмово и Папино, положенные в один из самых высоких денежных окладов — 84 деньги, но размер выти равен здесь 14 четям. Стало быть, они также платят 60 денег с десятичетвертной выти. В Папино на 14 четвертей пашни приходится 10 копен сена, т. е. отсутствие удобных расчищенных лугов явно неблагоприятно сказывалось на развитии хозяйства. Несоответствие между пахотной землей и сеном, хоть и в меньшей степени, наблюдается и в Тютрюмове.

Все рассмотренные нами примеры показывают, что в оклад 60 денег попадали слабые с точки зрения экономики деревни. Некоторые из них обнаруживают тенденцию к запустению, в других еще только шел процесс становления. Сюда же относились селения со сравнительно мало благоприятными условиями для дальнейшего роста (нехватка сена, большие

платежи, падающие на дворовладельца). Разряд в 60 денег последний, где встречаются деревни с пустыми дворами.

Заброшенный двор мы встречаем еще только раз, теперь в самом селе, к которому «тянули» деревни. Но специфика жизни центра большой вотчины, несколько иная, чем в деревне, и один пустой двор на 12 жилых (причем в двух из них проживало по 2 семьи) не является признаком, согласно которому можно отнести данное селение к экономически ослабленным. На село положен оброк в размере 72 деньги. Но пашня с момента описания села вытным письмом несколько возросла (с 55 до 60 четей), и теперь на выть приходилось 10,9 чети. Соответственно с десятичетвертной выти платеж составит 66 денег. Кроме села, в разряд с таким же оброком входят 5 деревень, и в каждой из них на двор приходилось не менее 3,3 чети пашни. Исключение составляет Лисеево, где 6 четвертей посевных площадей описаны $1\frac{1}{2}$ выти, надел равен 2 четям, а оклад на 12-четвертную выть положен 80 денег.

Разряд оброка 72 деньги с десятичетвертной выти — это своего рода верхняя грань наиболее типичных норм обложения. Группа состоит из 10 поселений, среди них два достаточно окрепших починка Филинский и Некрасов с пашней в 3 четверти земли и с расчищенными лугами. По существу, перед нами сформировавшиеся деревни, но еще, видимо, пользующиеся льготой, так как хлебный оброк для них отменен. Остальные селения можно разбить на две группы: с десятичетвертной вытью и с 12—15-четвертной вытью. К последней группе относятся деревни с очень высоким окладом: 84, 90 и даже 108 денег. Для них характерна многодворность и достаточно стабильный среднестатистический надел пашни на двор: 2,4—3 чети.

Оклады 80, 84 и 96 денег с десятичетвертной выти охватывают всего по 2 деревни. Перед нами селения с сильным промысловым уклоном. В пользу этого свидетельствует как малая запашка в сочетании с одним из самых высоких денежных окладов, так и взимание с десятичетвертной выти не 5 белок, как было принято, а 6.

Итак, нами рассмотрен материал отписной книги 1568 г., который служил в историографии примером хаотичности и бессистемности как вытного письма, так и оброчного оклада. При некоторой условности наших расчетов можно тем не менее выявить следующие тенденции:

1. Официальной окладной единицей для сеньориальной ренты является десятичетвертная выть. Ситуации, при которых в выть входило больше или меньше земли, не являются свидетельством отсутствия норм вытного письма. Это отражение закономерного процесса хозяйственной деятельности крестьян между двумя вытными описаниями. Введение в качестве окладной единицы 10-четвертной выти, не адекватной наделу, создавало, по мысли правительства, стимул для максимальной распашки и освоения земель, которые какое-то время не попадали под обложение феодальной рентой. Однако реальной запашки в выти того времени было обычно меньше 10 четвертей.

2. Вышерассмотренная вотчина светского феодала Белозерского края носит промыслово-земледельческий характер, о чем свидетельствует небольшой размер хлебного оброка, наличие в ренте белок, а также достаточно высокий денежный оброк. Типичный размер сеньориальной ренты на десятичетвертную выть равнялся 1 четверти ржи + 2 четверти овса + 5 белок. Денежная часть ренты состояла из постоянного оклада кормовых денег

(12 денег) + собственно денежного оброка (60—66—72 деньги), итого с выти обычно взималось от 72 до 84 денег. Барщина практически отсутствовала. Величина ренты сравнительно умеренная. Возможно, это объясняется тем, что на севере страны сохранились большие массивы черносошных земель, и это обстоятельство нашло какое-то отражение в степени эксплуатации вотчинных земель.

3. Архаичной, отмирающей частью натуральной ренты являлся пушной оброк, который искусственно «привязан» к вытному письму. Возможно, вместо белок феодал получал за них деньги. Достаточно жесткая зависимость хлебного оброка от вытного письма, а также небольшая его величина наводят на мысль о сравнительно недавнем появлении здесь фиксированной хлебной ренты. Величина хлебного оброка на выть не зависела от того, сколько четвертей земли было в выти.

4. Наиболее подвижной частью ренты являлись деньги. И опять-таки строго фиксированный размер кормовых денег и жесткая зависимость их от выти — свидетельство недавнего появления этого окладного сбора, т. е. в период существования вытного письма. Это вполне согласуется с известной реформой середины XVI в., отменившей кормления.

5. Сложнее обстояло дело с собственно денежной рентой. Функционировала дробная шкала норм с интервалом в 1 алтын, что позволяло учитывать наиболее важные хозяйственные характеристики селений и соответственно поднимать или опускать величину взимаемого оклада. В вотчине И. П. Федорова величина денежных окладов на выть охватывала диапазон от 48 до 108 денег. Столь тщательная разработанность шкалы денежных окладов уводит нас в XV в., когда объектом обложения была деревня или крестьянское хозяйство. Таким образом, преобладающая часть ренты в промыслово-земледельческой вотчине Белозерского края XVI в. приходится на денежный оброк, возникший не позже XV в. Характерно, что с некоторых починков, а также с д. Лодыгино не взимали хлебного оброка, зато денежные платежи были обязательны.

6. В условиях существования Русского централизованного государства была предпринята попытка использовать при вытном обложении выработанную в течение многих десятилетий шкалу денежных окладов. Разветвленная шкала денежного оброка позволяла учитывать экономическое состояние хозяйств, или, употребляя выражение С. Б. Веселовского, их «посильность». Так, захиревшие деревни с большим количеством запущенных земель, с пустыми дворами описывались самым низким окладом в 48 денег. В то же время селения с крайне небольшим количеством пахотной земли, имеющие, видимо, выраженный промысловый характер, платили 96—108 денег с выти. Подобная политика не результат «справедливого оклада», а боязнь подорвать основы крестьянского хозяйства, необходимые для его воспроизводства. Но подобная архаичная система обложения исчезла под натиском строго фиксированных вытных окладов.

Благодаря публикации переписной книги вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1601 г. есть возможность проследить дальнейшую эволюцию ренты в комплексе Воскресенское. В конце XVI в. из ренты исчез пушной оброк. Величина денежного вытного оклада опустилась до 24 денег. Возможно, что на последнее обстоятельство оказал влияние чрезвычайный рост государственных налогов в период Ливонской войны. В среднем с 1 выти

платили 2,5 чети ржи + 2,5 чети овса + 1 четь ячменя + 1 четь пшеницы + + четверик «ядра овсяного» + 24 деньги. Кроме того, «столовый припас»: с выти овчина + поярок + сыр + 30 яиц. Как видим, состав ренты полностью изменился, объем и тяжесть повинностей увеличились. Состав ренты указывает на сельскохозяйственный характер комплекса с развитым земледелием и животноводством. Однако в 1601 г. хлебный оброк «по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всея Руси наказу» был заменен барщиной: «А пахати монастырских по 2 десятины на выть»¹⁵⁷. Перед нами пример замены денежного оброка хлебным, а затем барщиной.

Своеобразна сеньориальная рента в помещичьих землях Полоцкого повета. Отработочная повинность установлена не в количестве господской земли, а в рабочих человеко-днях. С выти взималось 60—84 деньги «да крестьяне пашут все на боярина день взгоном, да день сено косят»¹⁵⁸. К сожалению, по такой трафаретной записи нельзя представить действительную занятость земледельца на господском поле.

Динамика денежной ренты у черносошных и владельческих крестьян

Среди всех категорий земледельцев второй половины XVI в. лишь черносошные крестьяне почти полностью выплачивали ренту деньгами. В исторической литературе сложилась традиция под термином «черносошные» объединять несколько групп непосредственных производителей, именуемых в источниках: черными, чернокунными, волостными, государевыми оброчниками и т. п. Их характерной чертой является то, что они эксплуатируются непосредственно государством. Вплоть до второй половины XVI в. они обладали известной внутренней автономией: в отличие от земель дворцовых и помещичьих их владения только описывались в кадастровых книгах, но не подлежали учету (измерению). В начале 60-х годов в связи с отменой кормлений и передачей власти на местах органам земского и губного самоуправления вводится новый налог — «наместничий окуп», который подлежало собирать не с сохи, а с более мелких окладных единиц. П. А. Садиков предположил, что эта реформа коснулась лишь территорий, ведавшихся в Четвертной избе дьяка Василия Борисова Колзакова, а именно: Коломны, Каргополя, Турчасова, Ваги¹⁵⁹. В настоящее время сюда же можно добавить Белозерский и Владимирский уу.¹⁶⁰ Реформа коснулась подавляющей части черносошных крестьян центральных и некоторых северных уездов. В центральных уездах в выть клалось 12 четвертей доброй земли. На севере было сохранено старое название единицы обложения (обжа), и в нее клалось 10 четвертей доброй земли. Сена давалось на выть и обжу по 30 копен. В случае, если покосов не хватало, за 10 копен предоставлялась 1 четверть пашни. При излишках в казну взималось по деньге за копну, т. е. на черносошные земли были перенесены порядки дворцового ведомства. В Белозерском, Слободском уу. черносошная окладная единица именуется вытью, но ее величина в ряде волостей приравнена размеру черносошной обжи: 10 четей доброй, 12 четей средней, 14 — худой земли. Правда, материалы по Хлыновскому краю (Слободскому у.) датируются 1595/96 г., когда волость была передана в монастырь. В выти положена черносошная пашня в окрестностях Устюжны Железопольской в 1567 г.¹⁶¹ Унификация окладных

единиц коснулась и Двины, где малая сошка была приравнена 12 четям доброй, 14 — средней, 16 — худой земли ¹⁶².

Однако вряд ли правомерно было бы считать, что окладные единицы были нормированы во всех черных волостях. Ведь даже в дворцовых селах Белозерского у. вплоть до 1585 г. встречались большеразмерные выти, включавшие в себя по 18—20 четвертей худой земли. Такая же выть (16 четей средней земли) — в черносошной волостке Никольское Надпорожского стана, расположенного также по р. Шексне и вплотную примыкавшего к дворцовому озеровому комплексу Белозерского у. В Аргуновской волости Владимирского у. положено на выть по 20 четей худой земли, хотя в расположенной рядом волости Багаевской введена шестидесятинная выть ¹⁶³. Различие в природно-климатических зонах, исторически сложившиеся традиции, несходство типов крестьянских хозяйств (земледелие, бортничество, охота, рыболовство) — все это исключало возможность полнейшего единообразия. В Вымско-Вычегодском крае вплоть до середины 80-х годов ренты собирали с сохи (120 четей средней земли, 150 — худой), а с 1585/86 г. обложение стало подворным: по 0,5 р. со двора. В 90-х годах в Юрьевско-Поволском у. выть укрупнена: 40 четвертей худой земли, т. е. 2,5 обычной выти ¹⁶⁴. Такое укрупнение не единично: достаточно вспомнить, что в вотчине Кирилло-Белозерского монастыря в Ростовском у. жеребий включал в себя около 3 вытей.

Перейдем к рассмотрению размеров ренты. В 1540 г. в Торопецком у. в соху клалось примерно 26 селений или 36—50 дворов. Помимо дани, размер которой определялся ежегодно, черные крестьяне давали «оброк за мелкий доход»: в среднем 2,5 р. с сохи или около 13 денег с двора. Кроме того, отдельно взимались деньги за рыбные ловли (по полтине в московское число за оброчную бочку щучины). Плата за мелкий доход, характерная для сеньориальных платежей, встречается и в описании 1552/53 г. волости Высокой Коломенского у.: с сохи брался «оброк... за посошный корм и мелкий доход» около 4 р. 80 денег. Кроме того, взыскивалось с сохи 2 пуда 33 гривенки меда + пошлыны дворецкого и ключников (с 1 пуда меда — 5 денег). Количество селений в сохе примерно такое же, как и в Торопецком у., число же дворов возросло до 60—70 ¹⁶⁵. В 1561 г. оброк за наместничий окуп (волостелин присуд) устанавливался с нормированной выти—обжи в размере 1 р. + 12 денег пошлын. Столь высокие платежи за наместничий окуп являлись своего рода эквивалентом сеньориальной ренты, выплачиваемой владельческими крестьянами. Подобной реформой правительство пыталось хоть отчасти нивелировать степень эксплуатации разных социальных категорий крестьянства. В грамоте 1577 г. на оброчную черную волость Куность Белозерского у. рублевый налог прямо назван денежным оброком, «что наложен за вотчинников доход».

Волость Высокое через год была передана царем Чудову монастырю взамен отписанной под ямскую слободу вотчины в Вяземском стане Московского у. Сохранилась послушная грамота от 21 ноября 1562 г. высоцким крестьянам, где фигурирует обязательная формула: Чудова монастыря архимандрита с братиею «слушали, пашню на них пахали и оброк им платили». В грамоте 8 сентября 1563 г. Ивана Грозного коломенскому ключнику приказывалось: «оброку с тое волости шло в нашу казну на Большой дворец за посошный корм и за мелкий доход по 16 р. 4 гривны на год да по 9 пуд меда,

опричь ямских денег и ямчужного дела. . . и вперед бы с тое Высокие волости тех денежных и медвяных оброков не имал. А ямские б еси деньги и за ямчугу с тое волости имал по нашему указу». Следовательно, черносошные крестьяне центральных уездов, помимо вотчинникова дохода (1 р. 12 денег с выти, свыше 53 р. с сохи), дани, меда и пошлин с него, должны были также платить ямские деньги, исполнять ямчугу, о чем в сотных грамотах не упоминалось. Тот факт, что черносошные платежи шли в Большой дворец, с одной стороны, объясняет, почему на черные волости были распространены принципы дворцового землеустройства, с другой стороны, знаменует переход черносошных крестьян на новый статус — вотчинно-зависимых. Согласно послушной грамоте чудовские монахи могли завести собственную запашку и перевести коломенских крестьян на барщину. Но этого не случилось, земледельцы продолжали с выти выплачивать рублевую ренту, но теперь уже в пользу духовной корпорации ¹⁶⁶.

Рента с выти размером в 1 р. + 12 денег в качестве пошлин, помимо Коломенского у., встречается в Багаевской волости Владимирского у., в сц. Куности, в волостке Богоявленской на р. Ерге, в д. Мыс Белозерского у., в окрестностях Устюжны Железопольской, а также в Каргопольском, Тургасовском, Важском уу., где деньги собирались с десятичетвертной обжи и поступали в Четвертную избу. В черных волостях, где крестьяне были обоброченны высокими натуральными повинностями, кормленный окуп мог быть меньше 1 р. 12 денег: так случилось во Владимирском у. в бортных деревнях Багаевской волости. С земли, которая несколько позже была положена в 18 вытей, взималось 15 р. 78 денег вместо 19 р. 16 денег (около 171 деньги с выти). Впоследствии здесь с выти брали 1 р. 50 денег за ямские деньги, за посошные, за ямчужное дело, за волостелины и их пошлинников всякие доходы. Кроме того, взималась отдельная плата за рыбные ловли и бобровые гоны + медвяной оброк ¹⁶⁷. С 40-четвертной выти в Воловских починках Юрьевско-Поволского у. «по государеву цареву и великого князя Федора Ивановича всеа Руси указу и по их крестьянскому челобитью положено. . . за ямские деньги и за полоняничные и за всякие государевы денежные доходы и за посопный хлеб и за столовые запасы оброк . . . с выти по 11 рублей» ¹⁶⁸, т. е. в пересчете на обычную выть 4 р. 80 денег. Перед нами промысловые деревни с минимальными наделами: в среднем по 2,5 чети на двор. Семьи неразделенные, количество взрослого мужского населения в 1,5 раза превышает число дворов. Обычно во дворе жили отец с сыновьями, братья, дядя с племянниками. Колонизация данной местности в конце XVI в. шла ускоренными темпами: очень большое количество починков, небольшой размер перелога, энергичная подсека («пашни худые земли и с тем, что припахано из лесу», «посечено четверть в поле»). Воловский комплекс находился на р. Волге, крестьяне занимались промыслами, отсюда столь высокая ставка ренты. Сотная Юрьевско-Поволского у. единственная для центральных районов, где зафиксирована купля-продажа земли между крестьянами: «Починок Содомов, что был во льготе Елнацкие волости за крестьянином Ворошилком за Шурковым да за Гаврилком за Настасьиным. А ныне *по купчей* за Андрюшкою за Груздевым. А в нем в. Андрюшка Груздев, в. Оська Афонасьев. Пашни худые земли посечено осмина в поле, а в дву по тому ж. Лесу пашенного десятина, а непашенного две десятины».

Северные черносошные крестьяне также облагались денежным побором.

Обложению северных крестьян XVI в. посвящен ряд работ А. И. Копанева, Ю. С. Васильева, М. А. Мацука и других исследователей. Выявлено и опубликовано большое количество писцового материала, платежниц, всевозможных отписок о платежах. Особое значение имеет публикация Копаневым Куростровских волостных разубов, в результате изучения которых выяснилось, что в 40-х годах XVI в. действительные платежи с сошки превышали в несколько раз налоговый оклад¹⁶⁹. Обобщающие данные об обложении черносошных крестьян Севера приведены Копаневым и А. Л. Шапиро в коллективном труде ленинградских ученых¹⁷⁰. По описанию 80-х годов на двинскую сошку приходилось около 3 р. Установлено также, что согласно окладу, в одном и том же уезде черносошные крестьяне должны были платить государству больше, чем частновладельческие крестьяне. Разница была в величине «обежной дани» (оброка за белки). В 1555/56 г. в Каргопольском у. монастырские крестьяне платили в счет «обежной дани» 15 денег с сошки, а черные — в Каргополе около 81 деньги, в Турчасове — 234 деньги. Кроме того, с черной сошки брался посопный хлеб: осмина ржи + осмина с четвериком овса¹⁷¹.

Итак, черносошные крестьяне во второй половине XVI в. платили главным образом всевозможные денежные платежи. Натуральные поборы (хлебом, медом, рыбой) были не столь велики. Разница в степени эксплуатации черных и владельческих крестьян сглаживалась не за счет введения какого-то нового побора (как это было для дворцовых за счет введения посопного хлеба), а путем увеличения некоторых (одного-двух) основных государственных налогов. Кроме того, на черносошное крестьянство падала львиная доля всевозможных чрезвычайных платежей.

Помимо черносошных земледельцев, денежную ренту платили владельческие крестьяне. В документах XVI в. основная масса крестьян подразделялась на две категории: тяглых и оброчных. Основным занятием подавляющего числа тяглых крестьян было земледелие. За полученный от сеньора надел они обязаны были исполнять отработочные повинности или же выплачивать натуральный оброк. Статус оброчных крестьян менее ясен. Термин «оброк» не встречается в Русской Правде. Однако, судя по материалам И. И. Срезневского, это понятие употреблялось в богослужебных книгах, в частности в евангелиях. Есть оно и на страницах Повести временных лет под 946 г., где повествуется, что Ольга установила «оброки и дани», но здесь мы имеем дело с интерполяцией, когда летописец созвучные своей эпохе слова переносил на более ранний период¹⁷².

Впервые в светских актах термин «оброк» появляется в XIII в. Это княжеские уставы в Новгород о взимании пошлин с торговли представителями церкви. Обобщенным названием пошлин служил термин «оброк»¹⁷³. В актах XIV—XV вв. наиболее употребительное значение «оброка» — это строго установленный денежный побор в пользу князя, заменяющий многочисленные повинности и платежи тяглого населения (дань, ям, подводу, тамгу, осмниче, весче и т. д.). Номенклатура заменяемых денежным obroком повинностей в зависимости от ряда обстоятельств могла быть различной¹⁷⁴. Кроме того, obroком называли платежи за мельницы, за пользование на особых условиях речками и озерами. Оброк брали с лиц, основным занятием которых не было земледелие: с рыболовов, бортников, с лиц, проживающих в монастырских городских дворах (дворников). Нормированные поборы

в пользу попа также именовались оброком¹⁷⁵. Следовательно, термин «оброк» многозначен. Чаще всего он употреблялся в значении нормированного денежного платежа, заменявшего многочисленные тяглые повинности.

Исходя из этого, можно предположить, что владельческие оброчные деревни конца XV—XVI в. освобождались от основных сеньориальных повинностей: барщины и посопного хлеба, выплачивая за это денежный оброк. В противоположность тяглым селениям оброчные далеко не сразу были положены в выти. В 1532 г. во всех 20 крупных территориально-административных комплексах Иосифо-Волоколамского монастыря размеры пошлин и мелкого дохода устанавливались с выти, и только несколько небольших деревень платили довольно крупные суммы без вытного оклада, т. е. *единицей обложения была не выть, а сама деревня* или группа деревень. «С Попаилова — оброку 2 р. с четвертью, дер. Митино — оброку 40 алтын, дер. Любятино — оброку 4 р., дер. Филитова, Пестриково, Софоново — оброку 7 р.» Однако впоследствии все оброчные деревни Волоколамского монастыря были описаны вытными окладами. Такой же процесс наблюдается и в Краснохолмской корпорации: в 1564/65 г. тяглых свыше 208 вытей, 12 оброчных деревень тоже положены в выти (6 ³/₄ выти — что составляет 3 % от общего числа). В вотчинах Чудова монастыря в 1585/86 г. оброчные селения описаны вытиями¹⁷⁶.

Рассмотрим величину денежных поборов с тяглых вытей и их эволюцию. Уникальную возможность для решения этой проблемы представляет хозяйственная документация Волоколамского монастыря. В 1532 г. из 11 тяглых комплексов, где указан размер денежной ренты с выти, в восьми он равняется 24 деньгам (Волоцк, Дмитров, Клин, Тверь), в одном — 120 деньгам (Руза), в двух — 42 деньгам (Руза). Как видим, величина взимаемых денег с тяглых вытей сравнительно невелика, особенно если учесть, что выть в XVI в. не была адекватна крестьянскому наделу и на ней «сидели» обычно 2—3 семьи. Сопоставление размеров денежной ренты Волоколамского монастыря с вытными поборами других социальных категорий крестьянства показывает их удивительную близость, а в ряде случаев и полное тождество: 24 деньги платили дворцовые крестьяне сел Буйгорода и Палкина (Волоцк, 1543/44 г.); 42 деньги — крестьяне дворцового села Борисовского (Владимир, 1554/55 г.); 24—40 денег — подавляющее число помещичьих крестьян Торопецкого у. (1540 г.); 24 деньги — низшая ставка денежной ренты в вотчине И. П. Федорова (Белозерск, 1560-е годы)¹⁷⁷. В московском имении Кирилло-Белозерского монастыря (1559 г.) с выти также берут 24 деньги¹⁷⁸. Возникает вопрос: в чем причина столь широкого распространения в центральных районах первой половины XVI в. вытной ставки в 24 деньги. По всей вероятности, 24 деньги представляют собой «праздничные деньги». На это предположение наталкивает запись 1532 г. Волоколамского монастыря. Если против каждого хозяйственного комплекса указывался размер денежной ренты, то против волости Мисюрево стоит: «с выти по 8 денег на Велик день, на Петров день и на Рождество Христово по тому ж», т. е. речь идет опять о 24 деньгах.

На владения, указанные в книге 1532 г., монастырь имел жалованные грамоты: тарханские, оброчные, несудимые. Следовательно, административное управление монастырскими крестьянами осуществлялось вотчинным аппаратом. Согласно давней традиции кормленщик и его подручные полу-

чали от населения продукты на праздники или деньги за них. В литературе уже неоднократно отмечалось, что, несмотря на неизменный ассортимент «корма», его денежная оценка в разных местах была различной. Реально судебно-административную власть осуществляли на местах доводчик и праведчик. По дошедшим до нас великокняжеским уставным грамотам начала XVI в. доводчик с праведчиком с окладной единицы (чаще всего ею была деревня) получали следующие суммы: 23 деньги (черные д. Бежецкий Верх, 1506 г.); 20 денег (черные д. Коломна, 1536 г.); 24 деньги (черные д. Переяславль, 1506 г.). В волости Ростовец с владельческих крестьян взимается 24 деньги, а с черных — 21 деньга (1509 г.), 24 деньги получал волостель с бобровников Владимирского у.¹⁷⁹ С передачей судебно-административного иммунитета монастырю «праздничные» поборы стали взиматься в его пользу. Налицо генетическая связь денежной ренты с кормовыми поборами. Помимо этого, представителям монастырской администрации шли денежные пошлины с судебных разбирательств, торговых сделок, с заключения крестьянских браков, а также какое-то количество «корма»¹⁸⁰.

В перечне 1532 г. Волоколамской корпорации зафиксирован процесс коммутации части предметов натуральной ренты: с ряда волостей брался побор за овчину (3 деньги с выти) и дрова, которые оценивались по-разному (3, 6, 10 денег с выти). К началу 70-х годов во владениях этого монастыря сложилась разветвленная шкала денежных окладов с выти, среди которых наиболее употребительными были: 24, 50, 100, 150, 200 денег. Помимо этих норм, существовали промежуточные, особенно густо расположенные в интервале 24—56 денег. Нормы выше 1 р. официально не существовало. Однако на практике монастырь порой взимал с мелких деревень (описанных долей выти) полный рублевый оклад. Следовательно, при перерасчете на 1 выть получалась сумма, превышавшая 200 денег. Денежный оброк был наиболее подвижной частью ренты: он не обладал освященной традицией стабильностью вытного урока отработочной и натуральной повинностей.

Подавляющее большинство хозяйственных комплексов Волоколамского монастыря было обложено 24—56 деньгами с выти. Лишь оклад Фаустовой горы равнялся 20 деньгам, но с нее единственной брали деньги за сыры и масло (4 деньги), т. е. реально и здесь платеж с выти достигал 24 денег. Ренту в 100—200 денег платили небольшие селения. «Оброчными» именовались обычно деревни, платящие 200 денег. Столь высокий оклад налагался согласно данным оброчных тетрадей «за рожь и ярь». Таким образом, в представлении современников 1 р. являлся эквивалентом повинности (отработочной и натуральной), исполняемой с одной выти. Можно предположить, что 100 денег взимались с тех крестьян, которые исполняли на монастырь половину вытной повинности, например сеяли на монастырь лишь один вид хлеба (озимый или яровой). Удельный вес «тяглых» вытей с оброком 20—56 денег составлял в 1574 г. 81,7 %, с рентой 100—200 денег — 18,3¹⁸¹. Фактически же доля «оброчных» вытей была значительно ниже, не превышая, видимо, 10 %. 70-е годы — время начавшегося экономического кризиса. В московской вотчине Волоколамского монастыря пашня составляла десятую часть ранее окультуренных земель¹⁸². Сведений о поступлении отсюда в казну денежной ренты нет. Не упоминаются денежные сборы с близлежащих рузских сел Скирманово, Пенне, с дмитровского Молечкино. Крестьяне 4 крупнейших комплексов (Буйгород, Отчищево, Ильицыно, Новое) вместо

денежного оброка (общая сумма 18 р.) строили кельи. Отсутствие всех вышеперечисленных «тяглых» волостей в тетради сбора денежных доходов и стало причиной столь высокой процентной доли «оброчных» вытей. Помимо вытного денежного урока, монастырь в 1574 г. продолжает в ряде селений взыскивать также деньги за некоторые натуральные поборы: за овчину (те же 3 деньги с выти, что и в 30-х годах), а с 3 комплексов добавочно 2 деньги за нити, которые ранее взимались натурой. Плата за дрова не упоминается.

Стараясь компенсировать убытки, вызванные продолжавшимся экономическим кризисом, монастырь начиная с 1575/76 г. проводит унификацию денежных окладов. Отныне все «тяглые» села с окладом 24 деньги платят дополнительно 5 денег за овчину и нити, т. е. реально низшая грань ренты поднялась до 29 денег. В то же время монастырь пошел на некоторое снижение верхней грани. К концу 70-х годов для «тяглых» вытей официальным верхним пределом (без учета платежей за овчину и нити) становится оклад в 50 денег. Надо отметить, что в 1574 и 1576 гг. 56 денег с выти платил всего один комплекс — волость Ивановское (10 вытей). В 1579 г. это село, как и другие, стало платить 50 денег, однако монахи тут же накинули 5 денег за овчину и нити, т. е., по существу, размер денежного побора остался прежним. Обедневшему с. Локныш, которое до 1579 г. платило с выти 50 денег, платеж снизили до 42, зато накинули 8 денег за овчину и нити (вместо положенных 5 д.). Итак, преследовалась совершенно определенная задача — не допустить реального снижения денежной ренты. В удаленной тверской волости Болашково в 1575/76 г. взимают деньги за дрова (вместе с овчиной — 6 д.). А в селах Старицкого у. побор за овчину был в два раза больше, чем в других селениях. Таким образом, коммутация мелкого натурального оброка превращается в своего рода экономический рычаг, при помощи которого монахи пытаются добиться устойчивого уровня денежных поступлений. Однако «оброчные» деревни с рублевой рентой от дополнительных платежей были освобождены.

Бедствия 1570/71 г. (голод, эпидемия) отразились на экономике всей страны, привели к резкой убыли населения и сокращению посевных площадей. Данный процесс не миновал и Волоколамский монастырь. В оброчных тетрадях неоднократно встречаются пометы, что деньги с сел и деревень взысканы не в полном объеме или же не взяты совсем, будучи заменены отработочной повинностью или же крестьянам предоставлена льгота на несколько лет. Такое маневрирование дало определенный результат: с 1574 по 1580 г. количество «живущих» вытей в селениях увеличивается, растет и общая сумма денежной ренты: на 40 % возросло количество вытей, на 66 % — объем денежной ренты. Начиная с 1581/82 г. положение резко изменилось. Почти все владения монастыря ранее были «отарханены» жалованными грамотами 1563 и 1578 гг. В связи с их отменой не позднее 1581/82 г. крестьяне должны были, помимо ренты в пользу монастыря, выплачивать также государственные налоги. Земледельцы не в состоянии выдержать двойные платежи. Ускоряется процесс разорения крестьянских хозяйств. Тяглые крестьяне, несущие всю тяжесть монастырских повинностей и платящие небольшие денежные суммы, первыми выбывают из монастырских тетрадей, фиксирующих поступление денежной ренты. Вероятно, денежные поборы заменены отработочными повинностями, той же

барщиной. Наиболее жизнеспособными оказались оброчные селения в удаленных от монастыря районах, имеющие длительную связь с рынком. В 1589/90 г. денежная рента в пользу Иосифо-Волоколамского монастыря взималась лишь с оброчных селений.

Монастырь приступает к перестройке хозяйства, вводя принудительное массовое кредитование крестьян. Еще К. Н. Щепетов отметил, что монастырские власти предоставляли «на животинный приплод» по 3 р. на выть. На эти деньги должны были быть приобретены 4 коровы, 5 овец и столько же свиней, т. е. ставка была сделана на усиление животноводства. В 1590/91 г. было роздано крестьянам почти 1800 р. по кабалам, за что ежегодно с выти должно было взиматься «росту» по 1 р. «боровных, баранных, масляных» денег. Налицо нарушение принципа расчета обычного права «на пять шестой»: вместо 20 % взималось 33 % от основной суммы. Данное обстоятельство наряду с прочими привело к волнениям 1594/95 г. в среде крестьян. Однако к тому времени монастырь почти полностью вернул свои деньги, собирая в год около 600 р. По приговору 1595 г. вместо уплаты 1 р. «ростовых» денег с выти полагалось платить 50 денег + 1 четверть солоду + осмину пшеницы + полосины конопель. Перед нами хлебный оброк в том же размере, в каком он взимался в 30-е годы, помимо барщины. Отсутствие столовых запасов (яиц, сметаны) среди платежей послужило формальным поводом для поднятия низшей ставки денежной ренты с 24 до 50 денег. Но и этого было мало: предусматривалась *обязательная коммутация выше-названного хлебного оброка* в денежный (82 деньги), итого 132 деньги с тяглой выти. Казначей планировал с 700 вытей получить 462 р. Следовательно, формально провозглашая незыблемость размеров натуральных поборов начала XVI в., монастырское начальство Волоколамской обители резко вздернуло величину денежной ренты за счет отмены мелких натуральных платежей. Это стало возможным не только благодаря развитию животноводства, продукция от которого поступала на рынок, но и благодаря снижению размеров государственных налогов. Оброчные выти Козельского у. (26 1/2 вытей) были обложены 1,5 р., итого 590 р. 150 денег денежной ренты в год со всей монастырской вотчины¹⁸³. Таким образом, к концу XVI в. вытные ставки денежного оброка возросли как у тяглых, так и оброчных крестьян. Вместе с тем основной повинностью тяглых крестьян по-прежнему оставалась барщина, причем их контингент был увеличен еще в 1590/91 г. за счет оброчных. Итак, в Иосифо-Волоколамском монастыре в 90-х годах почти все крестьяне переведены на статус тяглых. Увеличение размеров денежной ренты наблюдается как у тяглых земледельцев (132 деньги), так и у оброчников Козельского у. — 1,5 р.

В параграфе, посвященном монастырской ренте, приводились размеры денежной ренты в конце XVI в. в хозяйствах других духовных корпораций. В Троице-Сергиевом монастыре в Новоторжском у. бывшая господская пашня была роздана «новоприходцам» в наделы, с выти брали по 1 р. В Свияжском у. «за пашню и за всякие доходы» — по 1 р. 40 денег, что не освобождало крестьян полностью от монастырского изделия. Но в этом же уезде земледельцы платили по 1 р. и даже по 0,5 р. В целом 57 % всей земли были изоброчены денежной рентой или 73 % всех дворов. Как уже указывалось, плотность населения на выти, с которой выплачивался денежный оброк, выше, а наделы меньше. В Казанском у., где еще шло освоение

земель, почти все население занято барщиной, поэтому число дворов, платящих с выти деньги, в 3 раза меньше, чем дворов, положенных в барщину¹⁸⁴. Наивысшая ставка денежной ренты у троицких крестьян Ярославского у. — 1 р. 30 денег + натуральный оброк (1 четь ржи + 1 четь овса), в Кашинском у. — 1,5 р., в Костромском у. — 2 р. Сохранилась оброчная грамота 1580 г. властей Троицкого монастыря в село Соболево (уезд не указан), где с выти взимали 3 р.¹⁸⁵ В Каширском у. с дворцовых оброчных деревень в 1588 г. «за дань и посошный корм и за мелкий доход и за цареву за ржаную и яровую пашню... и за посельнич доход» с выти брали по 2 р. 65 денег¹⁸⁶.

Подводя итоги вышесказанному, можно утверждать, что абсолютный размер денежной ренты к концу XVI в. вырос как у оброчных, так и у тяглых крестьян. Однако величина денежной вытной ставки имела большие порегиональные колебания. Вероятно, тут отразилась степень развития товарно-денежных отношений в уезде, характер занятий крестьян и т. п. Но в той или иной мере какая-то часть продукции почти каждого крестьянина должна была поступать на рынок, так как, помимо владельческой денежной ренты, надо было выплачивать государственные налоги.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦЕРКВИ ПО ЗЕМЕЛЬНО-ПОДАТНЫМ ВОПРОСАМ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ

Образование Русского централизованного государства сопровождалось изменениями в общественной структуре страны, переменами в составе и положении господствующего класса. В борьбе с удельно-княжеской оппозицией московское правительство опиралось на определенные слои духовенства. С начала XVI в. наметился союз великокняжеской власти с Иосифом Волоцким и его сторонниками, последователями, которые, нуждаясь в поддержке против еретиков и других врагов церкви, выдвинули теорию теократического происхождения самодержавия. «От вышняго божия десница поставлен еси самодержец и государь всея Руси... От бога дана бысть держава вам. Вас бо бог в себе место избра на земли и на свой престол посади, милость и живот положи у вас». «Государь, по подобию небесныя власти дал ти есть небесный царь скипетр земного царствия силы». И если удельные князья являются властелинами только «в своем отечестве», то великий князь всем государям государь. Тяготение к взаимному союзу приводит к тому, что великокняжеское правительство отказывается на какое-то время от своих секуляризационных устремлений, жалуется, порой щедро, духовные корпорации, епископов иммунитетными грамотами. В свою очередь, идеологи сильной воинствующей церкви перестают подчеркивать преимущество церковной власти над светской. И даже больше: в их сочинениях начинает звучать мысль, что царь — высший судья во всех делах, в том числе и духовных. Ему бог передает все «церковное и монастырское», его «суд не посужается». Стремительный рост монастырского землевладения, ограждение его податным и судебным иммунитетом стали той ценой, которую московские самодержцы заплатили церкви за ее поддержку их политической линии. Но данный союз был крайне противоречив и условен. С усилением самодержавной власти усиливается и наступление на церковные прерогативы¹.

Сторонником и идеологом неограниченной монархии, ее божественного происхождения был Иван Грозный. Про себя он писал: «Царь и великий князь всея Руси... по божьему изволению, а не по многомятежному человечеству хотению». Российские самодержцы сильны тем, что «изначала сами владеют своими государьствами, а не бояре и не вельможи». Страну ждет гибель, если «царие послушны епархом и сигклитом»². Вся политика Ивана Грозного была направлена на утверждение единовластия, на умаление политического веса крупных феодалов, на низведение разных слоев вотчинников к статусу своих слуг, земель и жизнью которых он мог распорядиться в любой момент. Недаром к концу правления Ивана IV представители знатнейших фамилий, обращаясь к царю, именовали себя старинным

термином: «холоп твой». Характерно, что к концу XVI в. доля вотчинного землевладения по сравнению с поместным резко падает, а в ряде уездов (особенно окраинных) светских имений на основе вотчинного права не было.

Гораздо сложнее обстояло дело с церковью, крупной феодальной организацией, которая непосредственно влияла на официальную идеологию Русского государства, пользовалась авторитетом у верующих, и в поддержке которой царь нуждался, особенно в периоды обостренной борьбы со своими противниками. Становление самодержавия было бы затруднено без активной поддержки церкви. С другой стороны, духовенство владело колоссальными земельными массивами, значительная часть которых была отарханена, и поэтому налоги с нее не поступали в государственную казну. Подобная ситуация имела пагубные последствия для хозяйственного развития страны, особенно в годы Ливонской войны: возросшие финансовые потребности государства покрывались не всеми налогоплательщиками (значительное число их жило в отарханенных вотчинах), что, в свою очередь, вело к резкому возрастанию норм обложения и разорению части крестьянства. Развитие поместной системы требовало наличия фонда окультуренных земель, которых не хватало, но их можно было получить, проведя секуляризацию. Самодержавные устремления царя, пытавшегося поставить под контроль регламентацию и организацию прибавочного продукта, присвоить его большую часть, наталкивались на податные и земельные привилегии духовенства. Следовательно, понять характерные черты, своеобразие аграрного строя России без изучения взаимоотношений правительства и церкви невозможно.

Советские историки, изучая процесс становления самодержавия в России, главный упор делали на исследование расхождения между великокняжеской царской властью и удельными князьями, представителями крупнейших аристократических родов, боярством и т. п., т. е. анализировали противоречия борьбы между царем и светскими феодалами и методы этой борьбы. Меньше внимания уделялось взаимоотношениям государства и церкви. С. Б. Веселовский посвятил специальную статью характеристике роста монастырского землевладения после постановления о запрещении земельных вкладов в духовные корпорации³. Блестящие работы С. М. Каштанова раскрыли перипетии финансовой политики правительства на основе скрупулезнейшего изучения жалованных грамот. О взаимоотношениях между правительством и церковью во второй половине XVI в. писали также В. И. Корецкий, А. А. Зимин, М. Н. Тихомиров, Р. Г. Скрынников, С. О. Шмидт, Н. Е. Носов, Л. В. Черепнин. Вместе с тем в историографии своего рода «белым пятном» остается проблема ответной реакции церкви на мероприятия правительства, направленные к ограничению их податных и земельных прав, особенно в момент кульминационного столкновения на соборах 1580 и 1584 гг. Диаметрально противоположные мнения высказываются относительно политики «удела» 1575/76 г. Крайне мало известно о размерах государственных повинностей в центральных уездах и о последствиях отмены тарханов для хозяйственной жизни духовных корпораций. Существование церковных привилегий при сложившейся системе условно-поземельного обложения становится во второй половине XVI в. тормозом для дальнейшего развития аграрных отношений.

Податная и земельная политика относительно монастырских вотчин в 50—70-х годах

В первой половине столетия со всей ясностью выкристаллизовались две проблемы, к которым правительство периодически возвращалось и которые стали теми горячими точками сопряжения, вокруг которых шла неустанная борьба: 1. Стремление правительства к ограничению роста церковного землевладения вплоть до секуляризации. 2. Отмена иммунитетных пожалований. Эта борьба отмечена многократными попытками царской власти перейти в наступление, которое тут же сменялось еще более щедрыми пожалованиями. Для нее характерны временные успехи и отступления, непрерывное лавирование и компромиссы.

В Судебнике 1550 г. конец ст. 43 гласил: «Тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты помнати у всех»; ст. 91: «А торговым людем городским в монастырей в городских дворах не жити, а которые торговые люди учнут жити на монастырех, и тех с монастырех сводити да и наместником их судити». В советской историографии достаточно большое внимание уделялось характеристике периода 1549—1551 гг. Политике правительства за эти годы посвящены не только статьи, разделы в книгах, но и монографии. Последние по времени работы, подводящие итоги финансовой политики по отношению иммунитетов за первую половину XVI в., принадлежат перу С. М. Каштанова⁴.

Судебник 1550 г. был составлен в июне. Нет серьезных данных, позволяющих присоединиться к широко бытующей версии, что якобы Судебник утверждался на Стоглавом соборе 1551 г. Но несомненно то, что Стоглавый собор был ареной ожесточенных столкновений между царским синклитом и церковниками, которые не могли смириться с потерей своих финансовых привилегий. В литературе уже отмечалось, что Иван IV, дабы усилить число своих сторонников, меняет игумена крупнейшего монастыря: во главе Троице-Сергиевской духовной корпорации вместо иосифлянина Серапиона встал Артемий, один из лидеров нестяжателей. Постановления Судебника 1550 г., после того как в июне царь вместе «с своею братьею и з бояры» его «уложил», стали действующими, и в сентябре состоялись переговоры между Иваном Грозным и митрополитом Макарием, а возможно, и с другими представителями духовенства. Из грамоты 15 сентября 1550 г. явствует, что ранее («преже сего») на каком-то церковном Соборе («приговорил... со архиепископы и епископы»), состоявшемся не позже первой половины 1550 г. (в 1549 г.?), был принят приговор, согласно которому «слободам всем новым тянути з грацкими людьми во всякое тягло и з судом». Однако в грамоте 15 сентября, признавая законность постановления («и мы ныне тот приговор помним»), подчеркивалась правительственная уступка по поводу судебного иммунитета: «В новых слободах ведает бог да ты, государь, опричь суда». Обоснованием вырванной уступки служит то обстоятельство, что «преже того, государь, твои наместники и волостели наших слобожан не суживали». Церковники жалуются, что после издания приговора, кормленщики судят и старых и новых слобожан, отсюда запустение в слободах. Взамен возвращения духовенству судебного иммунитета на слободы церковь признает законодательную силу ст. 91 Судеб-

ника, развивая и более подробно ее излагая: «А ныне твой царский приговор с нами, что в те в новые слободы вышли посадские люди после описи, и тех бы людей из новых слобод опять вывести в город на посад». Как видим, критерием «старины» является поземельное описание (скорее всего, 40-х годов). Далее приводятся варианты разных ситуаций: рост старых слобод разрешен только за счет отпочкования дворов «от отца детям или от тестя зятим или от братии». При запустении дворов старой слободы «называть сельских людей пашенных и непашенных» в Юрьев день «по государеву указу по старине же». С посадков в монастырские слободы могли быть позваны только нетяглые люди — козаки. Но разрешался обратный переход: из слобод на посад или в села, тем самым «выходец» освобождался от монастырской зависимости и превращался в государственного ремесленника, торговца⁵.

Итак, спустя 3 месяца после «уложения» Судебника царский синклит был вынужден пойти на уступки, возвратив церкви судебный иммунитет на слободы. За это церковь признала ранее проведенную отмену тарханов по территории новых слобод и согласилась на вывод посадских людей из монастырских городских дворов. Что касается ст. 43 об отмене всех тарханов, то она, по всей вероятности, вызвала резкий отпор духовенства. Во всяком случае, в приговоре 15 сентября глухо сказано о старых слободах «держати... по старине о суде и о всяких делах *по прежним грамотам*». Следовательно, и по тарханым грамотам? Или же подразумевались лишь несудимые грамоты? Видимо, окончательное решение, устраивающее обе стороны, не было принято. Духовенство не желало признать отмену тарханов.

Обращаясь к Стоглавому собору, царь касался важнейших привилегий духовенства: земельных и финансовых. «В монастыри боголюбцы дают душам своим и родителем на помянок вотчины и села и прикупи, а иные вотчины и села собою покупают в монастыри, а иное угодие у меня припрасивают. И понимали много по всем монастырем, а братья во всех монастырех по старому, а инде и старую меньши. Есть и пить старого братье скуднее, а строения в монастырех ни котораго не прибыло, а старое опустело. Где те прибыли и кто тем корыстуется? Да тарханные и несудимые и льготные грамоты у них же о торгоях безошлинно. Чернцы по селам живут да в городе, тяжутся о землях. Достойно ли то?..» Под видом заботы о «чистоте» монашеского общежития совершенно отчетливо проступают секуляризационные устремления царя. Умно сформулирован и повод для этого: штат чернецов, их еда и питье остаются прежними, а монастырские вотчины несоизмеримо выросли. Духовенству, призванному думать о спасении души, совсем ни к чему подобная корысть. Несовместима, по понятиям Грозного, монашеская жизнь с жалованными грамотами. Уже сам факт постановки на обсуждение ранее законодательно решенной проблемы о тарханах показывает, что царский синклит был не в состоянии принудить духовенство отказаться от важнейших податных привилегий, не мог пойти на разрыв с церковью. Принятое собором постановление о жалованных грамотах по своей сути отрицало статью 43 Судебника о тарханах. В Стоглаве, одобренном весной 1551 г., говорится следующее: «Да у которых монастырей земель и сел довольно, посматриваю по братству и мочно прожити, и те бы архимариты и игумены и строители

и старцы благочестивому царю не стужали, излишнего не просили, также бы и тархалных, и лютных, и о торговлях безпошлинно, и несудимых грамот и угодий не припрашивали»⁶, т. е. ни о каком отобрании тарханов речи нет и даже дальнейшая их выдача не запрещается. Довольно в мягкой форме предлагается богатым обителям не просить впредь жалованных грамот. После окончания собора, 17 мая 1551 г., Иван IV утверждает ряд жалованных грамот и выдает новые. Однако, согласно данным С. М. Каштанова, правительство пошло по пути отмены главных податных привилегий.

Столь же непримиримую позицию занял Стоглавый собор по отношению к правительственной попытке отменить большинству монастырей и церквей денежную, хлебную и прочую дотацию, т. е. ругу. Характерно как поразному на соборе 1551 г. объясняется предыстория вопроса. Иван IV указывает, что его отец Василий III «давал по многим монастырем богатым и убогим» «хлеб и соль и денги и воск» и прочее «в приказ», т. е. одноразово, а не «впрок», не постоянно, не ежегодно. При его матери традиция частично была нарушена. После смерти Елены Глинской в период боярского правления «многие монастыри грамоты поимали по вся годы имати милостыню впрок в ругу». Далее говорится, что ругу «из казны» брали и приходские церкви, несмотря на то что «у монастырей села есть и иные доходы», а у церквей — огороды, сады, сенокосы, торговые лавки. Церкви получают также доход от прихожан. Собор без особых изменений повторил вопрос царя, но, видимо, в период дискуссий Ивану Грозному доказали, что ружные грамоты «впрок» давал и его отец. Поэтому ответ строился несколько по-иному, чем царский вопрос: ружные грамоты Василия III, данные «впрок», оставались в силе. А по которым монастырям Василий III давал «милостыню в приказ», а монастыри богатые, то дело оставалось на царское рассмотрение: «и дати и отложить». В случае, если убогим монастырям Василий III давал «милостыню в приказ», а монахи впоследствии добились грамоты о том, что содержание дается им «впрок», то предусматриваются две ситуации: если монастыри и церкви могут прожить без руги, то выдача им руги рассматривается в каждом случае царем отдельно; если же убогие монастыри и церкви не могут прожить без руги, то царю «достойно и праведно таковых пожаловати». Оговаривалось, что и прочие убогие монастыри, которые ранее ничего не получали и грамот не имели, надо устроить «в свое христолюбивое царство», т. е. выдать им ругу. Руга отменялась лишь для попов и дьяконов-временников, которые брали содержание из казны «в нынешнее лето» без царского ведома. Как видим, акценты в царском вопросе и соборном постановлении смещены. Иван IV добивался отмены государственных дотаций монастырям и приходским церквям на том основании, что его отец не давал ружных грамот. Но в период его малолетства этот обычай был нарушен: те монастыри, которые получали одноразовые «милостыни», получили ружные грамоты «впрок»; их же получили монастыри и церкви, которым ранее вообще не давали содержания. Царь подчеркивал, что все они имеют другие источники дохода. И лишь относительно убогих монастырей и неприходских церквей он соглашался их «устроить по разсуждению»⁷. Церковный собор добивается признания законности государственных дотаций и правомочности большинства ружных грамот, в том числе и актов, выданных в период боярского правления, в первую очередь для маломочных монасты-

рей. И даже для крупных духовных корпораций эти грамоты 1533—1547 гг. не отменяются, а оставляются на рассмотрение царя. Итак, попытка царского синклита отменить государственные дотации церковным учреждениям и объявить недействительными ружные грамоты окончилась неудачей.

Правительством вынашивался и еще один проект наступления на церковные доходы, а именно: заставить духовенство выкупать своей казной попавших в плен православных людей, и в первую очередь представителей феодально-служилого класса («бояр и боярынь и всяких людей»), которых привозили из Крыма, Турции или из ногайских орд, «а иные сами выходят, должны и беспоместные, и здесь окупитися нечем». «Достоит о сем уложить соборне, как тем окуп чинити, а в неверные не отпущати. А которые собой вышли о тех устрой учинити же по достоянию, елико вмести́мо, чтобы были в покои и без слез». Ответ собора гласил, что «их окупати из царевой казны». Для этого «сколько . . . пленного окупу из царевой казны разойдется, и то раскинути на сохи по всей земли, чей кто ни буди, всем равно», т. е., по существу, полоняничные деньги должны поставлять крестьяне разной социальной принадлежности. Соборные старцы приводят выдержки из церковных книг об угодности богу выкупа пленных, о необходимости участия в этом деле царя и всех крестьян, трижды в небольшом отрывке повторяют, что любой окуп должен производиться «из царевой казны», — все это косвенно свидетельствует о первоначальном проекте царя выкупать единоплеменников на средства духовенства⁸.

Итак, наступление правительства на податные привилегии церковников и их денежную казну встретило серьезное противодействие.

В середине XVI в. в связи с бурным развитием поместной системы правительство как никогда испытывало острую нужду в пашенных землях. Большинство черных волостей и часть дворцовых были розданы в поместья. Намечавшаяся реформа об ипосмещении тысячников требовала свободных земель. Отсутствие окультуренных земель сдерживало в известной степени рост поместной системы. Недаром Пересветов мечтал о «подрайской земле». Правительство надеялось на Стоглавом соборе провести программу хотя бы частичной секуляризации церковных земель. Видимо, это был стержневой вопрос, вокруг которого разгорелись основные страсти. Об этом свидетельствует ряд приведенных выдержек из церковных книг, основное содержание которых сводится к тому, что покушаться на церковные земли запрещено «не токмо простым, но и самим царем и вельможам». Ответ о вотчинах и куплях (гл. 75), данный собором, крайне консервативен: вотчинные села и купли, данные для поминовения, остаются за монастырями, которые за это ставят кормы и служат поминовальную службу. Если же завещатель оговорил возможность выкупа земли родственниками, то последние должны заплатить ту сумму, которая указана завещателем, иначе вотчина поступает в монастырь.

Подобное решение не могло удовлетворить правительство. Поэтому, видимо, после окончания Стоглавого собора состоялось в мае 1551 г. новое совещание с более ограниченным составом духовенства (митрополит, архиепископы и епископы и, возможно, лишь несколько игуменов) при непосредственном участии царя. Своеобразна и форма постановления: это не ответ царю, а приговор («царь и вел. князь Иван Васильевич всея Руси приговорил с . . . Макарием митрополитом. . . и со архиепископы и епископы и со всем

собором»). 1. Согласно приговору духовенству запрещалось покупать вотчины без доклада царю, тем самым ограничивались темпы роста церковного землевладения. В случае нарушения постановления вотчина отписывалась на царя безденежно. 2. Приговор повторил с небольшими изменениями соборный ответ о вотчинах, данных за помин души. Признавались монастырской собственностью как земли, данные раньше, так и те, которые будут давать вперед. Если завещатель оговаривал право выкупа вотчины родственниками, то давать за землю столько, сколько указано в духовной грамоте. При этом делалась ссылка на указ Ивана III. 3. Часть земель у церкви изымалась: поместные и черные земли, которые путем задолженности попали владыкам и монастырям; починки, поставленные на государевых землях; села, волости, угодья, данные боярским правительством в период малолетства Ивана IV. 4. С ссылкой на уложение Василия III запрещалось не только продавать, но и давать вотчины «по душе» в городах, центрах княжеских владений, в Твери, Микулине, Торжке, Оболенске, Белоозере, Рязани, а также суздальским, ярославским, стародубским князьям «без царева ведома». В случае отсутствия царского согласия, вотчина отбиралась безденежно на государя. Если же вотчина дана была в монастырь без государева ведома до сего указа, то монастырю уплачивались деньги, а сама вотчина отбиралась и давалась в поместье. Как видим, по приговору 11 мая 1551 г. какое-то количество имений перешло в фонд поместных земель. В приговоре устанавливалось и положение о руге, причем в гораздо более суровом варианте, чем было рекомендовано Стоглавым собором. Ружные грамоты, данные после смерти Василия III, признавались недействительными. Монастыри и церкви, получавшие дотации не ежегодно, а впоследствии, в боярское правление, выправившие грамоты на ругу, отныне теряли право на нее: им давалась «милостыня... по старине же в колко годов, как государь пожалует»⁹. О тарханах в приговоре 11 мая ничего не говорится.

В литературе неоднократно отмечалось, что на 60-е годы и на вторую половину 70-х годов приходится массовая выдача жалованных грамот с тарханскими привилегиями. В 60-х годах подобная ситуация объясняется комплексом причин, в том числе начавшимся хозяйственным запустением в некоторых уездах. Немаловажную роль, вероятно, сыграл и факт официального введения для церковных вотчин 600-четвертной сохи, что ставило земли духовенства в неблагоприятные условия по сравнению с имениями других социальных групп землевладельцев. Не случайно, что в эти годы мы впервые сталкиваемся со случаями замены монастырской сохи поместной. С. М. Каштанов, изучая финансовую политику периода опричнины, сделал крайне важные наблюдения: 1566—1568 гг. — время широкого укрепления политических уз правительства с влиятельными монастырями, но иммунитетные привилегии предоставлялись лишь тем корпорациям, на поддержку которых царь рассчитывал. По сравнению с политикой предшествующих 15 лет опричнина явилась периодом расширения финансового иммунитета. В условиях, когда обострялась борьба за ликвидацию уделов и за укрепление верховной власти царя, тенденции централизации финансов уступали место тенденциям их децентрализации, ибо подавление оппозиции требовало союза с монастырями и уступок им¹⁰.

В числе «обласканных» еще до опричнины оказался и Иосифо-Воло-

коламский монастырь, получивший в 1563 г. общую тарханно-несудимую грамоту на владения, расположенные в 10 уездах¹¹. Сохранился достаточно полно для XVI в. фонд данной духовной корпорации: актовый материал и несколько хозяйственных книг, что дает возможность на конкретном монастыре показать некоторые аспекты податной политики правительства 60—70-х годов. Формуляры духовных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря подробно изучены С. М. Каштановым. «Вотчинной» части формуляра посвящена специальная статья А. А. Зимина. Поводом выдачи жалованной грамоты 1563 г. послужила жалоба монахов на запустение 300 вытей монастырской земли. Источниками общей грамоты были, как явствует из текста, 4 грамоты Василия III, 6 грамот января 7042 г.¹² времени правления Елены Глинской, 4 акта Ивана Грозного, «а даны лета 7059 г. одна в сентябре, а три в май». Все перечисленные грамоты были отобраны. «Велел у них старые грамоты взяти. А велел им свою жаловальную грамоту дати каковы у них жаловальные грамоты на Тимофеевскую слободку да на село Отчищево да на Балашкова, оприч тамги и мыта», т. е. за образец были взяты 3 тарханно-несудимые грамоты Василия III, единственные из всех монастырских тарханно-несудимых актов, получивших подтверждение 17 мая 1551 г.

А. А. Зимин пишет, что использованы были не все жалованные грамоты, а только те, которые были действующими к началу 60-х годов XVI в. (не учитывались грамоты, переписанные заново, или грамоты на те села, которые монастырем были променены)¹³. Однако, далее противоречая только что выдвинутому положению, автор относит к числу использованных актов тарханно-несудимую грамоту 1543 г. (№ 171), которая не была подтверждена 17 мая 1551 г. и тем самым потеряла свою силу, т. е. к моменту создания общей грамоты 1563 г. она никак не могла быть действующей. Все упоминаемые в ней поселения названы и в общей грамоте. На них, как и на другие владения, по тем или иным причинам не фигурирующие в действующих к моменту 1563 г. жалованных грамотах, монастырь предоставлял соответствующие крепости. В то же время составители общей грамоты 1563 г. не назвали среди источников данную несудимую 1556 г. на села Судниково и Патокино в Рузском у. Зимин считает, несмотря на это, что грамота была использована. Среди вотчинной части формуляра оба села с деревнями упомянуты. Возможно даже, что в качестве крепости на них, монастырь представил грамоту 1556 г., но она при этом фигурировала, именно как данная, а не жалованная. В пользу этого предположения свидетельствует не только отсутствие упоминания о ней среди жалованных грамот-источников в начальной части общей грамоты 1563 г., но и тот факт, что ее *подлинник* остался в монастыре, в то время как использованные жалованные грамоты, как свидетельствует сам текст, были отобраны. Действительно, ни один подлинник жалованных актов, послуживших источниками для общей грамоты, не сохранился. Следовательно, распоряжение царя «старые грамоты взяти» было точно исполнено. Что же касается жалованной данной 1556 г., то она составлена Иваном IV «по духовной дяди своего по княж Юрьеве Ивановича»¹⁴, т. е. как бы не совсем добровольно, во исполнение чужой воли человека, который был посажен матерью царя в темницу. Скорее всего, не желая каких-либо напоминаний о своем опальном удельном дяде, Грозный и распорядился, чтобы гра-

мота 1556 г. не фигурировала в одном ряду среди других жалованных актов, выданных представителями великокняжеского дома и подписанных царем 17 мая 1551 г.

В основу объема иммунитетных привилегий был взят текст тарханно-несудимой волоцко-зубцовской грамоты 1527 г., «оприч тамги и мыта». Сходной ей по формуляру являлась грамота 1517 г. на клинско-тверские владения, которая также названа среди источников общей грамоты. Но если клинские села с деревнями вошли в состав грамоты 1563 г., то тверские земли сц. Шастилово-Болашково, сц. Мантурово не упоминаются ни в этом, ни в последующем пожаловании 1578 г. А. А. Зимин не отметил этого факта, считая, что Болашково и другие названные села упомянуты среди отарханенных в 1563 г. владений монастыря. Допустимо предположение, что они находились на территории, которая была вне юрисдикции Ивана Грозного. Не входил ли Горетцкий стан Тверского у. так же, как и Старица, в удел Владимира Андреевича?

Жалованная тарханно-несудимая грамота 1563 г. ввиду своей ценности и важности неоднократно переписывалась и дошла до нас в составе копийной книги и 5 списков. Сохранился и дефектный отрывок одного из последующих списков, который претерпел в историографии удивительную метаморфозу: был принят исследователями за самостоятельную жалованную грамоту на волоцко-зубцовские земли и датирован январем 1534 г.¹⁵ Чтобы рассеять подобное заблуждение, мы вынуждены остановиться на нем подробнее. А. А. Зимин, опубликовавший этот отрывок в качестве отдельного акта, отметил, что дата установлена «упоминанием в.кн. Ивана IV, иг. Нифонта и аналогичными грамотами (№ 129—135)». Однако ни имени Ивана IV, ни игумена Нифонта в тексте нет. Ссылка на акты № 129—135 не состоятельна, так как, будучи оброчно-несудимыми, они имеют иной формуляр, чем наш отрывок с упоминанием волоцко-зубцовских владений. С. М. Каштанов считает, что речь в этом акте шла о тех же владениях, что были перечислены в жалованной грамоте 1527 г., выданной Василием III. Видимо, автор учитывал то обстоятельство, что Елена Глинская, отдававшая предпочтение оброчно-несудимым грамотам, могла распорядиться о переписке тарханно-несудимой грамоты 1527 г. на волоцко-зубцовские владения. Однако в январе 1534 г. не только выдавались новые грамоты, но еще до этого утверждались старые акты. 21 января была подписана данная несудимая грамота 1522 г. на с. Фаустову Гору с деревнями в Зубцовском у. Из всех тарханно-несудимых грамот Василия III Иосифо-Волоколамскому монастырю лишь грамота 1527 г. на волоцко-зубцовские владения удостоилась быть подписанной в этот период, хотя Зимин считает, что 20 и 21 января 1534 г. были подписаны все четыре грамоты Василия III. Текст утверждения можно толковать двояко. С одной стороны, «князь великий сее грамоты рушати у них не велел никому ничем». С другой стороны, далее следует как бы пояснение, что нельзя «рушати»: «а о суде и о всех пошлинах велел у них ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано». Такое же подтверждение находится и на несудимой грамоте 1522 г.¹⁶ Не значило ли это, что подтверждение распространялось только на судебные привилегии? Но как бы ни толковать текст утверждения, мало вероятно, что буквально через несколько дней после подписания акта правительством резко меняет свое решение и составляет новую грамоту на те же вотчины.

Не похож рассматриваемый отрывок и на дефектный список грамоты 1527 г. Отрывок обрывается следующей фразой: «[А кто ся ослушает сее моей грамоты, — и тому] от меня, от великого князя, быть в казни. И. . . пречистые богородицы Иосифовы ма[настыря]. . .» Текст в квадратных скобках восстановлен издателем, им же отмечено, что между союзом «И» и словом «пречистые» отсутствует 50—53 буквы. Если бы перед нами был список с грамоты 1527 г., то вслед за окончанием текста были бы помещены сведения: где и когда написана грамота, наличие печати, дыячая помета о подписи великого князя. Все это не умещается в 50—53 буквы. Кроме того, слова «пречистые богородицы Иосифовы монастыря» как будто бы указывают, что они должны относиться к подтверждению грамоты в 1534 г. Но в подтверждении 1534 г. на грамоте 1527 г. монастырь именуется более кратко, без слова «богородицы»: «Пречистые монастыря Иосифы пустыни». Идентичное наименование фигурирует в подтверждении 1534 г. на грамоте 1522 г. И уж совсем непонятно, к чему относится союз «И». Однако все разъясняется, если мы сравним дошедший до нас отрывок с жалованной грамотой 1563 г., в начале которой помещена иммунитетная часть тарханно-несудимого акта 1527 г. на волоцко-зубцовские владения. После слов: «быти. . . в казни» следует: «И [яз царь и великий князь тех их грамот слушал. И выслушав грамоты успенья] пречистые богородицы Иосифова монастыря. . .» Заключенный нами в квадратные скобки текст соответствует указанному издателем пропуску в 50—53 буквы. Таким образом, перед нами не самостоятельный акт, а отрывок списка с общей жалованной грамоты 1563 г. в той части, где излагается тарханно-несудимый акт 1527 г. на села Отчищево, Спирово и др. Водяной знак дошедшего отрывка — сфера. На такой же бумаге известен еще один список жалованной грамоты 1563 г., а два списка не имеют первых листов, на которых размещался и наш отрывок.

Действие грамоты распространялось почти на все монастырские владения. Вне «вотчинной части» жалованного акта 1563 г. оказались имения в удельной Старице, село Мамошино Рузского у. и село Балашково Тверского у. Видимо, не подпадал под действие иммунитета и Буйгород, факт важный для дальнейшего изложения. Вот как об этом говорится в грамоте 1563 г.: «Да в Волоцком жа уезде в Староволоцком стану село Ильицыно з деревнями, что им дал яз царь и великий князь в отмен Бугороцкого села деревни против села Черленкова да села Ераполчя». Текст не совсем ясен: то ли Ильицыно получено в обмен на сам Буйгород, то ли на примыкавшие к нему деревни. Грамота 1563 г. представляла широкий объем иммунитетных привилегий. Монастырь освобождался от уплаты важнейших податей: дани, ямских денег, от посошной службы и ряда повинностей: «на ямех с подводами не стоят. . . ямских дворов не делают, ни коня. . . не кормят, ни сен не косят». Не надо было «город делати и пруды делати или царева. . . дворы ставити или хлеб молотить и вести в которой город». Освобождался монастырь и от уплаты всевозможных пошлин, «опричь томги и мыта». Столь же широк был и судебный иммунитет: «не судят их ни в чем, опричь душегубства одного».

Первое впечатление от жалованной грамоты 1563 г., как и от всех ей подобных тарханно-несудимых актов, что монастырь освобожден от уплаты *всех* податей. Но в 60-х годах, помимо дани и ямских денег, существовали и другие налоги. На Стоглавом соборе, например, был утвержден новый

посошный сбор — полоняничные деньги. В тексте ни одной тарханно-несудимой грамоты нет пункта об освобождении от уплаты полоняничных денег. Возможно, дело в консервативности формуляра, освященной традицией того времени, когда этого налога просто не существовало и, выдавая тарханную грамоту, молчаливо предполагали, что отныне иммунист освобожден от всяких посошных поборов. Или же власти строго придерживались перечня налогов, упомянутых в акте, взимая, помимо них, все остальные налоги. Материалы Иосифо-Волоколамского монастыря как будто подтверждают правильность второго предположения. Государственные налоги, собираемые с крестьян, обычно, минуя монастырскую казну, отправлялись в центр. Поэтому сведения о податях в приходо-расходные книги, как правило, не попадали. Другое дело, экстраординарный случай. Один из монастырских приказчиков в ноябре 1573 г. отчитывался о тратах в Москве. Среди денег, истраченных на покупку товаров, фигурирует уплата «с села Ангилова полоняничных денег 2 рубли 3 гривною». Ангилово значилось в жалованной грамоте 1563 г. среди обеленных вотчин так же, как Зубцовская волость, с которой в том же году было собрано «казанских денег... с полусохи рубль денег»¹⁷. Если эти факты не были вызваны отступлением правительства от тарханных пожалований в связи с начавшейся Ливонской войной, то, стало быть, тарханные грамоты не освобождали иммунистов от уплаты новых налогов и всяких других чрезвычайных поборов. Уже тем самым круг податных привилегий сужался.

Обрушившиеся на страну с наступлением 70-х годов бедствия, вызвавшие резкое запустение земель, заставили правительство вновь вернуться к проблемам монастырского земледелия и тарханных привилегий. 9 октября 1572 г. царский синклит совместно с освященным собором принял постановления о вотчинах, в том числе и о монастырских. Отныне запрещалось передавать землю в крупные монастыри, «где вотчин много». В случае нарушения запрета сделка признавалась недействительной и земля отдавалась ближайшим родичам «чтоб в службе убытка не было, и земля бы из службы не выходила». Мелким монастырям вотчину можно было передать лишь с разрешения царя. При благоприятном боярском приговоре сделка фиксировалась в Поместной избе. В качестве компенсации у монастырей запрещалось выкупать вотчины¹⁸. Как и многие постановления того времени, данный приговор не имел практического значения. В годы «великого разорения» земельные богатства крупных монастырей значительно приумножились.

В расходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря есть упоминание о получении монахами какой-то грамоты на имения во Владимирском у. В июле 1575 г. Тонкий Гаврилов получил от казначея 2 гривны, «а Тонкой давал те деньги от грамоты обобуrowsкой». Село Обобуrowо было отарханено в 1563 г., нет никаких сведений о приобретении монастырем после 1563 г. каких-то новых земель во Владимирском у. Но вот что интересно: несколькими строчками выше сообщения об обобуrowsкой грамоте есть запись, свидетельствующая об исполнении посошной службы с этого села: «Дано обобуrowsкому крестьянину Федоту Обросимову сыну пол-2 рубли денег в посоху». Напомним, что грамота 1563 г. освобождала от посохи: «И кто у них в тех селах и деревнях учнет жити людей и хрестьян, — и тем людям их и хрестьяном не надобет моя царя великого князя дань, ни ямские деньги, ни посошная служба...». Видимо, о посохе идет речь и еще в одном

отрывке, хотя сам термин не упомянут. В ноябре «в 29 день дано Федору Назарьевичу 12 алтын с Рокосова в подводы в Старицу». Больше сведений о посошной службе за 1575/76 г. в книге казначей нет, но они встречаются в предшествующей расходной ведомости 1573/74 г. Казначей дает «быковским крестьянам з 2 вытей с пустых береговую посоху 30 алтын без гривны, а сказывают, те две выти пусты, пахали на монастырь». Несколько раньше те же быковские крестьяне исполняли другой вид посохи: «Дано быковским крестьянам 15 алтын по игуменскому приказу, спустя в посоху, что им велено итить в Козелеск по хлеб с сохи по 10 человек». Посошную службу исполняют и Рокосовские крестьяне. Но села Быково и Рокосово не были отарханены в 1563 г., так что привлечение их жителей к посошной службе нормальное явление. Они же платят основной налог — дань. Правда, есть еще одно упоминание о посохе в сочетании с отарханенным местом. Монастырский приказчик берет 2,5 р. «на посошном в Белковской волости, а нанят тот был посошной под Колывань, и он воротился»¹⁹. Село Белково фигурировало в жалованной грамоте 1563 г., но в данном отрывке речь идет не о посохе с самой волости, а только о том, что в этой волости был нанят какой-то человек для исполнения посошной службы.

Есть ли еще какие-либо сведения о нарушении тарханного иммунитета по отношению имений Иосифо-Волоколамского монастыря? Да, относительно рузского села Кондратово. С крестьян этой волости собираются все основные налоги (дань, ямские и приметные деньги, «емчуга», белый корм), а также требуют от них исполнения различных повинностей наравне с неотарханенным населением с. Быкова, как в 1573/74 г., так и в 1575/76 г.²⁰ Подлинник жалованной грамоты 1563 г. не дошел, но сохранился, как уже отмечалось, ряд списков. В публикации грамоты читаем: «Да в Локнышском стану сельцо Кондратово да деревня. . .» (идет перечисление 4 деревень и починка). А. А. Зимин приводит в подстрочнике разночтения: в одном списке «под сельца» вместо «сельцо», во втором несколько изменено название — «Кондратовская». Но все разъясняется строчкой текста, следующей за перечнем деревень, «а дал ту пол сельца и деревни Василий Кутузов». Следовательно, иммунитет распространялся только на половину сельца Кондратовского, полученного монастырем в 1561/62 г. Вторая половина сельца перешла к монастырю позже, в 1564/65 г., и уже не от Василия, а от Ивана Кутузова²¹. Понятно, что, не попав в грамоту 1563 г., эта вторая половина осталась неотарханенной. С нее-то, видно, и собирались все подати, т. е. нарушения иммунитета здесь не было. Монахи же впоследствии «подправили» текст: в подлиннике, без сомнения, сразу же в первой строчке говорилось о «пол сельце», откуда в одном из списков это нелепое «под сельца».

Итак, в приходно-расходных книгах за 1573/74 и 1575/76 гг. имеется лишь одно свидетельство о нарушении иммунитета. Оно касается села Обабурова, на которое вскоре была оформлена какая-то грамота. Невольно хочется связать эти два события и предположить, что в силу каких-то неизвестных нам пока причин данное село было изъято из круга вотчин, на которые распространялся податный иммунитет акта 1563 г., но в середине 1575 г., еще до официального введения «удела», на это село была вновь оформлена тарханная грамота.

Упоминаний о государевом тягле и повинностях в приходо-расходных книгах 1575/76 г. меньше, чем в тех же документах за 1573/74 г. В 1573/74 г.

первый «дозор» земель в связи с «великим разорением» окончился, и взимание тягла было более или менее соотнесено с жилой пашней. Собственно этим и объясняется прекращение выдачи указных грамот о несборе податей с запустевших владений, а не инспирированной сверху активизацией местных налоговых сборщиков, как это считает С. М. Каштанов²².

В монографии С. М. Каштанова проводится мысль, что нарушение податного иммунитета монастырей «имело место задолго до 1575/76 г.» Он приводит выдержку из грамоты 1576 г. Кирилло-Белозерской духовной корпорации, монахи которой жаловались, что их дмитровская вотчина запустела «от посох и от подвод и от ямских слобод»²³. Он объясняет подобные жалобы часто тем, что жалованные акты, которые предоставляли монастырям освобождение от этих повинностей, были утрачены, отобраны в казну и т. п. Ни в коей мере не отрицая в целом этот вывод известного знатока жалованных грамот (для многих церковных обителей это, вероятно, соответствовало действительности), выскажем тем не менее мысль, что правительство, не решаясь в ряде случаев идти в тот период на открытое нарушение податных привилегий, широко использует натуральные государственные повинности, освобождения от которых иммунитет не имел.

В хозяйственных книгах Иосифо-Волоколамского монастыря за 1573/74 и 1575/76 гг. упоминаются деньги за «новгородские подводы» — повинности, вероятно связанной с ведением Ливонской войны. В первом случае в записях за январь перечислено 9 человек, заплативших, за исключением одной пары, одинаковую сумму, и подведен итог «и всех денег взято на слугах за наугороцкие подводы 3 рубли и 4 гривны». Во втором случае деньги собирались также в январе, но названо уже 14 человек. Итог в тексте отсутствует. По нашим подсчетам, было взыскано 4,5 р. 16 денег²⁴. Изучение монастырских тетрадей, фиксирующих сбор денежной ренты с зависимого населения, а также прихода-расходных книг, помогло установить, что лица, платящие деньги за «новгородскую подводу», исполняли в этот момент должности приказчиков той или иной волости. Говорить о разверстке «новгородских подвод» по вытному письму не приходится. Одинаковая сумма в 20 алтын собрана в 1574 г. с Локныша, где было 19 вытей, и со Спасского — 27 вытей. В 1576 г. такая же ситуация наблюдается для комплексов: Локныш-Кондратово (31 выть) и Успенское (23 выти)²⁵. Но все-таки возможно, что, позаимствовав указание о количестве вытей из тетрадей сбора денежной ренты, мы допустили методическую ошибку, приуменьшив разрыв между реальным числом вытей и указанным в оброчных тетрадях: кроме льготных вытей, оброчных деревень, выделенных в самостоятельные податные единицы, могли существовать выти, с которых население не платило денежной ренты, ограничиваясь только отработочными повинностями. Обратимся к сошному описанию этих территориально-хозяйственных комплексов, которое, правда, известно лишь для 1581/82 г.²⁶, но, судя по количеству вытей, в этих комплексах особенно сильных изменений за истекшие 5 лет не произошло. Однако разброс в сохах еще более значителен, чем при исчислении в вытях, ведь в соху клался не десяток четвертей, как в выть, а сотни. Поэтому для сопоставляемых уже комплексов Локныш-Кондратово и Успенское, уплачивающих в 1576 г. одинаковую сумму, разрыв составит 300 четвертей худой земли или 262 четверти средней. Были и еще более значительные разрывы, например, для 1574 г.

Есть еще несколько фактов, свидетельствующих против посошной раскладки денег за «новгородские подводы». 1. В тексте нет «привязки» собранной суммы к количеству вытей и сох. При взыскании же посошных платежей почти всегда указывалось количество окладных единиц и местность, население которой выплачивало деньги. 2. Суммы, доставляемые приказчиками, за исключением трех случаев, одинаковы, что тоже мало вероятно для посошного сбора, когда всегда налицо хотя бы минимальные расхождения. 3. Установленный одинаковый размер суммы взыскивался чаще всего не с одного, а сразу с двух (пары) приказчиков, причем их волости могли быть достаточно удалены друг от друга, и даже находиться в разных уездах (Руза—Старица). Руководство монастыря спускало паре приказчиков жестко очерченный размер сбора вне зависимости от сошного письма. 4. Расклад денег за «новгородские подводы» производился не на всю монастырскую вотчину, а лишь на часть территориально-хозяйственных комплексов. В 1574 г. их было 9. В 1576 г. монастырь был вынужден вовлечь в уплату денег 14 волостей, тем более что увеличилась и общая сумма, требуемая за «новгородские подводы». Поэтому, если в 1574 г. комплекс Локныш один уплатил 120 денег, то в 1576 г. меньшую сумму (100 денег) распределили между Локнышем и Кондратовым. 5. Непонятно, почему с одних волостей собирали платеж и в 1574 г. и в 1576 г., другие же села вообще не привлекались. Среди территориально-хозяйственных комплексов, которые насчитывали не менее 10 вытей и отсылали денежную ренту на Волок, следующие округа не были привлечены к платежам за «новгородскую подводку»: по Тверскому у. — Турово; по Дмитровскому у. — Бужарово; по Рузскому у. — Белково, Ивановское, Спасское; по Волоцкому у. — Буйгород, Курьяново, Литвинино, Раменки; по Старицкому у. — Луковниково.

Итак, формально податной иммунитет монастыря не был нарушен. Правительство стало широко практиковать распространение среди монастырей особых платежей, повинностей, начисленных в денежном эквиваленте, не «по сохам», а «в подмогу», обходя тем самым пункт тарханных грамот об освобождении от «посохи». В том же 1576 г., что и Иосифо-Волоколамская духовная корпорация, Спасо-Прилуцкий монастырь также собирает деньги, но не за «подводы», а «в подмогу за государев хлеб». Всего было взыскано с крестьян 88 р. 4 гривны²⁷. Возникает вопрос, почему с Иосифо-Волоколамского монастыря взыскивалась сумма почти в 20 раз меньше, чем со Спасо-Прилуцкого монастыря. Согласно ст. 46 Судебника 1550 г., судебные исполнители за езду от Москвы до Новгорода или Вологды получали одинаковый платеж 2,5 р. Наем же подводы в 1590 г. от Вологды до Москвы стоил 150 денег²⁸. Если не учитывать изменения реальной стоимости рубля, то на деньги, собранные с Волоколамского монастыря, можно было нанять всего 3—4 подводы. О сборе подмоги «в государев хлеб» никаких сведений нет. Но, возможно, что Иосифо-Волоколамский монастырь предоставил «в подмогу» хлеб натурой, чего не мог сделать его более северный вологодский собрат. Не исключено, что и в отношении «новгородских подвод» он поступал также, предоставляя в распоряжение правительства уже готовые упряжки с извозчиками и только недостающую часть оплачивал деньгами. Существовали и другие натуральные повинности. Известно, что, помимо «новгородских подвод», в обязанность Волоколамского монастыря вменялось предоставление «подвод в Старицу»²⁹.

Итак, в первой половине 70-х годов, правительство обычно остерегалось нарушать открыто податные привилегии монастырей. Наступление на частно-правовой иммунитет идет более скрыто: вводятся новые поборы, не предусмотренные в тарханских грамотах (положничные деньги, казанские деньги), а также всевозможные натуральные повинности (новгородские подводы, подводы в Старицу и т. п.), раскладка которых шла часто не по сохам, т. е. освобождение от «посохи», зафиксированное в грамотах, формально не нарушалось.

Чем же объяснить достаточно сдержанную политику царского синклита в отношении податных привилегий церкви, когда налицо отступление от принципов, сформулированных в Судебнике 1550 г.? Можно было ожидать, что, закончив разгром светских противников в период опричнины (1565—1572 гг.), Иван Грозный перейдет в наступление против церковных иерархов, аннулируя тарханный иммунитет и сосредоточив в своих руках все налоговое обложение. Но произошло обратное: осенью 1575 г. царь отрекается от престола, передает трон Симеону Бекбулатовичу, а себе берет «удел».

Период 1575/76 г. относится к наиболее дискуссионным темам, по поводу которой высказываются диаметрально противоположные взгляды, суждения. Историки, охарактеризовав отречение Ивана Грозного как «политический маскарад», расходятся в объяснении причин, его породивших. Некоторые считают, что такой маневр был предпринят царем из-за внешнеполитических расчетов, с целью добиться избрания на польский трон. Большинство же ученых ищут решение загадки во внутренних политических факторах. Однако конкретные причины, вынудившие царя пойти на такой шаг, остаются по-прежнему недостаточно ясными. Фундаментальный труд, посвященный истории 70-х годов, принадлежит перу Р. Г. Скрынникова. В его монографии дана историография проблемы³⁰. В книге, по существу, впервые собран и обобщен большой фактический и историографический материал, сделаны крайне интересные наблюдения, выводы. Что касается событий 1575/76 г., автор (как, впрочем, и некоторые его предшественники) считает, что террор был направлен в основном «против уцелевших руководителей бывшей опричной думы и приказного аппарата». «Казни 1575 г. лишь довершили разгром старого опричного руководства». В другом месте он несколько иначе формулирует направленность политики Грозного роковой осенью 1575 г.: «Жертвой стало главным образом старомосковское боярство и тесно связанные с ним приказные верхи». Но без санкций, по мнению Скрынникова, царь не решился поднять руку на влиятельное боярство. Наделив Симеона титулом «великого князя всея Руси», Грозный без труда получает от него «разрешение» на введение в стране чрезвычайного положения³¹. Несмотря на известную логичность построения Скрынникова, все-таки остается открытым вопрос: если царь мог «навязать» боярству нового правителя, которого отнюдь не желали, понимая фарсовую сторону данной ситуации, то почему царю было так необходимо какое-то «разрешение» от Симеона для казни представителей этого же боярства. Что за сила существовала в то время, с которой Иван IV был вынужден считаться?

Церковь с ее разветвленной хорошо поставленной организацией, с веками выработанными формами управления и высшим органом — собором, с ее всездущностью и авторитетом — вот та страшная угроза, которую зримо почувствовал в 1572—1575 г. Иван IV. В оппозиции 1574/75 г. значительную

роль сыграло духовенство. Между тем историки крайне мало исследовали эту сторону проблемы. Сводить разногласия между Иваном IV и церковью только к недовольству последней приговором 1572 г., запретившим земельные вклады в крупные монастыри, как это делает Р. Г. Скрынников³², вряд ли правомерно. Наиболее «престижные» монастыри обладали к этому времени колоссальными земельными вотчинами. Взамен вотчин, часто в тот период опустошенных, они получали за них после 1572 г. крупные денежные вклады. Так, в марте 1574 г. Иосифо-Волоколамский монастырь получил «по Звенигородских князей за село за Никольское полтораста рублев на вечной поминок, да за сельцо за Сумаково. . . 40 рублев». Тогда же Иван Андреевич Звенигородский «заплатил за сельцо за Харланово да за деревню за Воронину 40 рублев». Итого в казну монастыря поступило 230 р. Не прекратились вопреки приговору 1572 г. и земельные дачи. В 1573/74 г. в монастырь были переданы часть д. Окулово Тверского у. и дмитровское сц. Мартюшино. Правительство не только признало законность этой сделки, но и оформило впоследствии жалованную грамоту на старицко-дмитровские владения, назвав среди них Мартюшино³³.

Гораздо более конкретно воспринимался непрерывный рост государственных налогов и повинностей. Далеко не все монастыри обладали общими жалованными грамотами. Кроме того, как мы уже говорили, ряд повинностей, новых налогов в выданных ранее грамотах не фигурировали, а «посошные» повинности преподносились в форме «подможных». Окончание перемирия и возобновление Ливонской войны означало новый рост «государева тягла». В пользу того, что церковь явно не одобряла многие действия Грозного, в частности, затянувшуюся войну, и об этом хорошо знали современники, косвенно свидетельствует факт отправки от польско-литовской стороны грамоты 1572/73 г., где выражалось опасение в нарушении перемирия. Грамота была адресована не Ивану IV, а митрополиту Антонию и боярину Юрию Ивановичу Токмакову «и митрополиту б и бояром бити челом государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, чтобы он, государь, прежнего мирного постановления нарушити и войны всчати не велел»³⁴. Характерно, что через несколько лет в условиях возобновившихся военных действий обоим адресатам будет предъявлено обвинение в измене и один из них (Ю. И. Токмаков) за свое «инакомыслие» поплатится жизнью. Составители грамоты были хорошо, видимо, информированы о расстановке сил и существующих разногласиях между Иваном IV, с одной стороны, и частью верхушки духовенства и боярства, с другой стороны.

Наиболее просвещенные и государственно думающие представители церкви не могли не видеть многих негативных сторон правления Грозного. В глазах современников итог почти 25-летнего царствования Ивана IV был пугающим: государство было ввергнуто в нарастающий экономический кризис, нормальная жизнь нарушена, и продолжение войны должно было усугубить и без того плачевное состояние страны. Нельзя не учитывать и того фактора, что в эпоху средневековья стихийные бедствия воспринимались как кара божья. Поэтому «великий мор», опустошивший страну, неурожай, голод, сожжение «неверными» Москвы, совпавшие по времени друг с другом и последовавшие сразу же после кровавого погрома, устроенного опричниками в Новгороде, могли толковаться как «гнев божий», своего рода знак «свыше» неугодности Ивана IV. Страх царя перед заговором,

изменой, о чем свидетельствуют многие источники того времени, был отнюдь не беспочвенным. Оппозиция, мечтавшая поставить во главе государства царевича Ивана, представляла реальную угрозу. Она охватывала представителей трех прослоек: боярства, духовенства, приказного аппарата. По всей вероятности, они включали и некоторую часть дворян из окружения Грозного и его старшего сына. Сохранилось послание Ивана IV в Кирилло-Белозерский монастырь, датируемое исследователями второй половиной 1573 г. С. О. Шмидт характеризует его как свидетельство возобновившейся борьбы Грозного с монастырскими правилами и привилегиями, и в то же время послание изобличает страх царя перед тем, что монастырь станет местом боярского заговора. Иван IV опасался своеволия церковников и их слишком действенного участия в политической жизни страны³⁵. Недовольство Грозного вызывают, по существу, все крупные монастыри: Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Симонов, Чудов, Савво-Сторожевский, Песношский (около Дмитрова), Никитский. Большинство из них обвиняются во всевозможных поблажках вельможам, в нарушении устава строгой монашеской жизни. Особенно показательно недовольство Симоновым и Чудовым монастырями: «точию одеянием иноцы, а мирская вся совершаются». Лишь далекие и небольшие Глушицкая и Свирская обители удостоились похвалы царя. Чернецы других монастырей называются «поругателями иноческому житию». Монахи Кирилло-Белозерской духовной корпорации встретили посланника Грозного крайне недружелюбно: «Да и еще моим именем поносили», — возмущается царь³⁶.

Интерес к мирским делам монастырей, их связи с боярством, безусловно, пугали Грозного, понимавшего всю опасность участия церкви в существующей оппозиции и зреющем заговоре. Идейным и организационным штабом заговорщиков был, видимо, кремлевский Чудов монастырь. К нему стягивались многие нити заговора. Его бывший архимандрит, а впоследствии новгородский владыка Леонид, вполне возможно, как его и обвиняли, поддерживал связь с польским и шведским королем. В какой-то степени в заговор были посвящены митрополит Антоний и крутицкий епископ Тарасий. Из описи Посольского приказа известно, что велся розыск об участии в заговоре Антония и Тарасия: «сыскное дело про московского митрополита Антония да про крутицкого владыку Тарасия, 83-го и 84-го году»³⁷. Скрынников считает, что розыск проводился во время соборного суда над Леонидом осенью 1575 г. и был той мерой предосторожности, которую Иван Грозный предпринял, чтобы Антоний не помешал суду над Леонидом и другими опальными старцами³⁸. По нашему мнению, розыск велся значительно раньше, так как собор, а следовательно, и соборный суд начал свою работу лишь в октябре 1574 г. Думается, что к тому времени основная часть розыска была закончена. Царь дал разрешение на созыв собора, лишь убедившись, что на нем ему будет обеспечена поддержка митрополита и большинства церковных иерархов. В Посольском приказе имелось еще одно дело, среди которого помещались «4 отписки ко государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси от диака от Андрея Щелкалова, а куды писаны, в Слободу ли или в которой в ыной город, и того не объявилось, пишет ко государю о разных делах». На одной помечено: «лета 7083-го сентября в 19 день, такова грамота отдана по государеву приказу в Иосиф монастырь Офонасью Федоровичу

Нагому да дяку Улану Айгустову; а другая отписка Ондреева руки Щелкалова, писал ко государю о крутицком митрополите и о симоновском архимарите, что крутицкой митрополит пьет, а в город не выезжает, а симоновский архимарит, не хотя быть в архимаритех и умысля причастился бес патрахели, а сказал, что буттося беспаметством. А на дву отписках году не помечено»³⁹.

Обращает на себя внимание тот факт, что одна из отписок А. Щелкалова посвящена крутицкому владыке, хотя при составлении описи была допущена характерная для XVII в. ошибка: крутицкий епископ именуется митрополитом, что произошло лишь после введения на Руси патриаршества. Видимо, эта отписка датируется, как и первая, 7083 г., так как две остальные даты не имели («а на дву отписках году не помечено»). Дата отписки А. Щелкалова о крутицком владыке — 7083 г. — совпадает с датой розыска о митрополите Антонии и крутицком владыке. Мало того, из текста явствует, что следствие в этот момент шло полным ходом с вызовом и очными ставками, так как симоновский архимандрит вынужден оправдываться, прикрываясь беспаметством. Беспаметство — единственное возможное оправдание для человека, которому предъявляют более серьезные обвинения, чем нарушение церковной обрядности. Последнее, вообще, относилось к юрисдикции священного собора. И почему вдруг стал страшиться покидать свой дом крутицкий владыка, а симоновский архимандрит не хочет больше стоять во главе монастыря?

Дело против митрополита и крутицкого владыки велось почти два года. Ловкий и изворотливый Антоний, получивший митрополичью кафедру, согласно мнению Скрынникова, после того как ему удалось убедить освященный собор разрешить царю четвертый брак, доказал Ивану Грозному свою преданность, возможно, ценой выдачи заговорщиков. Не отставал, видимо, от него и крутицкий владыка. Оба они сохранили свой сан. Но тем не менее митрополиту Антонию, как и дяку Андрею Щелкалову, осенью 1575 г. для устрашения кидали во двор головы казенных.

Обвинение в заговоре могло быть выдвинуто лишь против нескольких представителей церкви, иначе дело получило бы нежелательный резонанс. Кандидатура новгородского епископа Леонида была удобна тем, что его можно было обвинить в сношениях с врагом. Участие в заговоре сразу двух владык, причем одного из них московского, породило бы слишком широкие толки, в результате чего могли получить гласность тщательно скрываемые царем и его ближними планы заговорщиков в части, касающейся дворцового переворота в пользу царевича Ивана.

1574—1576 гг. были временем «перебора» иерархов. Согласно сведениям, приводимым П. М. Строевым, смена владык, помимо новгородской, произошла еще в следующих епархиях: казанской, ростовской, вологодской, тверской, полоцкой⁴⁰. Причем в казанской епархии владыки за эти годы менялись дважды. По всей вероятности, перемены коснулись и рязанской епархии.

Лишь четыре епископа, встав во главе своих округов в начале 70-х годов, сумели удержаться на своей должности в тревожный период 1575—1576 гг.: уже знакомый нам крутицкий Тарасий, суздальский Варлаам, коломенский Давыд, смоленский Сильвестр. Столь же стремительно меня-

ются настоятели монастырей. За 1574—1576 гг. смена игуменов произошла в следующих крупнейших монастырях: Чудовом, Новоспасском, Симоновом, Троице-Сергиевом, Иосифо-Волоколамском, во владимирском Рождественском, Можайском Лужецком, Спасско-Ярославском. Наверно, перемены коснулись значительно большего числа монастырей, но сведения о менее значительных духовных корпорациях крайне отрывочны. Мы не знаем имена иеромонахов за эти годы в переяславских Горицком и Никитском, нижегородском Печерском, ростовских Богоявленском и Борисоглебском монастырях и многих других. Частые смены в кругу церковных должностных лиц были обусловлены рядом причин, и в первую очередь устранением неугодных «строптивых» представителей духовенства. Конечно, часть назначений была вызвана смертью предшественников, но мы хорошо извещены, сколь «своевременно» умирали неугодные царю иерархи.

Собор начался в Москве осенью 1575 г. Расправу над оппозицией Иван Грозный творил руками Симеона Бекбулатовича, оставаясь сам как бы в стороне, переселившись из Кремля за р. Неглинную. Однако же оставить розыск и наказание оппозиционеров без своего присмотра царь побоялся и жил в Москве почти до середины января, когда выехал в Можайск и 15 января принимал там послов императора Максимилиана. Ход расследования, состав опальных достаточно подробно освещены в книге Р. Г. Скрынникова, поэтому нет необходимости останавливаться на этом еще раз. Важно подчеркнуть следующее: стычки с церковью, смещение неугодных иерархов были у Ивана Грозного и раньше. Но заговор 1575/76 г. отличается от всех предшествующих широким участием в нем духовенства. Отсюда безумный страх Ивана IV, когда он вынужден предусматривать возможность своего поражения и поэтому нагружает корабли казной и держит их около Вологды, поэтому зондирует почву в Англии о предоставлении ему приюта, поэтому и нужен маскарад с Симеоном, так как творить расправу над таким противником, как церковь, от своего имени слишком опасно.

Симптоматичен тон переговоров Грозного с английским посланником 29 ноября 1575 г. и 25 января 1576 г. В ноябре он, касаясь предшествующих переговоров с английской королевой, утверждает, что уже ранее имел «верное предвидение нами изменчивого и опасного положения государей и того, что они наравне с низайшими подвержены переворотом. . . что в настоящее время и оправдалось». Далее Иван IV сообщает, что передал «сан нашего правительства. . . в руки чужеродца». Он спешит сообщить, что вся казна земская осталась у него в руках, для того чтобы обеспечить служилых людей. В конце января царь держится по-иному, надменно упрекая английскую королеву в отсутствии «доказательств дружества», в неискренности, грозит отобрать льготы у английских купцов. Оказывается, переговоры о предоставлении ему убежища он вел в абстрактном плане, не ожидая для себя подобного («против нашего ожидания»). Наконец, Грозный заявляет, что в любой момент может вернуть престол, так как его ставленник не венчан и не избран народом⁴¹. Испуг прошел, царь вышел победителем. Участие духовенства в оппозиции придало ей особо опасное звучание.

Среди убитых бояр и приказной верхушки фигурируют следующие

представители высшего духовенства: новгородский епископ, архимандрит Чудова монастыря, протопоп Архангельского собора. Возможно, казнен был и симоновский игумен Иосиф. Дело не ограничилось казнью главных руководителей заговора. Царь жестоко расправился и с самим ненавистным ему Чудовым монастырем. Возможно, часть монахов была разослана по другим монастырям. На эту мысль наталкивает следующий факт: в Серпуховском Высоцком монастыре в 7084 г. была начата вкладная книга «при архимандрите Иосифе Чудовском». По всей вероятности, сюда был сослан один из монахов Чудова монастыря, который был тут же избран игуменом оппозиционно настроенными монахами, которые пели панихиды и обедни служили «по начальнике создателя места святого сего по князь Владимире Ондреевиче»⁴². Такое же наказание могло постигнуть и Симонов монастырь. Конфискованы были некоторые вотчины не только мятежных бояр, но и того же Чудова монастыря и в первую очередь в Московском у. В 1585 г. «по слову» Федора Ивановича Чудову монастырю была отдана «старая их вотчина» село Уваровское с деревнями «что приписано было к дворцовому селу Путилову»⁴³. Мятежный дух, живущий в стенах Чудова монастыря, не удалось искоренить до конца. Он вновь заявляет о себе в 1584 г. на соборе. И, как знать, не случайно ли имя Гришки Отрепьева современники связывали с оппозиционным Чудовым монастырем, где он якобы постригся, хотя и добавляли, что он был через 3 года оттуда изгнан⁴⁴.

Иммуниетная политика правительства в 1575/76 г. достаточно противоречива и являлась предметом жарких дебатов в историографии. Дискуссия развернулась вокруг сообщения Джерома Горсея о «поставлении» на престол Симеона Бекбулатовича в 1575/76 г., во время которого якобы «привилегии городам и монастырям стали недействительны». «Все грамоты, привилегии, указы и акты были переименованы и вновь обнародованы за подписью нового царя». После возвращения Ивана Грозного на трон «пожалованные привилегии, самосудные грамоты, льготы городам, монастырям, дворянам и купцам были написаны заново», за что царь получил крупную сумму денег. Джилс Флетчер, который приехал в Россию позже и создавал свое произведение, опираясь, в частности, и на сведения Горсея, описывает это событие так: после воцарения Симеона Иван IV к концу года заставил его «отобрать все грамоты, пожалованные епископиям и монастырям... Все они были уничтожены». После сведения Симеона с престола Грозный «дозволил возобновить грамоты, которые роздал уже от себя»⁴⁵. Сведения, приведенные Горсеем и Флетчером, стали отправной точкой разногласий среди историков о финансовой политике Ивана Грозного в период «удела». Крайние воззрения нашли наиболее полное воплощение в трудах В. И. Корецкого и С. М. Каштанова. Последнему в ряде работ удалось доказать несостоятельность тезиса об отмене тарханов в период существования «удела». Каштанов впервые в историографии отметил трехчленное деление страны на земщину Симеона, удел Ивана IV, земщину Ивана IV. Грозный в 1575/76 г. выдавал грамоты и как удельный князь, и как царь. Симеон, по мнению С. М. Каштанова, иммуниетных грамот от своего имени не оформлял. Никакой официальной отмены тарханов в этот период не было. Нарушения иммунитета, о которых сообщается в жалованных грамотах 1577—1578 гг., часто представляют собой литературный

шаблон, выработанный самим правительством, или же имеют крайне расплывчатую хронологию. Однако автор допускает активизацию местных налоговых сборщиков, которая, «возможно, инспирировалась сверху или во всяком случае поощрялась прекращением выдачи в 1575/76 г. указных грамот о несборе податей с запустевших владений»⁴⁶. Вывод об отсутствии официальной отмены тарханов в 1575/76 г. был поддержан Р. Г. Скрынниковым. Им же довольно убедительно доказан вторичный характер известий об этом событии Флетчера⁴⁷.

Думается, что вывод об отсутствии официальной отмены тарханов в 1575/76 г. можно считать доказанным. Что же касается нарушения иммунитетных привилегий монастырей, то дело, видимо, обстояло не столь просто. Но сначала обратимся еще раз к «Запискам» Горсея, но уже теперь в переводе новейшей исследовательницы его творчества А. А. Севастьяновой. Согласно ее интерпретации, никакого мероприятия по «переписке» всех привилегий на имя нового царя Симеона не было. Вот как звучит это место: «Под его (Симеона) именем выходили все указы, пожалования, заявления — все это писалось под его именем и гербом». То, что выходящие грамоты, акты подписывались Симеоном — факт хорошо известный и никем никогда не оспаривался. Вряд ли стоит отрицать и возможность выдачи Симеоном иммунитетных грамот. Во всяком случае, этот тезис нуждается в тщательной аргументации. Изымались правительством из монастырских архивов документы, определявшие Ивана IV в качестве «князя Московского», как это доказано Каштановым. Тем паче должны были быть уничтожены все привилегии, данные «великим князем всея Руси» Симеоном Бекбулатовичем. Несколько иной смысл в переводе А. А. Севастьяновой получает и деятельность Грозного после отмены «удела»: «Вновь составленные грамоты, судебные законы, пожалования монастырям, городам, отдельным лицам и купцам давали ему еще большие суммы и доходы». Если не считать последнюю фразу об источниках обогащения Ивана IV, все остальное несколько не противоречит исторически известным событиям. На вторую половину 70-х годов приходится большое количество жалованных грамот, причем часть из них оформлялась вновь взамен привилегий, выданных Иваном IV, когда тот сидел на «уделе». И лишь относительно отмены иммунитета в 1575/76 г. оба перевода и Н. А. Белозерской, и А. А. Севастьяновой почти идентичны: «Патентные письма, пожалования городам, монастырям — все аннулировалось»⁴⁸.

С точки зрения современников, сам факт ухода царя с престола и официальное разделение страны на земщину и «удел» внесли громадную путаницу в правовую сторону многих явлений. Согласно существующей традиции все иммунитетные грамоты должны были быть подписаны новым правителем, иначе они теряли свою силу. Симеон существующие грамоты, видимо, не подтвердил. Во всяком случае, пока об этом нет известий. Стало быть, в глазах современников привилегии ряда монастырей фактически перестали действовать.

После ликвидации «удела» правительство начинает спешно отбирать только что выданные грамоты от имени «князя Московского» и выдавать новые, т. е. в глазах сограждан в течение одного года жалованные грамоты дважды теряют свою силу. Видимо, это и послужило поводом для Горсея считать, что привилегии в тот период были аннулированы.

От 1575/76 г. дошла приходо-расходная книга Иосифо-Волоколамского монастыря. В ней есть глухие упоминания об оформлении в тот год каких-то грамот. Одна, очевидно, связана с пребыванием в «уделе» Ивана IV. В феврале 1576 г. «дано туровскому приказчику Тонкому Гаврилову 2 алтына з деньгою, а давал он в Старице от грамоты от бужаровские в Дмитров». Бужаровские владения монастыря лежали в Дмитровском у. и по грамоте 1563 г. были отарханены. Правда, в том же Мушковском стане были еще два села, не упомянутые в грамоте 1563 г.: село Молечкино, попавшее в монастырь в 1562/63 г., видимо, уже после оформления грамоты 1563 г., и село Мартюшино, поступившее к чернецам по данной 1575/76 г. Жалованная тарханно-несудимая грамота на эти поселения совместно со старицкими селами была выдана Иваном IV 29 августа 1578 г.⁴⁹ Из текста явствует, что она была оформлена взамен прежней «удельной», причем создавалось впечатление, что «удельный» акт существовал лишь на старицкие вотчины. «Били нам челом, дали им... в монастырь Тихан Дмитриев сын Олехнов в Дмитровском уезде в Мушковском стану сельцо Малечкино да деревню Личищево. Да в том же стану дал им Иван Ильин сын Пушкин сельцо Мартюшино да два жеребья в деревне Онанове. Да осмьдесят в четвертом году, как есмь в уделе были, дана им наша жаловальная тарханная грамота на их монастырскую вотчину в Старицкой уезд на сельцо Луковниково да на сельцо Кузьмодемьянское з деревнями». Подлинник акта 1578 г. дошел до нас в крайне дефектном состоянии. А. А. Зимин, готовя его к опубликованию, воспользовался для восстановления текста списками. К сожалению, скобки, указывающие на дефекты подлинника, расставлены настолько беспорядочно, что выделить восстановленный текст не представляется возможным⁵⁰. Но вне зависимости от того, какие места были утеряны, нарративная часть грамот второй половины 70-х годов, как доказал Каштанов, не отличалась точностью, не отражала адекватную действительность. При ее редактировании на первое место выступали политические идеи правительства⁵¹. Отталкиваясь от этой посылки, вернемся еще раз к тексту грамоты 1578 г. В ее начале перечислены села Дмитровского у., которые монастырь получил сравнительно недавно, и поэтому они не были названы в общей грамоте 1563 г. Но как быть со старицкими землями, которые не попали в общий акт 1563 г. только потому, что в тот момент они не были подвластны юрисдикции Ивана IV и на которые у монастыря имелись акты волоцких князей, переданные игумену прежними владельцами этих сел. Составители грамоты уходят от этого неприятного вопроса и, вместо того чтобы назвать год вклада этих поселений в монастырь (а такие документы у монастыря имелись), ссылаются на «удельную» жалованную грамоту 7074 г. Ивана IV. Следовательно, в 1575/76 г. Иван Грозный оформил иммунитетные привилегии как на старицкие, так и на дмитровские земли, тоже входившие в состав его «удела». Этот факт и нашел свое отражение в расходной ведомости монастыря. И хотя приходно-расходная книга охватывает по существу весь 7074 г., в ней нет сведений о получении отдельной грамоты на старицкую вотчину, что также свидетельствует в пользу нашего предположения. Трата денег на уплату пошлины за оформление жалованной грамоты не могла пройти не зафиксированной. И еще один довод о том, что в 1578 г. Иван IV лишь «переписал» вотчинную часть «удельной» грамоты, а не создавал на основе поданных документов новую. В акт 1563 г.,

помимо старицких имений, не было включено также тверское село Болашково. Некоторое количество сел было приобретено монастырем после 1563 г. в Рузском у. (Ивановское, Локныш— Шестаково) и в Волоцком у. (Быково, Новошино, Рокосово). Удостоверяющая документация на эти имения у монастыря имелась⁵². Казалось бы, что при составлении грамоты 1578 г. должны были бы быть учтены все неотарханенные земли, тем более что они составляли ничтожную часть по отношению отарханенных. Однако этого не случилось. Правительство в данном случае думало не о территориальном расширении податных привилегий на землях монастыря, а лишь об изъятии столь «неудобной» для царской власти «удельной» грамоты 1575/76 г.

Вторая половина 70-х годов, как уже неоднократно отмечалось в литературе, — время интенсивной выдачи жалованных грамот. Этот феномен был обусловлен целым рядом причин. Среди них, думается, не последнее место занимал испуг царя перед оппозицией 1575 г. Грозный пытался отблагодарить наиболее надежные монастыри. После «жестокоего» Симеона, от имени которого была задавлена оппозиция, царь щедро жалует своим сторонникам судебноподатные привилегии, в том числе переоформляя грамоты, выданные в период «удела». Вполне вероятно, что могло иметь место соображение о том, что могущественные духовные корпорации, будучи освобождены от тягла, скорее смогут восстановить свои разоренные хозяйства и тем будут способствовать выходу страны из экономического кризиса.

К концу 70-х годов правительство вынуждено резко изменить курс и вновь перейти в наступление на тарханы. Ведение войны в условиях все возрастающей разрухи требовало мобилизации всех финансовых ресурсов. В литературе широкую известность получила грамота дворецкого июня 1579 г. о взимании ямских денег с «тархани» села Буйгород: «По государеву наказу велено тебе в Волоцкоу уезда Осифова монастыря с вотчины с села з Буйгорода з деревнями доправити на нынешней восьмидесят седмой год в другой розвод с сошного писма с торхани восемь рублей с полтиною. И с села з Буйгорода ямские деньги по розводу в приказе Большого Дворца взяты сполна. И как к тебе ся грамота придет и ты б Осифова монастыря с вотчины с села з Буйгорода з деревнями ямских денег в другой розвод не правил»⁵³. Жалованная грамота 1563 г. содержала специальный пункт об освобождении Иосифо-Волоколамского монастыря от уплаты ямских денег, так что как будто налицо явное нарушение правительством податного иммунитета. Но смущает другое: как уже указывалось, в вотчинной части грамоты 1563 г. упоминались деревни села Буйгород, но не само село. Предположить, что деньги были собраны лишь с нескольких деревень, не представляется возможным ввиду величины суммы. Согласно податной тетради 1581/82 г., весь хозяйственно-территориальный комплекс Буйгород с деревнями был описан $1\frac{1}{2}$ сохи⁵⁴. 17 р. с сохи — оклад близкий к тогдашним размерам налога. Да и в отписке ясно сказано, что деньги взысканы не только с деревень, но и с села. Никакой другой грамоты, отарханивающей село Буйгород, нам неизвестно. Отсюда возможно предположение: село Буйгород в тексте жалованной грамоты 1563 г., видимо, все-таки фигурировало, но из-за дефектности оригинала списки с него не совсем точно передают это место. Следовательно, мы сталкиваемся здесь, действительно, с нарушением податного иммунитета монастыря. Было ли это случайным местным явлением или же подобная практика получила

широкое общегосударственное распространение — судить трудно. 1 июня 1579 г. «царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси с сыном своим с царевичем со князем Иваном Ивановичем и со всеми бояры приговорил, как ему, государю. . . итти на свое государское дело и земское на немецкую на Ливонскую землю», причем часть полков стояла на Волоке под командованием Симеона Бекбулатовича⁵⁵. Вероятно, взимание ямских денег с волоцкого села Буйгород стояло в непосредственной связи с начавшимся походом на Ливонию и расквартированием войск в данном уезде. Есть глухое упоминание о том, что крестьяне другого отарханенного волоцкого комплекса — Илицино должны были «великого князя подати всякие давати»⁵⁶. Чрезвычайный лаконизм фразы не позволяет судить, шла ли речь об уплате действительно всех («всяких») податей, т. е. о нарушении иммунитета, или же подразумевались лишь те налоги, которые не фигурировали в иммунитетной части грамоты 1563 г. Например, с выходца из волоцкого села Трызово были взысканы полоняничные и ямчужные деньги⁵⁷, освобождения от уплаты которых монастырь не имел⁵⁸.

Как и в предшествующие годы, собираются деньги за «новгородские подводы», причем сумма еще больше возросла и составляла почти 12 р. Однако из текста явствует, что данный сбор, по-видимому, не касался крестьян, а взят был на монастырских «на слугах на поместных и на жаловальных». А вот деньги за «псковские подводы» раскладывались на крестьян, и тяжесть подобной раскладки была крайне велика. Так, на выходеце взыскивают «за псковскую подводу 33 алтына з деньгою», т. е. почти 1 р. Но опять-таки неизвестно, шла ли речь о посошном раскладе («посохе») или правительство сумело оформить данный сбор иным путем, формально не нарушая податной иммунитет монастыря. И все-таки предположение, видимо, следует отдать первому предположению. «Псковская подвода» как-то связана с походом Грозного в Псков, в котором должны были принять участие как крестьяне, так и монастырские слуги. «Крестьянам дано за государев поход 2 рубли». «Дано. . . слуге Богдану Иванову 3 рубли 12 алтын 2 деньги, итить ему со государем в поход с посохою. Да з Богданом же послан конюх Истомка Крупла, дано ему рубль денег, итить ему з Богданом с Ивановым до Пскова»⁵⁹. В последнем отрывке фигурирует термин «посоха», т. е. налицо нарушение одного из пунктов податного иммунитета.

Итак, помимо обходных маневров, которые правительство предпринимало и ранее с целью использования монастырских крестьян во всевозможных повинностях, в 1579 г. мы сталкиваемся с фактами открытого нарушения некоторых гарантированных податных льгот. Разрастающийся экономический кризис в сочетании с затянувшейся Ливонской войной со всей остротой поставил вопрос о неизбежности немедленной отмены тарханов.

Соборы начала 80-х годов и борьба вокруг церковных земельно-податных привилегий

В исторической литературе уже давно установилась точка зрения об отмене тарханов на соборе 1584 г. Наиболее четко она изложена С. Б. Веселовским, который считал, что на соборе «в 1580 г. царь Иван не решился поставить

вопрос о податных привилегиях духовенства», что дело ограничилось лишь пожертвованием со стороны монастырей крупной одноразовой суммы. И только на соборе 1584 г. последовала отмена тарханов «до указа»⁶⁰. Эта концепция в основных своих чертах была развита на более широком круге источников В. И. Корецким. Уже до него в литературе было известно несколько фактов, трактовавшихся как нарушение тарханов в начале 80-х годов, предшествующих постановлению об их отмене. В посольских речах Ф. Писемского, посланного царем в Англию, говорится о денежных поборах в 7089 и 7090 гг. «с английских гостей и с их торговли и с их промыслов и с их дворов», а также со «своих со всяких торговых людей, и с тарханов, и с гостей, и с торговых людей, и со всей своей земли». В выписи из наказа на Двину, хоть прямо и не упоминается о сборах с тарханов, но тем не менее текст составлен так, что создается впечатление об отсутствии каких-либо податных привилегий у таких монастырей, как Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский, Спасо-Прилуцкий, Антониево-Сийский. Наказ требует от местных властей сообщить «по сколько на который год монастыри не платили на /70/90 и на /70/91 и на /70/92 годы»⁶¹. Корецкий связал сообщения Ф. Писемского и Дж. Горсея о чрезвычайных денежных поборах с записями в приходо-расходных книгах Иосифо-Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей, где говорится, что в 1581/82 г. «по государеву наказу» «во государев подъем» старцы выслали в Москву по 100 р. Отсюда В. И. Корецкий делает вывод, что «в 1580 г., скорее всего во второй его половине, правительством Ивана IV было принято важное решение о введении чрезвычайного военного налога»⁶². Он подчеркивает, что подобные меры принимались и раньше: в 1565 г. в связи с введением опричнины и в 1575/76 г. для подготовки к Ливонскому походу 1577 г. Но если ранее подобные чрезвычайные поборы носили характер единовременной ссуды, то «подъем» начала 80-х годов, по мнению автора, «был рассчитан на более длительный срок — до окончания войны». Однако примеров, подтверждающих последнее положение, в книге не приведено.

Итак, согласно концепции В. И. Корецкого, отмена тарханов произошла в 1584 г., но этому предшествовали факты их серьезного нарушения и ограничения, а именно введение чрезвычайного военного налога. Отдавая должное важному наблюдению автора о взимании с монастырей в 1581/82 г. 100-рублевого побора, мы тем не менее должны отметить, что одноразовый 100-рублевый побор никоим образом не нарушал и не ограничивал тарханские привилегии монастырей, благодаря которым подведомственные им территории освобождались от уплаты государственных налогов. Перед нами *разноплановые* явления. Взимание с монастырей какой-либо суммы совсем не означает ограничение их иммунитетных прав. Это был именно сбор денег «в государев подъем», причем вряд ли мы можем назвать его особо обременительным для двух вышеназванных богатейших монастырей, доход которых исчислялся тысячами рублей и которые в иные годы получали от государя и его приближенных денежные вклады значительно превышавшие 100-рублевый побор. Согласно приходной книге Иосифо-Волоколамского монастыря в 1581/82 г., в год, когда монахи заплатили 100-рублевый побор, их бюджет превысил 3150 р., в том числе от царя поступило: в июле — 124 р., в сентябре — 139 р., по убитому царевичу Ивану — 700 р. — всего 963 р.⁶³

К выводу о существенном ограничении тарханов с 1581 г. пришел

и Б. Н. Флоря, однако совсем с иных позиций. Им использованы материалы о взимании денег с «отарханенных» земель. Такова выпись, относящаяся к марту 1582 г., из прихода-расходной книги Кирилло-Белозерского монастыря, когда собирается дань «с торхани на прошлый 7089-й год»⁶⁴. Еще более убедительна ссылка на податную тетрадь 7090 г., где зафиксирован сбор налогов с ранее отарханенных земель Иосифо-Волоколамского монастыря. Итак, тезис об ограничении податного иммунитета монастырей в 1581/82 г. получил фактическое обоснование⁶⁵. Вместе с тем квалификация податной тетради в качестве «фрагмента» книг данных, охватывающего лишь часть монастырских владений, помешала исследователю сделать более решительный вывод. Р. Г. Скрынников, повторив доводы Корецкого и Флори, считает, что в начале 80-х годов «казна стала на путь временного нарушения привилегий церковников, обладателей „тарханов“»⁶⁶.

Изучение хорошо известных в литературе сведений о нарушении тарханов в 7089 и 7090 гг., а также податных тетрадей Иосифо-Волоколамского монастыря за 1581/82 и 1583/84 гг.⁶⁷ позволяет нам утверждать, что в 1581/82 г. произошло не ограничение тарханов, а их отмена (в том значении, которое приписывалось постановлению 1584 г.). Начиная с 1581/82 г., правительство ежегодно собирает основные налоги с ранее отарханенных земель.

Первоначально Иван Грозный, по всей вероятности, предполагал провести отмену тарханов с официального одобрения освященного собора 1580 г. Соборы 1580 и 1584 гг. подводили как бы итог почти вековой борьбе правительства с церковью по двум жизненно важным проблемам: земельной и податной. Черепнин, учитывая чрезвычайную значимость рассматриваемых на соборах вопросов, назвал эти соборы «церковно-земскими»⁶⁸. В условиях экономического кризиса, когда колоссальные массивы земель оказались «запереложенными», поросшими лесом, монастыри, по существу, крайне слабо использовали свое привилегированное положение (освобождение от налогов, повинностей) для восстановления сельскохозяйственного производства. С другой стороны, правительство нуждалось в землях (желательно не столь запустошенных) для раздачи служилым людям. Поэтому можно предположить, что, стремясь найти выход из очень тяжелого финансового положения, Иван Грозный хотел добиться поддержки освященного собора 1580 г. по двум вопросам: 1. Приостановить рост монастырского землевладения, а при благоприятной расстановке сил провести частичную секуляризацию. 2. Отменить податные льготы, которыми пользовалось духовенство. Причем последняя задача была даже более актуальной, так как давала почти моментальный эффект: отмена всевозможных тарханов сразу бы увеличила приток денежных поступлений в государственную казну.

Вместе с тем многочисленные столкновения царя с духовенством в предшествующие годы были достаточно свежи в памяти, и правительство понимало всю сложность предстоящего мероприятия. Несмотря на щедрые жалованные грамоты некоторым крупным духовным корпорациям, оказавшим поддержку Ивану Грозному в критический для него 1575 г., отношения между ним и церковью оставались достаточно напряженными. Косвенным свидетельством этому является крайне любопытное судное дело 1587 г. между Спасо-Евфимьевым монастырем и крестьянами дворцового села Гороховецкого у. из-за починка. В ходе разбирательства выяснилось,

что земля была отобрана у монастыря еще при наместнике Михаиле Темрюковиче Черкасском. Монахи неоднократно «били челом» М. Т. Черкасскому, а после его казни в 1571 г. — писцам: в 1578 г. М. Н. Борисову, затем Луке Новосильцову. Кроме того, они обращались к боярам и дворецкому Ф. И. Хворостинину, стоявшему во главе приказа Большого дворца в 1576—1584 гг. Вот как сами монахи рассказывают о своих злоключениях: «При прежнем царе и великом князе Иване Васильевиче всеа Руси о том починке бивали челом многжды. И бояре нам указу не учинили потому, что князь Михайло Темрюкович Черкасский тогда был человек великой и временной, и управы было на него добиться не мочно. И мы о том починке и самому князю Михайлу бивали челом многжды и безотступно, чтоб нам тот починок велел отдати. И князь Михайло того починка нам не отдал. . . А как после князя Михайла был писец Матвей Борисов с товарищи, и мы того починка на тех крестьянах искали. И Матвей то судное дело положил в Поместном приказе. И мы тогда государевым бояром многжды безотступно бивали челом, и бояре нам указ не учинили ж. А здесь в приказе Большого дворца бивали мы челом прежнему государеву дворецкому князю Федору Ивановичу Хворостинину. И князь Федор архимандрита не жаловал, был к нему не добр. И мы о том починке били челом писцом же Луке Новосильцеву безотступно. И Лука нам на тех крестьян суда не дал»⁶⁹. Монастырские старцы в силу вполне понятных причин не могли обвинить в «нежаловании» и «недоброде» к ним самого Грозного, к сыну которого они теперь апеллировали. Но ясно, что столь ярко выраженное пренебрежение к многократным жалобам монастыря со стороны бояр и приказных людей, чутко улавливающих любое изменение ситуации, имело один источник: неприязненное отношение к духовенству самого царя вплоть до последних дней его жизни. Характерна и такая деталь: во вступительной части приговорной грамоты собора 1580 г. сформулированы две задачи, послужившие поводом для созыва духовенства, — *«церкви божие и священные места без мятежа будут, а воинский чин на брань противу врагов креста христова ополчатца крепче»*⁷⁰. И. И. Срезневский приводит ряд значений слова «мятеж» в древнерусских документах: волнение, смута, ссора, беспорядок, шум, смятение, возбуждение и т. п.⁷¹ Словом, хоть и в крайне завуалированной форме, правительство было вынуждено признать факт существования резких разногласий с духовенством и его довольно энергичное недовольство проводимой политикой.

Все это вынуждало крайне серьезно отнестись к подготовке и проведению собора 1580 г., который был задуман как своего рода «собор примирения», где было бы представлено все высшее духовенство России. Собор собирався в особо торжественной обстановке. В документах впервые зафиксирован столь представительный состав участников: митрополит, 11 архиепископов и епископов, около 40 настоятелей монастырей, 8 старцев крупнейших духовных корпораций (Троице-Сергиевской, Иосифо-Волоколамской, Кирилло-Белозерской, Боровско-Пафнутьевской). Ввиду дефектности списка приговорной грамоты установить более точно число архимандритов и игуменов, участвовавших в работе собора, не представляется возможным. Чтобы представить, сколь внушительным было данное собрание, достаточно сравнить его с предшествующими соборами, состав которых нам известен. Так, на освященном соборе 1571 г. были представлены только 6 епископий

и 15 монастырей. А в июле 1566 г. на земском соборе — 9 епископий и 14 монастырей. Три месяца раньше поручительную запись за князя М. И. Воротынского от имени освященного собора подписали 7 архиепископов и епископов и 5 архимандритов. В 1565 г. подобная же запись была составлена на И. П. Яковлева. Освященный собор, помимо митрополита, представляли 5 владык и 6 архимандритов. Избрание же митрополита Филиппа состоялось при участии одних архиепископов и епископов⁷². Следовательно, правоспособность высшего органа духовенства не зависела от полноты представительства. Видимо, состав участников заранее обговаривался и варьировался в зависимости от поставленной задачи, условий и ряда других факторов. Например, на земском соборе 1566 г., решавшем вопрос о войне с Польшей, среди духовенства преобладали настоятели западных и северо-западных монастырей: Борисоглебского (Смоленск), Можайских Колотцкого и Лужецкого, Иосифо-Волоколамского, Антониева-Сийского, Псковско-Печерского, Хутынского. Правительству было важно заручиться именно их поддержкой.

Итак на освященных соборах должны были присутствовать владыки епископий и обычно то или иное количество настоятелей монастырей. Существовал ряд «престижных» монастырей, участие на соборе хотя бы некоторых из них было крайне необходимо. Судя по дошедшей до нас документации освященных соборов XVI—начала XVII в., духовные корпорации «по престижности» располагались примерно в следующем порядке: Троице-Сергиевский, Рождественский (Владимир), Ново-Спасский (Москва), Юрьевский (Новгород), Чудовский, Симоновский, Богородицкий (Свияжск), Андроньевский, Казанский, Спасо-Хутынский (Новгород), Кирилло-Белозерский, Лужецкий (Можайск), Аврамьевский (Ростов), Богоявленский (Москва). Это была своего рода «элита» среди монастырей, хотя, вероятно, и не отражавшая адекватно степень реального могущества и значимости духовных корпораций во второй половине XVI в.

Созыву собора предшествовали, по всей видимости, неоднократные переговоры членов правительства, в том числе и самого царя, с духовенством с целью достигнуть предварительной договоренности, добиться поддержки основных проблем, выдвигаемых на рассмотрение освященного собрания. 17 декабря 1579 г., буквально накануне созыва собора, игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Еуфимий поехал «в Старицу ко государю». 20 декабря царь сам прибыл в монастырь «в свое государское богомолье», пожертвовав на молебны, корм и братья 164 р.⁷³ Обычно игумен никогда не посещал царя за несколько дней до его прибытия в монастырь, так что, скорее всего, имел место специальный вызов Еуфимия, чтобы еще раз убедиться в его лояльности в предстоящем собрании. Тем более что накануне выезда игумена в Старицу, 16 декабря, в монастыре побывал ехавший «от государя дворцовый дьяк Бесенок Верещагин». Он и передал, видимо, приказ игумену немедленно отправиться к Грозному. Результатом разговора царь остался доволен, поэтому по дороге в Москву заезжает в монастырь, оделяя старцев деньгами. И действительно, в будущем при подписании приговорной грамоты 15 января 1580 г. представители Иосифо-Волоколамского монастыря не примкнули к наиболее ярко выраженным оппозиционным слоям.

24 декабря, сразу же после отъезда царя, игумен Еуфимий отправился

«к Москве ко государю в собор». А через два дня туда же поехал старец Гурей Ступишин, также принимавший участие в работе собора. В феврале Еуфий все еще находился в Москве и воротился в монастырь только 10 марта⁷⁴. Но вряд ли столь длительное пребывание в столице было связано с работой собора, хотя вполне допустимо, что освященное собрание продолжалось и после 15 января 1580 г.

В результате деятельности собора была составлена приговорная грамота. Первым пунктом постановляющей части было провозглашение неизбежности церковных владений. Ликвидировалось право выкупа земельных вкладов из монастырей, к суду не принимались дела о тяжбах на земли, принадлежащие духовным корпорациям. В свою очередь, церковь должна была удовлетвориться уже имеющимися земельными владениями и не претендовать на их увеличение. Полностью постановляющая часть грамоты сводилась к следующему:

1. Земли, находящиеся во владении церкви, принадлежат ей, в том числе и те, на которые нет крепостей. «Впредь с монастыри о вотчинах не тега-тися». Исключением являлись закладные земли и княжеские вотчины.

2. Но зато отныне, с 15 января 1580 г., земельный фонд духовенства не мог пополняться ни за счет вкладов, покупки, ни за счет закладной земли.

3. Земли, находящиеся в закладе, отписывались на государя, им же решался вопрос о величине денежной компенсации.

4. Такая же судьба ожидала бывшие княжеские вотчины, попавшие в руки церкви путем купли или заклада. Сложнее было посягнуть на княжеские земли, данные в монастырь согласно воле вкладчика на «богоугодные дела», чаще всего для «поминовения». Окончательное решение об их дальнейшей судьбе (видимо, в каждом конкретном случае) предоставлялось царю.

Постановление носит черты явного компромисса. Правительство вынуждено признать неприкосновенность церковных земельных массивов и как бы гарантировать стабильность сложившегося социального и земельного статуса духовенства. Но церковь, со своей стороны, должна была умерить аппетит и отказаться от дальнейших земельных приобретений. Некоторые исследователи придают исключительно большое значение зафиксированному в решении собора праву, согласно которому царь мог отбирать княжеские и закладные земли. Р. Г. Скрынников пишет, что «в 1580 г. высшие иерархи церкви по существу вынуждены были предоставить казне неограниченные полномочия в отношении приобретенных ею княжеских земель. Конфискация подобных земель могла быть осуществлена независимо от времени их перехода к монастырям». Этот же приговор «предусматривал отчуждение попавших в монастыри закладных вотчин в пользу казны»⁷⁵. Но пункт о княжеских и закладных землях сформулирован крайне расплывчато и нечетко: вряд ли за короткий отрезок времени можно было в центральных учреждениях произвести ревизию документации всех монастырей. Возможно, предполагалось, что этим должны будут в будущем заняться при описании уездов писцы и дозорщики. Кроме того, в судопроизводстве тех лет продолжал в большинстве случаев действовать принцип «давности» владения, а некоторые княжеские вотчины отошли к церкви еще на рубеже XV—XVI вв. Грамоты на них были неоднократно подтверждены и Василием III и Иваном IV. Следовательно, постановление было нацелено на сравнительно недавние приобретения. Да и доля княжеских

и закладных земель в общем фонде монастырских имений была не столь значительна по сравнению с остальными приобретениями (куплей, вкладами бояр и рядовой массы феодалов). Если же к тому же учесть, что в результате экономического кризиса земли духовенства были подчас более запустошены, чем светские владения, то при такой ситуации даже неукоснительная и повсеместная конфискация княжеских и закладных земель у церкви вряд ли сыграла бы значительную роль в изменении положения служилых людей и принесла «выгоду не только казне, но в конечном счете поместному дворянству, нуждавшемуся в населенных землях», как это считает Скрынников. В одном Коломенском у. в конце 70-х годов фонд «безхозных» поместных земель занимал 15 % всей территории — свыше 21,5 тыс. четвертей в одном поле. Соседствующие же здесь церковные вотчины представляли безрадостную картину почти всеобщего запустения⁷⁶. Поэтому не стоит переоценивать значение приговора 15 января 1580 г., которое якобы в конечном итоге должно было поддержать разоренное дворянство и соответствовало интересам небогатых землевладельцев⁷⁷. Но вместе с тем нельзя не признать, что включение в приговорную грамоту 15 января 1580 г. пунктов о возможности секуляризации княжеских и закладных земель было явной уступкой царю, который под их прикрытием мог продолжать «перебор» церковных земель. В дошедших до нас сотных, послушных и других грамотах неоднократно упоминается, что Иван IV в 60—70-х годах отбирал у монастырей те или иные села, деревни, давая им взамен другие.

Об отмене тарханов в приговоре собора не было упомянуто вообще. Видимо, данное положение вызвало наиболее сильный отпор духовенства и было полностью отвергнуто.

Но и в таком виде приговор, приостанавливающий рост землевладения, вызвал неприятие у многих церковных иерархов. Анализ его удостоверяющей части рисует любопытную ситуацию: некоторые участники собора не скрепили грамоту своими подписями. Среди них 3 епископа: смоленский, юрьевский, крутицкий. Правда, к грамоте привешены их печати. Но, по всей вероятности, печати прикладывались не ими самими, а их ближайшими доверенными лицами. И сама эта процедура носила несколько формальный характер. Нет подписей игуменов: московского Богоявленского монастыря, «престижного» казанского, переяславского Никитского, можайского Колотцкого. Архимандрит другой можайской обители — Лужецкой вообще не явился на заключительное заседание собора. В тексте грамоты для его имени оставлено свободное место. Еще более дружно выступили настоятели северных и северо-западных обителей (Новгорода, Пскова, Вологды): из 11 игуменов 6 отказались признать правомочность составленного документа. Это представители новгородского Антониева, Псковско-Печерского, Глушицкого, Спасо-Прилуцкого, Павлово-Обнорского монастырей. Игумен вологодского Каменского монастыря, видимо, как и Лужецкого, отказался участвовать в работе собора: в тексте грамоты сделан пропуск для его имени. Не было ли вызвано столь оппозиционное настроение тем обстоятельством, что северные, в основном малоземельные монастыри, желавшие сравняться с богатыми духовными феодалами, не хотели участвовать в принятии постановления, ставившего препону росту монастырских вотчин? Есть основания считать, что «шатость» царила и среди участников, считавшихся наиболее «благонадежными». Во всяком случае, некоторые

соборные старцы в силу тех или иных причин не присутствовали на церемонии подписания акта. Таким образом, почти из 60 участников освященного собора около трети не скрепили приговорную грамоту своей подписью.

Но может быть, удостоверяющей части подобных документов не придавали особого значения и отсутствие подписей вышеперечисленных иерархов — простая случайность? Анализ приговоров предшествующих соборов убеждает нас в противном. На протяжении второй половины XVI в. вырабатывается и усвершенствуется процессуальный порядок оформления конечной документации заседаний церковных соборов. В 1565 и 1566 гг. владыки и настоятели монастырей дали две поручительные записи за И. П. Яковлева и М. И. Воротынского. При этом все владыки без исключения скрепили грамоты своими подписями, а митрополит, помимо подписи, приложил еще печать⁷⁸. Подписи архимандритов при такой ситуации в тот период не требовались, поэтому их нет. Однако вскоре порядок удостоверения актов становится более жестким. При составлении поручной записи на И. Ф. Мстиславского в 1571 г. на соборе присутствовали, помимо митрополита, 6 владык, 15 настоятелей монастырей, 4 соборных старца из Троице-Сергиевской и Кирилло-Белозерской духовных корпораций. За исключением архимандрита тверского Отрочева монастыря, все остальные присутствующие поставили свои имена под текстом грамоты. Тут же есть и печать митрополита⁷⁹. На земском соборе в июле 1566 г. то ли ввиду важности решаемого вопроса о ведении Ливонской войны, то ли из-за отсутствия в этот момент во главе церкви митрополита, все владыки епископий приложили к тексту решения не только свою руку, но и печати. 14 присутствующих настоятелей монастырей ограничились «рукоприкладством». Из 9 соборных старцев — только двое не подписались. Среди остальных участников земского собора 1566 г. грамоту своей подписью должны были заверить также члены царского синклита: бояре и окольничие, что они и сделали. Лишь насчет двух из них (И. Я. Чеботова и И. Шереметева) на документе была сделана особая помета, которая должна была развеять какие-либо могущие возникнуть сомнения относительно их позиции по поводу принятого решения: «Рук к сей грамоте не приложили, что грамоте не умеют». Подписи остальной массы присутствующих — дворян, детей боярских всех статей, дьяков, приказных людей, купцов, гостей — не требовались⁸⁰.

Вышеделанный анализ показывает, что к концу 70-х годов выработался процессуальный порядок, согласно которому на документе, принятом церковным собором, должны были стоять подписи *всех* присутствующих владык епископий и настоятелей монастырей. Подписи соборных старцев были не столь важны. Насколько большое значение правительство придавало удостоверяющей части грамоты, видно из следующего примера. На соборе в марте 1565 г. за боярина И. П. Яковлева среди других владык поручился также новгородский архиепископ Пимен, но в момент составления грамоты Пимена не было в Москве. К нему был послан С. Ф. Нагой со специальным поручением, о цели которого в ответной грамоте царю Пимен пишет следующее: «И ты, государь, для отца своего Афанасия митрополита всеа Русии прошенья и нашего для челобитья архиепископов и епископов боярина своего Ивана Петровича пожаловал, вины ему отдал и запись подкрепленную велел по нем взяти. И ту, государь, запись подкрепленную подписал и печать свою к ней привесил отец твой Афанасий, митрополит всеа Русии. А Никандр,

архиепископ ростовский и ярославский, и епископы х той записи руки свои приложили. *А велел, государь, нам х той записи руку приложить; и я, богомолец твой х той записи руку приложил*, и ту запись послал есми к тебе». Действительно, подпись Пимена значится под грамотой 1565 г.⁸¹ Схожая ситуация произошла на соборе 2 февраля 1564 г., на котором была выработана грамота «о белом клобуке». В работе собора приняли участие 9 архиепископов и епископов, скрепивших грамоту своей подписью. Тут же сделана приписка об отсутствии еще двух владык: «А архиепископа казанского в то время в животе не стало. А тверского и кашинского Акакия епископа руки нет, потому что для великия старости и болезни на собор не приехал. А о том писал, что он с архиепископы и епископы и со всем освященном собором, со всеми с ними единомышлен»⁸².

Следовательно, отсутствие подписей ряда церковных иерархов на приговорной грамоте 1580 г. нельзя объяснить простой случайностью. Перед нами своеобразное свидетельство существования на соборе достаточно влиятельной, оппозиционно настроенной группировки. Задуманная Грозным программа, направленная на подрыв экономического могущества церкви, встретила яростное сопротивление. Характерно, что спустя 70 лет постановление 1580 г., повторенное в основной своей части уложением 1649 г., вызвало резкую критику со стороны верховных иерархов, и в первую очередь патриарха Никона⁸³.

При столь напряженной ситуации правительству не удалось добиться санкции собора на отмену тарханов. Как уже говорилось, собор 1580 г., по существу, зафиксировал сложившийся к январю земельный статус церкви, отразив известное равновесие сил между Иваном IV и духовенством. Большого, за исключением довольно расплывчатых и достаточно трудно осуществимых на практике решений о княжеских и закладных землях, правительству не удалось добиться. Собор 1580 г., запретив впредь передачу светских вотчин церковникам, не только пресек дальнейшее расхищение земельного фонда страны, но тем самым сделал слабую попытку заставить духовенство обратить внимание на собственные владения: расширить возделанные земли не за счет получения пашни светских вотчин, где процент запустения был всегда ниже, чем у церковников, а за счет вовлечения в хозяйственный оборот собственного перелога. Тем самым уже в решении собора 1580 г. таилась скрытая, пока еще очень слабая потенция, направленная на оживление монастырского хозяйства. Последующая отмена тарханов заставила духовенство вплотную заняться распашкой заброшенных земель, ссудированием крестьян и т. п.

Отмена тарханов была проведена указным порядком не позднее 1581 г. То, что не удалось сделать с одобрения освященного собора, было введено монаршей волей. Сам указ до нас не дошел. Скорее всего, он был преподнесен в качестве чрезвычайной временной меры и оформлен не как указ, приговор, а как распоряжение о сборе налогов с тарханных территорий. В литературе существует мнение, что спустя ровно год после 15 января 1580 г. в Москве собрался церковный собор, подтвердивший предыдущее постановление, правда, в несколько урезанной форме⁸⁴. Поводом для такого утверждения послужил тот факт, что в дополнительных статьях к Судебнику 1550 г. и в Сводном Судебнике помещена часть текста указа 1580 г. с датой 15 января 1581 г. Не могло ли случиться так, что именно на этом соборе

и было принято решение об отмене тарханов? Однако проделанный текстологический анализ позволил Б. Н. Флоре прийти к выводу, что в настоящее время нет серьезных оснований говорить о существовании особого приговора 1581 г.: перед нами дефектный список указа 1580 г. Р. Г. Скрынников также считает, что мы имеем дело с испорченной и сокращенной копией приговора 1580 г.⁸⁵

После января 1580 г. выдача тарханных грамот монастырям с освобождением от основных поземельных налогов почти полностью исчезает из практики московского правительства⁸⁶. Пожалуй, последнее из наиболее щедрых пожалований отражено в грамоте 9 февраля на владения Спасо-Евфимиева монастыря, расположенные в 7 уездах. Возникает закономерный вопрос, не было ли это пожалование своеобразным вознаграждением за лояльное поведение архимандрита на соборе, а возможно, и за более серьезные услуги. Правительство не могло не понимать, что у настоятеля имелись достаточно веские причины, чтобы примкнуть к оппозиционной группировке, если учесть, что должностные лица, отражая настроение царя, были в предшествующие годы к монастырю «не добры». Однако при сопоставлении тарханной грамоты 9 февраля 1580 г. с такой же по характеру грамотой 1576 г. выясняется, что размер «щедрости» был значительно скромнее, чем кажется на первый взгляд. Пожалование 1580 г. повторило в своей вотчинной части земли, уже обеленные в 1576 г. Добавлены только новые владения во Владимирском у.⁸⁷

Выдача грамоты 9 февраля 1580 г. свидетельствует, что в тот момент правительство еще не помышляло явочным порядком отменять податной иммунитет духовенства. Но уже в 7090 г. (осень 1581 г.—зима 1582 г.) старцы Иосифо-Волоколамского монастыря выплачивают государевы подати со всех своих вотчин, расположенных в Рузском, Волоцком, Клинском, Зубцовском, Московском, Тверском, Дмитровском, Старицком уу.⁸⁸, т. е. тарханные поземельные привилегии отменены были, видимо, по всей стране, в том числе и в северных районах. Об этом свидетельствуют упоминаемые уже наказ на Двину о сборе податей со всех монастырей и запись старца Кирилло-Белозерского монастыря об уплате дани «с торхани на прошлый 7089 год». Некоторое сомнение вызывает лишь Новгородский край, который, с одной стороны, был крайне запустошен и разорен, а с другой стороны, в нем не было больших земельных массивов, пользующихся податными льготами. Как раз в 1581/82 г. его описывали дозорщики, отмечавшие наличие «тархани» у некоторых монастырей. Так, в Вотской пятине у Духова монастыря «под монастырем пашни паханые монастырские 20 чети в поле. . . в живущем 2 обжи. И те 2 обжи. . . по государеве грамоте в торхани». «А в сошное письмо обжи не положены». В Обонежской пятине в Пречистенском погосте в 1582/83 г. у Тихвинского монастыря «пашни паханые под монастырем, пашут на монастырь 30 чети в поле. . . 3 обжи. И те 3 обжи по государеве грамоте в тархане». «А в сошное письмо тарханные обжи не положены». В Мытенском погосте «монастырских тарханных 5 обож без трети, что пашут на монастырь. А в сошное письмо тарханные обжи не положены»⁸⁹. Упоминание самого термина «в тархане» не должно смущать, так как отмена податных привилегий, без сомнения, трактовалась как временная мера с последующим восстановлением иммунитетных льгот, поэтому писцы и отмечали наличие тархани. Психологически схожий процесс

наблюдаем в податных тетрадах 1581/82 г. Иосифо-Волоколамского монастыря. Но так как почти все его вотчины были обелены, то казначей, наоборот, выделил «неторхань» — село Быково⁹⁰. В новгородских писцовых книгах настораживает другой факт, а именно то, что тарханские земли не были положены в сошное письмо, т. е. действительно, с них не взимались государственные подати. Можно, конечно, предположить, что так как описание любого уезда обычно затягивалось на несколько лет и дата «письма» сплошь и рядом указывала конечный год работы, то в момент начала описания Новгородского края отмена тарханов еще не была провозглашена. Но видимо, разгадка все-таки кроется не в этом. Нетрудно отметить, что тарханские привилегии распространяются, как правило, на очень небольшие участки домена, распахиваемые на монастырь. Н. А. Рожков на основании новгородских писцовых книг сделал крайне важное наблюдение, что с начала 90-х годов, а возможно и ранее, часть барской запашки светских феодалов обелялась. Для этого были необходимы следующие три условия: наличие самой барской запашки, несение военной службы помещиком, проживание помещика в своем имении, т. е. существование «усадища». Размер обеляемой пашни зависел от оклада помещика, а не от реальной «дачи». Об обелении части господской запашки в начале 90-х годов пишет и А. Л. Шапиро⁹¹. Вероятно, в новгородских писцовых книгах начала 80-х годов мы сталкиваемся с подобным же явлением, когда небольшая по размерам барская запашка монастырей освобождалась от несения государева тягла, что в сознании современников привычно ассоциировалось с понятием «тарханов». Если наше предположение верно, то тогда, следовательно, практика обеления существовала уже в начале 80-х годов и была достоянием не только светских, но и духовных феодалов. Возможно даже, что на землях последних она возникла раньше, чем в поместьях. В условиях страшного разорения и опустошения Новгородского края правительство было вынуждено пойти на эту меру, чтобы доходы с обеляемой (отарханенной) земли шли на прокорм старцев или, как тогда любили выражаться, «на темьян и свечи».

Соборно отмена тарханов была оформлена в июле 1584 г., уже после смерти Грозного. Можно предположить, что духовенство возлагало немалые надежды на благочестивого Федора Ивановича. Всю весну и лето шла интенсивная работа по подтверждению старых жалованных грамот. Первыми были рассмотрены акты Троице-Сергиевского монастыря: 3 мая подтверждение получили тарханно-несудимая грамота, охватывающая подавляющую часть троичских вотчин, и грамота на беспошлинную покупку и провоз соли и рыбы⁹². Были подписаны жалованные акты и другим крупнейшим обителям: 13 июня — тарханно-несудимая грамота владимирскому Рождественскому монастырю, 14 июня — оброчно-несудимая новгородскому Юрьевскому монастырю⁹³. Крайне насыщенным оказался день 15 июня, когда утверждались грамоты Симонову, Соловецкому, Спасо-Евфимиеву, Махрищскому монастырям⁹⁴. Создается впечатление, что правительство спешит, пачками подписывая представленные жалованные акты. К началу работы освященного собора были утверждены грамоты почти всех наиболее значительных духовных корпораций и некоторых мелких «маломощных» обителей. Не были забыты и епископы: 20 июня подписана тарханно-несудимая грамота суздальскому владыке, 30 июня — коломенскому⁹⁵. Вполне возможно, что подобные подтверждения предыдущих пожалований сопровождалось

«рядом», когда правительство пыталось в обмен на «милость» добиться на предстоящем соборе содействия в осуществлении своих планов.

Подписание актов продолжалось и после освященного собора, растянувшись на несколько лет, причем в настоящий момент неясно, чем руководствовалось правительство в очередности утверждения. Лишь 17 октября 1584 г. скреплена оброчно-несудимая грамота 1564 г. митрополиту Дионисию на митрополичьи вотчинные земли. Спустя две недели, 30 октября, ему была переписана старая тарханно-несудимая грамота на слободку Ростовского у. Впоследствии она была переутверждена 16 июня 1587 г. 30 октября подписана грамота на беспошлинный провоз митрополичьих товаров. Другая схожая грамота — 4 ноября ⁹⁶. По непонятным для нас причинам крайне задержали утверждение тарханно-несудимых привилегий Иосифо-Волоколамского монастыря — до 7 января 1587 г. ⁹⁷ Если до созыва собора правительство подтвердило ряд тарханных грамот крупным монастырям, вербуй союзников для предстоящего церковного собрания и пытаясь создать видимость безоговорочного признания со стороны царя прав духовенства на податной иммунитет, то после окончания работы собора приказной аппарат становится более сдержанным и не столь щедрым при переутверждении жалованных актов.

Освященный собор 1584 г. в своем уложении повторил основные положения приговора 1580 г. о земле. Случайно или умышленно оказалась пропущенной лишь статья о праве царя решать судьбу бывших княжеских вотчин, полученных церковью путем вклада. Даже если считать, что статья не была повторена в силу своей неопределенности, сам факт ее невключения был, безусловно, на руку церковникам. Интересно, как сами церковники оценивали уложение 1584 г. «Варлаам, епископ сарский и подонский, подписался в приговорной грамоте всего духовного чина *о неотнятии*, имеющихся у них при архиерейских домах и монастырях вотчин» ⁹⁸.

Зато в текст приговора был внесен крайне важный пункт о временной отмене тарханов с 1 сентября 1584 г. В грамоте неоднократно подчеркивается, что данное мероприятие носит вынужденный характер и со временем будет отменено: «Так же от сего году, лета 7093 месяца сентября перваго числа, *на время*, до государева царева и великаго князя Феодора Ивановича всеа Русии *указу*, для воинского чину и оскудения тарханы отставити покаместа земля поустроитца». И далее «и тем за тарханом и всяким людем... до государева указу платить», «а всякие царские дани платить всяким тарханом до государева указу» ⁹⁹. Показательна следующая ситуация: при Федоре Ивановиче все тарханные грамоты утверждались так, как будто бы не было уложения 1584 г. «Велел им сю грамоту подписати на свое царево и великого князя имя. А сее грамоты рудити не велел никому ничем. А велел ходити о всем по тому, как в сей грамоте писано». И лишь при подписании жалованных актов Борисом Годуновым появилась оговорка: «Рудити не велел никому ничем, опричь наших денежных доходов».

Впоследствии о временном характере отмены тарханов было забыто. Вот как выглядит уложение освященного собора 1584 г. в описи Посольского приказа 1626 г.: «Грамота уставная при великом государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Русии, после смерти блаженные памяти царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии, за руками Деонисия митрополита, и архиепископов, и епископов, и архимаритов, и

игуменов, и иных соборных старцов, что приговорили на соборе в лето 7088-го году, что с того году митрополиту, и архиепископу, и владыком, и монастырем вотчин не покупать и по душе ни по ком вотчин в монастыри не имать для воинского оскудения, и *тарханом вперед не быть*. Писана грамота в 7092-м году»¹⁰⁰. Здесь, помимо довольно категорически сформулированного пункта об отмене тарханов, есть еще одна деталь, заслуживающая внимания: описание приговорной грамоты 1584 г. составлено так, что возникает впечатление, что отмена тарханов состоялась одновременно с запрещением увеличивать церковный земельный фонд, т. е. в 1580 г. Конечно, от описания грамоты не требовалось особой точности. Тем не менее подобная редакция свидетельствует о двух моментах: 1. Указа о восстановлении тарханов так и не последовало. 2. Вопреки отсутствию решения освященного собора 1580 г. об отмене тарханов, они вскоре же потеряли свою силу, поэтому в сознании приказных чинов XVII в. оба события по времени слились.

Состав собора 1584 г. по сравнению с собором 1580 г. имел «урезанный» характер. Вместо 40 представлено всего 22 духовные корпорации. Неполно и число владык: отсутствуют смоленский и виленский. Как и прежде, собрались настоятели монастырей, расположенных в центре страны: Москве, Можайске, Переяславле, Ростове, Твери, Ярославле. Новая фигура — представитель рязанского Спасского монастыря. Но не исключено, что эта «новизна» объясняется дефектным состоянием текста предшествующей приговорной грамоты 1580 г. Присутствуют и представители крупнейших корпораций: Троице-Сергиевской, Кирилло-Белозерской, Соловецкой, Иосифо-Волоколамской, Боровско-Пафнутьевской. Но, видимо, далеко не все благополучно обстояло и в центральных обителях. Отсутствуют какие-либо упоминания о двух значительнейших монастырях: Чудовом и Спасо-Евфимиевом. Нет и волоколамского Возмицкого монастыря. Конечно, можно предположить, что всех трех настоятелей поразила болезнь. Но далее мы сталкиваемся с еще более удивительным фактом: на соборе нет *ни одного* представителя Новгорода, Пскова, Вологды. Напомним, что в 1580 г. настоятели именно этих монастырей держались наиболее сплоченно, отказавшись подписать приговорную грамоту. Отсутствуют и пастыри из Казани, Нижнего Новгорода, Свияжска. Вот список 17 монастырей, представленных на соборе 1580 г. и отсутствующих на соборе 1584 г. Из центральных уездов: московский «престижный» Чудов, суздальский Спасо-Евфимиев, волоколамский Возмицкий. *Северо-Запад*: Псковско-Печерский и 4 новгородских — «престижный» Юрьев, Хутынский, Антониев, Вяжецкий. *Север* представляли 6 вологодских монастырей: Спасо-Прилуцкий, Ферапонтов, Спасо-Каменский, Павлово-Обнорский, Корнильев-Комельский, Глушицкий. *Поволжье*: казанский Спасо-Преображенский и свияжский Богородецкий, Печерский (Нижний Новгород). Судя по этому списку, центр страны как бы охватывало полукольцо оппозиционно настроенных монастырей: с северо-запада на север и восток. Настораживает и отсутствие западных духовных корпораций, например Болдино-Дорогобужской.

Факт отсутствия на июльском соборе 1584 г. ряда церковных иерархов нельзя свести к случайности. Характерно, что незадолго до этого, 31 мая 1584 г., освященный собор собрался для венчания на царство Федора Ивановича. И хотя нам не известен полный список его участников, однако

те немногие сведения, которыми мы располагаем, показывают, что высшее духовенство съехалось почти в полном составе. В церемонии венчания среди прочих участвовали смоленский епископ Селивестр, а также архимандриты новгородского Юрьева и московского Чудова монастырей¹⁰¹, которых мы не находим среди присутствующих на соборе 20 июля. День коронации от момента утверждения приговорной грамоты отделяет не столь значительное время, заполненное, вероятно, празднествами по случаю венчания на царство. Скорее всего, и духовенство из отдаленных мест созывали сразу для двух целей: участия в коронации и решения неотложных проблем, касающихся церкви. Тем не менее некоторых иерархов, участвующих в торжествах 31 мая, нет в списке приговорной грамоты 20 июля. Причин этому может быть несколько.

1. Правительство, стремясь добиться признания выдвинутой программы, ограничилось приглашением на заключительные заседания лишь наиболее лояльно настроенного духовенства. К концу XVI в. был накоплен богатый опыт в деле управления церковью. Маневрируя, перетасовывая состав участников собора, можно было добиться видимости представительства, поддерживающего мероприятия самодержца. Подобная практика использовалась и последующими воспреемниками престола. Так, Лжедмитрий «больше де есми всего боялся, что цесареvy моя римские веры, и нечто митрополиты и архиепискупы, и епископы упрямятся, не благославят и миром не помажат. . . А которые де митрополиты, и епископы, и протопопы были преж сего о том поговаривати, и яз де их порозослал»¹⁰². Благодаря принятым мерам Лжедмитрий получил благословение от освященного собора, хотя на нем отсутствовали многие иерархи. Не было казанского митрополита, вологодского, тверского, нижегородского, а также и ряда владык¹⁰³.

2. Несмотря на подготовительную обработку со стороны правительства, несмотря на массовое утверждение жалованных грамот, духовенство не пожелало участвовать в заключительных заседаниях собора, бойкотировало принятие приговорной грамоты. Церковные иерархи, съехавшиеся в Москву не без надежды вернуть свои привилегии при богочестивом Федоре, не хотели участвовать в узаконении, подрывающем экономическую основу их могущества. Возможно, что в знак протеста настоятели ряда монастырей покинули собор еще до окончательного составления текста грамоты, поэтому их имена и отсутствуют в уложении.

Но и среди оставшихся не было единомыслия. Грамоту не скрепили своей подписью игумены двух южных монастырей — Солотчинского и Пафнутьевского. От последнего на соборе присутствовал не только настоятель, но и чернец Галасий, подписи которого также нет под текстом. Вероятно, оппозиционно настроен был старец Иосифо-Волоколамского монастыря Измаил Сназин: участвуя в работе соборов 1580 и 1584 гг., он оба раза не подписал приговоры. Представители рода Сназиных числятся по Дворовой тетради новгородскими детьми боярскими. Отсюда могли быть и столь ярко выраженные проновгородские настроения у Измаила Сназина.

Таковы драматические события, сопутствующие принятию постановлений о прекращении роста церковного землевладения и об отмене тарханов.

Противоречивость взаимоотношений между правительством и церковью, как и ряд других важнейших факторов, привнесли элементы компромисса

в церковные приговоры и оказали влияние на их последующую судьбу, на ход претворения в жизнь. Современники правильно оценили важность значения обоих постановлений. В документах 80—90-х годов и в более позднее время неоднократно встречаются ссылки на данное законодательство. Иван Грозный начинает применять закон на практике сразу же после собора. 3 марта 1580 г. указной грамотой пожалован князь Борис Палецкий вотчиной его отца и братьев, ранее находившейся в поместье у других лиц. Всего Б. Д. Палецкому было передано 3 села и около 85 деревень, починков в Костромском у. и в Бежецком Верхе: свыше 1100 четвертей в одном поле. Но владеть вотчиной князь мог только «до своего живота. А умрет или пострижца ино по нем дати за те села в монастырь по нашему уложению деньги, а те села взяти на меня царя и великого князя»¹⁰⁴. Причем здесь, по всей вероятности, в силу особых обстоятельств пожалования, налицо вообще условный характер княжеского владения: в грамоте даже не предусматривается возможность отчуждения земли путем продажи. Скрынников приводит пример действия другого аспекта закона 1580 г.: царь изъял у Кирилло-Белозерского монастыря два села, бывшие княжеские вотчины, компенсировав потерю деньгами. Правда, помимо них, было отобрано и село некоего В. Хотяинцева, к княжескому роду не принадлежавшего¹⁰⁵. Симптоматично, что Грозный сразу же после собора поспешил воспользоваться «законным» основанием для дальнейшего «перебора» земельных владений.

Законы 1580 и 1584 гг. о прекращении роста церковного земельного фонда были приняты на вооружение и последующими воспреемниками престола. В указной грамоте начала XVII в. идет речь о споре между владимирским Рождественским монастырем и князем Н. М. Борятинским из-за села Палашкино, которое, по утверждению князя, он получил «при царе Дмитрее». Но монастырь имел «жаловальные грамоты царя Бориса и царя Дмитрия. . . А в списках з жаловальных грамот написано по уложению блаженные памяти государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и государя царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси в монастыри вотчин никому давать не велено», но, считаясь с челобитьем вологодского архиепископа Ионы, Борис Годунов разрешил в качестве исключения передать селцо его последнему владельцу в монастырь¹⁰⁶.

А. А. Зимин пишет, что после соборных решений 1580-х годов в частных правовых актах «оговаривалась возможность выкупа впредь поступавших в монастырь вотчин»¹⁰⁷. В грамотах Иосифо-Волоколамского монастыря, на основании которых и строится исследование Зимина, такая клаузула фактически не привилась. В купчих, данных, духовных актах 80—90-х годов продолжает фигурировать формулировка, возникшая где-то в середине столетия и присутствующая в подавляющей массе частноправовых актов второй половины XVI в.: земля передается в монастырь «впрок без выкупа», «впрок без выкупа и без отмены», «и роду моему и племени до тое вотчины дела нет». Правда, вполне возможно, что подобная клаузула в 80-х годах сохраняется в силу консервативности формуляра частноправовых актов и практически лишена смысла. В 1593 г. старец Иосифо-Волоколамского монастыря Никифор Морин в своем завещании делает распоряжение о передаче в обитель села Софатова и пустоши Уткино «впрок без выкупа». «А роду моему и племени до тое моей вотчины до села Софатова и до пустоши до Уткина нет дела никому некоторыми делы». Налицо

две клаузулы, запрещающие выкуп земли. И тем не менее далее следует диаметрально противоположное повеление, лишаящее смысла два предшествующих: «А хто сродник мой той отчины виыщетца и захочет ту вотчину у Осифова монастыря выкупити и ему дати в Осифов монастырь по наших родителях и по моей душе двести рублей денег»¹⁰⁸. А. А. Зимин в подтверждение своей мысли о появлении в актах клаузулы, регламентирующей право выкупа земли, ссылается на судьбу вотчины Елизария Бибикова, которую его родственники выкупили из монастыря. Но как раз в завещании Елизария Бибикова фигурирует противоположная формулировка: «впрок без выкупа»¹⁰⁹. Старец Елисей Васильевич Бибиков в начале 80-х годов распорядился своей землей следующим образом: 1. Село Доброе передается сыну, затем переходит к снохе, после смерти которой — в Левкеин монастырь. 2. Сельцо Ладыгино, деревни Вашурово и Голцово в Левкеин монастырь «впрок без выкупа», хотя несколькими строками выше оговорено право выкупа д. Вашуровой сыном за 30 р. 3. Сельцо Ровни и д. Бахматово отданы в Иосифо-Волоколамский монастырь. 4. Село Ондрюково с деревнями после смерти сына и снохи должно принадлежать племяннику Елисея Федору Степанову Бибикову. Из духовной 1611/12 г. Феодосия Тимофеева Бибикова явствует, что селения, перечисленные нами под вторым и третьим пунктами завещания Елисея, не принадлежат монастырям, причем текст составлен так, что нет ясности: были ли земли выкуплены из обоих монастырей или же только из Волоколамской обители. «Да что моя вотчина. . . деревня Гольцово, да пустошь Вашурово, да в пустоши в Лодыгине выть, да в деревни Ровнях, да в деревни Безбородово треть, — и те деревни Ровни, да Безбородое выкупили из Осифова монастыря с Михайлом да с Никифором за один»¹¹⁰. Во всяком случае, согласно завещанию Елисея, право выкупа касалось лишь д. Вашуровой, да и то только со стороны сына Елисея, все же остальные поселения должны были отойти в монастыри. Значит, в 80-х годах складывается ситуация, когда вопреки приказу вкладчика о передаче вотчины в монастырь «впрок без выкупа», земля могла остаться у его родственников, причем не исключено, что дело иногда обходилось и без денежной компенсации. Безусловно, в этом сказалось влияние постановления соборов 1580 и 1584 гг. о прекращении роста церковного землевладения, но, возможно, что и сами монастыри порой предпочитали получить деньги взамен полупустых деревень.

А. А. Зимин приводит несколько примеров, когда завещанные земли не поступали в монастырь или же становились объектом спора чернецов с соседними феодалами, стремившимися захватить ее¹¹¹. Но в то же время, как правильно отметил еще С. В. Рождественский, обычай земельных вкладов не был уничтожен¹¹². Сохранился ряд грамот о передаче вотчин в монастыри. Даже если считать, что далеко не все дачи стали реальностью, то показателен сам факт оформления актов на вклады без какого-либо упоминания уложений 1580 и 1584 гг. Пожертвование имений церкви совершается (по крайней мере, на бумаге) с такой легкостью, как будто вкладчики и сами монастыри не сомневаются в отсутствии каких-либо препон со стороны правительства. К 1580/81 г. относится завещание Ф. И. Сверчкова, вотчина которого в случае замужества жены переходит в монастырь¹¹³. Завещание датировано 7089 г., т. е. она была составлена не ранее чем спустя 9 месяцев после собора. В том же году Пятый Тумский

получил от царя взамен своей старинной вотчины в Переяславском у. пустошь Липецы в Суздальском у. Через год он отдал эту землю в монастырь. Из текста данной явствует, что вотчина была отдана не только «по душе», но и за 100-рублевый долг. Впоследствии, к середине XVII в., когда появилось ряд претендентов на Липецы, заявивших, что монастырь не имеет крепостей, именно данная 1581/82 г., как и духовная 1589/90 г. П. Тумского явились основным аргументом для решения дела в пользу монахов¹¹⁴. 9 июля 1582 г. митрополичий дворецкий округлил владения митрополита Дионисия путем покупки у Н. А. Глебова пустоши в Московском у.¹¹⁵

Судя по актовому материалу, и после 1580 г. в монастыри разрешалось делать земельные вклады «на помин души», но не любой земли, а только *пустошей*. В противном случае, вероятно, требовалось особое разрешение правительства, о чем мы не всегда можем судить по тексту документа.

Особое отношение правительства к Поволжью. В 1584 и 1585 гг. новые владения получают монастыри Казанского у.: девичий Новоявленный и Илантовы Горы¹¹⁶. В 1588 г. была переписана и утверждена жалованная грамота казанскому епископу на село Ягодное¹¹⁷. В 1585 и 1586 гг. округляет свои владения казанский Преображенский монастырь¹¹⁸. Для казанских духовных корпораций, как и для служилых людей, вводятся «оклады», тем самым предоставляется легальная возможность в обход уложениям 1580 и 1584 гг. увеличивать свои владения. В 1591 г. казанский Преображенский монастырь «жаловался» новыми земельными дачами в счет установленного ему оклада — 800 четей в одном поле¹¹⁹. Пока неизвестно, распространялось ли данное нововведение только на восточные монастыри в связи с их миссией христианизации коренного населения или же на все пограничные обители.

Что касается княжеских вотчин, то мы располагаем следующим материалом. В 1585/86 г. князь Д. М. Пожарский, выполняя волю умершего отца, отдал в монастырь деревню¹²⁰. Весьма показательна история с селом Антилоховым, стародубской вотчиной князей Силы и Никиты Гундоровых, которое, вероятно, было заложено в Спасо-Евфимиевом монастыре. После смерти Силы его жена Ульяна передала в 1573 г. село монахам «по душе мужа да деверя Никиты... и за их долг за 150 р., что была на них в монастыре кабала в 100 р.», тем самым нарушив только что принятое постановление 9 октября 1572 г., запрещающее давать земли в большие монастыри. При оформлении данной княгиня получила назад кабалу «безденежно». В 1580 г. Суздальский у. был взят ко Двору. Вотчины стародубских князей были розданы в поместья, а бывшим владельцам в качестве компенсации были вручены из казны деньги. Не растерявшись в возникшей ситуации, княгиня получила 200 р. за Антилохово, не предупредив, что оно является уже не ее, а монастырской собственностью. Возможно, хитрая вдова учла и то обстоятельство, что по уложению 1580 г. княжеские и закладные земли должны были отписываться на государя, поэтому вряд ли подлежали особой проверке. Село было передано в поместье князю Филиппу Шаховскому. После смерти Грозного, который, как уже отмечалось выше, «не жаловал» Спасо-Евфимиев монастырь, бывший архимандрит, став суздальским владыкой, обратился в 1586/87 г. к Федору Иоановичу

с челобитьем о 150 р., данных когда-то в долг князьям Гундоровым за село Антилохово. Правительство на основании уложения 1580 г. могло отписать село на себя как княжеское, т. е. оставить во владении Ф. Шаховского, а монастырю возместить 150-рублевый ущерб, тем более что в свое время казна оценила село выше: в 200 р. Тем не менее царь Федор предпочел отдать Антилохово в монастырь¹²¹. Вероятно, дефицит в деньгах ощущался острее, чем в земле.

В начале 90-х годов правительство проводит своего рода ревизию части монастырских владений, отписывая их на себя. При переписи троицесергиевских владений в Муромском у. были «отписаны на государя до государева указу» следующие земли:

1. Если на них не было соответствующей подтверждающей документации (купчих, жалованных, данных грамот) и они не были зарегистрированы в соответствующих вотчинных книгах. Не упоминались эти поселения за монастырем и в предшествующих описаниях.

2. Подтвердительная документация на право владения была, но она не зарегистрирована в вотчинных книгах, а владения в предшествующем описании не числятся за монастырем.

3. Если в предшествующих писцовых книгах земли «написаны за вотчинники, и они те свои вотчины дали в... монастырь вкладу по своим душам, и данные на те земли дали», но «ныне теми землями владеют старые вотчинники»¹²².

Однако, за исключением этих ситуаций, земли, полученные в качестве вклада, оставались за монастырем. При этом не учитывалось время передачи вотчин монахам: ссылки на уложения 1580-х годов в тексте нет. Дозорные описания в Муромском у. приходятся на 70-е годы. Представленные писцам данные грамоты датируются также 70-ми годами. Тут же фигурируют 4 жалованных грамоты на села и озера 1588, 1590, 1591, 1592 гг. Впоследствии земля, на которую была подтвердительная документация, но не зарегистрированная в книгах крепостей «пожаловал государь в Троицкой монастырь по-прежнему»¹²³. Такой же «перебор» земель был произведен во Владимирском, Юрьево-Польском уу.

Итак, в 90-х годах правительство предпринимает принципиально новый шаг в отношении церковного землевладения, идя по пути частичной секуляризации, правда, достаточно робкой. Тем не менее показателен сам факт требования актов на право владения землей: ведь в уложениях 1580 и 1584 гг. специально оговаривалась неприкосновенность всех церковных владений, приобретенных до 1580 г. вне зависимости наличия на них крепостей: «Хотя которое место и не утверждено крепостями, и того у монастыря не выкупати и вперед с монастыри о вотчинах не тягаться». Все это лишний раз подтверждает компромиссный характер уложения 1580 г., которое не устраивало не только церковников, но и правительство. Правда, перепись троицких владений в 90-х годах наглядно продемонстрировала, что приговор 1580 г. сыграл свою роль, резко ограничив дальнейший рост монастырского землевладения. Документация, подтверждающая передачу вотчин от частных лиц в монастырь, почти вся датирована периодом до 1580 г. Исключений крайне мало. Бесспорным нарушением являлось владение сельцом Устье и д. Юреев во Владимирском у. по закладной 1580/81 г., фактическая передача которых состоялась в 1582/83 г.¹²⁴

В 90-х годах продолжается раздача земель некоторым обителям на Волге. В 1591 г. Толгский монастырь получил в Ярославском у. 300 четвертей. Менее щедро был «пожалован» в 1592 г. костромской Ипатьевский монастырь¹²⁵. Для этих «дач» характерна следующая особенность: духовные корпорации наделяются в основном пустошами. Стремясь ликвидировать последствия хозяйственного разорения, правительство передавало церкви в первую очередь заброшенные пустые земли, понимая, что ей легче наладить хозяйство, чем служилым людям. Тем самым как бы достигались две цели: удовлетворялись запросы церкви относительно роста ее владений, с другой стороны, создавалась предпосылка для вовлечения заброшенного, часто поросшего лесом перелога в хозяйственный оборот, но именно предпосылка, которая далеко не всегда становилась реальностью. «Убогие» обители порой не располагали необходимым запасом средств для освоения, заселения пустошей. Крупные духовные корпорации были не всегда заинтересованы в запашке всех своих земельных массивов, разбросанных в разных уездах страны, а иногда за тысячи верст от монастыря. В условиях продолжающегося кризиса и малолюдья расходы на подъем, освоение перелога в местах, где не было опорных хозяйственных комплексов монастыря, по всей вероятности, не оправдывались.

Итак, несмотря на некоторые достаточно робкие секуляризационные попытки правительства, церковь сохраняет за собой громадный земельный фонд и даже в некоторых случаях продолжает его наращивать. Законодательные акты о запрещении роста землевладений духовенства, принятые на соборах 1580 и 1584 гг., строго не соблюдались. Возможно, именно поэтому 7 апреля 1597 г. был издан новый указ, который зафиксировал статус-кво в феодальном землевладении. Именно эта дата (1597 г.) в сочетании с показаниями писцовых книг, а не 1580 г. рассматривается в конце XVII в. как грань, отталкиваясь от которой и решаются судебные тяжбы: в пользу церкви, если на 7 апреля 1597 г. спорная земля принадлежала ей; в пользу светских феодалов, если к этому моменту церковная земля была передана им в качестве поместья или же куплена ими у казны на правах вотчины. Вот как звучит изложение указа 1597 г. в приговоре 1683 г. «А в нашем великих государей указе и в боярском приговоре прошлого 191 июня в 20 день написано: за патриархом и за митрополитами и за монастырями прописаны вотчины, земли кои объявлята в писцовых и межах и границах, а иные за межами и за границами, — и те земли в писцовые книги написаны в порожних землях, а они на те земли положат старинные крепости. И такие земли справлять за ними по крепостям, буде те земли до указа 105 году апреля до 7 числа челобитчиком в поместье не отданы, и в вотчину не проданы. А буде те земли до того указа кому в поместье отданы или в вотчину проданы, и тем землям быть за теми людьми, кому они до того указа в поместье отданы или в вотчину проданы»¹²⁶.

По-иному сложилась судьба финансовой проблемы. Упорная и длительная борьба самодержавия с церковной организацией за возвращение правительственных прерогатив, за право реализации верховной собственности на землю в виде государственных повинностей к концу XVI в. окончилась достаточно успешно: тарханский иммунитет духовенства в том объеме, в котором существовал в рассматриваемое столетие, практически перестает существовать. Налоги с ранее отарханенных церковных вотчин поступают в государственную казну.

Основные государственные налоги последней четверти XVI в.

Финансовая политика русского правительства XVI в. принадлежит к категории сложных, многоплановых проблем и является ключом к раскрытию ряда важнейших социально-экономических процессов русского средневековья. В советской историографии сделано немало для понимания ее отдельных аспектов. Так, П. А. Садиков, А. А. Зимин осветили историю ~~создания и эволюции~~ ~~финансовых учреждений~~. С. М. Капшинов, Н. Е. Мосов, Б. Н. Флоря посвятили ряд своих работ изучению иммунитета. А. И. Копанев, П. А. Колесников, Г. В. Абрамович, а также некоторые другие ленинградские ученые собрали и проанализировали ценный материал о податной системе в северных и северо-западных районах страны.

Хуже обстоит дело с изучением размеров тягла в центральных уездах. Несмотря на то что в литературе отмечалась взаимосвязь хозяйственного разорения Русского государства 60—70-х годов с ростом податей¹²⁷, состав и величина основных платежей остаются неизвестными. Существуют две точки зрения относительно размеров государственных налогов в последней четверти XVI в. Н. А. Рожков считал, что в 50—80-х годах они достигали 42 р. с сохи (основной единицы обложения), а в конце 80-х—начале 90-х годов — около 151 р.¹²⁸ По расчетам же С. Б. Веселовского, с сохи к концу столетия собирали всего 13 р. 56 денег¹²⁹, налицо одиннадцатикратное расхождение. Методика работы Рожкова была подвергнута справедливой критике Г. В. Абрамовичем. Он отметил, что для дореволюционной историографии характерно смешение окладных единиц: на Севере и в Центре существовали разновеликие сохи. Крайне важно, что Абрамович попытался размеры денежных налогов связать с реальной ценностью денег и степенью тяжести государственных повинностей для крестьян. Сам он считает, что номинальный размер платежей в 1583 г. достигал 75 р. 15 денег, а в 1586/88 г. — 116 р. 85 денег¹³⁰. Цифры, выведенные Абрамовичем, ближе к данным Рожкова, ибо эти исследователи строили свои расчеты на основе материалов, относящихся главным образом к Северу и Северо-Западу страны.

Правомерен вопрос, можно ли закономерности эволюции податной системы и размеры государственных повинностей, выведенные Абрамовичем для Новгородского края, переносить на все уезды России. Сложность заключается в крайней узости источниковедческой базы. Если для изучения податной системы на Севере и Северо-Западе страны сохранился богатый комплекс платежных книг 70—80-х годов, то для центральных уездов по-прежнему актуально высказывание Веселовского, писавшего, что «ощущается большой недостаток в источниках: от XVI века до нас дошло прямо ничтожное количество их»¹³¹. Историки до настоящего времени оперировали разрозненными цифрами из кадастровых описаний, а также несколькими узкими грамотами и отписями о сборе налогов.

Тем большую ценность представляют податные тетради Иосифо-Волоколамского монастыря, в которых фиксировался сбор важнейших государственных платежей с зависимых крестьян. Сохранилось 6 податных тетрадей за 1581/82—1592 гг. Все они опубликованы¹³². Несмотря на большой интерес в советской историографии к учетно-хозяйственным монастырским книгам, податные тетради выпали из поля зрения ученых. Иосифо-Волоко-

ламский монастырь был одним из крупнейших землевладельцев. Владения его были расположены в ряде центральных уездов¹³³. Свою хозяйственную деятельность монастырь фиксировал в приходо-расходных книгах денежной казны, в росписях о сдаче пустошей в аренду, в оброчных тетрадах, в документах о выдаче «жалованья» слугам и детенышам и т. п. Вся эта учетная документация за год шивалась вместе, составляя том (реже — два тома). Однако в приходо-расходных комплексах 70-х годов XVI в., несмотря на их сохранность, податные тетради отсутствуют. Это не случайность. Почти все владения монастыря были освобождены от уплаты главных государственных повинностей, «отарханены» жалованными грамотами 1563, 1576, 1578 гг.¹³⁴ Следовательно, ранее отмены тарханов податные тетради не могли появиться в местных учетно-хозяйственных книгах. Начиная с 1581/82 г. государственные повинности собирались со всех ранее отарханенных вотчин Иосифо-Волоколамской духовной корпорации.

В каждой податной тетради содержится перечень примерно 50 хозяйственных комплексов (обычно село с деревнями), расположенных в 10 уездах. Лишь в немногих тетрадах указан истинный размер налога с сохи. Но, зная долю сохи, которой описано селение, и сумму денег, взимаемую с этой доли, можно вычислить приблизительный размер посочного обложения. Тетрадь 1581/82 г. состоит как бы из трех частей. Первая озаглавлена: «Книги данные девяностого году збора... с сохи по пол-30 рублей». Далее перечисляются села Волоцкого, Рузского, Московского уу. Последний лист утерян. На нем были, видимо, помещены Тверские владения. Вторая часть посвящена сбору полоняничных денег с этих же сел. Третья часть, наиболее своеобразная и интересная, носит необычное название: «Дворовые с сохи по пол-30 рублей против дани»¹³⁵. В ней упомянуты земли Дмитровского, Зубцовского, Клинского, Старицкого уу. С них также собирают полоняничные деньги, но в ином размере, чем в Волоцком, Рузском и Московском уу. Деление уездов на дворовые и недворовые соответственно с разными нормами обложения сохраняется и в тетради 1583 г.

В советской исторнографии много сделано для изучения политики Двора в последний период царствования Грозного. Работами П. А. Садикова, Р. Г. Скрынникова, С. П. Мордовинной, А. Л. Станиславского определен персональный состав «двора», установлено параллельное функционирование дворовых и земских приказов, финансовых органов. Однако до сих пор ничего не было известно о различиях в податной политике на территории разных уездов. Сведения податных тетрадей частично восполняют этот пробел. Они же содержат сведения о территориальных владениях Двора. Скрынников пишет: «Вопрос о земельной и финансовой политике Двора нуждается в специальном исследовании». Сам он на основании грамоты, составленной в марте 1577 г. для Кирилло-Белозерского монастыря и Разряда, в 1577 г. к территории, подведомственной Двору, относит следующие районы: Дмитров, Ростов, Пошехонье, Вологду, Поморье, Каргополь, окрестности Пскова (Себеж, Красный, Опочки), Псков (?), Двинскую землю, а также южные: Козельск, Белев, Лихвин, Перемышль. Что касается конца 70-х — начала 80-х годов, Скрынников, опираясь на реконструированный Станиславским текст боярского списка 1577 г., причисляет к дворовым уездам Старицу, Зубцов, Псков. Однако он высказывает предположение, что, возможно, «Двор рассматривался как особое войско царя, а не как

особые территориальные владения, в которых царь был удельным государем»¹³⁶. Податные тетради Волоколамского монастыря убеждают, что под Двором подразумевались территориальные владения, причем пользовавшиеся некоторым финансовым послаблением. Это Дмитровский, Зубцовский, Клинский, Ржевский, Старицкий уу. К Двору надо отнести также Ярославский у., который в начале 80-х годов ведался в Дворовом Дворце и в Дворовом Большом приходе, и Суздальский у., который был в 1579/80 г. «взят... во Двор, и по нашему указу велено стародубским князем за их вотчины деньги давати из нашей казны, а их вотчины велено в поместье роздавати»¹³⁷.

Основными государственными налогами в 80-х годах были ямские деньги и полоняничные, посошные деньги за наместничий корм. Дворовые земли при обложении денежными налогами оказывались в более привилегированном положении, чем жители остальной части страны. Так, в 1581/82 г. вотчинные крестьяне дворовых уездов платили только полоняничные деньги в размере 25 р. с сохи. Жители «земских» уездов, помимо полоняничных денег, выплачивали еще «дань». Общая сумма платежей достигала почти 39 р. с сохи. Судя по тетради 1583 г., разрыв в платежах еще более увеличился: разница составляла почти 2,5 раза (табл. 9). Однако особое положение «дворовых» земель отнюдь не ограничивалось уменьшением размера взимаемого налога. Возможно, гораздо большее значение имело освобождение этих уездов от уплаты дани. В литературе утвердилось мнение, что дани как разновидности специального побора не существовало. Веселовский писал, что наличие данных денег «как особого налога для поместных и вотчинных земель не может быть доказано»¹³⁸. Вслед за П. Н. Милюковым он полагал, что в большинстве случаев «данные деньги» являются собирательным термином для важнейших платежей, как-то: ямских, приметных и полоняничных денег, вместе взятых.

Но, помимо вышеуказанного значения, понятие «дань» имело, видимо, и другой смысл, обозначая специальный побор. В грамотах конца XV—начала XVI в. дань фигурирует в качестве особого налога: «Тем людям пришлым не надобя им моя, великого князя, дань, ни ям, никоторая тягль на 5 лет» (1519 г.), «а дают они с тех сел и деревень з году на год... за дань и за ям и за примет» (1513 г.), «не надобе ему с тое деревни моя князь Юрьева Ивановича дань и ям, ни посошный корм, ни иные никоторые пошлыны на 3 годы» (1516 г.)¹³⁹. Г. В. Абрамович обратил внимание на летописное сообщение под 1547 г.: «Того же лета и во всех городах Московские земли и в Новгороде хлеба было скудно. Те же зими царь и великий князь велел дань имати с сохи по 12 рублей и оттого крестьянам тягота была великая»¹⁴⁰. Надо отметить, что в дворцовых вотчинах дань всегда заменялась оброком («а оброку за дань») или же другими податями: «А за дань оброков на них не положено потому, что им давати ямские деньги и полоняничные» (Владимир, 1554/55 г.), «А за дань оброк на них не положен потому, что им платити ямские деньги и примет по разводу с сох, как коли где государь велит. Да им городовые дела делати и посошная служба служити» (Белозерск, 1564 г.). Формула («дают оброком за дань и за ям и за посошный корм и за все пошлыны») присутствует и в ряде жалованных грамот¹⁴¹. Все это позволяет предполагать, что под термином «дань» в XV—начале XVI в. подразумевался самостоятельный платеж. То же самое можно сказать о 60—80-х годах: понятие «дань» фигурирует во многих

Таблица 9. Нормы государственного обложения (на соху) *

Уезд	1581/82 г.		1583/84 г.	
	дань	полоняничные	дань	полоняничные
Волоцкий	25 р.	13 р. 92	25 р.	18 р.
Рузский	25 р.	13 р. 92	25 р.	18 р.
Московский	25 р.	13 р. 92	?	18 р.
Тверской	?	13 р. 92	?	18 р.
Владимирский	?	?	+	+
Дворовые				
Дмитровский	—	25 р.	—	18 р.
Зубцовский	—	25 р.	—	18 р.
Клинский	—	25 р.	—	18 р.
Ржевский	?	?	—	18 р.
Старицкий	—	25 р.	—	18 р.

* Таблица составлена на основе податных тетрадей Иосифо-Волоколамского монастыря: ВХК. 1978. С. 28—48, 57—64, 72—90, 97—104, 130—136.

Величина податей дана в рублях и деньгах.

источниках, хотя в некоторых случаях термин имеет собирательный смысл. В приходо-расходных книгах 1567/68 г. Кирилло-Белозерского монастыря возможно зафиксирована уплата дани в качестве отдельного налога. «Взято с Вашпанских 4 деревень и с починки с $\frac{1}{16}$ сохи... в цареву и великого князя дань». Тогда же собирают недоимки «в дани» за предшествующий год. Монастырь платил дань царю и в начале 80-х годов. Ту же картину наблюдаем и во владениях Соловецкого монастыря, который собирал со своих крестьян для уплаты в царскую казну «дань цренную» и «дань земную». «Данные деньги» платит в конце 70-х годов Корнильево-Комельский монастырь. В 1570 г. Павлово-Обнорский монастырь покрывает недоимку одного из своих крестьян: «Дано за Давыдову выть в дань 5 алтын»¹⁴². Но особенно важно свидетельство податных тетрадей Иосифо-Волоколамского монастыря, где «дань» как бы наделена чертами некоторой социальной приниженности: дворовые земли декларативно от ее уплаты освобождены.

Данью в прошлом облагали покоренные народы. Не символизировала ли она и теперь подчинение, покорность? Правительство намеренно подчеркивало отчуждение земских уездов от своих «дворовых». Ведь не случайно же, облагая «дворовые» земли теми же 25 р., что и остальную территорию, правительство специально оговорило, что речь идет не о дани, а о полоняничных деньгах. Будущие архивные разыскания, возможно, помогут ответить на вопрос, каким путем население «дворовых» уездов должно было «расплачиваться» за смягченное податное обложение и исполняло ли оно какие-либо повинности, не свойственные жителям земщины.

Рассмотрим податные оклады за последующие годы. Вопреки бытующему мнению о резком снижении налогов после окончания Ливонской войны размер тягла вплоть до 1589 г., видимо, держался примерно на том же уровне, что и в начале 80-х годов. Общая сумма налогов обычно приближалась к 35 р. с сохи (табл. 10). Сохраняется и некоторая неравно-

1587/88 г.		1588/89 г.	1589/90 г.	1592/93 г.
дань и поло- нянничные	охотничьи	дань и поло- нянничные	дань, полоняни- чные и охотничьи	ямские
24 р. 120	11 р. 52—100	22 р. 100	32 р. 100	10 р.
24 р. 120	10 р.—14 р.	22 р. 100	31 р. 120—33 р.	10 р.
24 р. 120	11 р. 136	22 р. 100	32 р. 64	10 р.
?	+	22 р. 100	+	10 р.
22 р. 100	?	?	+	?
24 р. 120	11 р. 56—14 р.	22 р. 100	32 р. 100— 36 р. 160	10 р.
+	11 р. 100	22 р. 100	35 р. 145	10 р.
22 р. 100	10 р. 16	22 р. 100	48 р.	10 р.
22 р. 100	10 р.	22 р. 100	32 р. 100	10 р.
22 р. 100	10 р.—14 р.	22 р. 100	32 р. 86—125 34 р.	10 р.

+ данный налог был взыскан с вотчинных крестьян уезда, но его величина нам неизвестна.
— данный налог в уезде не взимался. ? сведений о взимании или невзимании налога нет.

мерность обложения различных уездов. Клин, Ржев, Старица, Владимир платят несколько меньше, чем остальные уезды. Причину данного явления установить пока не удалось. Однако слагаемые тягла и их размер меняются. Исчезла дань в прежнем ее значении — как особый побор с земщины. Монастырский казначей собирает данные деньги со всех владений без различия уездов. В документах других духовных корпораций этот же налог часто именуется ямскими деньгами. Из источников мы узнаем, что величина полоняничных денег упала до 2 р. Такой размер они сохранили до конца столетия. Так, в 1587/88 и 1588/89 гг. Федоровский монастырь в Переяславле и Тереховский в Рязани заплатили приблизительно по 20 р. ямских денег и по 2 р. полоняничных¹⁴³. Общая сумма налогов (22 р.) почти совпадает с величиной данных и полоняничных денег, выплачиваемых в эти годы Иосифо-Волоколамским монастырем.

Вводится новый налог — деньги ямским охотникам на подмогу или прогоны. Источники чаще их именуют как охотничьи деньги. Данная повинность ранее в основном отбывалась в качестве «издельщины». Так, в 1579 г. ярославский Спасский монастырь давал с сохи по человеку «охотников», а «рядили де они по 70 р. человеку». Несколькими годами раньше в одном из актов перечислялись ямские повинности ярославского монастырского сельца: охотников поставить к Вокшерскому яму, денег им дать «на всякую ямскую стряпню», дворы поставить охотникам, «а двор де ямской их крестьяне ставили ж со всеми сохами поровну, что к Вокшерскому яму сох приписано». В середине 80-х годов, когда охотничья повинность была заменена деньгами (20 р. с сохи), помимо денег, с крестьян требовалась также «подмога хлебом»: по 15 чети ржи + 15 чети овса¹⁴⁴. К самому концу 80-х годов размер оклада охотничьих денег на соху снижается до 10 р. Надо отметить, что этот налог не всегда имел твердый оклад и взимался по разводу как среди уездов, так и внутри уездов. Крестьяне Волоколамского монастыря в 1587/88 г. платили с сохи от 10 до 14 р. У нас

Таблица 10. Изменение размеров основных налогов с сохи (в руб.) *

Налоги	1581/82 г.		1583/84 г.		1585 г.	1586 г.	1587/88 г.	1588/ 89 г.	1589/90 г.	1592/93— —1600 г.
	земщина	двор	земщина	двор						
Дань	25	—	25	—	—	—	—	—	—	—
Полонянич- ные	13,5	25	18	18	?	?	2	—	2	2
Данные- ямские					?	?	20—22	22,5	20	—
Охотничьи					20	20	10—14	?	10	10
Итого	38,5		43				32—38		32	12

* Таблица составлена на основе податных тетрадей Иосифо-Волоколамского монастыря, с привлечением материалов переяславского Федоровского, рязанского Тереховского, суздальского Покровского монастырей, а также на основе книги сбора охотничьих денег с Рославльского у. и других материалов: ВХК. 1978. С. 28—48, 57—64, 72—90, 97—104, 130—136; Катаев, Кабанов. № 60, 63, 73; Чтения ОИДР. 1916. Кн. 2. С. 8; АФЗХ. Ч. II. № 398; АЮ. № 209 (V, VI), 214 (III); РИБ. Пг. 1915. Т. 32. № 336, 339.

— данные налоги в уезде не взимались.

? — сведений о взимании или невзимании основных налогов нет.

нет данных по центральным уездам о величине других государственных налогов за 1585 и 1586 гг. Если же обратиться к Сольвычегодскому краю, то там в 1585/86 г. за дань, ямские деньги, городское, засечное, ямчужное дело и за приметные деньги Спасский монастырь платит с сохи 32 р.¹⁴⁵ Примерно такую же сумму выплачивает в 1587/88 г. Волоколамский монастырь. Следовательно, правительство стремится к нивелировке размеров платежа с сохи вне зависимости от состава повинностей.

Рассмотрим размер податей, приходящийся на новгородскую соху. Нами исследована платежница 1588 г., составленная на основании описаний Новгородских пятин¹⁴⁶. На обжу даже в пределах одной пятины падают разные суммы платежей, однако разница обычно редко превышает несколько денег. Если исходить из постулата, что в соху было положено 30 обжей, то с монастырской вотчины в Шелонской пятине Залесской половине с сохи платили около 51 р., а если учитывать только те основные налоги, которые приведены нами в таблице для центральных уездов, то сумма уменьшится до 45 р. Но, судя по платежной книге Деревской пятины, в соху клалось 24 обжи. В Деманском погосте подати взимаются не с обжи, а с $\frac{1}{24}$ сохи, при этом выясняется, что платежи с $\frac{1}{24}$ сохи = платежам с 1 обжи. Возможно возражение, что это произошло из-за мелкой доли сохи, но это не так: рядом селение описано $\frac{1}{32}$ сохи. Казалось бы, именно эту дробь следует приравнять к обже, однако оклады здесь ниже обжежных. В Деманском погосте с 24-обженной сохи взимать должны были бы 36 р. 120 денег, почти столько же, сколько и в центре страны. Думается, что неправы те историки, которые переводят местные окладные единицы в 800-четвертную московскую соху. Ведь и в центральных уездах соха была разновелика, завися как от качества земли, так и от социального статуса землевладельца, тем не менее к концу XVI столетия правительство собирает основные налоги в равном размере как с поместной, так и с мона-

стырской сохи. Приказной аппарат имел дело с *условно-поземельным обложением*, поэтому стремился по возможности к поравненному обложению сох в конце XVI в. Конечно, еще были не изжиты местные традиции. Вероятно, при равных окладах с разновеликих сох население центральных уездов могло нести дополнительные государственные повинности. Но тот факт, что в 1588 г. суммы платежей с московской и новгородской сохи почти совпадают, свидетельствует сам за себя.

Обращаясь к табл. 10, можно констатировать, что в первые годы после окончания Ливонской войны общая сумма поборов снизилась крайне значительно, хотя номинальная величина полонянничных и ямских денег резко упала. После 1589 г. в податной политике наметились серьезные изменения: оклады основных налогов стали стабильны. Охотничьи и полонянничные деньги составляли 12 р. с сохи. Общий размер платежей уменьшился почти в 3 раза. Помимо указанных налогов, население страны в течение всей второй половины XVI в. платило «кормовые деньги» («белый корм»), величина которых обычно была равна 1 р. 56 денег с сохи. Если к 12 р. прибавить 1 р. 56 денег, то перед нами результат, о котором писал Веселовский, — 13 р. 56 денег. Но эта сумма взималась лишь с 90-х годов XVI в.

Тяжелый податный пресс, давивший в течение нескольких десятилетий на население страны, не мог не сказаться на положении крестьян и на формах феодальной ренты. Крестьянство, вынужденное платить непосильные подати, продолжало нищать. В 1590 г. в хозяйстве Иосифо-Волоколамского монастыря находилось «в пусте» 900 вытей. Крестьянский бюджет был не в состоянии вынести двойные платежи: в пользу правительства

Таблица 11. Основные денежные платежи крестьян Иосифо-Волоколамского монастыря (в руб.)*

Год	Выти	Оброк	Деньги за аренду земель	Государственные налоги		
				собрано	недоимки	
					абс.	%
1574	364	112	—	—	—	—
1575/76	446	145,5	39,5	—	—	—
1580	512	186	49	—	—	—
1581/82	331	132,5	194,5	330	8,5	2,5
1583/84	—	—	—	366	16,5	4,3
1587/88	97	87,5	90	207,5	20,5	9
1588/89	—	—	112,5	293,5	33,5	10,3
1589/90	75	69	127	303,5	46,5	13,3

* Таблица составлена на основании учетной документации, опубликованной в ВХК. 1978. С. 1—111; 1980. С. 1—24, 85—107, 132—157, 182—204, 238—247.

Цифры в таблице округлены: число вытей дано без долей, а суммы поборов выражены в рублях, без денег.

— означает отсутствие сведений за данный год.

Источниковедческие замечания: Полученные цифры нельзя абсолютизировать не только потому, что за некоторые годы сохранились неполные данные. Часть оброка с удаленных сел тратилась на месте, и сведения об этом в учетную документацию центральной казны не попадали. Не учтены денежные поборы в пользу монастырской администрации. Достаточно велики скрытые недоимки. Столь же уязвимы суммы государственных налогов: в монастырских книгах записывались лишь основные поборы, некоторые монастырские комплексы в них почему-то не попали. Несмотря на это, достаточно очевидна тенденция распределения денежной ренты между государством и вотчинником.

и в пользу монастыря. Сохранившаяся документация по Волоколамской духовной корпорации позволяет проследить распределение денежной ренты между государством и монастырем (см. табл. 11). После отмены тарханов не позднее 1581/82 г. величина денежных поступлений в монастырь снижается. Сумма оброка в пользу монастыря к концу 80-х годов сократилась почти в 3 раза по сравнению с 1580 г. и была в 4,4 раза меньше денежных поборов, идущих в это время в пользу государства. Наметившаяся тенденция снижения сумм, поступаемых в монастырь с аренды пустующих земель, которые не облагались государственным тяглом, — показатель идущего разорения крестьян, у которых не стало денег для внеадельного землепользования.

Идущее разорение крестьян сказалось и на собранной сумме государственных налогов. Тетради сбора данных денег конца 80-х годов пестрят пометами: «крестьяне разбрелись», «взяты не на ком», «не взято с пустых долей», «не взято на бедных и на тех, которых дома нет». Растет и удельный вес недоимок с 2,4 % в 1581/82 г. до 13,3 % в 1589/90 г. (без учета скрытых недоимок). В начале 90-х годов правительство вынуждено было сократить ставки основных налогов.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС.**Локальные кризисные ситуации
на окраинах России
в 50—60-х годах**

Вторая половина XVI в. ознаменована длительным жесточайшим кризисом. Это явление уже давно привлекало внимание историков и было довольно популярным объектом изучения еще в дореволюционной историографии¹. Ход, особенности, степень интенсивности кризиса рассматривались главным образом на основе анализа новгородских материалов. Довольно хорошо сохранившийся комплекс новгородских писцовых книг позволял судить о хронологических рамках кризиса, его развитии, степени запустения края, социально-экономических сдвигах. Однако ни в одной из дореволюционных работ проблема кризиса не была изучена на основе сопоставления всех дошедших до нас кадастров Северо-Западного края. Это было сделано в советское время коллективом ленинградских историков, которым удалось показать различие в интенсивности разорения отдельных областей региона по наиболее важным показателям: убыли населения и сокращения посевных площадей. В обобщающем разделе А. Л. Шапиро сформулировал основные характеристики кризиса и его последствия². Крайне интересна попытка Г. В. Абрамовича вскрыть реальные доходы помещика и их источники в условиях хозяйственного разорения, показать преимущества усадебного хозяйства перед оброчной системой получения дохода с крестьян³.

Изучение кризиса на основе новгородских документов, помимо плюсов (комплексность источников, позволяющих вскрыть основные характеристики кризиса), имеет и некоторые отрицательные стороны. В силу специфичности района последствия хозяйственного разорения исследованы в основном для помещичьих хозяйств. Что касается других типов владений, то они изучены гораздо слабее. Между тем в литературе довольно стойко бытует мнение о том, что монастырские владения, будучи в экономическом отношении более сильными, были опустошены значительно меньше⁴. Главным же недостатком новгородских документов является региональная локальность. Мы имеем дело лишь с одним районом, причем окраинным и сильно пострадавшим в результате Ливонской войны. Переносить выводы, сделанные относительно Северо-Западного края, на всю страну, без дополнительных изысканий, довольно рискованно.

Н. А. Рожков был первым в дореволюционной историографии и, по существу, единственным, кто попытался дать количественные характеристики экономического разорения для всей страны, в том числе и для центральных уездов⁵. Им был использован большой комплекс всевозможных грамот, в том числе сотные грамоты, выписки из дошедших писцовых книг. Широта источниковедческой базы отвечает самым взыскательным совре-

менным требованиям. Но большой труд не дал должного эффекта: работа оказалась малорезультативной. Причина кроется в методике, примененной Н. А. Рожковым и, в частности, основанной на количественном процентном сопоставлении числа пустошей и починков в том или ином владении, волости, уезде. Подобный метод, хоть и дает некоторое представление о запустении земель, не может быть признан плодотворным на данном этапе развития исторической науки. Во-первых, как доказали советские историки, некоторое количество запустевших земель не только нормальное, но и необходимое условие ведения трехпольного севооборота⁶. Другое дело, что процент перелога при этом не должен быть высоким. При методе же Рожкова, этот процент нам неизвестен, так как мы имеем дело с единицами поселений (пустых или же только что возникших), а не с самой четвертной пашней. Во-вторых, поселения, как и пустоши, починки были неравнозначны по величине, поэтому подсчеты получаются крайне неточными, приближенными и лишают читателя возможности сопоставления данных по уездам, так как типы населенных пунктов могли быть разными. Нельзя не принимать во внимание и особенности «сошного письма»: в ряде случаев писцы в итоговый подсчет пустошей не включали заброшенные деревни (они шли под рубрикой «пустые деревни»), т. е. результат запустения реально был всегда выше, чем это получалось у Рожкова. Следовательно, его методика выявляет лишь наличие или отсутствие процесса запустения, *но не степень его интенсивности*.

Чтобы не возвращаться больше к вопросу о методике, имеющей крайне важное значение для получения количественных характеристик идущего процесса запустения, скажем несколько слов и о показателе соотношения пустых и жилых дворов. Этот показатель широко используется в исследованиях о кризисе второй половины XVI в. Однако всегда надо помнить о его очень относительном, приблизительном характере. Двор, оставшийся без владельца, быстро «огнивал» и разрушался. Кроме того, сруб мог быть перевезен в другое место или же продан, или же его материал шел на ремонт, постройку в соседних дворах, деревнях. В конечном итоге он мог быть просто растащен на дрова, что экономически было более выгодно, чем валить в лесу деревья, очищать их от сучьев, а затем заниматься их вывозом. При этом полученные дрова должны были какое-то время «вылежаться», высохнуть, прежде чем идти в дело. Поэтому пустые бесхозные дворы очень быстро исчезали. Схема такова: пустой двор → дворовое место → пустошь. Наличие пустых дворов в той или иной местности показывает не столько размеры запустения, сколько свидетельствует о том, что запустение этих дворов имеет сравнительно недавний характер.

Последующие работы (С. Ф. Платонова, Ю. В. Готье, Б. Д. Грекова и др.) привнесли мало нового как в фактическую, так и в теоретическую стороны изучения кризиса XVI в. Греков вообще не касался положения центральных уездов, ссылаясь только на новгородские материалы, при этом сужая масштабы, характер и последствия кризиса, трактуя последний только как хозяйственную разруху, вызванную частными причинами: войнами Ивана Грозного и опричниной. Следствием такой трактовки кризиса явилось то, что его изучением перестали заниматься в течение почти двух десятилетий.

Тем более значимо появление статей А. А. Зимина и С. М. Каштанова, посвященных датировке кризиса и его взаимосвязи с опричниной и феодаль-

ной рентой. Обе работы написаны почти одновременно, частично даже на одних и тех же источниках. В ряде случаев Зимин использует расчеты, сделанные Каштановым. Датируя начало кризиса 50-ми годами, оба автора подробно останавливаются на характеристике событий 50—70-х годов, в частности, на вопросе о взаимосвязи опричнины с хозяйственным разорением страны. Более поздний период (80—90 гг.) почти не отражен в их работах. В статье Каштанова наиболее четко очерчены ареалы поэтапного распространения кризиса: 50-е годы — Новгородский край и Север, первая половина 60-х годов — запустение распространяется на западные уезды (Можайск, Волоколамск), к 70-м годам кризис охватывает центральные и восточные области. Что же касается причин кризиса, то авторы, не вступая в открытую полемику, тем не менее приходят к диаметрально противоположным выводам. По мнению Каштанова, «основная причина разорения коренилась в погоне феодалов (особенно местного дворянства) за увеличением ренты». Теоретически сформулированный тезис не подкреплен соответствующим фактическим материалом. Одних его наблюдений над изменением клаузулы жалованных грамот относительно «людей и крестьян» явно недостаточно для столь ответственного вывода. Вернее, отсутствуют доказательства о причинно-следственной взаимосвязи этих явлений. Зимин считает, что главной причиной запустения был «рост податей», осложненный насилием опричнины, военными действиями и стихийными действиями (мор, голод). Автор специально подчеркивает, что ни смена форм землевладения, ни эволюция феодальной ренты не могли привести к хозяйственному разорению страны. Кризис вызвал ряд социально-экономических последствий, в том числе заставил правительство отказаться от опричнины. Последний вывод также оспаривается Каштановым. Согласно его теории, хозяйственный кризис предвораля введение опричнины: «Как в 1564 г. созданию опричнины предшествовало разорение северных и западных уездов, так и в начале 70-х годов XVI в. расширению опричнины предшествовало увеличение сферы хозяйственной разрухи»⁷.

А. Я. Дегтярев, выявляя закономерности сельского расселения на протяжении XV—XVII вв., касается и изменений, происшедших в период экономического кризиса, в том числе и в центральных уездах страны. Его выводы сводятся к следующему: 1. Запустение значительной массы поселений, особенно мелких деревень. 2. Угасание «починковой» колонизации. 3. Возрастание средней дворности удаленных деревень, что было вызвано существованием там небольшого (по сравнению с селами) повытного расклада. 4. Изменение в структуре зависимого населения за счет роста бобыльства⁸. Приведенный им материал подтверждает наблюдение, сделанное ранее Ю. В. Готье, что экономический кризис не был изжит к концу столетия и достигает своей кульминации в 10—20-е годы XVII в.

Суммируя вышеизложенные основные направления историографии, мы приходим к следующему заключению. Экономический кризис России второй половины XVI в. изучался главным образом на основе новгородских материалов. Что касается центральных и южных районов Русского государства, то они вплоть до настоящего времени представляли своего рода «белое пятно» для историков: неизвестна ни степень и глубина запустения земель, ни комплекс причин, вызвавших эти процессы в разных краях страны, ни детерминирующая роль той или иной причины в различных уездах,

ни зависимость уровня запустения от социального типа землевладения.

Предлагаемый раздел не может претендовать на полноту раскрытия проблемы не только из-за крайней фрагментарности сохранившихся источников, но и потому, что, как оговаривалось в введении, в книге не рассматриваются товарно-денежные отношения и рыночные связи, а без этого невозможно осветить многие аспекты проблемы, в частности перераспределение производительных сил в разных отраслях народного хозяйства. В основу работы положено изучение количественных изменений, происходящих на протяжении второй половины XVI в. в фонде посевных площадей и численности населения.

Экономические кризисы докапиталистических формаций всегда были *кризисами недопроизводства*, беспощадно сказывающимися на состоянии производственных сил страны. Среди многих признаков кризиса 70—80-х годов наиболее выделяются два: резкая убыль населения и громадное запустошение земель, которые, в свою очередь, повлекли за собой изменения во всей социально-экономической жизни страны, оказали влияние на все сферы общественной жизни. Появление кризисов обусловлено рядом неблагоприятных факторов как экологического характера (эпидемии, неурожай и т. д.), так и общественно-политическими явлениями (войны, разорительные государственные налоги, набеги кочевых народов и т. п.) на фоне недостаточно высокого уровня производства. Экономический кризис в разной степени поражал отдельные районы страны и социальные типы землевладения. Он имел свои пики и свои отливы.

В 50—60-х годах в некоторых уездах России (преимущественно окраинных) наблюдается крайне неустойчивое равновесие с наметившимися признаками запустения посевных площадей и убылью населения из-за неурожая, эпидемий, набегов кочевников, Ливонской войны. Особенно пострадал Северо-Запад, где, как установлено ленинградскими учеными, в некоторых пятинах население к середине века по сравнению с 1500 г. сократилось на 12—17 %. Налицо и значительные площади перелога. Однако отмечено, что процент запустения пашни не обгонял процент убыли населения⁹. Местные летописи и новгородские писцовые книги пестрят сообщениями о частых драматических ситуациях на Севере и Северо-Западе в 50-х годах XVI в. «А запустели лета 7058. Крестьяне сошли от голоду». Соловецкий летописец повествует о трагедии 1552 г. в Новгороде и Старой Русе: «Нача смертоносное повetrie быти в Великом Новгороде. И августа вельми сильнее от Семена дня до Николаина осеннего. Многие церкви без служб и быша на долго время. Всего погубило в Новгороде и Старой Русе 279 594. Перестало после 20 ноября 7061 г.»¹⁰

Эпидемия захватила и Псковскую землю: в 1551/52 г. «бысть мор велик в граде Пскове и по волостям, с 7 четверга октября до 7 числа положиша в скудельницу 4800 и покопаша; и после того в месяц и в 3 дни ноября до 9 числа положиша в новую скудельницу 2700 и покопаша. . . Мроша тогда многие простые люди железою. Бысть во граде плач неоутешимый. . . И в год, положили у скудельницах пол-30 тысяч, а по буям не вем колко число»¹¹.

Неблагоприятные условия на Севере: в 1549 г. «хлеб был дорог на Двине. . . и людей с голоду мерло много, в одну клали яму мертвых по 200 и по 300 человек». В черносошном Важском у. число запустевшей пашни

от общего количества посевных площадей в 1552 г. составляло 17,4 %. Писец констатировал почти полное запустение вотчин Архангельского и Николо-Карельского монастырей. В Двинском у. число пустых вытей составляло 10 %, а через 7 лет (в 1558 г.) — уже 40 %. В 1557/58 и 1558/59 гг. голод свирепствовал на Устюге: «по 2 годы был голод на Устюзе, пихту ели и траву, и стерво. И многие люди мерли»¹².

Напряженная обстановка была в южных уездах, непрерывно разоряемых в результате набегов кочевников. Так, в 1553 г. в рязанских владениях Богословского монастыря «запустили от татарские войны» 43 % селений. Такая же участь несколько раньше постигла территорию Боровского и Коломенского уу.: «от татар выжжено и вывоевано»¹³. Разрядные книги доносят до нас тревожную ситуацию, царившую на южной границе Российского государства. Ежегодно часть войск направлялась сюда, чтобы «против... недруга крымского царя Девлет-Гирея стояти и своих украинских городов оберегати». Столь же уязвимы были восточные уезды, соседствующие с Казанским ханством. Кроме того, в 1550/51 г. здесь началась эпидемия: «писали воеводы из Свиясково, что на люди пришла цынга и знаменем мрут люди»¹⁴. Следовательно, эпидемия 1551/52 г. не была локальной и поразила не только Северо-Запад, но и восточные окраины страны, а возможно, и некоторые центральные уезды. После падения Казанского ханства здесь началось восстание, во главе которого встали крупные татарские феодалы. Вскоре восставшие захватили не только значительную часть Левобережья, но и предпринимали набеги на Правобережье¹⁵. В 1556/57 г., по свидетельству летописца, «голод был по всем московским городам и по всей земле, а больше за Волжье». Англичанин Антоний Дженкинсон, побывавший в Поволжье в 1558—1560 гг., пишет, что там свирепствовали чума и голод, в результате которых «погибло свыше 100 тысяч. Такого мора не видели в этих странах». К приведенным им цифрам надо относиться критически; но можно поверить, что «пастбища теперь пусты», а в Астрахани он видел неубранные «трупы людей, умерших от голода и мора». В 1566/67 г. Казанский, Чебоксарский и Свияжский уу. подверглись нашествию небывалого количества грызунов, урожай был погублен: «Прииде... мышь малая с лесов, что тучами великими и поядоша на поле хлеб всякий и не оставиша не единого колоса. Да и не токмо по полям хлеб поядоша, но и в житницах и в закромах хлеб поядоша». В 60-х годах Девлет-Гирей неоднократно предпринимает набеги на южные районы России. В 1565 г. крымцы «многи волости и села повоевали меж Проньска и Рязани». Сожжен был и посад г. Рязани¹⁶.

Неблагоприятная хозяйственная конъюнктура продолжает действовать во второй половине 50-х и в 60-х годах на Севере, Северо-Западе и Западе страны, чему способствовали неурожай и эпидемии. В 1556 г. в Холмогорах «хлеб не дошел, в осень купили на Двине четверть по 22 алтына». В следующем году голод был «по всем московским городам и по всей земле», так как сильные дожди и ранние морозы погубили хлеб. Как раз на эти годы (1556—1558 гг.) приходится сильный всплеск цен на хлеб в Холмогорах, Вологде, Волоколамске¹⁷. Как результат неблагоприятных факторов на Двине резко сократился размер посевных площадей. По описи 1559 г. пустовало 40 % пашни, а по сравнению с 1552 г. количество обрабатываемой крестьянской земли уменьшилось вдвое. Запустение коснулось и Белозерского у. В волости Иванов Борок в 1557 г. перелог составлял 35 % всех

посевных площадей, а число пустых деревень — 30 %¹⁸. Положение осложнялось начавшейся Ливонской войной. Последующие годы, перемежаясь локальными вспышками эпидемий и неурожаями в условиях военного времени, еще более углубили хозяйственную «депрессию» в окраинных районах. В 1560 г. в Пскове «хлеб не родился». Через два года «было дождливо в сенокос и в жатву... А рожь худа родилась... А яровой хлеб был добр, да не дало обряжати хлеба, и ржи и яри, дождами». В конце 1563 г. опять-таки «дождь был до Рождества Христова (до 25 декабря), а снегу не было. От 9 декабря до 9 января дороги не было людям, и в городе все было дорого и хлеб дорог: по 11 алтын рожь». Далее псковский летописец сообщает, что такой погоды не было 90 лет. В 1565 г. «во Пскове и по волостем... по огородам черви капусту поядоша», то же случилось и с репой. В летописи утверждается, что такого на памяти не бывало. 1565/66 г. был неурожайным и для Новгорода¹⁹.

Характерно, что наряду с сетованиями на погодно-климатические бедствия, в летописях отмечается резкое возрастание государственных повинностей в связи с военными действиями. В том же Пскове жители обязаны были в 1560/61 г. поставить в сохи по 22 человека «и с лошадьми и с телегами под наряд». Человеку выплачивалось в месяц по 3 и по 3,5 р., итого шло свыше 66 р. с сохи в месяц. В 1563 г. летописец вновь отмечает тяжесть «посохи»: в месяц давали пешим по 2 р., а на лошади — по 5 р.²⁰ Тяжесть повинностей усугублялась неурожайными годами и эпидемиями.

В 60-х годах на Северо-Западе, как и ранее, продолжают пульсировать очаги эпидемий. В 1566 г. «появилось поветрие в Великом Новгороде в Шелонской пятине» и близлежащих местах. Спустя 16 лет, при описании 1581/82 г. Шелонской пятины причиной разорения, своего рода переломным годом, называют 7074 г. (1565/66 г.): «А запустели те деревни до Литовские войны, от лихово поветрия и от хлебного недороду 7074 году». Следовательно, сочетание эпидемии с неурожаями приводило к резкому демографическому спаду. Наряду с Новгородом, «лихое поветрие» в эти годы вспыхивает в ряде городов на западной окраине России: «в Полотцку, в Озеришах, на Невле, на Луках Великих, в Торопце. В Полоцку же и в Торопце и на Луках попы вымерли и не было кому мертвых погребати». 15 сентября 1566 г. пришла весть из Смоленска, «что сентября месяца появилось лихое поветрие: в городе в Смоленску и на посаде умирают многие люди знаменем... бесчисленно их померло. И многие дома затворилися, и церкви многие без пения были. Также и в уезде поветрие было немалое». Осенью же 1566 г. эпидемия проникает в Старую Русу и в Псков. В 1566/67 г. здесь устраивается «сторожка», чтобы не допустить распространение эпидемии в другие районы²¹. Писцовых материалов за этот период сохранилось сравнительно мало, поэтому уникальны сведения по Деревской пятине, обработанные ленинградскими учеными. Судя по составленной ими таблице, в 60-х годах непрерывно и очень быстрыми темпами идет запустение обжей, причем среди причин ежегодно фигурируют «мор» и голод. Но надо отметить и другой факт: на первое место среди причин запустения выдвигается разорение от податей²².

Следовательно, на протяжении 50—60-х годов в окраинных районах страны под влиянием природно-географических факторов (неурожай, эпидемии) или же общественно-политических причин (войны, опустошительные набеги соседних народов, рост податей) сплошь и рядом складывались

кризисные ситуации с убылью населения и запустением земель. Но они носили локальный характер и не оказывали существенного влияния на состояние экономики страны в целом. Поэтому относить нижнюю грань кризиса на 50—60-е годы, как это предлагают А. А. Зимин и С. М. Каштанов, вряд ли правомерно. Вместе с тем стагнация народного хозяйства в ряде окраинных уездов, занимавших значительную территорию, начавшаяся Ливонская война сделали экономику России крайне уязвимой, лишив ее даже тех незначительных запасов прочности, которые были ей присущи на данном уровне развития.

Этот же период (50—60-е годы) в Замосковном крае, основном ядре Русского государства, был довольно благоприятным для развития хозяйства. Судя по дошедшим до нас сотным грамотам, несмотря на встречающиеся заброшенные дворы, отдельные пустоши, нет данных, свидетельствующих о значительных запустениях в сельских местностях. То же самое можно сказать и о городах. Даже Серпухов, где неоднократно собирались русские войска перед контрнаступлением на татар, в 1552 г. производит впечатление цветущего города. В нем 623 двора, где проживали почти 800 семей, и только 21 двор оказался покинутым, что составляет чуть больше 3 %. Правда, в городе упоминается еще 122 места дворовых пустых, но то, что на них нет дворов, свидетельствует о давности происхождения «пустоты». При этом значительная часть «пустоты» приходится на бывшие окологородные слободы, которые к середине XVI в. утратили свое значение, сильно обезлюдели и были приписаны в тягло к посаду. На цветущее состояние города указывает и полное отсутствие заброшенных лавок и амбаров²³.

Можно с относительной долей уверенности предполагать, что несмотря на начавшуюся в 1558 г. Ливонскую войну, в центральных районах страны вплоть до начала 60-х годов не замечается признаков упадка. Скорее наоборот, данное десятилетие было временем быстрого прироста населения и увеличения посевных площадей. Так, во всяком случае, произошло в черной волости Высокое Коломенское у. Из сопоставления двух сотных (1552/53 и 1561 гг.) видно, что менее чем за десятилетие к ранее существовавшим 90 деревням прибавилось еще 19. Некоторые из них поставлены на селищах. Ряд пустующих селищ приписаны к деревням в пашню за счет разросшегося числа жителей. Общая численность всех дворов в волости увеличилась более чем в полтора раза (на 60 %). Перед нами уникальнейший документ о состоянии черносошных крестьян в центре России. Каждая деревня — это обычно родственно-соседская община, имевшая в распоряжении закрепленную общую пашню, положенную в выти, общие сенокосы, лес пашенный и непашенный. В 50-х годах окладной единицей являлась вся волость Высокое, в 60-х годах каждая деревня описана вытями и денежным оброком. Из кого состоят эти общины-деревни? В д. Софонове в 1552 г. 4 двора, в 3 из них проживают братья, в 1561 г. те же лица + 2 новых двора их детей. Д. Офонасово в 1552 г. — 2 двора двух братьев, в 1561 г. та же картина. Д. Осташково — 2 двора, в 60-х годах появилось 3 новых двора их детей. Д. Огарево — 3 двора, в 1561 г. из прежних остался один дворовладелец, зато в 6 дворах проживают их дети. В д. Горшковской жили три брата Титовы, к 60-м годам один из них умер, и дворовладельцем стал его сын. Остальные братья продолжали жить там же. В д. Поминово проживало 4 семьи: братья Поминовы и Ларюхины. Через 9 лет население удвоилось за счет

подросших младших братьев Ларюхиных и сыновей одного из Поминовых²⁴. Подобная картина наблюдается почти во всех деревнях волости Высокое: рост числа дворов в деревне-общине шел в основном за счет отпочкования подросших детей и братьев, т. е. данный процесс характерен не только для Севера (как принято считать в литературе из-за недостатка источников), но и в центральных областях России.

Достаточно благоприятная конъюнктура наблюдалась и на западе Замосковского края. От 1558/59 г. сохранилось описание трех станов Звенигородского у. Из 1211 единиц поселений, упоминаемых в итоговых данных по уезду, лишь 116 приходится на пустоши и селища, что составляет всего 9 % от общего числа. Исчезновение некоторых селений и появление новых вполне закономерный процесс. Вместе с тем если сопоставить между собой количество пустошей и починков, то перевес будет в сторону «нисходящей» линии (116 : 18)²⁵. Тем не менее хозяйственная жизнь в Звенигородском у. конца 50-х годов не обнаруживает необратимых признаков запустения или отлива населения. Данный вывод имеет немаловажное значение, так как предшествующие годы отмечены неурожаем на западе Замосковского края. На 1557/58 г. приходится подъем хлебных цен в соседнем Волоколамске²⁶.

В начале 60-х годов положение на Западе ухудшается в связи с затянувшимся здесь неурожаем, вызвавшим сильный отток населения в более южные районы. В 1560/61 г. «был глад велик в Можайске да на Волоке и в иных во многих городах. Много множество разыдеся людей из Можайска и из Волока на Рязань и в Мещеру и в Понизовы города в Нижний Новгород». Последующий затем поход Грозного из Можайска с ратью для взятия Полоцка еще более разорил край. Чернецы Иосифо-Волоколамского монастыря, основные владения которого лежали в Рузском и Волоколамском уу., обратились в 1563 г. к царю с просьбой о пожаловании им общей тарханно-несудимой грамоты, мотивируя это тем, что «вотчины монастырские запустело большы 300 вытей. А монастырь де у них в всем оскудел». Назывались и причины: 1. Взимание с монастырских крестьян государственных податей и исполнение ими повинностей наряду с тяглыми людьми. Причем на первое место выдвигалась ямская повинность: «в ямских слободах дворы ставят и с подводами на ямах беспрестанно стоят», что, видимо, было связано как раз с военным походом на Полоцк. 2. Разорению монастыря способствовало, по их словам, также малое количество угодий («ни лесу, ни рыбные ловли»), которые могли бы стать подспорьем при идущем упадке земледелия. 1 сентября 1566 г. «в Можайске на Добрейском яму явилося лихое поветрие: умирали люди знаменем. И государь царь и великий князь заставу и сторожу велел круг того места учинить крепкие: ис тех мест в Москву и в московские города пропускать не велел. Лихое поветрие утишилося»²⁷.

В 60-х годах признаки запустения намечаются на северо-востоке Замосковского края в Костромском у. Предшествующие неурожайные годы, охватившие север страны, могли затронуть и Костромской у. В 1561/62 г. количество перелога здесь в имениях Ипатьевского монастыря достигало 7 %, в Троице-Сергиевом — 3 %, в Симоновском — 14 %²⁸. Первое впечатление, что количество заброшенной пашни крайне невелико. Однако писцы отмечали *не весь перелог, а лишь давно заброшенные пустоши*. Речь каждый раз идет о «худой земле перелогом и лесом поросшей», где не сохранилось даже следов от

стоявших здесь некогда крестьянских дворов. В тех станах, где пустоши не упомянуты, ничего не сказано и о перелог. Писцы не учитывали пашню даже полностью опустевших деревень, не отделяя их от живущих. Так, в имении Симонова монастыря было «25 деревень с пустыми». По нашим подсчетам, монастырь имел 2 села + 15 деревень + 10 деревень пустых + + 1 починок пустой + 8 пустошей. 14 % пустоты касались только земель, лежащих в 8 пустошах. Если исходить из того факта, что на 17 жилых селений приходится 19 заброшенных, а соотношение крестьянских дворов жилых и пустых равняется 42 : 39, то следует допустить, что весь перелог во владениях Симонова монастыря достигал не менее 40 %. В Ипатьевском монастыре число запустевших селений составляет 17 %. Во владениях Троице-Сергиева монастыря нет пустых деревень (кроме пустошей), число же заброшенных дворов: 18 на 112 крестьянских жилых, т. е. пустые дворы составляли 13,8 %. Перелог был и в других церковных владениях, хотя и не отмечался писцами, так как там не было заросших лесом пустошей. В митрополичьем селе Вятское насчитывалось 7,5 % пустых дворов, а в костромском имении московского Спасо-Задворного монастыря, что на Крутицах, число пустующих крестьянских дворов + пустошей достигало 15,5 %²⁹.

Введение опричнины с ее «перебором» земель, военные неудачи в Ливонской войне еще более пошатнули экономику страны. Помимо названных причин, свою отрицательную лепту внесли неурожайные годы. Согласно соловецкому летописцу в 1567/68 г. «Глад был на Руси велик. Купили на Москве четверть ржи в 1,5 р.»³⁰ Тревожным симптомом была появившаяся тенденция к запустению в центральных уездах страны. В мае 1569 г. в вотчинах старицкого Успенского монастыря, расположенных в Тверском у., пустовала треть деревень, а в Кашинском и Старицком уу. — до половины. К 1568/69 г. относится описание Рузского у. В имениях Иосифо-Волоцкого монастыря пятая часть всех посевных площадей запереложена, а в некоторых селах заброшенная пашня превысила 30 %. В других монастырях дело обстояло лучше. В том же Рузском у. перелог у Троице-Сергиевской духовной корпорации достигал всего лишь 14 %, а у Ново-Девичьего монастыря и того меньше — 9 %. В то же время у Савво-Сторожевского монастыря запустевшая земля составляла 28 %³¹.

Порядочное количество запустевших посевных площадей приходится примерно на это же время в Коломенском у. Правда, мы пользуемся здесь далеко не совершенным методом ретроспекции, отталкиваясь от более поздней писцовой книги 1576—1579 гг. Писцы, стремясь дать более точное представление об описываемой ими земле, отделяли просто «перелог» от «перелога, кустарем поросшего». Причем речь идет о таком кустарнике (в некоторых местах он назван даже лесом), который требовал значительных сил и времени на раскорчевку, расчистку и превращение заброшенной земли в пашню. Для того чтобы пашня заросла таким кустарником, надо около 10 лет. Следовательно, сосчитав, сколько числится «перелога, кустарем поросшего» в конце 70-х годов, мы будем иметь приблизительную картину запустения на конец 60-х годов. В поместных землях перелог занимал 1/3 посевных площадей, в вотчинах — примерно пятую часть, в монастырских имениях — около 40 % (см. табл. 12). Казанский край еще только начинал осваиваться, в имениях помещиков почти нет крестьян³².

Итак, к началу 70-х годов в результате сочетания неблагоприятных

Таблица 12. Структура землевладения Коломенского уезда (в четвертях)*

Годы	Поместные			Пустые поместья		
	пашня	перелог		пашня	перелог	
		абс.	%		абс.	%
1577—1579	15 852	49 473	76	—	21 646	100
Конец 60-х годов (реконструкция количества перелога)		21 711	33		11 568	53

* Таблица составлена на основе подсчета итоговых данных по всем 19 станам и волостям (ПКМГ. Отд. I. С. 291—608).

социально-политических и природно-географических факторов экономика России крайне ослаблена. Окраинные земли государства переживают неоднократно кризисные ситуации: большое количество пашни в них запереложено, наблюдается убыль населения, нормальное воспроизводство в сельском хозяйстве нарушено. В конце 60-х годов появляются признаки запустения и в центральных уездах. Страна стоит накануне общего кризиса. Любое достаточно обширное бедствие, разразившееся в условиях военного времени на большей части территории России, должно было окончательно подорвать государственную экономику, вызвав трудно обратимые изменения. И такой удар приходится на самое начало 70-х годов.

Кризис 70—90-х годов

Начало 70-х годов было временем сильнейших потрясений для страны. Опустошительным смерчем по всей территории «Земли Русской» прокатилось «лихое поветрие», сопровождаемое к тому же в отдельных районах неурожаем и голодом. Это была одна из тех страшных эпидемий средневековья, которые возникали примерно один раз в 100 лет и оставляли после себя почти полностью обезлюдившие города и деревни, вызывая «депрессию» в народном хозяйстве. В литературе как исторической, так и медицинской данное событие отражено крайне скудно: неизвестен ни ареал распространения «мора», ни его хронологические рамки, ни масштабы последствий³³. Неясна и этимология эпидемии. Скорее всего, мы имеем дело с чумой.

Летописи того времени дружно отмечают на своих страницах появление этого грандиозного бедствия. «Того же году (7079) и на другой год на Москве был мор и по всем градом русским; и в осьмом — мор и глад», — сообщает Пискаревский летописец. Ему вторят остальные летописи, в том числе и местные. «Того же году 7078 мор был силен по всей Русской земли, а государь тогда жил в своем селе, в слободе в Александровской». «На Москве и по всей Русской земли был глад велик». В Волоколамском летописце читаем под 7078 г.: «Тое ж зимы была меженина велика добре на Москве, и в Твери, и на Волоце...», под следующим годом помечено: «Мор был добре велик»³⁴. Масштабы постигшего страну бедствия были столь велики, что не оставили равнодушными даже современников-иностранцев. Г. Штаден посвятил красноречивое описание событиям начала 70-х годов: «Был тогда великий голод: из-за кусочка хлеба человек убивал человека.

Вотчинные			Монастырские			Епископа и митрополита		
пашня	перелог		пашня	перелог		пашня	перелог	
	абс.	%		абс.	%		абс.	%
9 960	25 134	72	3 227	13 059	80	846	3 353	80
	7 315	21		6 553	40		1 117	27

А у великого князя по дворам, в его подклетных селах, доставлявших содержание дворцу, стояло много тысяч скирд необмолоченного хлеба в снопах. Но он не хотел продавать его своим подданным. И много тысяч людей умерло в стране от голода. . . К тому же всемогущий бог наслал еще великий мор. Дом или двор, куда заглядывала чума, тотчас же заколачивался; и всякого, кто в нем умирал, в нем же и хоронили. . . Чума усиливалась, а потому в поле вокруг Москвы были вырыты большие ямы, и трупы сбрасывали туда без гробов по 200, по 300, 400, 500 штук в одну кучу». И далее: «многие села и монастыри от того запустели»³⁵.

Сохранилось два послания Ивана Грозного, датированные октябрём 1571 г., в Кострому «на заставу» князю М. Ф. Гвоздеву-Ростовскому и Дмитрию да Даниле Салтыковым, которые, по всей вероятности, были посланы туда с целью локализовать очаг заболевания, не допустить распространения заразы по всему уезду. Грамоты пронизаны тревогой и не скрываемым раздражением царя. Из тех же грамот известно, что вопреки строящимся мерам к концу октября «поветрие мало тишеет» на посаде, да вдобавок «мор» распространился и по уезду. Распоряжения царя касались также Унжи и Галича³⁶.

К середине XVI в. существовал уже немалый опыт по борьбе с эпидемиями. Дворы, где появились больные, заколачивались, и туда под угрозой сожжения не допускались даже священники. Улицы, дороги, очаги вспышек инфекции крепились «засеками и сторожами частыми». Умерших хоронили не на кладбище, а вне города, в специально отведенных местах³⁷. Несмотря на это, эпидемия захватывала все новые и новые районы. Даже спустя ряд лет старожильцы в качестве главной причины запустения деревень, сел, городов называют «мор». По имеющимся сведениям, эпидемия охватила следующие уезды: Московский, Можайский, Владимирский, Суздальский, Ростовский, Муромский, Нижегородский, Свияжский, Каширский, Епифанский, Волоцкий, Тверской, Тотемский, Угличский, Костромской, Белозерский, Галичский, Унжу, Вологодский, Устюжский³⁸. Нет сомнения, что от эпидемии пострадали все центральные и северные уезды. В некоторых из них, лежащих к северу и северо-западу от Москвы, «мору» сопутствовал голод (Руза, Юрьев-Польский, Дмитров, Бежецкий Верх, Новгородско-Псковский край, Двина)³⁹. Возможно, что голод сопровождал «мор» по всем центральным, северным и северо-западным уездам: на 1568—1572 гг. приходится повышение цен на хлеб, рожь, овес, ячмень. Но в силу несоизмеримости человеческих

жертв, унесенных эпидемией, в памяти современников голод отошел на второе место перед «лихим поветрием».

Наряду с естественного географическими бедствиями происходили и неблагоприятные социально-политические явления: в мае 1571 г. состоялся опустошительный набег татар на Москву. Спасаясь от врага, в столицу съехалось «множество» людей из близлежащих станов. Большинство из них («им же несть числа») погибло в подожженной татарами Москве. Штаден красноречиво описывает это бедствие, указывая, что громадное количество народа задыхалось в дыму и не могло найти спасения даже в реке. Пожар 1571 г. был настолько опустошительным, что о нем помнили спустя почти 30 лет: в официальном уложении Федора Ивановича 1597 г. главной причиной отсутствия крепостей на холопов считался пожар 1571 г. («всякие старинные крепости в московский пожар в прошлом [70] 79-м году и иные пожары погорели»). Татары причинили значительный ущерб и другим городам и местностям: Туле, Серпухову, Кашире, Рязани, частично Рузскому у. Во владениях серпуховского Высоцкого монастыря села и деревни «зжены и воеваны». Жилой фонд дворов в 1571/72 гг. составлял всего 18 % от прежнего числа. 70 % дворов (свыше 303 дворов) было сожжено, 12 % дворов стояли пустыми. Их владельцы были убиты или взяты в полон. Пашня занимала всего 11 % всех посевных площадей, свыше 3412 четвертей лежало в перелог. Во владениях рязанского Богословского монастыря «в приход крымского царя в [70] 80 году» жилой фонд запустел на 32 %, в перелог лежало 43 % пахотной земли⁴⁰.

Значительно меньше пострадала Епифань. В ней монастырь Рождества Богородицы «сожгли крымские люди в приход крымского царя в [70] 79 год, а старцев всех крымские люди побили, а иных в полон поимали». Однако посад не производит впечатления столь большого запустения, как в выше-рассмотренном случае с Высоцким серпуховским монастырем. В 1571/72 г. на посаде было «крестьянских черных и пушкарских и затинщиковых и стрелецких и казатцких» 702 двора, да 190 мест дворовых, да 74 пустых двора, «вымерли в нынешнем в [70] 80 году»⁴¹. Итак, запустение охватило около 30 % жилого тяглого фонда, но неизвестно, к какому времени относится исчезновение 190 дворов: сожгли ли их татары в 1571 г. (о чем, скорее всего, была бы сделана соответствующая помета), или же они были заброшены значительно раньше. Для нас интересна другая цифра: 74 двора запустело в результате эпидемии. Следовательно, 9,5 % всех епифанских семей вымерло в течение одного только года. Процент же всех умерших был значительно выше, и во дворе, числившемся в «жилых», от всей семьи могли остаться 1—2 человека.

М. Н. Тихомиров выдвинул мнение, что от татар пострадала также Коломна. Но в писцовой книге 1577/78 г. нет никаких упоминаний о сожженных татарами дворах. Характерно также, что ризницы монастырей не разграблены: в них хранятся предметы из золота, серебра, украшенные драгоценными камнями, а также дорогие ткани (бархат, тафта, шелк). Видимо, в самом городе татары не были. Совсем иначе выглядит описание Каширского у. за эти же годы, где сплошь и рядом встречаются пометы: «сожгли татары»⁴².

Последствия неблагоприятных факторов сказались прежде всего на городах с их высокой плотностью населения. Некоторые из них на

какое-то время почти полностью выходят из строя как торгово-промышленные центры. В Муроме к 1573 г. запустело от «поветрия» 83 % дворов, бывших на посаде, не функционирует большинство лавок. Пустой стоит Кашира: сожжен посад и торговые заведения (104 лавки и 315 дворов), сожжена и крепость. В Коломне в 1578 г. было всего 12 тяглых дворов. Писцы, прибыв в Коломну, обнаружили на посаде явные признаки обветшания, запустения. На дворах князя Владимира Андреевича, Ивана Бельского «все хоромы ветхи», «хоромы и городьба огнили и обвалились». Не многим лучше обстояло дело и на государеве царском дворе, где «ворота развалились», «замет обалился». Ряд монастырских келий не заселены, монастырские ворота, изгороди «погнили», «обвалились». В Ямской слободе описаны пустые дворы и дворовые места, «а люди с тех мест вымерли». В слободке коломенского владыки число дворов сократилось вдвое. На треть убавилось лавок на посаде. Заброшенные церкви стоят «без пения» и сведений о них дать некому, так как «сторожилицы вымерли». Следовательно, ближайшей причиной запустения Коломенского у. была свирепствующая в этом крае эпидемия, унесшая множество жизней. Край обезлюдел. В этом и кроется причина столь малого числа тяглых дворов на посаде, факт, смущавший исследователей, в том числе и Тихомирова. Писцы регистрировали помимо 12 жилых дворов, «в пусе 249 мест дворовых». Да в 54 бывших черных дворах поселены были «черкашене». Итого ранее на посаде насчитывалось свыше 300 тяглых дворов, к моменту же переписи осталось менее 4 % прежних тяглецов⁴³.

Правительство предпринимает ряд мер для возрождения городских посадов, и в первую очередь Москвы. В XVI в. существовала практика «сведения» торгово-ремесленного люда из одного города в другой. Так, после падения Казанского ханства в Казань были переселены представители посадов других городов. Такая же политика была применена в отношении опустошенной теперь Москвы. Сюда сводятся на постоянное жительство наиболее крупные торговцы и ремесленники из Твери, Можайска, Двины и других мест. «Московский сведенец» тверетин Г. А. Тушинский занимался производством мыла и торговлей солью, а возможно, и рыбой. Об его богатстве свидетельствует тот факт, что в 1571/72 г. он передает в Троице-Сергиев монастырь каменный храм с приделом «своего сооруженья», а также «3 поварни мыльных... да онбар соляной». Из Можайска, судя по описанию 1595/96 г., было переведено в Москву не менее 5 семей. Часть из них сохранила за собой лавки в Можайске⁴⁴.

Сократилось число жителей и количество культивируемых земель в сельских местностях. В Васильцеве стане, примыкавшем к Московскому посаду, в вотчинах распаивалось всего 20 % всех посевных площадей, в поместьях и того меньше — 12 %. Столь же плачевная картина в монастырских и епископских владениях: 15 и 11 % (см. табл. 13).

Показательно очень небольшое число перелога, «поросшего лесом», да и то он приходится на порозжие земли, и очень немного — в монастырских владениях. Следовательно, разорение Московского края произошло в близлежащие годы. Причем Васильцев стан не представлял исключения. Наличие очень высокого процента пустоты в Московском у. 1573/74 г. подтверждается и другими источниками. Владения Иосифо-Волоколамского монастыря были расположены в двух других станах. В монастырском хозяйстве

Таблица 13. Структура землевладения Васильцева стана Московского уезда 1573/74 г. (в четвертях)*

Социальные типы земель	Пашня	Перелог		Всего земли
		абс.	%	
Поместные земли**	172	1305	88	1477
Порозжие поместья	—	962	100	962
Вотчинные земли	189	776	80	965
Порозжие вотчины	—	107	100	107
Монастырские земли	500	2932	85	3432
Порозжие монастырские земли	—	30	100	30
Епископские земли	41	351	89	392
Всего	902	6464	88	7366

* ПКМГ. Отд. I. С. 1—9.

** Ввиду утраты первых листов количество поместных земель и перелога в них реконструировано исходя из итоговых данных по всему стану.

Горетовского стана перелог достигал 87 %, а в Сурожском — 93 %. Вымерли «в поветрие» тронцкосергиевские рыболовы, промышлявшие по р. Воре. Довольно значительная пустота в 1571/72 г. наблюдается в монастырских владениях Рузского у. — 60 %⁴⁵.

В бедственном положении оказался Северо-Западный край, за исключением Заонежских погостов. Здесь к морю и голоду присоединился карательный поход Ивана Грозного на Новгород, сопровождавшийся массовыми репрессиями и грабежами. Исследователи уже давно отметили усугубляющую роль опричнины в народнохозяйственном кризисе. Многочисленные казни как представителей класса феодалов, приказных людей, так и простых крестьян, слуг; вошедшие в обычай грабежи опричниками земцев; «перебор» земель, в результате которого менялись владельцы имений, рвались налаженные хозяйственные связи — все это подрывало и без того обескровленную экономику страны. «Царь учинил опричину и оттого бысть запустение велие Русской земли», — записал псковский летописец⁴⁶.

К 1573/74 г. стихает эпидемия, уходят в прошлое голодные годы, официально провозглашается отмена опричнины, но запустение не только не приостанавливается, но продолжает набирать темп. В имении рязанского Богословского монастыря в 1572/73 г. пустые дворы составляли 32 %, перелог — 43 %. В 1574/75 г. — соответственно 80 и 88 %. В вотчине И. Ю. Грязного в Бежецком Верху в 1573/74 г. перелог занимал 70 %: «и та де его вотчина запустела от хлебного недороду и от поветрия». По дозору 1576/77 г. пашня сократилась в 3 раза (со 100 четей до 32) и составляла 9,6 % от всего массива посевных площадей. Еще более разительный упадок наблюдаем в помещичьих хозяйствах Московского у., где в 1573/74 г. с учетом выморочных владений запашка занимала 7 %, а в 1576—78 г. — 1,8 %⁴⁷ (см. табл. 14).

Таблица 14. Помещичьи земли в Московском уезде в 1576/78 г. (в четвертях)*

Стан	За помещиками		Порозжая		Всего земли	Перелог, %
	пашня	перелог	пашня наездом	перелог		
Шеренский	33	917	133	2380	3463	95,2
Бохов	30	3020	—	200	3250	99
Радонеж	10	1464	—	1650	3124	99,7
Манатын	21	929	—	1360	2310	99,1
Васильцев	75	1425	—	—	1500	95
Кошелев	30	2430	—	50	2510	98,8
Объезжий	—	1450	—	600	2050	100
Итого:	199	11 635	133	6240	18 207	98,2

* Таблица составлена на основе итоговых подсчетов писцов. Расчеты сделаны в переводе на «добрую землю». ПКМГ. Отд. I. С. 11—53. Мы исключили Почернев стан в силу его крайнего своеобразия. Необходимы дополнительные изыскания о времени его описания.

Общий процент запустения в помещичьих хозяйствах достиг 98,2 %. Есть основания считать, что в 70-х годах в Московском у. поместное хозяйство как система перестало существовать. Более высокий процент запустения поместных земель (98,7 %) известен в русской истории XVI в. только в Деревской пятине 1582/83 г., и то авторы коллективного труда считают, что процент пустоты был несколько завышен в связи с переходом на единую обжу, равную 10 четвертям⁴⁸. Правда, возможно возражение, что столь низкие цифры московского помещичьего землевладения получились в результате источниковедческого просчета, так как в книгах «отдела» 1576—1578 гг. могли найти отражение не все помещичьи владения, бывшие в стане, а только вновь образовавшиеся, с еще не налаженным хозяйством. Думается, что для таких сомнений нет достаточных оснований. Фонд земли в размере 2—3 тыс. четвертей в стане (см. табл. 14) достаточно велик, чтобы включать в себя все поместные земли. Примерно такое же количество поместных земель на стан приходится и в Коломенском у. 1577/78 г. Кроме того, возможны сопоставления с другими описаниями Московского у. В Васильцеве стане в отдельных книгах 1576—1578 гг. на фонд поместных земель приходится 1500 четвертей — наименьшая цифра из всех описанных станов. Но эта же цифра (1477 четвертей) фигурирует в книгах письма и меры 1573/74 г. (см. табл. 13), когда описывалась *вся* владельческая земля⁴⁹.

От конца 70-х годов сохранились также писцовые книги по Коломенскому и Каширскому уу. Коломенская писцовая книга 1577/78 г. представляет с точки зрения изучения кризиса больший интерес. Это был издавна густонаселенный район, где представлены разные типы социальных владений, район сильно тяготеющий к центру, поэтому остановимся на анализе его состояния в годы кризиса более подробно. Книга состоит из описания города и уезда. Тексту последнего предшествует заголовок: «Книга Коломенского уезда письма и меры Данила Петровича Житова да Федора Комынина с товарищи лета 7086 году». Однако работа «мерщиков» отнюдь не закончилась в указанные сроки и продолжалась еще один—два года, о чем свидетельствуют пометы о пожаловании поместных земель: «по даче 87 году», «за приписью дьяка Якова Витофтова 87 году»⁵⁰. Следовательно, материалы

по уезду относятся приблизительно к 1577—1579 гг. К тексту этой книги неоднократно обращались как советские, так и дореволюционные историки. В. И. Сергеевич, С. Б. Веселовский на основании отдельных вкраплений в текст сведений о сошном окладе пытались определить размер сохи. М. Н. Тихомиров отмечал наличие в уезде большого числа старобоярских вотчин и владений крупнейших духовных корпораций. На основании описания города он реконструирует топографию крепости и посада. Так же как и его предшественники Н. Д. Чечулин, С. Ф. Платонов, П. П. Смирнов, М. Н. Тихомиров обратил внимание на ничтожное количество в городе посадского населения⁵¹. Для характеристики хозяйственного разорения страны публикация коломенской книги была впервые привлечена Н. А. Рожковым. Взяв из итоговых подсчетов писцов 3 показателя (количество деревень, пустошей, починков) и сопоставив их между собой, он получил следующее соотношение: пустошей — 46,4 %, починков — 0,7 %. Отсюда им сделан вывод, что убыль населения не достигает здесь очень большой степени. Вычисленное Н. А. Рожковым процентное соотношение было повторено в книге В. И. Корецкого⁵².

В уезде основная часть владельческой земли приходилась на поместный фонд (61 %). Затем шли светские вотчины — 24,6 %, и имения, принадлежавшие духовенству, — 14,4 %⁵³. Четвертая часть поместий относилась к числу выморочных, бесхозных. Стремясь вернуть их в народнохозяйственный оборот, правительство поручило «мерщикам» одновременно с описанием уезда, испомещать на пустующих землях служилых людей. Одной из основных целей описания был учет пустующей земли для срочной раздачи ее «новикам». Об этом свидетельствует тот факт, что «мерщики» во всех поместьях, в том числе и бесхозных, подсчитывали итоговые данные сразу в двух измерениях: «реальное» число четей плохой или средней земли обязательно «коабрировалось», т. е. весь поместный фонд уезда был выражен в единой системе числений. Тем самым центральные органы сразу могли ориентироваться, каким количеством земли они располагают в Коломенском у., и без дополнительных выкладок быстро выделить в счет оклада те или иные пустующие имения. Одновременно подобная инвентаризация показывала, какое количество служилых людей должно было быть выставлено с уже розданной земли, что было крайне важно в условиях ведения Ливонской войны. Однако пустые незаселенные земли мало прельщали «новиков». «А по государеву наказу и в памяти за приписью диака Игнатия Зубова 87 году февраля в 20 день написано: по приговору бояр кн. Ивана Федоровича Мстиславского с товарищи да диаков Ондreja да Василья Щелкаловых велено те порожние земли коломничам беспоместным новиком давать в их оклады. А льготы им дати в государевых податях в дани и в посохе, oprичь городского дела, для пуста на 8 лет. А где земля худа и безугодна, и тем дати на 10 лет. А им в те урочные лета в тех порожних землях дворы ставити и пашня распахати. А на хоромную ставку велено давать денег на 100 чети по 2 рубля, и пошлин с переложные земли имать не велено. И коломничи дети боярские новики беспоместные тех порожних земель в поместья в раздачу не емлют за пустом»⁵⁴.

Опасения новиков брать пустоши были вполне обоснованными. Как показывает коломенский приправочный список $\frac{3}{4}$ земель, числившихся за помещиками, оставались лежать «в пусе». Правда, пустые и живущие земли

клались теперь в сохи раздельно, т. е. государственные налоги с основной «пустоты» не собирались. Однако мы не располагаем сведениями, что подобная же ситуация была распространена и на службу государю с земли. Если оставалось в силе старое положение «О службе с оклада», то «среднестатистический» помещик с окладом в 100 четей в действительности получал доходы лишь с 25 четей. Даже при наличии денежного довольствия полученных средств могло хватить на обмундирование и на прокорм себя, семьи, но отнюдь не на воспроизводство и восстановление хозяйства, на вывоз крестьян с соседних земель и выдачу им денежной подмоги, денежной ссуды. Налицо крайне неблагоприятные предпосылки, мало способствующие выходу из хозяйственного разорения. Еще в худшем положении оказывались новики, которые должны были начинать хозяйство чуть ли не с нулевого цикла, получая заброшенные нежилые земли.

Несколько лучше обстояло дело в вотчинных землях. И хотя общий показатель запустения в вотчинах по всему уезду по сравнению с поместными ниже всего на 4 %, тем не менее почти во всех станах довольно четко прослеживается тенденция: отлив населения из вотчин шел более замедленными темпами. В отдельных случаях уровень запустения снижается до 50 %, а иногда и того ниже: в волости Холм — 32 %, в Усмерском стане — 26 %. Возможно, не последнюю роль при этом играла более прочная и длительная связь между феодалом и зависимым населением, «радение» в устройстве своей земли и другие факторы.

В имениях, принадлежащих духовенству, наиболее высокий процент запустения — 80 %, хотя, казалось бы, экономически сильным владельцам легче преодолеть разруху, наладить хозяйство, призвать и ссудить деньгами крестьян. В Коломенском у. находились владения двух групп монастырей: местных и знаменитых московских обителей. К последним мы относим: Чудов монастырь, Троице-Сергиев, Симонов, Данилов, Спасский, Николы Угрешского. Их земли были разбросаны чуть ли не по всей стране. Хозяйственное освоение земельных богатств было различно порой даже в пределах одного района. Все вышеперечисленные московские духовные корпорации в конце 70-х годов не запереложили полностью принадлежащие им владения в Коломенском у. Мало того, процент распаханых земель в ряде имений даже несколько выше, чем вычисленное нами среднестатистическое соотношение для всего уезда. Такова запашка (20—30 %) Чудова, Данилова, Спасского монастырей, а также во владениях митрополита и спасского протопопа. В имениях же Троице-Сергиева и Златоустского монастырей она достигает даже 50 %. Хуже обстоит дело в Симоновском и Николы Старого обителях, где пашня занимает лишь 10 % земель. Следовательно, крупное московское духовенство, несмотря на большое количество имений, разбросанных в разных районах страны, считало нужным поддерживать хозяйство на каком-то минимальном уровне, чтобы полностью не запереложить земли. Исключением является лишь Богоявленский монастырь, все владения которого в Коломенском у. были заброшены.

По-другому складывалась судьба имений местных сравнительно небольших коломенских обителей. Казалось бы, кто, как ни они, были заинтересованы в интенсивном освоении коломенских земельных массивов, от чего в конечном итоге зависело их благосостояние. Между тем большинство вотчин монастырей (Голутвина, Бобренева, Пречистые Брусеный) забро-

шено, запущено в перелог. Редко, где запашка поднимается выше 10 %. В некоторых станах ее вообще нет.

В столь же плачевном состоянии находились монастырские вотчины в Каширском у. Кашира представляла сравнительно молодой район заселения. Это в основном край поместного землевладения, сильно пострадавший в начале 70-х годов как от эпидемии, так и от татар и так и не оправившийся после этого. «Дворы пожгли татарове в [70] 79 г., а крестьяне померли в лихое поветрие, а иных поимали татарове в полон. А иные люди разошлись в Каширский уезд по селам и по деревням и по иным городам»⁵⁵. В 1578/79 г. из 95 149 четвертей ранее окультуренных земель 63,4 % были запущены в перелог. Основной земельный массив (96,4 %) составляли помещичьи земли. Оставшиеся 3,6 % земли находились в руках духовенства. Светских вотчин, судя по писцовой книге, в Каширском у. не было. Наименьший процент запустения приходился на помещичьи хозяйства — 62 %, наибольший — на монастырские земли. Причем даже в отарханенных монастырских хозяйствах, которые были освобождены от уплаты государственных налогов, запустение занимает большую площадь, чем у помещиков (см. табл. 15). Данный момент достаточно неожидан, если учесть существующее в литературе мнение относительно того, что монастырские земли меньше пострадали от кризиса, чем другие социальные типы землевладения. Это наблюдение имеет и важное методическое значение. Характеризуя степень запустения, историки в силу специфичности дошедших до нас источников вынуждены оперировать главным образом данными монастырских хозяйств. Следовательно, если вывод о большей запустошенности земель духовенства по сравнению с другими владениями подтвердится, то при характеристике количественных показателей кризиса необходимо будет более осторожно обобщать те показатели, которые почерпнуты из монастырских материалов.

Относительно количества перелога в монастырских вотчинах других регионов, имеются следующие показатели: Троице-Сергиев в Муромском у. — 36 % (1571—1573 г.), в Суздальском у. — 60—64 (1574—1578 гг.), в Юрьев-Польском у. — 18 (1578 г.); Новодевичий в Бежецком у. — 39 (1573/74 г.); Вознесенский в Галицком у. — 33 (1578 г.); Иосифо-Волоколамский в Зубцовском у. — 26 (1571/72 г.), в селах Белково, Скирманово и некоторых других Рузского у. — 60—65 (1571/72 г.), в Московском у. — 87—93 % (1573/74 г.)⁵⁶.

Что касается дворцового хозяйства, то в тверских имениях Симеона Бекбулатовича в 1580 г. пашня в большинстве станов и волостей не превышала 30 % посевных площадей. Две трети земель были запустошены. В половину сократилось число поселений⁵⁷.

Таблица 15. Структура землевладения Каширского уезда в 1578/79 г. (в четвертях)*

Окультуренная земля	Поместные земли	Выморочные поместья	Монастырские земли	Отарханенные монастырские земли
Пашня	33652		190	949
Перелог	54196	3897	619	1646
%	61,7	100	76,5	63,4

*ПКМГ. Отд. 2. С. 1536, 1537.

Итак, в 70-х годах налицо два крупных центра кризиса: Северо-Запад и Центр Замосковского края. Достаточно сильно были разорены и некоторые уезды, примыкавшие к южной границе Замосковского края. И если разорение Псковско-Новгородского края имело достаточно длительный «подготовительный» период (неурожай, эпидемии 50—60-х годов), то запустение Московского у. достигло критического состояния за достаточно короткий отрезок времени. Темпы сокращения пахотных земель опережали (порой намного) количество запустевших селений, дворов. Как показал Дегтярев, убыль населения сопровождалась исчезновением большинства мелких селений⁵⁸.

Почему же после окончания эпидемии запустение не только не пошло на убыль, но продолжало увеличиваться? Эпидемия изменила половозрастной состав населения, породила большое количество неполных и бездетных семей, нарушила родственно-соседские связи в деревне и тем самым привела к деформации общины. Неполная семья, лишенная частично или полностью взрослых мужских рук и помощи соседей, была не в состоянии распахать надел в прежнем объеме. Наиболее молодые и сильные, не обремененные детьми, уходят в другие края, за пределы уезда. Нарушение (в результате главным образом эпидемии) нормального воспроизводства населения привело к тому, что *нарастание экономического кризиса на какой-то период стало необратимым*. На демографические факторы наложился (а в значительной степени и предшествовали им) неблагоприятные социально-политические обстоятельства. Военные неудачи в Ливонской войне, резкое сокращение работоспособного населения и сельскохозяйственной продукции вынуждали правительство непрерывно увеличивать податной гнет. Кроме того, в 60-х годах писцы клали в соху не только живущую, но и пустую пашню вместе. Понятно, сколь разрушительную силу приобрела подобная практика в условиях начинающегося запустения. Чем выше был удельный вес перелога в сохе (т. е. именно в тех селениях, где уже наметилась неблагоприятная тенденция сокращения посевных площадей), тем более жесткий гнет налогов обрушивался на оставшееся население, усиливал его разорение, подрывал его способность к воспроизводству. И хотя правительство не позже 1573 г. меняет принципы сошного письма, отделяя пустые сохи от живущих, описания всегда отставали от быстро развивающегося процесса запустения. Челобитные тех лет пестрят жалобами на то, что «крестьяном чинятся убытки и продажи великие», «государевы ден подати. . . емлют з живущего за пусто». Показательна история упоминавшихся выше двух рузских сел Иосифо-Волоколамского монастыря. По описанию 1568/69 г. в хозяйственном комплексе Белково перелог занимал 35 % ранее окультуренной земли, а в комплексе Скирмайново — 30 %. Эти показатели были значительно выше, чем в других селах этого же монастыря. Понятно, что крестьяне вплоть до 70-х годов должны были платить за эту «пустоту» государственные налоги. Вероятно, именно поэтому ситуация в этих селах впоследствии особенно тяжелая: в 1571/72 г. перелог достигал в Белкове 60 %, а в Скирмайнове — 65, в 1583/84 г. соответственно — 93 и 89 %. Г. В. Абрамович правильно отметил, что кризис сопровождался сознательным отказом крестьян от обработки тяглой земли⁵⁹.

Правительство, не осознав качественно новый этап «депрессии» в народном хозяйстве, первоначально попыталось действовать привычными мето-

дами, выдавая льготные грамоты, освобождавшие население того или иного имения на несколько лет от основных государственных повинностей. В конце 70-х годов в Московском у. начинается продажа пустующих земель в вотчины⁶⁰. Одновременно предпринимаются энергичные меры для ликвидации массива пустующих поместных земель путем раздачи их «новикам» и увеличения окладов помещикам.

Монастыри, располагая значительными денежными средствами от вкладов, пожертвований, были той прослойкой феодалов, которая имела реальные возможности быстрее прочих землевладельцев наладить хозяйство. В литературе уже неоднократно отмечался факт выдачи большого количества тарханных грамот в 70-е годы XVI в. Не могло ли здесь среди прочих причин сыграть роль и то обстоятельство, что правительство, пытаясь найти выход из кризисной ситуации, обелило монастырские владения, тем самым создавая стимулирующие условия для освоения и разработки колоссального количества пустующих земель. Царский двор не мог не понимать, что в момент всеобщей разрухи только духовные магнаты могли, вложив крупные суммы денег в хозяйство, сравнительно быстро (в более сжатые сроки, чем остальные) восстановить его прежний уровень. Однако этого не произошло. В соборной грамоте 1580 г. не случайно появился абзац, где на разные лады повторяется одна и та же настойчивая мысль: «Села и пожни или иная угодия земленая, яко же по священным епископиям и по святым монастырем в пустошь изнуряютца», «многая ж в запустения приидоша и яко же убо по монастырем сия запустеваху». Теперь, когда мы знаем реальные цифры запереложенных земель во владениях духовенства, вышеприведенные слова, которыми, по существу, открывается грамота, теряют чисто риторический налет, обретая конкретную тревожную плоть. Если присоединиться к общепринятому мнению, что треть земельного фонда находилась в тот момент в руках духовенства, да при этом подавляющая часть земель была запереложена и тем самым изъята из экономики страны, станет понятна острота и злободневность решающихся на соборах 80-х годов вопросов. Без введения в хозяйственный оборот заброшенных пустующих земель страна не могла покончить с последствиями кризиса.

Но резкое расширение пахотных угодий, освоение всех накопленных земельных богатств должны были повлечь за собой коренную ломку, перестройку привычного монастырского уклада. Помимо больших затрат на заселение крестьянами пустующих массивов, выдачи им ссуды, семян, подчас инвентаря, что само по себе требовало и немалых денег, и больших организационных мероприятий, и преодоления ряда объективных трудностей, вставал вопрос и о реализации полученной продукции, т. е. речь шла о превращении потребляющего хозяйства в товаропроизводящее. И хотя по размерам земельных угодий, сосредоточенных в руках церкви, для такого превращения имелись налицо реальные предпосылки, духовенство предпочитало вести хозяйство по старинке: основные денежные поступления вкладывались не в расширение собственного хозяйства, а в покупку необходимых им предметов потребления на стороне.

Не позднее 1581/82 г. явочным порядком отменяются тарханы. Правительство начинает взимать подати с монастырских крестьян, значительная часть которых благодаря тарханам ранее находилась на более привилегированном положении, чем другие социальные группы земледельцев. В 1583 г.

заканчивается Ливонская война. Но экономический кризис не только не прекратился, но и усугубился, захватывая новые районы и новые социальные слои крестьянства (ранее отарханенные монастырские земледельцы).

В 80-е годы насчитываются по крайней мере четыре центра кризиса: Северо-Запад, Центр, Среднее Поволжье, Вологодский у. До нас дошла писцовая книга 1584—1586 гг. Тимофея Хлопова, охватывающая часть московских станов. Несмотря на крайне плохую сохранность приправочного списка и ряд погрешностей, допущенных издателями, данные этого описания могут быть сведены в таблицу. Из 109 тыс. четвертей⁶¹, описанных Тимофеем Хлоповым, фонд поместных земель занимал 35,8 % всей площади (39 234 чети), 22 % приходилось на владения светских вотчинников (24 189 четей), 42,2 % земли (46 216 четей) находилось в руках монастырей, митрополита, суздальского епископа (см. табл. 16). И почти вся эта земля была запереложена. Пашня по уезду составляла 13,4 % от общего количества посевных площадей. Это, правда, выше, чем в Новгородском крае, где жилые обжи в 80-е годы занимали всего 5,6 %⁶². Но в то же время 13,4 % всей культивируемой земли — достаточно выразительное свидетельство разорения, упадка сельского хозяйства вокруг столицы. Причем из указанного числа пашни на долю помещиков приходилось всего 1 % (в 1578 г. — 1,8 %), вотчинники запахивали 3,2, духовенство — 8,2 %. Оставшийся 1 % падает на оброчную запашку. В 1587 г. как раз после окончания описания Московского у. правительство предпринимает новую попытку испомещения служилых людей под Москвой⁶³. Почти 85 % фонда поместных земель не имели владельцев.

Наибольший процент пашни, судя по табл. 16, приходится на земли духовенства — 8,2 %. Но вряд ли мы имеем здесь дело с первыми результатами переустройства монастырских хозяйств после решений соборов 1580 и 1584 гг. Большинство земель духовенства дают по-прежнему самый высокий процент запустения по станам. Например, в Бохове стане в имении митрополита запашка составляла всего 4 %, вся остальная земля не обрабатывалась. Повышению среднего процентного уровня способствуют колоссальные массивы земель Троице-Сергиева монастыря, где запашка была всегда выше не только, чем у соседних духовных корпораций, но и, как правило, выше, чем у светских вотчинников. Так, при сопоставлении перелога во владениях Троице-Сергиева монастыря с запустошенной землей в светских вотчинах мы получаем следующие данные: по Горетову стану — 79 и 82 %, по Монашину стану — 58 и 86 %, по Радонежу — 61 и 87 %, по Корзенеу — 75 и 90 %. Подавляющая часть других монастырей поддерживала свое хозяйство в Московском у. на крайне низком уровне.

Обратимся к южным уездам страны, которые в 70-х годах, судя по коломенской и каширской писцовым книгам, представляли собой еще один район с очень высокой степенью запустения. В те же годы, что и Москва, описывался Тульский у. И уровень запустения в нем почти не отличался от Московского. В 1584/85 г. из 56 052 четвертей пашня занимала 14,3 %. Вспомним, что в московских станах пашня составляла 13,4 %, т. е. разница в процентном отношении составляла всего 0,9 %. И тем не менее существует значительное различие между этими цифрами. Тула — край помещичьего землевладения. В 1587—1589 гг. фонд поместных земель занимал здесь 93,4 % всех посевных площадей. Следовательно, 14,3 % пашни приходилось главным образом на служилые хозяйства, в то время как на долю помещиков

Таблица 16. Структура землевладения Московского уезда 1584—1586 гг. (в четвертях) *

Станы волости	Помещичья				Вотчинная			
	пашня	перелог		всего	пашня	перелог		всего
		абс.	%			абс.	%	
Сурожский	460	1 696	78,6	2 156	883	2 609	74,6	3 492
Горетов	361	1 740	82,7	2 101	631	2 981	82,5	3 612
Монатин, } Быков, Коровин	74	592	88,8	666	766	4 731	86	5 497
Бохов	109	792	87,9	901	630	2259	78	2 889
Радонеж, Бели					61	431	87,6	492
Радонеж, Корзенов					29	264	90	293
Воря, Корзенов, Вохна					198	371	65,2	569
Шеренский	10	201	95,2	211	156	1166	88,1	1 322
Объезжий	40	85	68	125	168	260	60,7	428
Итого	1 054	5 106	83,6	6 160 5,6 %	3 522	15 072	81	18 594 16,9 %

* Таблица составлена на основании итоговых данных по станам. В случае их отсутствия или явных дефектов, несообразностей подсчеты сделаны по тексту. В таблицу не включены дворцовые земли, принадлежащие вдове в. к. Ивана Ивановича, ввиду отсутствия большей

в Московском у. приходился всего 1 % обработанной земли. Состав помещного сословия в Тульском районе был достаточно устойчив. В писцовой книге конца 80-х годов встречаем пометы писцов о многих земельных участках: «отца его поместье», «старое его поместье». Окончание Ливонской войны благоприятно сказалось на развитии края: количество пустоты значительно сократилось: с 85,7 % в 1584/85 г. до 67,6 % в 1587 — 89 г. (см. табл. 17). Возрастает и уровень запашки в помещичьих хозяйствах. Налицо намечающаяся тенденция к преодолению кризисных явлений, но пока еще *только* тенденция. Говорить о каком-то оздоровлении края, когда две трети посевных площадей исключены из процесса производства, невозможно. Подобную ситуацию по-прежнему нужно считать кризисной, несмотря на появление некоторых признаков начинающегося восстановления.

Более удовлетворительную картину представляют дворцовые волости Каширского у. В 1588/89 г. здесь было 22 598 четвертей (в одном поле), из них 52,6 % занимала облагаемая рентой пашня. Но собственно перелог составлял всего 35,4 %, а 12 % — падало на внеадельную пашню. Оживление народного хозяйства особенно заметно при сопоставлении «живущих» и пустых селений. В дворцовых волостях было 23 села, 13 селец, 118 деревень, в которых размещалось 2061 крестьянский двор. «В пусте» помечено: 37 пустошей, 164 двора, 585 мест дворовых. Итак, на долю пустых дворов и мест дворовых приходится 26,6 %, а количество запустевших селений и того меньше — 19,4 %. При этом только 5 пустошей действительно «пусты», в остальных часть земли или даже вся земля распахана, причем здесь мы

Порозжая на оброке				Порозжая		Духовенства				Всего земли	Перелог	
пашня	перелог		всего	помест- ная	вот- чин- ная	пашня	перелог		всего		абс.	%
	абс.	%					абс.	%				
268	1249	82,3	1517	3037	446	441	3285	88,1	3726	14374	12322	85,7
226	2086	90,2	2312	5479	918	1048	8374	88,8	9422	23844	21577	90,4
				3457	390	1112	5684	83,6	6796	16 806	14 854	88,3
18	1484	98,8	1502	2451	412	341	2877	89,4	3218	11 373	10 275	90,3
				3938**	1476	184	535	74,4	719	6625	6333	95,5
				825		1881	5543	74,6	7424	8542	6632	77,6
					459	3700	8254	69	11 954	12 982	9084	69,9
167	2304	93,2	2471	3131	20	149	1902	93	2051	9206	8724	94,7
287	1892	86,8	2179	775	1474	173	733	80,9	906	5887	5219	88,6
966	9015	90,3	9981	23 093	5595	9029	37 187	80,4	46 216	109 639	95 021	86,6
		9,1%		21,1%	5,1%				42,2%	100%		

части описания, а также заключающий книгу небольшой отрывок о Пехорском стане. ПКМГ. Отд. 1. С. 96—276.

** Собственно перелог занимает 3938 четвертей + 47 четвертей приходится на пашню «наездом».

встречаемся не только с наезжей оброчной пашней, но и с регулярной, положенной в живущие выти и тем самым обложенных феодальной рентой. Так, в Соломенской волости Ильинском стане расположена пустошь Безводная, где было распаханно 7 дес., а перелог составлял 3,5 дес. Качество земли среднее. В итоге: 1 выть живущая, 0,5 выти пустой. Рядом находилась пустошь Дегилевская: пашни 10,5 дес. (1,5 выти живущих) и 3,5 дес. было в перелог (0,5 выти пустой). В пустоши Старое Голягино земля добрая, пашни 18 десятин, перелога 29 десятин. Живущих вытей 3, в песте 5 вытей без $\frac{1}{6}$. В Соломенской же волости в Никольском стане в пустоше Харлановский починок распаханно 5,25 дес. средней земли из льгот, в перелог лежало 1,75 дес., итого за льготниками было 1 выть без четверти, а в песте — четверть выти. В книге 1588/89 г. написано: «А была та пустошь на льготе

Таблица 17. Структура землевладения Тульского уезда в 1587—1589 гг. (в четвертях)*

Окультуренная земля	Поместная	Поместная порозжая	Вотчинная	Монастырская	Итого
Всего	50 222	5986	1123	2806	60 137
Пашня	18 098	21	250	1 088	19 457
с наезжей %	35,8		22,2	38,7	32,4
	83,5%	9,9%	1,9%	4,7%	100%

* ПКМГ. Отд. 2. С. 1258—1260.

за крестьянами тое ж волости. . . (перечислены 5 имен). Изю льготы вышла 7096 года (1587/88 г.) А вперед. . . всякие государевы подати платить с Соломенскою волостью крестьяне вместе ровно». В Яковлевском стане — «пустошь, что была деревня Ортемовская». В ней распахано 9,5 дес. доброй земли, положенных в живущую выть с $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{12}$ частями выти. Перелога — 1,5 дес., что составило четверть пустой выти⁶⁴. Таким образом, ряд местностей лишь условно, на основании отсутствия в них жилых построек, было отнесено писцами к категории «пустошей». Каширские «пустоши», в которых **земля была распахана, а часто и положена в живущие выти, резко контрастируют с подавляющим большинством действительно пустых пустошей центральных, северных и северо-западных районов страны.**

Сравнительно небольшой процент запереложенной земли (применительно к Замосковному краю), высокий показатель заселенности уезда (жилых дворов и населенных пунктов), наличие пустошей, которые фактически перестали ими быть, так как земля в них распахивалась и частично облагалась феодальной рентой, а также низкий уровень бобыльства (1,5 % от числа дворов) и многодворность селений — все это свидетельствует о подъеме народного хозяйства в Каширском у. с преобладающей ролью земледелия. Можно предполагать, что Каширский у. не был исключением и подъем сельского хозяйства шел и в соседних уездах, расположенных по южной границе Замосковского края. Вместе с тем последствия экономического кризиса не были полностью изжиты. Дозорщики, описывая Лыцовскую волость Каширского у. и отмечая в ней большое количество заброшенных селений, писали: «А хоромы на тех всех пустошах пожгли крымские люди, а крестьян в полон поймали в [70] 79 году, а иные крестьяне померли». Характерно, что в этой волости на 22 селения приходилось такое же число пустошей, а регулярная пашня занимала всего 46,4 %. Что касается долгосрочного прогноза, то он для Каширского у. (в случае отсутствия внешних отрицательных факторов) был благоприятен: из 35,4 % земли, занятой перелогом, лишь незначительная часть заросла лесом. Тем самым распашка основных массивов перелога и вовлечение их в регулярный севооборот была не столь затруднена.

Совсем иную картину представляют дворцовые волости Вологодского у. Уже к 1583/84 г. перелог в дворцовых селах занимал свыше 80 % всей земли (см. табл. 18). Несмотря на то что в 1584/85 г. Федор Иванович, обеспокоенный состоянием своих посопных сел, предпринимает отдельные шаги по налаживанию дворцового хозяйства, разорение северного края продолжается. Только за 6 лет (с 1583/84 г. по 1589/90 г.) пашня сократилась на треть и составляла 12,6 % посевных площадей, т. е. даже *ниже*, чем в Московском у. От конца 80-х годов сохранилась сотная на дворцовое село Турунтаево того же Вологодского у., которая на первый взгляд опровергает мнение о хозяйственном разорении края: в ней нет никаких упоминаний о наличии пустошей и заброшенных деревень. Однако в конце сотной при сравнении с предшествующим описанием 1583/84 г. указывается количество вытей, «убывших» за истекшие 6 лет на 25 %⁶⁵. Сотная была выдана крестьянам для уплаты государственных денежных доходов, поэтому в нее были включены только «живущие» деревни, все остальное было опущено. И если бы не концовка грамоты, можно было бы сделать вывод о цветущем состоянии сельского хозяйства в данной местности. При изучении кризиса необходимо учитывать существование подобных «усеченных» выписей из переписных книг.

Таблица 18. Дворцовые земли Вологодского уезда в 1583/84 и в 1589/90 гг. (в четвертях)*

Волость, погост	1583/84			1589/90			Убыль пашни, абс.
	всего	пашни	%	всего	пашни	%	
Юг	3867**	335	8,6	3858**	262	6,8	73
Угла	2175	474	21,8	2161	456	21,1	18
Раменье	1790	268	14,9	1767	229	12,9	39
с. Говорово	—	—	—	142	112	78,8	—
Лещовский	3312	1191	36	3269	594	18,1	597
Ильинский	1641	297	18,1	1641	145	8,8	152
Рождественский	979	277	28,3	979	97	9,9	180
Иванова сло- бода	1977	276	14	1977	83	4,2	193
Катрома	1967***	307***	15,6	1967	224	11,3	83
Валга	1308	120	9,2	1308	120	9,2	0
с. Спасское	109	109	100	109	109	100	0
	19125	3654	19,1	19178	2431	12,6	1335

* Таблица составлена на основании дозорной книги дворцовых земель Вологодского у. 1589/90: САС. Вып. 2. С. 6—173.

** Расхождение в итоговых цифрах по некоторым станам объясняется чаще всего тем, что часть земель в 1589/90 г. находилась на «льготе», поэтому не причислялась писцами ни к пашне, ни к перелогу.

*** Текст частично утрачен, частично испорчен, поэтому цифры нами реконструированы.

В несколько лучшем состоянии находились дворцовые рыболовецкие волости Белозерского у. Пашня занимала 34,2 % всей ранее окультуренной земли, жилые селения — 50,4 %. Причиной запустения ряда волостей писец 1585 г. называет: голод и моровое поветрие 7078 г. (1569/70 г.). Историки, изучавшие этот пришекснинский дворцовый комплекс, отметили неравномерность запустения: наиболее заселенной была волость Федосьин Городок⁶⁶. К этому надо добавить еще один важный штрих: наиболее заселенной оказалась не «добрая» и даже не «средняя» земля, а «худая». Примерно такая же картина наблюдалась в рассмотренном выше каширском дворцовом комплексе: соотношение всей «доброй» земли к «средней» равнялось 10 : 1, в крестьянской вытной пашне — 9 : 1, в перелог — 19,6 : 1. Картина резко меняется на внепадежных землях. В наем крестьяне брали, по существу, только «добрую» землю (61 : 1). Со своей стороны, правительство стремится давать оброчные льготные грамоты только на «худую» и частично «среднюю» землю. Данные наблюдения ставят под сомнение тезис, существующий в историографии относительно того, что в 80—90-х годах крестьяне осваивали в первую очередь пашню лучшего качества. По всей вероятности, процесс крестьянской колонизации был опосредован рядом факторов и, возможно, одним из первых в этом ряду стоял не фактор качества земли, а наличие соседних селений, образующих общину, на помощь которой можно было рассчитывать на первых порах. Важна роль речных коммуникаций.

Велико запустошение в Нижегородском у.: 1581—1584 г. в Поволжье шла «черемисская война». Согласно подсчетам Дегтярева, количество живу-

щих вытей в бортных селах сократилось по сравнению с 1565/66 г. к 1578 г. в 3 раза, а к 1588 г. почти в 5 раз. В посопных селах соответственно: к 1578 г. — в 5 раз, а к 1588 г. — почти в 11 раз. Запустошение очень велико, а обстановка оставалась достаточно напряженной, поэтому владельческие повинности с русских крестьян, проживающих в Нижегородском у., временно прекратили взимать⁶⁷.

Что касается других регионов страны, то мы имеем следующие показатели перелога в монастырских хозяйствах: Кашин — 62 %, Гороховец — 62, Обо-нежь — 75, Белевск — 76 %. В дворцовом селе Красном Владимирского у. необработанными лежали 52 % полей⁶⁸. Жестоко пострадал от хозяйственного разорения Рузский у., признаки запустения которого прослеживались уже в конце 60-х годов. Если в 1568/69 г. за Иосифо-Волоколамским монастырем числилось земли в Рузском у. почти 11,5 сох, то к 1586 г. пашня сократилась почти в 3 раза — $4\frac{1}{16}$ сохи. В приговоре игумена отмечалось, что особенно были запустошены две волости (Успенская и Судниковская): «в государьских податех опустели». Еще раньше в полное запустение пришли волости Скирманово, Мамошино, Белково, Бели⁶⁹. О хозяйственном разорении Рузского у. свидетельствует и тот факт, что при описании 20-х годов XVII в. в качестве приправочного списка была взята писцовая книга 1567—1569 г., а не более поздние описания 80-х годов.

Вот как сами крестьяне Иосифо-Волоколамского монастыря определяли причины запустения в 70—80-х годах. Сокращение посевных площадей объясняли 1) «лихим поветрием» и «татарской войной»: «Воеваны. . . те села и деревни и выжжены, а крестьяня многие побиты от татар, а иные крестьяня з женами и з детьми в полон поиманы». Затем назывался «хлебный недород» и «меженина», 2) последствия военных действий («запустили. . . от государевы большие дороги от гонцов и от проезду сильных и ратных людей и от подмоги ямских охотников»); 3) налоги («изнемогают ото всяких государевых податей, потому што платят з живущего и за пуста»). Почти те же причины привели к разорению крестьян Симонова монастыря, владения которого были расположены в 14 уездах Замосковского края: лихое поветрие; хлебный недород; война; «насиельство сторон», подразумевая под последним, вероятно, опричный террор, который в какой-то степени продолжался до смерти Грозного при разделении страны на «земшину» и «двор». Именно от «насиельства сторон» продолжается запустение в 80-е годы имений в Муромском, Вышгородском, Коломенском уу. Всего же к июню 1584 г. запустело 90,6 % посевных площадей. Крестьяне дворцового села Красное Владимирского у. и в середине 80-х годов называют моровое поветрие 1570/71 г. первопричиной запустения. В начале 80-х годов часть из них бежит от посопного хлеба⁷⁰.

При решении вопроса о всеобъемлющем характере кризиса ссылаются порой на земли, лежащие на северо-востоке страны, на Вымско-Вычегодский край. Издатели сотниц по этому региону считают, что разорение почти не коснулось его⁷¹. Действительно, количество перелога здесь столь незначительно, что им можно пренебречь и говорить о сохранности фонда культивируемых земель (см. табл. 19). И тем не менее кризис наложил свой отпечаток на этот край. В 80-х годах обычно показатели сокращения пашни преувеличивают над убылью населения. В Коми крае мы наблюдаем обратную картину: пустует шестая часть всех дворов. А так как количество семей

Таблица 19. Вымско-Вычегодский край в 1585/86 г.*

Уезд, Волость	Дворы тяглые			Земля (в четях)			Пашня (в четях)	
	всего	пустые	%	всего	перелог	%	на двор	на семью
Яренск	869	144	16,5	1229	101	8,2	1,5	1,2
Ужга	58	21	36,2	57,5	1,5	2,6	1,5	1,2
Сысольск	441	37	8,3	731	25	3,4	1,7	1,5
Глотова	92	37	40,2	71	9	12,5	1,1	0,9
Итого	1460	239	16,3	2088,5	136,5	6,5		

* САС. Вып. I. С. 442—468.

здесь всегда превышает число дворов, то можно считать, что в течение сравнительно короткого времени население сократилось не менее чем на 20 %.

Обращают на себя внимание и мизерные наделы земли на семью: 0,9—1,5 четверти в одном поле. В разоренном и опустошенном Новгородском крае, где кризис, в частности, сказался и на резком сокращении размеров крестьянских наделов, на семью (двор) приходилось: в Порховском у. — 3,5 четей, в Новгородском у. — 2,8, Водской пятины — 3 чети. Хуже обстояло дело в других пятинах: в Обонежье — 2,5 чети, Деревской — 2, Бежецкой — 1,5 чети. Но исследователи специально оговаривают, что при таких наделах крестьянская семья не могла существовать и искала дополнительных доходов. Это могла быть аренда земли, пашня «наездом» или же занятия промыслами⁷². Следовательно, в Вымско-Вычегодском крае сокращение посевных площадей было, по существу, невозможно, так как крестьяне и так располагали минимумом. Достаточно сказать, что в соседнем Вологодском у. в дворцовых селах на семью приходилось 3,5 чети.

Большое значение в жизни жителей Коми края играла охота, рыболовство. Это нашло отражение и в налогах, взимаемых с волостей. «А доходов государю давала за соболь и за белку... по 10 рубль с сохи, за городовое и за засечное дело... по полтине с сохи, приметных... по полуполтине с сохи», т. е. наибольший доход взимался с охотничьего промысла. С середины 80-х годов вводился новый оброк с сохи «за бобровые гоны и за рыбные ловли». И еще одно новшество: отныне тягло собиралось не с сохи, а со двора. Это лишний раз показывает, что в тот момент земледелие не имело преобладающего характера в Вымско-Вычегодском крае. Стало быть, признаки кризиса здесь надо искать не в сокращении посевных площадей, а в убыли населения, запустении, разрушении построек («в городе 25 городен, перила и кровля обвалилися»), в сокращении охотничьего промысла («а слопцов и перевесья нет»), в введении новых налогов на промыслы, а главное, в изменении окладной единицы: вместо сохи — двор. Кризис, хоть и в меньшей степени, чем другие уезды, также затронул Вымско-Вычегодский край.

Итак, в 80-х годах кризис в той или иной степени охватывал всю территорию страны. Мало того, в некоторых районах севера, запада, востока обнаруживается возрастающая по сравнению с 70-ми годами тенденция запустения. Уровень запереложения земель очень высок. Период 1582—1592 гг. отмечен дороговизной на хлеб⁷³, одна из причин которой кроется, возможно, как раз в резком сокращении посевных площадей.

90-е годы принято считать в литературе переломными, когда страна начинает выходить из кризиса. Данный вывод обосновывается материалами опи-

Таблица 20. Владения Троице-Сергиева монастыря (в четвертях) *

Уезд	Описание 1592—1594 гг.			Предшествующее описание	
	всего земли	пашня		годы	всего земли
		абс.	%		
Московский	26 473	8 723	32,9		
Дмитровский	12 837	5 185	40,3		
Переяславль-Залесский	16 350	5 820	35,5		
Юрьев-Польский	2 907	1 749	60,1	1577/78	2 012
Суздальский	2 407	1 022	42,4	1587/88	2 225
Стародубский	6 480	2 707	41,7	1574/78	3 089
Владимирский	4 694	1 921	40,9		
Муромский	2 055	773	37,6	1573—1578	1 880
	7 399	2 612	35,3		
	4 140	1 847	44,6	1571—1574	2 863
Ростовский	6 257	3 327	53,1		
Ярославский	1 498	979	65,3		
Костромской	5 922	4 405	74,3		
Галичский	426	321	75,3		
Пошехонский	347	283	81,5	1573/74	322
Угличский	3 540	1 921	54,3	1573/74	3 769
Кашинский	1 137	754	66,3	1590/91	1 137
Старицкий	1 156	692	59,8	1587/88	1 132
Рузский	1 582	327	20,6	1567—69	1 523
Свияжский	357	318	89		
Казанский	331	220	66,4		
Коломенский	1 313	878	66,8		
	713	514	72	1577/78	715
Верейский	5 752	1 640	28,5		
Оболенский	1 578	530	33,6		
Малоярославецкий	1 533	1 050	69,2	?	
Боровский	674	588	87,3		
Новосильский	311	294	95		
Серпейский	614	614	100		

* ПКМГ. Отд. 1, 2; *Шумаков*. Сотницы. Вып. 6; Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 151—182; *Рубцов М.* К материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв. Старица, 1905. Вып. 2.

саний 1592—1594 гг. владений Троице-Сергиева монастыря. Готье характеризует этот период как «начавшееся исцеление» и отмечает значительный экономический подъем в Коломне, Старице, Юрьеве-Польском. Утверждения Б. Д. Грекова еще более решительны и оптимистичны ⁷⁴.

Описание начала 90-х годов вотчин Троице-Сергиева монастыря носит, действительно, уникальный характер, так как охватывает около двух десятков уездов, тем самым у исследователя появляется возможность сопостав-

Уезд	Предшествующее описание		Разница		
	пашня		всего земли	пашня	
	абс.	%		абс.	%
Московский					
Дмитровский					
Переяславль-Залесский					
Юрьев-Польский	1 645	81,7	+895	+104	—21,6
Суздальский	785	35,2	+182	+237	+7,2
Стародубский	1 227	39,7	+3391	+1480	+2
Владимирский					
	817	43,4	+175	—44	—5,8
Муромский					
	2 173	76	+1277	—326	—31,4
Ростовский					
Ярославский					
Костромской					
Галичский					
Пошехонский			+25		
Угличский			—229		
Кашинский	438	42,9		+226	+23,4
Старицкий	363	32	+24	+329	+27,8
Рузский	1 311	86,7	+59	—984	—66,1
Свияжский					
Казанский					
Коломенский	501	70	—2	+13	+2
Верейский					
Оболенский					
Малоярославецкий		39,4			
Боровский					
Новосильский					
Серпейский					

ления уровня развития сельского хозяйства в различных регионах. В ряде случаев писцы указывали итоги предшествующего «дозора» и размер прибывшей (реже убывшей) пашни. К сожалению, сопоставление порой крайне затруднено, так как итоги «письма» 70—80-х годов в некоторых случаях даны без дифференциации на «пашню» и «перелог». Судя по описанию владений Троице-Сергиевского монастыря, в начале 90-х годов наиболее разоренными оставался Московский у. и лежащая к западу от него Руза.

(см. табл. 20). В то же время, если по письму 1584—1586 г. пашня в московских владениях духовенства составляла менее 20 %, то теперь на землях Троицкого монастыря она составляет почти 33 %. Однако в действительности прирост был не столь велик. При анализе писцовых книг Тимофея Хлопова 1584—1586 гг. нами уже отмечалось, что степень запашки в Троице-Сергиевской корпорации была намного выше, чем в целом по данной социальной группе землевладельцев, достигая в отдельных станах 40 %. Восстановление сельского хозяйства в Московском у. шло очень медленно. Видимо, в 90-х годах этот район по-прежнему остается разоренным. Не намного в лучшем состоянии находятся уезды, примыкающие к Москве с севера и северо-востока: в Дмитрове, Переяславле-Залесском, Суздале, Стародубе-Ряполовском, Владимире, Муроме перелог занимает почти 60 % посевных площадей, а иногда и больше. При этом в некоторых районах отмечается «нисходящая» динамика развития по сравнению с 70-ми годами (Владимир, Муром). Особняком стоит Юрьев-Польский у., где в эти годы, по мнению Ю. Готье, наблюдался экономический подъем. На первый взгляд это утверждение правильно: запашка здесь не бывало высока — 60 % всей земли. Но при сравнении с 1577/78 г. выясняется, что количество запереложной земли не только не сократилось, но, наоборот, возросло, т. е. говорить о хозяйственном подъеме нельзя. Относительное благополучие царит в северо-восточных районах, примыкающих к Волге или находящихся в непосредственной от нее близости. Уже в Ростовском у. свыше половины посевных площадей распаханно. Такая же картина в соседнем Угличском у. В Ярославле, Костроме, Галиче, Пошехонье, Кашине эксплуатируются две трети и больше окультуренных земель. Соотношение таково, что при благоприятном развитии экономики страны последствия кризиса здесь можно ликвидировать в течение ближайших 10—15 лет. Темпы освоения заброшенных земель, например, в Кашинском, Старицком уу. очень высоки. По мере продвижения на запад, ближе к верховью Волги количество перелога увеличивается, хотя и не достигает половины (Старица).

Что касается Среднего Поволжья (Казань, Свияжск), пашня значительно превалирует над перелогом. Однако в Казанском и Свияжском уу. Троице-Сергиевский монастырь обладал небольшими земельными массивами, большая часть которых и должна была распахиваться, иначе существование тут отпочкованных монастырских хозяйственных комплексов было бы невозможно. Поэтому показатели по этим уездам могут быть приняты с осторожностью. Столь же относительны данные по Коломенскому у., который Готье причислял к экономически благополучным: пашня занимала две трети земель. При сравнении с предшествующим описанием, на которое ссылаются писцы, размер запашки неуклонно возрастает. Но в тексте не указано, *какое* предшествующее описание имелось в виду, сколько времени прошло с того момента. Поэтому мы обратились к описанию 1577/78 г. и сравнили идентичные территории. Семидесятые годы были периодом страшного опустошения Коломенского у., когда тысячи четвертей земли были запереложены, заросли лесом. На этом фоне состояние хозяйства Троице-Сергиева монастыря было более чем удовлетворительным. За истекшие 15 лет запашка на сопоставимых территориях увеличилась всего на 13 четвертей, т. е. производство в Коломенском у. восстанавливалось достаточно медленными темпами.

Итак, основываясь на описании начала 90-х годов Троице-Сергиевских

вотчин, можно прийти к следующему заключению: Центральная часть Замосковского края находится по-прежнему в состоянии жесточайшего запустения, когда пашня занимает всего 40 % посевных площадей и редко где превышает этот уровень. Несмотря на некоторое оживление экономической жизни, темпы вовлечения запустошенных земель в севооборот не столь значительны. Мало того, с точки зрения фискальных интересов размер пашни был еще меньше, так как часть запашки обрабатывалась от случая к случаю «наезде» и не входила в состав регулярной пашни, забрасывалась после снятия урожая порой на несколько лет, поэтому клалась не в «жилые», а в пустые сохи. В Угличе такая кратковременная пашня составляла 2 %, в Дмитрове — 3, в Ростове — 5 %. В Переяславле Залесском у. четвертая часть распаханной земли приходилась на «нерегулярную» пашню. При сравнении идентичных поселений 70-х и 90-х годов часто обнаруживается увеличение общей площади земель, что возможно, если взамен заброшенной пашни распахивали луга, пашенный лес, которые по истечению какого-то времени вновь оставляли. Запереложная пашня частично заросла лесом. «Многие деревни и починки в старых книгах написаны, а иные по распросу лесом поросли. . . лес на них большой», — сообщают писцы Угличского у. На окультуривание подобной земли нужны были большие затраты труда, времени, средств. Фактически речь шла о подсеке и поднятии целины, и тем самым нет оснований говорить о возможности быстрого освоения и введения в оборот так называемого «перелога, лесом поросшего». Тем более что в некоторых районах еще не изжита «нисходящая» тенденция развития по отношению к 70-м годам.

В более благоприятном положении находились северные и северо-восточные окраины Замосковского края, расположенные по Волге, где перелог занимал примерно четвертую часть посевных площадей. Но для преодоления последствий кризиса и достижения уровня земледелия 60-х годов необходимо было здесь не менее десятилетия. Высока доля запашки в южных уездах.

Вышеописанная картина экономики 90-х годов вырисовывается на основе показателей для имений могущественного Троице-Сергиевского монастыря. Рассмотрим имеющиеся данные по другим владениям. В Костромском у. в 1594/95 г. 1103 четверти земли принадлежало Богоявленскому монастырю, однако под пашней было не 74,3 % земли, как у Троице-Сергиева монастыря, а лишь 49,6 %. Прирост пашни при сопоставлении с 70-ми годами мизерный — 0,9 %, т. е. темпы восстановления хозяйства ничтожные. Причем нет никаких посылок, что в ближайшие годы возможен какой-либо скачок, так как из 50,4 % запереложных земель 47,4 % приходится на перелог, лесом поросший. Меньше половины посевных площадей в том же Костромском у. использованы галичским монастырем Ивана Предтечи: из 159 четвертей распаханно 48,4 %, при этом восьмая часть падает на кратковременную пашню «наезде». И опять-таки подавляющая часть перелога заросла лесом. Как видим, состояние хозяйства в «благополучном» Костромском у. далеко не столь блестяще, чтобы можно было отнести этот район к экономически оправившимся от кризиса, даже если предположить, что и в 90-х годах монастыри хуже осваивали свои земли, чем светские феодалы. Об этом же свидетельствуют сотные на поместья, возможно, лишь при переписи уезда 1594/95 г. получившие новых владельцев. В имении вдовы Григория Козловского 272 четверти, вся земля, лежит «в пусте». В поместье А. Р. Лихарева

из 200 четвертей распаханно 36 четвертей, из них 31 четъ используется «наездом»⁷⁵. И тем не менее состояние сельского хозяйства в приволжских уездах было, конечно же, лучше, чем в центре страны. В пользу этого говорит и появление здесь ряда починков, хотя число пустошей преобладает над ними. У Ипатьевского монастыря было 305 деревень, 17 починков и 118 пустошей⁷⁶. Дегтярев на основании материалов, приведенных в книге Рожкова, составил таблицу, согласно которой в 90-х годах соотношение пустошей и починков было: в Ярославском у. — 21 и 14 %, в Костромском — 26 и 4,8 %, в расположенных в самом верховье Волги в Зубцове — 21 и 1,7 %, в Ржеве — 38 и 5 %. В других районах, за исключением южных (Орловский), упоминаний о починках крайне мало. Достаточно благоприятная конъюнктура в Романовском у. Количество заброшенных селений и перелога невелико⁷⁷.

Изучение владений Ново-Девичьего монастыря подтверждает сделанные наблюдения. Разоренное хозяйство в Верее, расположенной недалеко от Москвы: под роспашью всего 17 %, причем четвертая часть имеющейся пашни приходится на кратковременную роспашь «наездом». Высокий процент запашки в Угличском у. (73 %), хотя столь высокий показатель в какой-то мере обусловлен, по всей вероятности, сравнительно небольшими размерами вотчины. Несколько неожиданен факт устойчивого земледелия в Вязьме (54 %), в свете сложившегося в литературе мнения о сильной степени разорения в западных уездах⁷⁸. Судя по приводимым выше материалам Троице-Сергиева и Иосифо-Волоколамского монастырей, это совершенно справедливо для Рузы. Большое количество запереложных земель в Можайском у. В 1595/96—1597/98 гг. у Симонѡва монастыря здесь на 4 деревни приходится 25 пустошей. Сам город Можайск в 90-х годах представлял собой лишь слабую тень некогда цветущего города. На посаде числилось черных тяглых дворов 205, пустых 127, дворовых мест 1446. «В Можайску... места дворовые, что были тяглые. Запустили от поветрия в [70]78 и в [70]79 году». «В Можайску... дворы черные пустые, а жильцы из тех дворов померли, а иные разошлись безвестно». Итак, спустя 25 лет после эпидемии в Можайске было всего 11,5 % прежних дворов. Не восстановилась в полном объеме и торговля. Свыше половины амбаров стоят заброшенными, бездействует четвертая часть ранее функционирующих лавок. Значение Можайска как крупного торгового центра явно упало⁷⁹. Следовательно, наиболее разоренными из западных районов опять-таки оказываются те, что были расположены ближе к Москве.

Запустение в центральных уездах и отлив оттуда населения привели к быстрой колонизации Поволжья, Приволжья, южных окраин страны. Уже Н. А. Рожков отметил, что Свияжский уезд обладал более высокой плотностью населения, чем Казанский край⁸⁰. То же показывают материалы описаний Троице-Сергиева монастыря (см. табл. 20) и одноименного свияжского монастыря, который имел под пашней в Свияжском у. 89,1 % земли, а в Казанском — 54,2 %. При наделении земель в Казанском у. правительство, помимо пашни и перелога, широко наделало и «зарослями», которые еще только предстояло осваивать. Весьма вероятно, что «заросли» выполняли ту же функцию, что и «пашенный лес» в центре страны. Вышерасположенный Нижегородский у. продолжал оставаться разоренным.

Быстрое освоение идет в Прикамской области прибрежных мест по рекам

Каме, Белой, Вятке, Чусовой. В Слободском у. в волости Вобловицкой на р. Вятке перелог практически отсутствует. Показательно и соотношение типов поселений: 2 деревни, 6 пустошей и 44 починка⁸¹.

Южные районы быстрее, чем центральные, наращивали объем обрабатываемых пахотных угодий, но при этом далеко не всегда восстанавливалась правильная агрикультура полей, нормальная смена севооборотов. Так, в Рязанском у. во владениях Спасо-Преображенского монастыря количество перелога было относительно невелико, однако регулярная пашня составляла достаточно невысокий процент, превалирует кратковременная роспашь перелога. В Окологороднем стане на регулярную пашню приходится 27 %, на наезжую — 68,7 % в Каменском стане — 23,7 и 66,2 %, в Льговском — 12,6 и 60,3 %, в Солотчинском стане разрыв несколько меньше — 34,8 и 46,6 %⁸². Подобное соотношение свидетельствует о глубоких сдвигах в системе сельского хозяйства.

Из всего вышеизложенного видно, что к концу XVI в. страна не вышла из состояния кризиса. Некоторый подъем выразился в вовлечении сравнительно небольшой части запереложной земли в систему севооборота. По-прежнему большие массивы посевных площадей оставались изъятиями из производства или разрабатывались кратковременно «наездом», без соблюдения основных принципов паровой агрикультуры. Подавляющая часть заброшенных земель заросла лесом, что, в свою очередь, затрудняло процесс окультуривания перелога. Налицо глубокое нарушение условий воспроизводства. Численность населения в центральных районах не достигла предкризисного уровня. Торговля во многих городах захирела. Россия с крайне ослабленной экономикой вступала в XVII в., начавшийся страшным неурожаем.

Кризис 70—90-х годов обнаружил слабость, уязвимость социально-экономических структур и отношений. Экологические катаклизмы (голод, эпидемия) в период Ливонской войны привели к резкому усилению эксплуатации крестьян, к увеличению не только натурально-отрабочной, но и денежной ренты. Рост государственных налогов усиливал товаризацию части сельскохозяйственного производства без особых изменений его технической базы. При наличии условно-поземельного обложения и усилении эксплуатации крестьяне вынуждены нарушать сложившуюся агроструктуру использования земель. Экономический кризис выявил несостоятельность и порочность принципов условно-поземельного обложения, которое стало тормозом на пути восстановления сельского хозяйства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершение политического объединения Руси, образование централизованного государства и становление в нем самодержавия сопровождались рядом важнейших социально-экономических преобразований. В течение всего XVI в. царизм вел борьбу по нескольким направлениям: 1) добиться увеличения размеров прибавочного продукта, взимаемого с крестьян и некоторых других социальных групп населения путем вытеснения государственными нормативами обычно-правовых традиций из сферы землепользования и рентных отношений, усилением эксплуатации; 2) подчинить экономически и юридически сеньориально-вотчинные формы землевладения; 3) вернуть утраченные государственные прерогативы (суд, налогообложение), значительная часть которых в результате правительственных пожалований находилась в руках церкви.

Для XVI в. характерна дальнейшая эволюция сущности верховной собственности, ее усложнение, проникновение этой собственности в регламентацию и организацию прибавочного продукта во *всех* социальных типах землевладения. «Четвертная пашня» на известном этапе приобретает политическую окраску, становясь своего рода показателем «обязанности» перед верховным правителем. Вплоть до 60-х годов вотчинные и черные земли обладали известной внутренней автономией. Главным результатом «сошного письма» конца 50-х — начала 60-х годов был переход от описания земли к ее учету во всех без исключения типах социальных владений. Крайне важное значение имел тот факт, что правительство брало под свой контроль не только пахотные земли, но и все угодья на территории вотчинных и черных владений. Измерение леса (в десятинах, верстах), луга (в копнах сена), фиксирование в писцовых книгах межевых границ владений стали препоной для расширения угодий на основе обычного права («куда соха, и коса, и топор ходили»), привели к замене обычного права публичным правом. Правительство закрепило за собой полновластные полномочия единоличного распоряжения на территории страны.

Черносошные крестьяне облагаются сеньориальной рентой в пользу царя и по своему статусу, формам обложения сближаются с дворцовыми земледельцами. В вотчинах, черносошных деревнях и в других типах социальных владений вводится условно-поземельное обложение. Государственные налоги и повинности взимались с сохи; владельческая рента — с более мелких окладных единиц: в центральных уездах в XVI в. наибольшее распространение в качестве такой единицы получила выть, которая первоначально означала крестьянский надел.

На величину, структуру выти и нормы эксплуатации с нее несомненное воздействие оказало обычное право. В конце XV—начале XVI в. в выть клалось 5 десятин (10 четвертей) крестьянской земли, за это полагалось

обрабатывать господскую десятину (в форме барщины или натуральной ренты). Появление окладной нормированной единицы, не тождественной крестьянскому наделу, знаменует начало нового этапа в эксплуатации крестьян. На широкое распространение унифицированной выти несомненное влияние оказал бурный рост поместной системы. Правительство в начальный период, когда не было еще большой нормированной сохи, определяло «прожиточность», боеспособность служилых людей на основе вытного письма. Выть — это не столько определенная земельная площадь, сколько единица исчисления крестьянских повинностей в пользу сеньора. Она становится своеобразным гарантом определенного уровня владельческой ренты. Первоначально в выть входила не только «пашня паханая», но и какое-то количество перелога (помимо парового поля). Рента же взималась с выти вне зависимости от того, какая реальная часть крестьянской земли была распахана. Вместе с тем развитие вытной системы знаменует, что отныне обложению подлежит не единица хозяйства, а условная единица держания. Первоначально класс феодалов при введении выти в качестве окладной единицы был вынужден сохранять видимость сложившегося стереотипа распределения прибавочного продукта между крестьянином и сеньором. Поддерживалось представление, что рента поступает не со всего крестьянского надела, а лишь с дополнительной господской десятины. На нормы эксплуатации земледельцев оказала влияние обычно-правовая традиция при всевозможных расчетах брать 20 % от целого числа, или, как тогда говорили, «на пять шестой». На распространение именно такой нормы оказал влияние счет на «пятки» с использованием абака. В первой половине XVI в. крестьяне с выти должны были распахать десятину в господском поле (2 десятины в двух полях). Надо отметить, что это не особый вид издольщины, как это утверждают некоторые историки. В большинстве случаев барская запашка была отделена от крестьянской, находилась в селе и работать на ней съезжались земледельцы окрестных деревень. В ряде случаев барщина заменялась хлебной рентой, размер которой примерно соответствовал количеству ржи и овса с одной десятины.

Во второй половине XVI в. с усилением самодержавия обычно-правовые традиции начинают вытесняться под влиянием новых нормативов: постепенно исчезает дополнительная десятина, а вместе с ней и иллюзии, что платежи шли не с надельной земли; растут нормы ренты. Строго нормируется в двorcовых и черносошных волостях величина угодий (лес, сенокосные луга). За лишнее сено сверх вытного норматива взимаются деньги (обычно 1 деньга с копы).

К концу 80-х годов размер барщины с выти официально поднимается до 2 десятин, а фактически в ряде хозяйств был еще выше. Денежная рента возрастает до 2—3 р. В связи с усилением эксплуатации и ростом всевозможных повинностей во второй половине XVI в., как правило, на одной выти сидело несколько крестьянских семей. К концу столетия правительство проводит мероприятия по описанию вытным письмом не селения в целом, а каждого крестьянского двора, т. е. к концу XVI в. наметилась тенденция для перехода к подворно-вытному обложению. Такие дробные части выти рассматривались не как компоненты универсальной единицы держания, а как особые самостоятельные держания, сообразно чему увеличивается размер ренты в пересчете на целую выть.

Несмотря на безусловное увеличение вытных норм барщины, подавляющая часть крестьян платили денежно-натуральный оброк, который в районах За-московного края и Севера обеспечивал феодалу гарантированный уровень ренты, так как в случае неурожая недоимки взымались в последующие годы. Податная политика правительства, основанная на принципах условно-поземельного обложения, разразившийся экономический кризис 70—90-х годов, вызвавший запустошение большого количества пахотных площадей, — все это привело к тому, что царизм, пользуясь своим правом верховного собственника в борьбе за распределение прибавочного продукта, *принуждает* крупных монастырских феодалов расширять фонд барщинных земель. Итак, если в конце XV—начале XVI в. эксплуатация крестьян в вотчинах в известной степени регулируется обычно-правовыми традициями, то в конце XVI в. царское правительство оказывается в силах непосредственно влиять на формы и размер ренты. Налицо усиление государственного влияния на аграрный строй.

В период Ливонской войны резко возрастает величина государственных налогов. При недостаточной втянутости крестьян в товарно-рыночные отношения они были не в состоянии выдерживать двойные денежные платежи: правительству и собственным сеньорам. Размер поступлений денежной ренты феодалам сокращается в несколько раз. Идущее разорение земледельцев сказывается и на собранной сумме государственных налогов, растет число недоимок. Стремясь уменьшить степень эксплуатации, крестьяне, по мнению Г. В. Абрамовича, идут на сознательный отказ от обработки тяжелой пашни, их наделы сокращаются до минимума. Сеньоры также не слишком заинтересованы в увеличении барщинных земель в имении, так как это ведет к усилению эксплуатации крестьян государством, к перенапряжению в хозяйстве. Вотчинники широко использовали доход от сдачи в сьем крестьянам *наезжих* земель, которые не подлежали сошному описанию. Следовательно, для второй половины XVI в. можно констатировать противостояние интересов самодержавия и феодалов в области распределения прибавочного продукта. Экономический кризис, резко снизив доходы правительства, выявил к концу XVI в. несостоятельность форм податной политики, порочность ряда принципов сошного обложения, которые стали своего рода тормозом на пути восстановления сельского хозяйства и усиления государственной эксплуатации крестьян.

В целом, для XVI в. характерно выдвижение на первый план государственного феодализма и ослабление сеньориального. Самодержавие отбирает у церкви государственные прерогативы (суд, торговые пошлины, подати). Однако церковь сохранила корпоративную собственность на колоссальный земельный фонд, и это обстоятельство в будущем послужит основанием для новых столкновений между правительством и церковной организацией.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25, ч. II. С. 184.
- ² Там же. С. 352—366.
- ³ Там же. Т. 7. С. 356.
- ⁴ Постановка данной проблемы и ее историография наиболее подробно изложены П. В. Советовым. Советов П. В. Общее и особенное в типологии феодализма на Руси и в Дунайских княжествах: (Пробл. «гос. феодализма» и его роли в период генезиса, развития и разложения феод. формации) // Изв. АН МССР. Сер. обществ. наук. Кишинев, 1986. № 2, 3.
- ⁵ Черепнин Л. В. Вопросы методологии исторического исследования: Теорет. проблемы истории феодализма. М., 1981. С. 85.
- ⁶ Горская Н. А., Милов Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2.

Глава I

- ¹ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1965. Т. V. С. 51.
- ² ГВНП. № 21; АСЭИ. Т. III. № 5.
- ³ ПСРЛ. СПб., 1901. Т. XII. С. 184; Аграрная история Северо-Запада. Т. III. С. 22, 26.
- ⁴ АСЭИ. Т. I, № 200; ДДГ. С. 197. (Здесь и далее курсив мой. — Е. К.)
- ⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 232; СПб., 1913. Т. XXIII. С. 275; ПКМГ. Отд. 2. С. 50; ДДГ. С. 357—361.
- ⁶ АСЭИ. Т. II, № 250; Т. III, № 22, 189.
- ⁷ Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. I. С. 92—93.
- ⁸ АСЭИ. Т. II, № 433. Записки отдела рукописей ГБЛ. М., 1982. Вып. 43. С. 98—101.
- ⁹ АФЗХ. Ч. I, № 12. Перечень описаний XV—XVI в. будет опубликован отдельно.
- ¹⁰ Зимин А. А. Россия на рубеже XV—

- XVI столетий: (Очерки соц.-полит. истории). М., 1982. С. 68—233.
- ¹¹ Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 37.
- ¹² Аграрная история Северо-Запада. Т. I. С. 13—14.
- ¹³ Абрамович Г. В. К вопросу о степени достоверности писцовых книг XVI в. и методике ее установления // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1971. Вильнюс, 1974. С. 32.
- ¹⁴ Аграрная история Северо-Запада. Т. I. С. 15—16.
- ¹⁵ Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV — первой половины XVI в. М., 1967. С. 44.
- ¹⁶ Милуков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892. С. 158.
- ¹⁷ АФЗХ. Ч. I, № 22.
- ¹⁸ АСЭИ. Т. III, № 46; АФЗХ. Ч. IV, № 57.
- ¹⁹ АСЭИ. Т. I, № 628, 643.
- ²⁰ АСЭИ. Т. I. С. 634—635; Каштанов С. М. Указ. соч. С. 206—209; Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV—начале XVI в. М., 1974. С. 199.
- ²¹ АСЭИ. Т. III, № 26.
- ²² Там же. Т. I, № 641, 386.
- ²³ Там же. Т. I, № 571; АФЗХ. Ч. I, № 36.
- ²⁴ Там же. Т. III, № 25, 26.
- ²⁵ Романова Г. Я. Наименование мер длины в русском языке. М., 1975. С. 73.
- ²⁶ АСЭИ. Т. I, № 71; Т. III, № 343; АИ. Т. I. № 116; Сб. Муханова. № 126, 272; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 97.
- ²⁷ АСЭИ. Т. I, № 601; Т. II, № 486.
- ²⁸ Там же. Т. III, № 48; АФЗХ. Ч. I, № 51, 52; Ч. II, № 33.
- ²⁹ АСЭИ. Т. III, № 343; АФЗХ. Ч. I, № 190.
- ³⁰ АСЭИ. Т. I, № 365, 574; Т. II, № 275, 310; АФЗХ. Ч. I, № 117.
- ³¹ ПСРЛ. Т. 18. СПб., 1913. С. 262.
- ³² АФЗХ. Ч. I, № 165.

- 33 *Веселовский С. Б.* Указ. соч. Т. I. С. 7—8.
- 34 *Кашианов С. М.* Очерки русской дипломатии. М., 1970. С. 467.
- 35 АСЭИ. Т. III, № 25.
- 36 *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 40—45.
- 37 АСЭИ. Т. I, № 621, 649.
- 38 АФЗХ. Ч. I, № 12, 22, 39, 165, 166, 169, 170.
- 39 Там же, № 166.
- 40 ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. I. Л. 491.
- 41 АРГ. № 20.
- 42 АФЗХ. Ч. IV, № 63 (л. 5); АРГ. № 57, 61.
- 43 Аграрная история Северо-Запада. Т. III. С. 87.
- 44 *Абрамович Г. В.* Поместная система и поместное хозяйство в последней четверти XV—XVI в.: Автореф. дис. . . . д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 20.
- 45 АФЗХ. Ч. I, № 21; Пам. ряз. № 67—70; ГБЛ, АТСЛ. Кн. 530. Коломна. № 26, Л. 425—426 об.; АММС. С. 101.
- 46 *Абрамович Г. В.* Поместная политика в период боярского правления в России (1538—1543 гг.) // История СССР. 1979. № 4. С. 192—199.
- 47 ПКМГ. Отд. 2. С. 46—48.
- 48 Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 110; ЦГАДА. ГКЭ. № 12505; *Шумаков С. А.* Тверские акты. Тверь, 1896. С. 13—16.
- 49 ЦГАДА. ГКЭ. № 6712; *Дьяконов М. А.* Рец. на кн. П. Н. Миллюков «Спорные вопросы финансовой истории Московского государства» // ЖМНП. 1893. № 7. С. 210.
- 50 *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 43—45.
- 51 ЦГАДА. ГКЭ. № 1796; *Шумаков С.* Сотницы. Вып. I, № 7.
- 52 *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 206.
- 53 *Веселовский С. Б.* Указ. соч. М., 1916. Т. II. С. 339—346.
- 54 САС. Вып. 2. С. 184—204; АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 288—316.
- 55 *Миклашевский И. Н.* Древнерусские поземельные кадастры. Пб., 1903. С. 18, 28; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. Т. I. С. 90—92.
- 56 АЕ за 1963 г. С. 326.
- 57 *Веселовский С. Б.* Указ. соч. Т. I. С. 97.
- 58 Катаев, Кабанов. № 10.
- 59 АФЗХ. Ч. II. № 198.
- 60 Катаев, Кабанов. № 23.
- 61 ПРП. Вып. IV. С. 579—580.
- 62 *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 50, 162—164; *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 206; *Веселовский С. Б.* Указ. соч. Т. II. С. 346—357; *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30—50-х годов XVI в. М.; Л., 1958. С. 423—426, 433.
- 63 ПРП. Вып. IV. С. 581.
- 64 *Воронцова Л. Д.* Рукописи серпуховского Высоцкого монастыря // Древности: Тр. Археогр. комис. Моск. Археол. о-ва. М., 1902. Т. II, вып. 2. С. 347—348, 337—346.
- 65 *Сташевский Е. Д.* Опыты изучения писцовых книг Московского государства. Киев, 1907. № 102, 103; Пам. ряз. № 18.
- 66 Таблица описаний уездов в 50-х годах. См. в кн.: *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 432.
- 67 ЦГАДА. ГКЭ. № 5037, 5044.
- 68 *Смирнов И. И.* Указ. соч. С. 424.
- 69 *Воронцова Л. Д.* Указ. соч. С. 337—347; АФЗХ. Ч. II, № 285.
- 70 Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в. Л., 1986, № 27. Белозерская езовая книга 1585 г. С. 18, 107.
- 71 *Шумаков С. А.* Обзор. Вып. 2. С. 144.
- 72 *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. № 102, 103; САС. Вып. I. С. 463; Вып. II. С. 481.
- 73 *Веселовский С. Б.* Указ. соч. Т. II. С. 348.
- 74 *Воронцова Л. Д.* Указ. соч. С. 346.
- 75 АФЗХ. Ч. IV, № 130, 140.
- 75а АФЗХ. Ч. II, № 435; ПКМГ. Отд. I. С. 110; 149, 150; Пам. ряз. № 37, 40.
- 76 *Садиков П. А.* Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. Ч. III, № 54; ЦГАДА. ГКЭ, № 5147; *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 211.
- 77 *Шумаков С.* Сотницы. Вып. I, № 12, 17; ЦГАДА. ГКЭ. № 9703.
- 78 ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. I. Л. 767, 768.
- 79 *Каменцева Е. И., Устюгов Н. В.* Русская метрология. М., 1975. С. 96—97.
- 80 ЦГАДА. ГКЭ. № 8886; *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 45.
- 81 *Воронцова Л. Д.* Указ. соч. С. 337—347.
- 82 *Воронцова Л. Д.* Два документа XVI в. из архива серпуховского Высоцкого монастыря // Древности: Тр. Археогр. комис. Моск. Археолог. о-ва. М., 1900. Т. II, вып. I. С. 172—175; *Садиков П. А.* Из истории опричников XVI в. // Ист. архив. М.; Л., 1940. Т. 3. № 52, 59; *Дьяконов М. А.* Акты. Вып. 2, № 20.
- 83 *Дьяконов М. А.* Акты. Вып. 2, № 21, 24, 25.
- 84 Там же. № 24.
- 85 *Миллюков П. Н.* Указ. соч. С. 167—168; *Дьяконов М. А.* Указ. соч. С. 228.
- 86 *Веселовский С. Б.* Указ. соч. Т. II. С. 430—431.

- ⁸⁷ Шумаков. Сотницы. Вып. 2, № 5; ЦГАДА, ГКЭ. № 5044; АФЗХ. Ч. II. № 347.
 - ⁸⁸ АФЗХ. Ч. IV, № 17, 57; Ч. II, № 1; АРГ. № 228, 252.
 - ⁸⁹ Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. С. 119—123, 304—319.
 - ⁹⁰ ПКМГ. Отд. 2. С. 1110.
 - ⁹¹ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 266—267; Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 224.
 - ⁹² ЦГАДА. ГКЭ. № 9703.
 - ⁹³ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 329—331.
 - ⁹⁴ АГР. Т. II. № 180. Стб. 779.
- Глава II
- ¹ Тихонов Ю. А. Помещичьи крестьяне в России. М., 1974. С. 3—35; Буганов В. И., Преображенский А. А., Тихонов Ю. А. Эволюция феодализма в России. М., 1980. С. 43—52; Данилова Л. В. Изучение истории средневековой России // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1985. С. 164—167.
 - ² Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 280—289.
 - ³ Горская Н. А., Милов Л. В. Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 66—85.
 - ⁴ Аграрная история Северо-Запада. Т. I. С. 352.
 - ⁵ Милов Л. В. О причинах возникновения крепостничества в России // История СССР. 1985. № 3. С. 179—201.
 - ⁶ Беляев И. Д. О доходах Московского государства. М., 1885, С. 61, 106—108; Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразования. СПб., 1890. С. 229—232; Милуков П. Н. Спорные вопросы финансовой политики Московского государства. СПб., 1892. С. 32.
 - ⁷ Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1903. Т. 3. С. 103—114, 355, 361, 364, 365; Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. (1397—1625). СПб., 1910. Вып. 2. С. 41—45, 254.
 - ⁸ Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. II. С. 440—456.
 - ⁹ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 129—201.
 - ¹⁰ Шапиро А. Л. Переход от повитной к повенной системе обложения крестьян владельческими повинностями // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962 г. Киев, 1970. С. 208.
 - ¹¹ Сергеевич В. И. Указ. соч. С. 353—354.
 - ¹² ДДГ. С. 74, 88; АФЗХ. Ч. I, № 103, 172; АСЭИ. Т. II, № 383; Т. III, № 53.
 - ^{12a} АСЭИ. Т. II, № 474; Т. III, № 158; АФЗХ. Ч. III. С. 14—15; Катаев, Кабанов. № 43.
 - ¹³ АФЗХ. Ч. I, № 103; АСЭИ. Т. II, № 383.
 - ¹⁴ АСЭИ. Т. III, № 77; Т. II, № 293; АФЗХ. Ч. I, № 166.
 - ¹⁵ Александров В. А. Обычное право крепостной деревни России XVIII—начала XIX в. М., 1984. С. 30—41, 250.
 - ¹⁶ Спасский И. Г. Происхождение и история русских счетов // Историко-математические исследования. М., 1952. Вып. V. С. 283—302. Симонов Р. А. О вычислительной арифметике // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1978. С. 65—71; Виленчик Б. Я. Новые доказательства существования русского архаического абака // Сов. археология. 1984. № 3. С. 59—65; Симонов Р. А. Модель новгородского денежного абака XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1985. Т. XVI. С. 114—123.
 - ¹⁷ Черепнин Л. В. Русская метрология. М., 1944. С. 37.
 - ¹⁸ АСЭИ. Т. I, № 513, 514, 536, 579; Т. III, № 348—350, 358, 370, 371, 376, 378—384, 386, 387; АФЗХ. Ч. I, № 77; АРГ. № 219, 241; АЮ. № 235, 243 (I—II), 245. Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. С. 153—154.
 - ¹⁹ Шапов Я. Н. Древнерусские княжеские уставы XI—XV вв. М., 1976. С. 176—178; АСЭИ. Т. III. № 6.
 - ²⁰ Торопецкая Книга 1540 г. // АЕ за 1963 г. М., 1964. С. 282.
 - ²¹ АФЗХ. Ч. I, № 201, 205.
 - ²² Там же. № 160.
 - ²³ АСЭИ. Т. III, № 60; АФЗХ. Ч. II, № 178; АПД. Т. I, № 1; АГР. Т. I. С. 233; ГБЛ. АТСЛ. Кн. 530. Л. 119—129 об.; Долговая книга Волоколамского монастыря. С. 158—159; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. М., 1955. С. 59.
 - ^{24—25} САС. Вып. 1. С. 397. Вып. 2. С. 300—475.
 - ²⁶ Сташевский Е. Д. Опыты изучения

- писцовых книг Московского государства XVI в. Киев, 1907. Прил. № 103; Записки ГБЛ. М., 1959. Вып. 21. С. 205—206.
- 27 *Самоквасов Д. Я.* Архивный материал. М., 1905. Т. 1. Отд. 2. С. 239—240. Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 11—14.
 - 28 ЦГАДА. ГКЭ. № 5120; Чтения ОИДР. 1907. Кн. 2. Разд. V. С. 63—64; *Анпилогов Г. Н.* Нижегородские документы XVI в. М., 1977. С. 1—66; ПКМГ. Отд. 1. С. 731—786; Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 1—16, 17—23; АЮ. № 230.
 - 29 *Горская Н. А., Милов Л. В.* Некоторые итоги и перспективы изучения аграрной истории Северо-Запада России // История СССР. 1982. № 2. С. 72—76.
 - 30 *Веселовский С. Б.* Арзамасские поместные акты (1578—1618). М., 1915. № 118; Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. С. 172—173; ПКМГ. Отд. 1. С. 35; Отд. 2. С. 415.
 - 31 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 240; Ф. 196. Кн. 273. Л. 75; Список с писцовой книги г. Свияжска. Казань, 1909. С. 69. *Сташевский.* Указ. соч. Прил. № 103.
 - 32 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 240, 394, 397, 406 об.; ГКЭ. № 6321. Список с писцовой книги г. Свияжска. С. 69, 121—125; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. С. 59; АФЗХ. Ч. I, № 166, 205; Ч. II, № 178.
 - 33 ЦГАДА. ГКЭ. № 7173. Л. 11—16 об., 61—65; ГБЛ. АТСЛ. Кн. 518. Л. 438, 440 об.; ПКМГ. Отд. 1. С. 662, 663, 668, 671.
 - 34 Материалы по истории крестьян в России XI—XVII вв. Л., 1958. С. 70—73.
 - 35 АФЗХ. Ч. III. С. 43—47; ААЭ. Т. I. С. 420—421; ПКМГ. Отд. 1. С. 731—750, 893—919; Отд. 2. С. 935, 1537—1549; Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 171.
 - 36 Летопись занятий Археографической комиссии. Л., 1926. Вып. 33. С. 193—200.
 - 37 *Горская Н. А.* Урожайность зерновых культур в центральной части Русского государства в конце XVI—начале XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1961 г. Рига, 1963. С. 148—164. Она же. Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVI в. М., 1977. Ч. 1. С. 72—73.
 - 38 *Индова Е. И.* Урожай в Центральной России за 150 лет (Вторая половина XVII—XVIII в.) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1965 г. М., 1970. С. 144—145.
 - 39 ПКМГ. Отд. 2. С. 291. Торопецкая книга 1540 г. // АЕ за 1963 г. С. 317—357. *Дмитриева З. В.* Организация обложения в крупной монастырской вотчине в XVI—XVII вв. Рукопись канд. дис. 1986. С. 81, 227.
 - 40 *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Россия на путях феодализма. М., 1972. С. 198.
 - 41 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Л. 435—509; Кн. 175, 643; *Анпилогов Г. Н.* Указ. соч. С. 1—66; САС. Вып. 2. С. 6—183; Белозерская езовая книга 1585 г.; Список с писцовой книги г. Свияжска. С. 64; Ист. архив. 1940. Т. 3. С. 186—187; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 120—123.
 - 42 ЦГАДА. Ф. 141. 1680 г. д. 383. Л. 85—99; Чтения ОИДР. 1907. Кн. 2. Разд. V. С. 63—64; Пам. ряз. № 47; ПКМГ. Отд. 2. С. 1541—1549; ДНГУАК. 1908. Т. VII. С. 152—158.
 - 43 ЦГАДА. ГКЭ. № 5117, 5120; АИ. Т. I, № 219; АЮ. № 104.
 - 44 ЦГАДА. ГКЭ. № 2344; ПСРЛ. М., 1965. Т. 13. С. 384; АГР. Т. I. С. 233; АПД. Т. I, № 1; АИ. Т. I. № 218; *Рожков Н. А.* Указ. соч. С. 431—433.
 - 45 *Дионисий.* Можайские акты. СПб., 1892. С. 36—42; АФЗХ. Ч. III. С. 102; ААЭ. Т. I. № 216, 240.
 - 46 Аграрная история Северо-Запада. Т. I. С. 119—123, 142, 144, 175, 212—226; Т. II. С. 105, 178—181, 191—192, 196—197, 203—208; Т. III. С. 107—109, 137—138; *Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С.* Пришехнинские езовые дворцовые волости в XVI в. // Проблемы истории крестьянства Европейской части России. Пермь, 1982. С. 48—64; *Ермолаев И. П., Липаков Е. В.* Крестьяне дворцовых сел Казанского уезда в конце XVI — первой половине XVII в. // Исследования по истории крестьянства Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1984. С. 8—26.
 - 47 АФЗХ. Ч. II, № 178, 198, 295.
 - 48 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175. Ф. 141. 1680 г. № 383. Л. 85—99; АФЗХ. Ч. II, № 178; АГР. Т. I. С. 233; Ист. архив. 1940. Т. 3. С. 186—187; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 120—123; ПКМГ. Отд. 2. С. 291, 1541—1549; АПД, № 1; АЮ. № 104; САС. Вып. 2. С. 6—177; Пам. ряз. № 47.

- 49 Белозерская езовая книга 1585 г.; АФЗХ. Ч. III. С. 102.
- 50 ЦГАДА. ГКЭ. № 5120; *Анпилогов Г. Н.* Указ. соч. С. 1—66; Чтения ОИДР. 1907. Кн. 2. Разд. V. С. 63—64.
- 51 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 240, 394, 397; Кн. 153. Л. 435—509; Список с писцовой книги г. Свияжска. С. 64, 121—122.
- 52 ЦГАДА. Ф. 1209. Оп. 3. № 17237; НПК. Т. V. С. 287, 316; Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 106; Т. III. С. 107.
- 53 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 7513. Л. 76 об., 134 об., 137—140 об. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. С. 172—173; ДНГУАК. 1908. Т. VII. С. 152—158.
- 54 Белозерская езовая книга 1585 г. С. 20.
- 55 АФЗХ. Ч. II, № 198.
- 56 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175; *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. № 103.
- 57 АФЗХ. Ч. II. № 178. С. 176, 198.
- 58 АЮ. № 228; Белозерская езовая книга 1585 г. С. 52—60.
- 59 Белозерская езовая книга 1595 г. С. 53.
- 60 АФЗХ. Ч. III. С. 125; *Веселовский С. Б.* Арзамасские поместные акты (1578—1618). М., 1915. № 6.
- 61 АПД. Т. I. № 1; САС. Т. 2. С. 6—183.
- 62 ЦГАДА. Ф. 141. 1680 г. № 383. Л. 85—99; Ф. 1209. Кн. 175. Л. 60 об. — 61.
- 63 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Л. 435—509.
- 64 АФЗХ. Ч. I. № 166; Ч. II. № 178, 198, 295.
- 65 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643; ПКМГ, Отд. 2. С. 1541—1549; Список с писцовой книги г. Свияжска.
- 66 ЦГАДА. ГКЭ. № 5120. Л. 5 об. — 7.
- 67 *Романова Г. Я.* Наименование мер длины в русском языке. М., 1975. С. 87—91.
- 68 *Тихонов Ю. А.* Помещичьи крестьяне в России. С. 126, 130; *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне в XVII веке. М., 1977. С. 200.
- 69 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 153. Л. 435—509.
- 70 АИ. Т. I. № 223, 230.
- 71 ЦГАДА. ГКЭ. № 11861. Л. 5—8; *Шумаков. Обзор.* Вып. 2. С. 120—123; ЦГАДА. Ф. 141. 1680 г. Л. 90.
- 72 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175.
- 73 Россия. Полное географическое описание нашего отечества / Под ред. В. П. Семенова. СПб., 1902. Т. II. С. 305.
- 74 ЦГАДА. Ф. 141. 1680 г. № 383. Л. 85, 99; *Анпилогов Г. Н.* Указ. соч. С. 1—66; ДНГУАК. 1908. Т. 7. С. 132—138; АФЗХ. Ч. II. № 178.
- 75 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175. Л. 22—22 об.
- 76 Там же. Л. 91—92 об., 84 об.—85.
- 77 Белозерская езовая книга 1585 г. С. 107, 29, 48, 58; АЮ. № 228.
- 78 *Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С.* Указ. соч. С. 50, 52.
- 79 Белозерская езовая книга 1585 г. С. 17—19, 96.
- 80 ЦГАДА. Ф. 141. 1680 г. № 383. Л. 88, 89, 92.
- 81 ДНГУАК. 1908. Т. VII. С. 157.
- 82 АИ. Т. I. № 171.
- 83 ЦГАДА. ГКЭ. № 11861. Л. 7 об. — 8.
- 84 АПД. Т. I, № 1. С. 5.
- 85 ЦГАДА. ГКЭ. № 11861.
- 85а Там же.
- 86 *Горская Н. А.* Монастырские крестьяне Центральной России. С. 84—206. 340—341.
- 87 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175.
- 88 САС. Вып. 2. С. 83, 96, 98, 121, 131, 132.
- 89 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175. Л. 23—25 об.
- 90 *Веселовский С. Б.* Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Ист. зап. 1941. Т. 10.
- 91 *Рожков Н. А.* Указ. соч. С. 402; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина. М., 1977. С. 185—188; *Ивина Л. И.* Крупная вотчина Северо-Восточной Руси конца XVI — первой половины XVII в. Л., 1979. С. 196.
- 92 *Васильев Ю. С.* Аграрные отношения в Поморье XVI—XVII вв. Сыктывкар, 1979. С. 68.
- 93 ААЭ. Т. I. С. 425.
- 94 ПКМГ. Отд. I. С. 391—608.
- 95 АСЭИ. Т. III. № 60; Долговая книга Волоколамского монастыря. С. 158—159; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. С. 59.
- 96 АФЗХ. Ч. I, № 205.
- 97 ГБЛ. Кн. 518. Л. 438 об. — 440 об.; АФЗХ. Ч. III. С. 248, 267, 287—288; ВХК. 1983. Вытны книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря. С. 417—418.
- 98 АФЗХ. Ч. III. С. 153, 224—225.
- 99 ЦГАДА. ГКЭ. № 9703; Социально-правовое положение северного крестьянства: (Досоветский период). Вологда, 1981. С. 183; *Шумаков С. А.* Сольвыгодские сотницы 7094 г. М., 1905. С. 8—10.
- 100 Исторические материалы, грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря 1580—1764 гг. Вятка, 1906, С. 11—13. *Шумаков. Сотницы.* Вып. 5. С. 56.

- ¹⁰¹ АФЗХ. Ч. II, № 347, 376; Долговая книга Волоколамского монастыря. С. 158.
- ¹⁰² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 240, 394—424; *Иванов Ю. Н.* Феодалы и повинности крестьянства в вотчине Казанского архиерейского дома во второй половине XVI—первой четверти XVII века // Исследования по истории крестьянства Татарии до октябрьского периода. Казань, 1984. С. 29—30.
- ¹⁰³ ЦГАДА. ГКЭ. № 6431; Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 1—27.
- ¹⁰⁴ ПКМГ. Отд. 1. С. 731—786; Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 1—12.
- ¹⁰⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 207.
- ¹⁰⁶ ПКМГ. Отд. 1. С. 655—659; Отд. 2. С. 1—23.
- ¹⁰⁷ ГИМ ОР. Ф. Уварова. Кн. 475. Л. 280 об. — 281 об., 310 об. — 311, 315; ЦГАДА. ГКЭ. № 7123. Л. 88—95.
- ¹⁰⁸ ПКМГ. Отд. 2. С. 36—39.
- ¹⁰⁹ АСЭИ. Т. I, № 594; АФЗХ. Ч. II, № 205.
- ¹¹⁰ АСЭИ. Т. I, № 628.
- ¹¹¹ АСЭИ. Т. III, № 60.
- ¹¹² Долговая книга Волоколамского монастыря. С. 158—159.
- ¹¹³ АФЗХ. Ч. I, № 205; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 404—420; Список с писцовой книги г. Свияжска. С. 117—124; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. С. 59; *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. М., 1954. т. II. С. 52.
- ¹¹⁴ ГБЛ. АТСЛ. Кн. 518. Л. 438 об. — 440; ЦГАДА. ГКЭ. № 7173. Л. 11—16 об.; 61—65.
- ¹¹⁵ ГКЭ. № 9703; Исторические материалы, грамоты и акты Вятского Успенского Трифонова монастыря. С. 11—13.
- ¹¹⁶ Материалы по истории крестьян в России XI—XVII в. С. 70—73.
- ¹¹⁷ Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. С. 59.
- ¹¹⁸ *Греков Б. Д.* Крестьяне на Руси. Т. II. С. 52.
- ¹¹⁹ РИБ. Т. 32, № 142.
- ¹²⁰ Список с писцовой книги г. Свияжска. С. 117—124.
- ¹²¹ ЛОИИ. К. 41. № 67; ГБЛ. АТСЛ. Кн. 518. Л. 84 об — 85; ЦГАДА. ГКЭ. № 1804, 8886.
- ¹²² АФЗХ. Ч. I, № 223.
- ¹²³ *Тихонов Ю. А.* Феодалы и рента в России (Конец XVI — первая половина XVII в.) // *Вопр. истории* 1972. № 10.
- ¹²⁴ ПКМГ. Отд. 1. С. 742.
- ¹²⁵ Там же. С. 750, 741, 744, 745, 747. В советской исторической науке сложилась традиция под термином «комплекс» понимать село (несколько сел), с «тянушимися» к нему деревнями. Это обособленная в административно-хозяйственном плане часть имения.
- ¹²⁶ Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 4.
- ¹²⁷ ПКМГ. Отд. 1. С. 896.
- ¹²⁸ Чтения ОИДР. 1902. Кн. 2. С. 151—182.
- ¹²⁹ ПКМГ. Отд. 1. С. 54, 58, 62—66, 70, 83, 278—280.
- ¹³⁰ Там же. С. 611. Отд. II. С. 15—19.
- ¹³¹ ААЭ. Т. I, № 348 (II, III); ПКМГ. Отд. I. С. 86—95.
- ¹³² ПКМГ. Отд. 2. 1—8. С. 418—420.
- ¹³³ ВХК. 1978. С. 112.
- ¹³⁴ ВХК. 1983. С. 358—433.
- ¹³⁵ Там же. С. 406—408, 416—417.
- ¹³⁶ Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 1—12.
- ¹³⁷ *Рубцов М. К.* Материалам для церковной и бытовой истории Тверского края в XV—XVI вв. Старица, 1905. Вып. 2. С. 41.
- ¹³⁸ *Милов Л. В., Булгаков М. Б., Гарскова И. М.* Об экономической структуре поместья и вотчины начала XVII в.: (Опыт количеств. анализа) // *Россия на путях централизации*. М., 1982. С. 125—146.
- ¹³⁹ АЕ за 1963 г. С. 317—357.
- ¹⁴⁰ Там же. С. 330; ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643. Л. 244—249, 253—254.
- ¹⁴¹ *Самокасов Д. Я.* Указ. соч. М., 1905. Т. I. Отд. 2. С. 239—240.
- ¹⁴² ГБЛ. АТСЛ. Кн. 530. Л. 119—120 об.; Кн. 518. Л. 330; АТСЛ. № 332; Пам. ряз. № 45, 79, 82; АФЗХ. Ч. II. № 256, 282, 286, 318, 338, 342, 343; ПКМГ. Отд. 2. С. 1549; Сб. Муханова. № 348.
- ¹⁴³ АРГ. № 172, 193, 196, 211, 212, 259; АФЗХ. Ч. II. № 248, 274; Чтения ОИДР. 1848. Кн. 3. С. 36; 1916. Кн. 2. С. 15; Шумаков. Сотницы. Вып. 5. С. 27. ЦГАДА. ГКЭ. № 3773, 10259, 15170; ГБЛ. АТСЛ. № 283. Кн. 520. Л. 141 об. — 143; *Рожков Н. А.* Указ. соч. С. 129—130.
- ¹⁴⁴ *Рожков Н. А.* Указ. соч. С. 176—177, 180.
- ¹⁴⁵ ГБЛ. АТСЛ. Кн. 531. По Суздалью № 5.
- ¹⁴⁶ Еще в 1962 г. я выступила против стойко бытовавшего в литературе той

- поры представления об изживании холопства в XV—XVI вв. В частности, подробно были рассмотрены статьи о холопах Судебника 1497 и 1550 гг., которые обычно приводили в качестве аргумента, якобы подтверждающего тезис об изживании холопства. Та же точка зрения была повторена мною в монографии и развита в специальной работе, в которых на основе фундаментальных работ В. И. Ленина и советской историографии делался вывод об удивительной «живучести» рабства и его модификаций, существующих при *всех* антагонистических формациях. К монографии приложен перечень, указывающий на специализацию холопов в XV—XVI в. В XVI в. исчезло полное холопство, носившее крайние черты уничижительности, но взамен оформилось и развилось докладное и кабальное холопство. (Колычева Е. И. Полные и докладные грамоты XV—XVI в. // АЕ за 1961 г. М., 1962. С. 54—55, 62; *Она же*. Холопство и крепостничество. (Конец XV—XVI в.) М., 1971. *Она же*. Некоторые проблемы рабства и феодализма в трудах В. И. Ленина и советской историографии. // Актуальные проблемы истории России эпохи феодализма. М., 1970. С. 120—147). Поэтому удивляет выступление В. М. Воробьева, который всех своих предшественников причисляет к сторонникам теории об изживании холопства. (Воробьев В. М. Изживалось ли холопство в поместьях Северо-Запада России середины XVII—начала XVIII века. // Ист. СССР. 1983. № 4).
- ¹⁴⁷ ЦГАДА. ГКЭ. № 15170; ПКМГ. Отд. 2. С. 1549; ГБЛ. АТСЛ. Кн. 530. По Москве. Л. 119—120 об.
 - ¹⁴⁸ ЦГАДА. ГКЭ. № 6320; АФЗХ. Ч. IV. № 177.
 - ¹⁴⁹ АФЗХ. Ч. III. С. 141—142, 143, 323; Ч. IV. № 98.
 - ¹⁵⁰ Веселовский С. Б. Арзамасские поместные акты. № 14.
 - ¹⁵¹ Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий: (Период феодализма). Ч. III. XVI век / Под ред. А. М. Сахарова. М., 1972. С. 111. (Публикация В. Д. Назарова).
 - ¹⁵² ПКМГ. Отд. 2. С. 662, 663, 668, 671.
 - ¹⁵³ Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 127—136.
 - ¹⁵⁴ Копанев А. И. История землевла-
 - дения Белозерского края XV—XVI вв. М., Л., 1951. С. 127; *Зимин А. А.* Опричнина Ивана Грозного. М., 1964. С. 274, 279—280.
 - ¹⁵⁵ Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 154—163.
 - ¹⁵⁶ Аграрная история Северо-Запада. Т. III. С. 27.
 - ¹⁵⁷ ВХК. 1983. С. 382—383, 386—387.
 - ¹⁵⁸ ПКМГ. Отд. 2. С. 464, 469.
 - ¹⁵⁹ Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 227—232.
 - ¹⁶⁰ Корецкий В. И. Правая грамота Троице-Сергиеву монастырю 1618 г. // Записки ОР ГБЛ. М., 1959. Вып. 21. С. 205—206; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 318—323; Садиков П. А. Указ. соч.; Документ. № 23.
 - ¹⁶¹ Шумаков. Сотницы. Вып. 5. С. 50—57; Социально-правовое положение северного крестьянства. Вологда, 1981. С. 167—168 (Публикация Ю. С. Васильева, Н. П. Воскобойниковой).
 - ¹⁶² Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 14.
 - ¹⁶³ АИ. Т. I. № 217; Белозерская езовая книга 1585 г. С. 20, 170, 181, 183. Корецкий В. И. Правая грамота. С. 211.
 - ¹⁶⁴ САС. Вып. I. С. 444, 463, 467, 485; ЦГАДА. Ф. 1209. Д. 1126. Л. 31—46.
 - ¹⁶⁵ АЕ за 1963 г. С. 288—316; *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. № 102.
 - ¹⁶⁶ ЦГАДА, ГКЭ. № 6319, 6321; *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. № 102. 103; Садиков П. А. Указ. соч.; Документ. № 23; ЦГАДА. Ф. 196. Кн. 273. Л. 73.
 - ¹⁶⁷ Корецкий В. И. Правая грамота. С. 205—209; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 154—163; Садиков П. А. Указ. соч. Документ. № 23; Белозерская езовая книга 1585 г. С. 182—183; Социально-правовое положение северного крестьянства. С. 167—168; САС. Вып. I. С. 397; Вып. 2. С. 301—475.
 - ¹⁶⁸ ЦГАДА. Ф. 1209. Д. 1126. Л. 31—46.
 - ¹⁶⁹ Копанев А. И. Куростровские столбцы XVI в. // САС. Вып. I. С. 398—431. *Он же*. О соотношении государственных и волостных платежей черносошных крестьян 40-х годов XVI в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1968 г. Л., 1972.
 - ¹⁷⁰ Аграрная история Северо-Запада. Т. III. С. 28—36, 180—183.

- ¹⁷¹ САС. Вып. 2. С. 153—290.
 - ¹⁷² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II.
 - ¹⁷³ Российское законодательство X—XX веков: Законодательство Древней Руси. М., 1984. Т. I. С. 251, 334.
 - ¹⁷⁴ АСЭИ. Т. I, № 29, 115, 237, 289, 345, 400, 458, 518, 575, Т. III, № 65, 238, 269, 491.
 - ¹⁷⁵ АСЭИ. Т. I. № 215, 239, 333, 337, 376, 435, 576; Т. III. № 24, 25, 88, 94.
 - ¹⁷⁶ ЦГАДА. Ф. 196, № 237. Л. 62—71; Долговая книга Волоколамского монастыря. С. 158—159; Материалы по истории крестьян в Русском государстве XVI в. С. 59.
 - ¹⁷⁷ Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 127—136; АФЗХ. Ч. II, № 178; АГР. Т. I. С. 233; АЕ за 1963 г. С. 317—356.
 - ¹⁷⁸ ВХК. 1983. С. 306.
 - ¹⁷⁹ АСЭИ. Т. III. № 189; АРГ. № 18; АИ. Т. I, № 137. Акты Юшкова. № 75; ААЭ. Т. I. № 183.
 - ¹⁸⁰ Щенетов К. Н. Сельское хозяйство в вотчинах Иосифо-Волоколамского монастыря в конце XVI в. // Ист. зап. 1948. Т. 18. С. 144—147; Каштанов С. М. К проблеме происхождения феодального иммунитета // Науч. докл. высш. шк. Ист. науки. 1959. № 4. С. 106—121.
 - ¹⁸¹ ВХК. 1978. С. 1—7.
 - ¹⁸² АФЗХ. Ч. II, № 435.
 - ¹⁸³ ВХК. 1978. С. 114—117.
 - ¹⁸⁴ ЦГАДА. ГКЭ. № 6431; Рубцов М. Указ. соч. С. 45—48.
 - ¹⁸⁵ Шумаков. Сотницы. Вып. 6. С. 9—10; ПКМГ. Отд. I. С. 896; Отд. 2. С. 78; ААЭ. Т. I. № 307.
 - ¹⁸⁶ ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175. Л. 86.
- Глава III
- ¹ Послания Иосифа-Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зимина и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959. С. 183, 195, 196, 225, 226, 229, 230; Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (Конец XV—XVI в.). М., 1977. С. 246—250, 276—280; Сидницина Н. В. Нестыжателство и русская православная церковь XIV—XVI веков // Религии мира: История и современность, 1983. М., 1983.
 - ² Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.; Л., 1951. С. 15, 22, 27, 76, 87, 213.
 - ³ Веселовский С. Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI в. // Ист. зап. М., 1943, С. 95—116.
 - ⁴ Каштанов С. М. Итоги финансовой политики в Русском государстве к середине XVI в. // Ист. СССР. 1985. № 4. С. 118—131; Он же. Отмена тарханов в России в середине XVI в. // Ист. СССР. 1986. № 6. С. 40—60.
 - ⁵ Российское законодательство X—XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985. С. 373—374.
 - ⁶ Там же. С. 271, 353.
 - ⁷ Там же. С. 275, 373.
 - ⁸ Там же. С. 270, 350.
 - ⁹ Там же. С. 352, 353, 376—378.
 - ¹⁰ Каштанов С. М. Финансовая политика периода опричнины // Россия на путях централизации. М., 1982. С. 77—89.
 - ¹¹ АФЗХ. Ч. II. № 302.
 - ¹² Известно пять оброчно-несудимых грамот, выданных в январе 1534 г. (АФЗХ. Ч. II, № 130, 131, 133—135). Возможно, писец допустил опisku в количестве грамот, написав шесть вместо пяти. Одна его ошибка обнаруживается сразу: дату переутверждения актов Иваном IV он изменил на десятилетие — 7069 г. вместо 7059.
 - ¹³ Зимин А. А. О дипломатике жалованных грамот Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 175.
 - ¹⁴ АФЗХ. Ч. II, № 261.
 - ¹⁵ Там же. № 136; Каштанов С. М. Социально-политическая история России конца XV—первой половины XVI в. М., 1967. С. 290, 292; Он же. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 57; Зимин А. А. О дипломатике... С. 171.
 - ¹⁶ АФЗХ. Ч. II, № 87, 103.
 - ¹⁷ ВХК. 1980. С. 8, 54.
 - ¹⁸ ПРП. Вып. IV. С. 532; Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985. С. 84—88.
 - ¹⁹ ВХК. 1980. С. 5, 72, 76, 78, 79, 108, 113, 116.
 - ²⁰ Там же. С. 61, 114, 115, 117.
 - ²¹ АФЗХ. Ч. II. № 290, 296, 302 (С. 318), 311.
 - ²² Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. С. 217.
 - ²³ Там же. С. 160.
 - ²⁴ ВХК. 1980. С. 17—18, 93—94.
 - ²⁵ ВХК. 1978. С. 1—14.
 - ²⁶ ВХК. 1978. С. 18—38.
 - ²⁷ ВХК. 1979. С. 289—290.
 - ²⁸ Там же. С. 72.
 - ²⁹ ВХК. 1980. С. 116.

- 30 *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 5—7.
- 31 Там же. С. 22, 32, 38, 39.
- 32 Там же. С. 13—14.
- 33 ВХК. 1980. С. 22; АФЗХ. Ч. II, № 360, 362, 367.
- 34 Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. I. С. 91.
- 35 *Шмидт С. О.* О послании Ивана Грозного в Кирилло-Белозерский монастырь: (Постановка вопроса) // ТОДРЛ. Т. 24. С. 163—166.
- 36 Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 162—192.
- 37 Опись архива Посольского приказа. С. 258.
- 38 *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 16—17.
- 39 Опись архива Посольского приказа. С. 315—316.
- 40 *Строев П. М.* Список иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877.
- 41 *Толстой Ю. В.* Первые сорок лет сношений между Россией и Англией 1553—1593 г. СПб., 1875. С. 181—182, 186—188.
- 42 *Воронцова Л. Д.* Вкладная книга серпуховского Высоцкого монастыря. М., 1898. С. 9, 19, 20.
- 43 ЦГАДА. ГКЭ. № 7172.
- 44 ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 205.
- 45 *Горей Д.* Записки о Московии XVI в. СПб., 1909. С. 30—31; *Флетчер Д.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 50.
- 46 *Каштанов С. М.* Очерки дипломатики. С. 150—217.
- 47 *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 33—39.
- 48 *Севастьянова А. А.* Записки Джерома Горсея о России в конце XVI—начале XVII в. // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сборник трудов МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1974. С. 97.
- 49 ВХК. 1980. С. 122; АФЗХ. Ч. II, № 298, 362, 367.
- 50 АФЗХ. Ч. II, № 367. Наши отточия в приведенном отрывке не имеют никакого отношения к дефектным местам.
- 51 *Каштанов С. М.* Очерки. С. 150—217.
- 52 АФЗХ. Ч. II, № 316, 334, 339, 354, 359.
- 53 Там же. № 369.
- 54 ВХК. 1978. С. 29.
- 55 Разрядная книга 1475—1598. М., 1966. С. 292, 306.
- 56 ВХК. 1980. С. 138.
- 57 Там же. С. 150.
- 58 Практика освобождения некоторых монастырей от ямчужного дела и полоняничных денег имела место в жалован-ных грамотах 70-х годов. (*Каштанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 154—156, 166),
- 59 ВХК. 1980. С. 153, 157, 163, 173.
- 60 *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. С. 103.
- 61 Путешествие русских послов XVI—XVII вв. М.; Л., 1954. С. 144; ЛОИИ. Ф. 174. Оп. 1. № 438; *Чаев Н. С.* К вопросу о сыске и прикреплении крестьян в Московском государстве в конце XVI в. // Ист. зап. 1940. Т. 6.
- 62 *Корецкий В. И.* Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI века. М., 1970. С. 93—96.
- 63 ВХК. 1980. С. 189, 193, 203.
- 64 *Никольский Н. К.* Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. СПб., 1910. Т. I, Вып. 2. Прил. С. ССХХII.
- 65 *Флоря Б. Н.* Война между Россией и Речью Посполитой на заключительном этапе Ливонской войны и внутренняя политика Ивана IV // Вопр. историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М., 1973. С. 198, 199. Мнения об отмене тарханов ранее 1584 г. придерживается и С. М. Каштанов, но неизвестна система его доказательств.
- 66 *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 79—81.
- 67 ВХК. 1978. С. 28—48.
- 68 *Черепнин Л. В.* Указ. соч. С. 130—131.
- 69 ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. I. Л. 775 об.—776.
- 70 СГГД. Ч. I, № 200.
- 71 *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1895. Т. II. С. 258.
- 72 СГГД. Ч. I, № 182, 189, 192, 193, 196.
- 73 ВХК. 1980. С. 148, 174.
- 74 Там же. С. 156, 175, 178.
- 75 *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 72—73.
- 76 См. гл. IV.
- 77 *Скрынников Р. Г.* Указ. соч. С. 74.
- 78 *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина. С. 183.
- 79 СГГД. Ч. I, № 182, 189.
- 80 Там же. № 196.
- 81 Там же. № 192.
- 82 Там же. № 182, 183.
- 83 АИ. Т. I, № 173.
- 84 *Маньков А. Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 195—198.
- 85 *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в Северо-Восточной Руси. С. 99. *Зимин А. А.* Историко-правовой

- обзор Сводного Судебника // ПРП. Вып. IV. С. 559—560. Шмидт С. О. Становление Российского самодержавства. М., 1973. С. 183.
- 85 Флора Б. Н. Указ. соч. С. 185. Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 69—70.
- 86 Каштанов. ХП. 2.
- 87 ЦГАДА. Ф. 1203. Оп. 2. № 1; Оп. 1. Кн. 1, л. 423—429.
- 88 ВХК. 1978. С. 28—38.
- 89 Временник МОИДР. М., 1850. Кн. 6. С. 27, 44, 65, 69, 116. Приношу искреннюю признательность Б. Н. Флоре, любезно указавшему мне на упоминание «тархани» в описании 80-х годов.
- 90 ВХК. 1977. С. 29.
- 91 Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI в. М., 1899. С. 266—269. Аграрная история Северо-Запада России. Т. II. С. 284.
- 92 Каштанов. ХП. 2. № 1039, 1049.
- 93 Там же. № 647, 1004.
- 94 Там же. № 649, 650, 781, 784, 850, 862, 871, 872, 909, 910, 913.
- 95 Там же. № 1035. ХП. 1. № 194.
- 96 АФЗХ. Ч. III. С. 29—31, 36—37, 360—362.
- 97 Там же. Ч. II, № 302, 367.
- 98 Древнероссийская Вивлиофика. Прил. Ч. VII. С. 170.
- 99 СГГД. Ч. I, № 202.
- 100 Опись архива Посольского приказа 1626 г. С. 68.
- 101 Буганов В. И., Корецкий В. И. Указ. соч. С. 152—153.
- 102 СГГД. Ч. II, № 140. С. 298.
- 103 Там же. № 138. Сравни: № 59.
- 104 ЦГАДА. ГКЭ. № 5120.
- 105 Скрынников Р. Г. Указ. соч. С. 73.
- 106 ЦГАДА. ГКЭ. № 1892. В тексте употреблено также выражение «по уложению царя Бориса». Однако исходя из смысла текста нет оснований считать, что под «уложением» здесь подразумевается не единичное, разовое волеизъявление, а новый кодекс землевладельческого права.
- 107 Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. С. 211.
- 108 АФЗХ. Ч. II, № 393.
- 109 Там же. № 370, 377.
- 110 Там же. № 429.
- 111 Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина. С. 211—220.
- 112 Рождественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве. СПб., 1897, с. 118.
- 113 АФЗХ. Ч. II, № 371.
- 114 ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. 1. Л. 730—731, 733 об.
- 115 АФЗХ. Ч. I, № 55.
- 116 ЦГАДА. ГКЭ. № 6421, 6422.
- 117 Там же. № 6425.
- 118 Там же. № 6423, 6424.
- 119 Там же. № 6427.
- 120 ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. 1. Л. 669 об.—670 об.
- 121 Там же. Л. 753—754 об., 762—763 об.
- 122 ПКМГ. Отд. 1. С. 879, 881, 891.
- 123 Там же. С. 881, 883, 884.
- 124 Там же. С. 804—806.
- 125 ЦГАДА. ГКЭ. № 5127, 14777.
- 126 Там же. № 5120. Л. 9 об.—10.
- 127 Зимин А. А. «Хозяйственный кризис» 60—70-х годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Сб. 5.
- 128 Рожков Н. А. Указ. соч. С. 233—234.
- 129 Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1915. Т. I. С. 141.
- 130 Абрамович Г. В. Государственные повинности владельческих крестьян Северо-Западной Руси в XVI—первой четверти XVII в. // Ист. СССР. 1972. № 3. С. 65—70, 76.
- 131 Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. С. 137.
- 132 ВХК. 1978. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря. С. 28—48, 57—64, 72—90, 97—104, 130—136.
- 133 Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (Конец XV—XVI в.). С. 186—188.
- 134 АФЗХ. Ч. II. № 302, 367.
- 135 ВХК. 1978. С. 28—42.
- 136 Скрынников Р. Г. Россия после опричнины. Л., 1975. С. 64, 68, 86.
- 137 ЦГАДА. Ф. 1203. Кн. 1. Л. 753—754 об.; Вахрамеев И. А. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря. М., 1896. Т. I. № 52—55.
- 138 Веселовский С. Б. Сошное письмо. Т. I. С. 141.
- 139 АСЭИ. Т. III, № 389; АРГ. № 107, 130.
- 140 ПСРЛ. Т. XXII. Ч. 1. М., 1911. С. 527; Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и XVI в.: Автореф. докт. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 27.
- 141 ЦГАДА. ГКЭ. № 11861, Л. 8; Шумаков. Обзор. Вып. 2. С. 123; АФЗХ. Ч. II, № 45, 48, 112.
- 142 ЛОИИ. К-11. № 100; ЦГАДА. Ф. Соловецкий монастырь. № 209. Л. 47 об.; РИБ. Л., 1924. Т. 37. Стб. 10. Никольский Н. К. Кирилло-Белозерский

- монастырь и его устройство во второй четверти XVII в. СПб., 1910. Т. I. Вып. 2. Прил.
- ¹⁴³ АЮ. № 209 (V, VI); РИБ. Пг., 1915. Т. 32, № 336, 339.
- ¹⁴⁴ Вахрамеев И. А. Указ. соч. № 43, 49; Катаев, Кабанов. № 63.
- ¹⁴⁵ Шумаков С. А. Сольвычегодские сотницы 7094 г. С. 7.
- ¹⁴⁶ ЦГАДА. Ф. 137. Новгород. Кн. 11. С. 90, 664—665.
- Глава IV**
- ¹ Обзор историографии дан в кн.: Греков Б. Д. Крестьяне на Руси. М., 1954. Т. II. С. 233—242.
- ² Аграрная история Северо-Запада. Т. II С. 293—299.
- ³ Абрамович Г. В. Новгородское поместье в годы экономического кризиса последней трети XVI в. // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1974. Т. VII. С. 5—26.
- ⁴ Рожественский С. В. Служилое землевладение в Московском государстве. СПб., 1897. С. 87. Абрамович Г. В. Указ. соч. С. 5—6. Дегтярев А. Я. Русская деревня в XV—XVII вв.: Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 113, 125.
- ⁵ Рожков Н. А. Сельское хозяйство Московской Руси в XVII в. М., 1899. С. 291—367.
- ⁶ Дорошенко В. В. Очерки аграрной истории Латвии в XVI в. Рига, 1960; Милов Л. В. О роли переложных земель в русском земледелии второй половины XVIII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1961 г. Рига, 1963. С. 279—289. Юргинис Ю. М. О сельскохозяйственных системах, предшествующих трехполью // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1960 г. Минск, 1962. Он же. Влияние аграрной реформы середины XVI в. на производительные силы Литвы // Проблемы аграрной истории. Минск, 1978. Ч. 1.
- ⁷ Зимин А. А. «Хозяйственный кризис» 60—70-х годов XVI в. и русское крестьянство // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962. Т. V. С. 20; Каштанов С. М. К изучению причинны Ивана Грозного // Ист. СССР. 1963. № 2. С. 114—115.
- ⁸ Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 106—126.
- ⁹ Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 290—291; Т. III. С. 136.
- ¹⁰ Новгородские писцовые книги. СПб., 1910. Т. VI. С. 581; Ист. архив. М., 1951. Т. VII. С. 221.
- ¹¹ Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 233.
- ¹² Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889. С. 10; Аграрная история Северо-Запада. Т. III. С. 9, 67, 139; ПСРЛ. Т. 37. С. 103.
- ¹³ Пам. ряз. № 18; АРГ. № 252.
- ¹⁴ ПСРЛ. Т. 34. С. 186.
- ¹⁵ Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI—XVII в. Казань, 1982. С. 16—28.
- ¹⁶ Чтения ОИДР. 1895. Кн. 3. С. 68—69; Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. М., 1937. С. 169; ПСРЛ. Т. 13. С. 388, 405.
- ¹⁷ Титов А. А. Указ. соч. С. 13; Чтения ОИДР. 1895. Кн. 3. С. 68—69. Маньков А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.; Л., 1951. С. 31—32, 115—116.
- ¹⁸ Аграрная история Северо-Запада. Т. III. С. 9, 12; АЮ. № 228.
- ¹⁹ ГИМ. Ф. Уварова. Кн. 475. Л. 5; Псковские летописи. С. 240, 243, 245, 248.
- ²⁰ Псковские летописи. С. 240, 244.
- ²¹ ГИМ. Ф. Уварова. Кн. 475. Л. 5, 6 об., 20; ПСРЛ. Т. 13. С. 403—404; Псковские летописи. С. 249—250.
- ²² Аграрная история Северо-Запада. Т. II С. 65—66.
- ²³ Симсон П. История Серпухова. М., 1880. С. 328.
- ²⁴ Сташевский Е. Д. Опыты изучения писцовых книг Московского государства XVI в. Киев, 1907. Вып. 1, № 102, 103.
- ²⁵ ПКМГ. Отд. 1. С. 720.
- ²⁶ Маньков А. Г. Указ. соч. С. 31.
- ²⁷ ПСРЛ. Т. XIII. С. 332, 403; АФЗХ. Ч. II. № 302.
- ²⁸ АФЗХ. Ч. IV. № 130; Шумаков. Сотницы. Вып. 1, № 5, 7.
- ²⁹ АФЗХ. Ч. III. С. 20—28; Шумаков. Сотницы. Вып. 2, № 6.
- ³⁰ Ист. архив. Т. VII. С. 224—225.
- ³¹ ЦГАДА. ГКЭ. № 7173. Л. 61—65; Зимин А. А. Указ. соч. С. 17; АФЗХ. Ч. II. № 347; ПКМГ. Отд. 1. С. 659; Шумаков. Сотницы. Вып. 3. С. 25—29.
- ³² ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 643.
- ³³ В специальной монографии об эпидемиях на Руси «мор» 70-х годов вообще не получил отражения. Васильев К. Г., Сегаев А. Е. История эпидемий в России. М., 1960.
- ³⁴ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 191—192; Тихомиров М. Н. Русское летописание.

- М., 1979. С. 197, 229; Ист. архив. М., 1950. Т. V. С. 21, 22.
- 35 Штаден Г. О Москве Ивана Грозного: Записки немца-опричника. М., 1925. С. 92, 106.
 - 36 ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. XII. С. 492; М.; Л., 1958. Т. XIV. С. 227.
 - 37 Новгородские летописи. Ч. II. С. 169. См. также сноску 35.
 - 38 АФЗХ. Ч. II, № 381; Ч. III. С. 55, 60, 170, 205; АИ. Т. I, № 192, 213; ПКМГ. Отд. I. С. 628—629; Отд. II. С. 302, 1304; Кучкин В. А. Материалы для истории русского города XVI в. // АЕ за 1967 год. М., 1969. С. 304—315; Катаев, Кабанов. № 45; АПД. Т. I, № 1, 18; АФЗХ. Ч. IV, № 203; ВХК. 1983. С. 415.
 - 39 АФЗХ. Ч. II. № 373; Дьяконов. Акты. Вып. II, № 21, 24, 25, 26; Сади-ков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. Ч. III, № 20; Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 65—67, 173.
 - 40 ПСРЛ. Т. 34. С. 191; Пам. ряз. № 37; Воронцова Л. Д. Два документа (XVI в.) из архива серпуховского Высоцкого монастыря // Древности: Тр. Археогр. Комис. Москов. Археол. об-ва М., 1900. Т. II, Вып. I. С. 172—175; ПРП. Т. IV. С. 372; Штаден Г. Указ. соч. С. 106—107.
 - 41 ПКМГ. Отд. 2. С. 1588, 1594.
 - 42 Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. С. 150; ПКМГ. Отд. I. С. 291—334; Отд. 2. С. 1299, 1303.
 - 43 АЕ за 1967. М., 1969. С. 304—315. См. также сноску 42.
 - 44 Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896; Дионисий. Можайские акты. СПб., 1892. С. 29, 36, 39; Копанев А. И. Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 208.
 - 45 АФЗХ. Ч. II, № 373, 435; АИ. Т. I. № 192.
 - 46 Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 66, 97, 116, 295. Скрынников Р. Г. Опричный террор. Л., 1969. С. 43—46; Псковские летописи. М.; Л., 1941. Вып. I. С. 113.
 - 47 АФЗХ. Ч. IV, № 186, 190; ПКМГ. Отд. I. С. 1—53; Пам. ряз. № 37. Писцовые книги Рязанского края XVI—XVII вв. Рязань, 1900. Т. I. Вып. 2. С. 469—470.
 - 48 Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 67, 68, 293 (табл. 229).
 - 49 Источниковедческий обзор комплекса московских писцовых книг см. Павлов-Сильванский В. Б. К истории источниковедческого изучения писцовых книг Московского у. XVI в. // АЕ за 1975 год. М., 1976. С. 41—54.
 - 50 ПКМГ. Отд. I. С. 512, 576, 582.
 - 51 Сергеевич В. И. Древности русского права. СПб., 1903. Т. III. С. 323. Веселовский С. Б. Сошное письмо. М., 1916. Т. II. С. 297. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 117—120, 144—153.
 - 52 Рожков Н. А. Указ. соч. С. 311. Корецкий В. И. Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970. С. 76.
 - 53 Наши вычисления несколько отличаются от приведенных Н. А. Рожковым (Рожков Н. А. Указ. соч. С. 399), так как, преследуя строго ограниченную цель — показать процесс запустения в различных типах хозяйств, мы сознательно в целях упрощения таблицы не учли земли, выделенные под погосты и церковному притчу.
 - 54 ПКМГ. Отд. I. С. 607.
 - 55 Там же. Отд. 2. С. 1299, 1304.
 - 56 ЦГАДА. ГКЭ. № 7173. Л. 26—55 об; АФЗХ. Ч. II, № 373, 434, 435; ПКМГ. Отд. I. С. 872, 879, 854; Шумаков. Сотницы. Вып. I. С. 83—85.
 - 57 ПКМГ. Отд. 2. С. 359—390; Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 112.
 - 58 Дегтярев А. Я. Указ. соч. С. 117—119, 124—125.
 - 59 АИ. Т. I, № 200; АФЗХ. Ч. II, № 347, 373, 376; Ч. IV, № 186; Абрамович Г. В. Поместная система и поместное хозяйство в России в последней четверти XV и в XVI в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1975. С. 29.
 - 60 АММС. С. 46—48; Корецкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. // Социально-экономические проблемы российской деревни в феодальную и капиталистическую эпохи. Ростов, 1980. С. 37—54.
 - 61 Е. Д. Сташевский приводит меньшую цифру — 100 021 четей (Сташевский Е. Д. Указ. соч. С. 26).
 - 62 Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 293. Табл. 229.
 - 63 Корецкий В. И. Развитие феодальной земельной собственности в России XVI в. С. 50—54.
 - 64 ЦГАДА. Ф. 1209. Кн. 175. Л. 47, 50 об., 79.
 - 65 САС. Вып. 2. С. 6—173, 178—183.
 - 66 Белозерская езовая книга 1585 г. Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С. Пришехонские езовые дворцовые волости в XVI в. //

- Проблемы истории крестьянства Европейской части России: (До 1917 г.) Пермь, 1982. С. 54.
- ⁶⁷ *Ермолаев И. П.* Указ. соч. С. 33—35; *Дегтярев А. Я.* Указ. соч. С. 116; *Анпилогов Г. Н.* Нижегородские документы XVI в. М. 1974.
- ⁶⁸ ЦГАДА. ГКЭ. № 7173. Л. 55 об., 88; Ф. 1203. Кн. 1. Л. 768—777; Шумаков. Сотницы. Вып. 1, № 17; АПД. № 1.
- ⁶⁹ АФЗХ. Ч. II, № 347, 376; ВХК. 1978. С. 50.
- ⁷⁰ АФЗХ. Ч. II, № 376; Ч. IV, № 199; АПД. № 1.
- ⁷¹ *Зимин А. А., Копанев А. И.* Материалы по истории Вымской и Вычегодской земли конца XVI в. // САС. Вып. 1. С. 436.
- ⁷² Аграрная история Северо-Запада. Т. II. С. 73, 105—106, 172, 238, 254—264, 267—269.
- ⁷³ *Маньков А. Г.* Указ. соч. С. 119, 120. Табл. 5, 6.
- ⁷⁴ *Готье Ю.* Замосковский край в XVII в. М., 1906. С. 235—236; *Греков Б. Д.* Указ. соч. Т. II. С. 254.
- ⁷⁵ ЦГАДА. ГКЭ. № 5140, 5142, 5143, 5145.
- ⁷⁶ *Рожков Н. А.* Указ. соч. С. 312.
- ⁷⁷ *Дегтярев А. Я.* Указ. соч. Табл. 32. *Демкин А. В.* Феодалное землевладение Романовского уезда в конце XVI в. // Аграрный строй феодальной России. XV—XVIII в. М. 1986. С. 100—112.
- ⁷⁸ ЦГАДА. ГКЭ. Л. 17—25, 57—60 об., 68—80 об.; ПКМГ. Отд. 2.
- ⁷⁹ АФЗХ. Ч. IV, № 213; *Дионисий.* Указ. соч.; ПКМГ. Отд. 1. С. 628—630.
- ⁸⁰ *Рожков Н. А.* Указ. соч. С. 339.
- ⁸¹ Шумаков. Сотницы. Вып. 5. С. 50—57.
- ⁸² ПКРК. Т. 1. Вып. 2. С. 471—484.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Архивы и архивные собрания

- АТСЛ — Архив Троице-Сергиева монастыря в ГБЛ (ф. 303)
ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве.
ГИМ — Отдел рукописей Государственного Исторического музея в Москве.
ГКЭ — Грамоты Коллегии экономии в ЦГАДА (ф. 281).
ЛОИИ — Архив Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов в Москве.

Издания

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией императорской Академии наук. СПб., 1836. Т. I.
АГР — Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Собрал и издал А. Федотов-Чеховский. Киев, 1860. Т. I.
Аграрная история Северо-Запада. Т. I. — Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV—начало XVI в. Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1971.
Аграрная история Северо-Запада. Т. II. — Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1974.
Аграрная история Северо-Запада. Т. III. — Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Север. Псков. Отв. ред. А. Л. Шапиро. Л., 1978.
АЕ — Археологический ежегодник за ... год. М.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. I.
Акты Юшкова — Акты XIII—XVII веков, представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Изданы А. Юшковым. М., 1898.
АММС — Акты московских монастырей и соборов из архивов Успенского собора и Богоявленского монастыря / Сост. Т. Н. Алексинская, В. Д. Назаров; Под ред. Л. В. Черепнина, В. Т. Пашуто, С. М. Каштанова, В. Д. Назарова. М., 1984.
АПД — Акты писцового дела: Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве. М., 1913. Т. I.
АРГ — Акты Русского государства 1505—1526 гг. М., 1975.
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в. М., 1952. Т. I; М., 1958. Т. II; М., 1964. Т. III.
АФЗХ — Акты феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI веков. Ч. I. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1951; Ч. II. Подготовил к печати А. А. Зимин. М., 1956. Ч. III. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М., 1961. Ч. IV. Сост. Л. И. Ивина. Л., 1983.
АЮ — Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838.
Белозерская езовая книга — Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государственных оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. / Сост. В. С. Барашкова, З. В. Дмитриева, Л. С. Прокофьева; Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1984.
Временник МОИДР — Временник императорского Московского общества истории и древностей российских.
ВХК. 1978 — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. / Под ред. А. Г. Манькова. Книги денежных сборов и выплат Иосифо-Волоколамского монастыря 1573—1595 г.; Сост. А. Г. Маньков. М.; Л., 1978.
ВХК. 1980 — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. / Под ред. А. Г. Манькова.

- Приходные и расходные книги Иосифо-Волоколамского монастыря 70—80-х годов.; Сост. А. Г. Маньков. М.; Л., 1980.
- ВХК. 1983 — Вотчинные хозяйственные книги XVI в. / Под ред. А. Г. Манькова. Вытисные книги, хлебные оброчники и переписная книга вотчин Кирилло-Белозерского монастыря 1559—1601 г.; Сост. А. Х. Горфункель, З. В. Дмитриева. М.; Л., 1983.
- ГВНП — Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846. Т. 1.
- Долговая книга Волоколамского монастыря — Книга ключей и Долговая книга Иосифо-Волоколамского монастыря XVI в. / Под ред. М. Н. Тихомирова и А. А. Зимина. М.; Л., 1948.
- ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
- Дьяконов. Акты. Вып. 2. — М. А. Дьяконов. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Юрьев, 1897. Вып. 2.
- ДНГУАК — Действия Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. Нижний Новгород.
- ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
- Катаев, Кабанов — Акты исторические, описанные И. М. Катаевым и А. К. Кабановым / Под ред. М. В. Довнар-Запольского. М., 1905.
- Каштанов. ХП. 1 — Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. // Археогр. ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 302—376.
- Каштанов. ХП. 2. — Каштанов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Ч. 2 // Археогр. ежегодник за 1960 г. М., 1962. С. 129—200.
- Пам. ряз. — Памятники русской письменности XV—XVI вв. Рязанский край. М., 1978.
- ПКМГ — Писцовые книги Московского государства / Под ред. Н. В. Калачова. СПб., 1872. Отд. 1; СПб., 1877. Отд. 2.
- ПКРК — Писцовые книги Рязанского края XVI и XVII вв. / Под ред. В. Н. Сторожева. Рязань, 1898. Т. I, Вып. 1; Рязань. 1900. Т. I, Вып. 2.
- ПРП — Памятники русского права. М., 1956. Вып. 4.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Пг., 1915. Т. 32.
- САС — Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический ежегодник. Вологда, 1970. Вып. 1; Вологда, 1972. Вып. 2; Вологда, 1973. Вып. 3.
- Сб. Муханова — Сборник Муханова. 2-е изд. М., 1866.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной коллегии иностранных дел. М., 1813. Ч. I.
- ТОДРЛ — Институт Русской литературы. Труды отдела древнерусской литературы. Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- Шумаков. Обзор — С. А. Шумаков. Обзор Грамот коллегии экономии. М., 1899. Вып. 1; М., 1900. Вып. 2; М., 1912. Вып. 3; М., 1917. Вып. 4.
- Шумаков. Сотницы — С. А. Шумаков. Сотницы, грамоты и записи. М., 1902. Вып. 1; М., 1903. Вып. 2; М., 1904. Вып. 3; М., 1909. Вып. 4; М., 1910. Вып. 5; М., 1911. Вып. 6.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

- Александрова Слобода 178
 Ангилово, с. Москов. у. 129
 Англия 137, 143
 Андосский, ст. Белозер. у. 94
 Антилохово, с. Стародуб. у. 158, 159
 Аргуновская, вол. Владимир. у. 111
 Арзамасский у. 53, 58, 101
 Архангельское, с. Кашин. у. 91, 97, 98
 Астрахань, г. 62, 173
 Афанасьевское, с. Москов. у. 51
- Бабино см. Пожарище Бабино
 Багаевская, вол. Владимир. у. 43, 111, 112
 Балахнинские бортные волл. 54
 Балахнинский у. 31, 50, 66, 68
 Балашково см. Болашково
 Бебяково, с. Переясл. у. 79
 Бежская пятна 195
 Бежский Верх, у. 9, 10, 16, 29, 41, 46, 80, 81, 96, 115, 156, 179, 182, 186
 Безводная, пуст. Кашир. у. 191
 Белая, р. 200
 Белевский, у. 26, 31, 162, 193
 Белей, с. дворц. 51
 Бели, ст. Москов. у. 189
 Бели, с. Рузск. у. 193
 Белково, с. Рузск. у. 130, 132, 186, 187, 193
 Белозерский у. 9, 10, 12, 13, 16, 17, 19, 24, 28, 29, 31, 44, 48, 50, 52, 54, 55, 63, 64, 67, 74, 78, 82, 94, 96, 102, 103, 108—112, 114, 125, 163, 173, 179, 193
 Белоозеро, г. 78, 81
 Бережное, дер. Белозер. у. 56
 Бережок, с. Сузд. у. 50
 Богословское, с. Белозер. у. 54
 Богословское, с. Костром. у. 50
 Богоявленская, вол. Белозер. у. 102
 Богоявленское, с. Белозер. у. 112
 Болашково, с. Твер. у. 116, 126—128, 141
 Болховский у. см. Балахнинский у.
 Бонема, дер. Пошехон. у. 56, 57
 Борнсово, с. дворц. 51
 Борновское, с. Владимир. у. 50, 52, 64, 69, 70, 114
 Борисоглебская слобода, Переяслав. у. 83
 Боровский у. 92, 173, 196, 197
 Бохов ст. Москов. у. 183, 189, 190
 Бугород см. Буйгород
 Бугородские деревни 54, 55
 Бужарово, с. Дмитров. у. 132
- Буйгород, с. Волоцк. у. 20, 51, 52, 54, 55, 60, 61, 114, 115, 128, 132, 141, 142
 Быков ст. Москов. у. 189
 Быково, с. Волоцк. у. 130, 141, 152
- Важский у. 22, 42, 43, 110, 112, 172
 Валга, погост Вологод. у. 192
 Васильцев, ст. Москов. у. 181—183
 Везломская, вол. Балахнин. у. 50
 Великая слобода, Переяслав. у. 11
 Веневский у. 29, 46, 50, 52, 60, 61, 66, 100, 101
 Верейская, вол. Белозер. у. 52
 Верейский у. 16, 51, 196, 197, 199
 Веря, г. 51
 Владимир, г. 36, 146
 Владимирский у. 8, 10, 13, 15, 16, 18, 29, 36, 39, 43, 45, 46, 48, 50, 52, 54, 58, 60, 63, 64, 68—70, 75, 79, 80, 82, 101, 110—115, 129, 151, 159, 163—165, 179, 193, 194, 196, 197
 Владимирско-Суздальское ополье 86
 Вобловничи, вол. Слобод. у. 76, 200
 Вокшерский ям, Ярослав. у. 165
 Волга, р. 97, 112, 160, 198, 199
 Воловские, поч. Юрьево-Поволск. у. 112
 Вологда, г. 81, 132, 137, 173
 Вологодские волл. дворц. 52, 69, 72
 Вологодский у. 9, 10, 16, 29, 31, 36, 45, 48, 50, 53, 58, 59, 62, 64, 69, 72, 74, 132, 148, 154, 162, 179, 189, 192, 195
 Волоколамск, г. 171, 173, 176
 Волоцкий у. 16, 20, 52, 54, 60, 61, 66, 74, 75, 114, 127, 128, 132, 141, 142, 151, 162, 164, 176, 178, 179
 Волоцкий удел 10
 Воробьево, с. Москов. у. 51
 Воронино, дер. Рузск. у. 134
 Воря, р. Москов. у. 182
 Воря, ст. Москов. у. 189
 Воскресенское, с. Белозер. у. 102, 109
 Вотская пятна 10, 82, 151, 195
 Вошна, с. Тр.-Серг. мон-ря 93, 94
 Вошна, вол. Москов. у. 44, 93, 94, 189
 Вошанка, р. Кашин. у. 59
 Вымско-Вычегодский край 94, 111, 194, 195
 Высокая, вол. Коломен. у. 22, 43—45, 111, 175, 176
 Вышгород, с. дворц. 50, 52

Вышгородский, ст. Дмитров. у. 89
 Вышгородский у. 16, 51, 194
 Вяземский, ст. Москов. у. 111
 Вяземский у. 31, 51, 200
 Вяземы, с. дворц. 51
 Вязовка, пуст. Пошехон. у. 56, 57
 Вятка, Вятский у. 10
 Вятка, р. 200
 Вятское, с. Костром. у. 177

 Гаврилово, с. Дмитров. у. 41
 Галицкий удел 36
 Галицкий у. 9, 10, 16, 22, 36, 179, 186,
 196—198
 Галич, г. 179
 Глотова слобода Ярен. у. 194
 Говорово, с. дворц. Вологод. у. 192
 Горетов ст., Москов. у. 182, 189, 190
 Горетцкий ст., Тверск. у. 127
 Горка Гридина, дер. Белозер. у. 105, 106
 Гороховец, вол. Владимир. у. 8
 Гороховецкий у. 10, 26, 27, 31, 144, 193
 Горшковская, дер. Коломенск. у. 175
 Григорьевское, с. Кашир. у. 66
 Григорьевское, с. Суздальск. у. 36

 Двина, Двинская земля 16, 19, 22, 28, 43,
 111, 113, 143, 151, 162, 172, 173, 179, 181
 Дегилевская, пуст. Кашир. у. 191
 Деделовский у. 100
 Деманский, поч. Деревской пят. 166
 Деревская пяттина 10, 78, 166, 174, 183, 195
 Дмитровский у. 10, 22, 24, 43, 46, 47, 77,
 78, 87—91, 94, 96, 98, 100, 114, 115, 131,
 132, 134, 140, 151, 161—164, 179, 196—
 198
 Добрейский ям, в г. Можайске 176
 Долгая Слободка, вол. дворц. Белозер. у.
 52
 Доронино, вол. дворц. Пошехон. у. 56
 Древняя Русь 14
 Дубенки, сц. Владимир. у. 36

 Европа 10
 Екиматово, с. Троице-Серг. мон-ря 93
 Елнацкая, вол. Юрьево-Повол. у. 112
 Емста, вол. Костром. у. 50, 92
 Епифанский у. 29, 179
 Епифань, г. 180
 Ераполць, с. Волоц. у. 128
 Ерга, р. 112

 Железово, сц. Владимир. у. 15, 39, 40

 Заволжские дд., Кашин. у. 91
 Задудровский ст., Кашин. у. 91
 Зайцево, дер. Кашир. у. 73
 Залесская половина, Шелон. пяттины 166
 Замосковский край 63, 175, 176, 187, 191,
 192, 194, 198—200, 203
 Заонежье, Заонежская пяттина 43, 182

Западный край Русского гос-ва 171, 173,
 176, 195, 200
 Зауольская вол., Балахнин. у. 50
 Заягорбская вол., Белозер. у. 67
 Звенигородский удел 41
 Звенигородский у. 11, 22, 36, 45, 79, 80,
 100, 101, 102, 176
 Зубовский у. 8, 31, 127, 128, 151, 162—
 164, 186, 199

 Иванов Борок, вол. Пошехон., затем Бе-
 лозер. у. 55, 56, 67, 102, 173
 Иванова слобода, вол. Вологод. у. 192
 Ивановское, с. Рузск. у. 116, 132, 141
 Ивачевская, вол. Белозер. у. 52
 Илицино, Ильицыно, с. Волоц. у. 115, 128,
 142
 Ильинский ст., Кашир. у. 191
 Ильинское, поч. Вологод. у. 192
 Инобожский ст., Дмитров. у. 89, 90
 Ирдомское, с. Белозер. у. 52, 64

 Кадашевская, дер. Казан. у. 99
 Казанские дворц. волл. 51, 59—62, 75
 Казанский у., край 29, 43, 45, 47, 50, 52,
 53, 59—62, 77, 78, 80, 98—100, 117, 154,
 158, 173, 177, 196—198, 200
 Казань, г. 181
 Кама, р. 60, 200
 Каменский, ст. Дмитров. у. 89, 90
 Каменский, ст. Рязан. у. 200
 Каргопольский у. 19, 24, 42, 74, 110, 112,
 113, 162
 Катрома, вол. Вологод. у. 192
 Кашинский у. 9, 16, 18, 30, 31, 43, 46, 47,
 77, 78, 87—89, 91, 92, 94, 97, 98, 118, 177,
 193, 196—198
 Кашира, г. 180, 181
 Каширские дворц. волл. 54, 59, 63, 66, 68,
 70—72, 190
 Каширский у. 10, 16, 22, 31, 50, 54, 59, 63,
 66—68, 70—72, 100, 118, 179, 186, 190—
 193
 Киликеино, дер. Кашин. у. 98
 Кипилино, с. Кашир. у. 72, 73
 Кирилловский Починок Короткий, дер.
 Волоцк. у. 55
 Кишкино, с. Тр.-Сер. мон-ря 47, 93
 Клинский у. 8, 16, 96, 114, 127, 151, 162—
 165
 Клязьма р., 9, 12
 Коврижино, дер. Пошехон. у. 56
 Козельск, г. 130, 162
 Козельский район 31, 117, 162
 Коленцовский ез на р. Шексне 67
 Коломна, г. 180, 181
 Коломенский у. 10, 16, 22, 24, 29, 43—45,
 54, 55, 74, 82, 93, 100—102, 110—112,
 115, 148, 173, 175, 177, 178, 181, 183—
 185, 190, 194—198
 Колтово, с. Кашир. у. 66

Колывань, г. 130
 Коми край 194, 195
 Кондратово, с. Рузск. у. 130, 131
 Копорье 10
 Корашская вол. Ростов. у. 75
 Корзенев ст. Москов. у. 92, 189, 190
 Коробаново, с. Костром. у. 50
 Косино, дер. Пошехон. у. 56, 57
 Костромской у. 9, 10, 13, 16, 22, 25, 26, 28, 29, 31, 43, 47, 48, 50, 52, 60, 63, 79, 87, 88, 92, 94, 96, 100, 118, 156, 176—179, 196—199
 Кошелев ст. Москов. у. 183
 Кошкино, дер. Белозер. у. 106
 Красное, с. Владимир. у. 50, 52, 58, 64, 69, 193, 194
 Красный, г. Псков. у. 162
 Круглые сс., Вязем. у. 51
 Крым 124
 Кувакино, с. Костром. у. 92
 Кувшиново, дер. Волоцк. у. 54
 Кузминская, дер. Пошехон. у. 56
 Кузьмодемьянское, сс. Стариц. у. 140
 Кукарино, с. дворц. 51
 Кукубой, с. Пошехон. у. 96
 Кулпино, дер. Белозер. у. 105
 Кунонь, вол. Белозер. у. 111, 112
 Курганы, дер. Пошехон. у. 56
 Куростровская вол. Двинск. у. 113
 Курьяново, с. Волоцк. у. 132
 Кучино, дер. 18, 19

Ладожье 19
 Лисеево, дер. Белозер. у. 108
 Лещевский, (погост?) Вологод. у. 192
 Ливония 142
 Липецкая вол. Кашир. у. 72
 Литвиново, с. Волоцк. у. 132
 Лихвинский у. 99, 162
 Лихорадово, дер. Москов. у. 13
 Личишево, дер. Дмитров. у. 140
 Локныш, с. Рузск. у. 116, 132, 141
 Локнышский ст. Рузск. у. 28, 130
 Луки Великие, г. 174
 Лукин поч. Белозер. у. 103, 104
 Луковниково, с. Стариц. у. 132, 140
 Лукьяновское, с. Тверск. у. 9
 Луцкий ст. Ростов. у. 93
 Львовский ст. Рязан. у. 200
 Лысцовская вол. Кашир. у. 71, 192
 Любятино, дер. Рузск. у. 114

Макаровская, дер. Пошехон. у. 56, 57
 Малоярославецкий у. 92, 196, 197
 Мамошино, с. Рузск. у. 128, 193
 Манатын ст. Москов. у. 183, 189
 Мантурово, сс. Твер. у. 127
 Маркитаевская, пуст. Кашир. у. 72
 Мартюшино, сс. Дмитров. у. 134, 140
 Марьинское, с. Костром. у. 92
 Медна, с. Новоторж. у. 98

Мещерский край 100, 176
 Микулинский ст. Твер. у. 125
 Мисюрево, с. Клин. у. 114
 Митина, дер. Иосифо-Волок. мон-ря 114
 Митрополиты, дер. Владимир. у. 15
 Мишутинский ст. Переяслав. у. 79
 Можайск, г. 51, 137, 146, 154, 171, 176, 181, 200
 Можайский у. 10, 16, 51, 179, 200
 Молочкино, с. Дмитров. у. 115, 140

Монастыри и пустыни:

Аврамьев (Авраамиев) Богоявленский, ростовский 137, 146
 Андриянова Успенская пустынь, пошехонская 26, 30, 76, 80
 Андроников (Андрониев) Спасский в Москве 146
 Антониев, новгородский 14, 148, 154
 Антониев Сийский Троицкий, двинской 143, 146
 Архангельский Михайловский, двинской 173
 Астраханский 62
 Благовещенский Спасский, нижегородский 46, 86
 Бобренев Рождественский, коломенский 185
 Богородицкий Успенский, свияжский 82, 146, 154
 Богородный, владимирский см. Рождественский Богородицкий
 Богословский, рязанский 22, 25, 173, 180, 182
 Богоявленский за Торгом в Москве 146, 148, 185, 199
 Богоявленский ростовский см. Аврамьев
 Болдино-Дорогобужский 154
 Борисоглебский, ростовский 137
 Борисоглебский, смоленский 146
 Боровско-Пафнутиевский 145, 154, 155
 Брусеный Пречистый, коломенский 185
 Возмицкий, волоколамский 154
 Вознесенский, галицкий на р. Обноре 186
 Волоцкий см. Иосифо-Волоколамский
 Высоцкий, серпуховской 22, 24, 27, 138, 180
 Вяжицкий Никольский, новгородский 82, 154
 Глушицкий Покровский, вологодский 135, 148, 154
 Голутвин Богоявленский, коломенский 185
 Горницкий Успенский в Переяславле 137
 Данилов, московский 74, 185
 Духов, новгородский 151
 Златоустский, московский 185
 Иоанна Предтечи, галицкий 199
 Илантовский (Зилантов) Успенский, казанский 77, 158
 Иосифо-Волоколамский 25, 28, 41, 51, 60,

- 74, 76, 79, 95, 114—117, 126—132, 134, 135, 137, 140, 141, 143—146, 151—157, 161—168, 176, 177, 181, 186, 187, 193, 194, 199
- Ипатиев Троицкий, костромской 23, 26, 160, 176, 177, 199
- Казанский см. Спасо-Преображенский
- Калязинский см. Макариев Троицкий
- Каменский см. Спасо-Каменский
- Кирилло-Белозерский Успенский 13, 19, 49, 74, 75, 80, 81, 95, 102, 106, 109, 111, 114, 131, 135, 143—146, 149, 151, 154, 156, 162, 164
- Колотцкий Успенский, можайский 146, 148
- Корнилиев-Комельский, вологодский 154, 164
- Коряжемский Николаевский, сольвычегодский 76
- Краснохотский Антониев, бежецкий 41, 45, 75, 80, 81, 114
- Левкеин, волоцкий 157
- Лужецкий Рождества Богородицы, можайский 137, 146, 148
- Макариев Троицкий, калязинский 18, 36
- Махрицкий Троицкий Стефанов, к югу от Александровой Слободы 152
- Михайлов, новгородский 14
- Никитский, переяславский 137, 148
- Никитский в Дмитрове (?) 135
- Никола Старый в Москве 185
- Никола-Корельский, двинской 173
- Новинский Введенский в Москве 46, 87
- Новодевичий в Москве 45, 78, 80, 177, 186, 199
- Новоспаский в Москве 137, 146, 185
- Отрочев Успенский, тверской 149
- Павлов-Обнорский, вологодский 148, 154, 164
- Пафнутьевский см. Боровско-Пафнутиевский
- Песношский Николаевский, дмитровский 135
- Печерский Вознесенский, нижегородский 9, 137, 154
- Печерский Успенский, псковский 146, 148, 154
- Покровский Александровский в Суздале 82, 166
- Покровский Паисиев, угличский 36
- Преображенский см. Спасо-Преображенский
- Рождественский Богородицкий во Владимире 18, 137, 146, 152, 156
- Рождественский Богородицкий, епифанский 180
- Савво-Сторожевский, звенигородский 41, 74, 79, 135, 177
- Свирский Александров у Олонца 135
- Симонов Успенский в Москве 11, 25, 27, 28, 73, 74, 135—138, 146, 152, 176, 177, 185, 194, 200
- Соловецкий Зосимо-Савватиевский 46, 74, 80, 152, 154, 164
- Солотчинский, рязанский 155
- Спасо-Евфимиев в Суздале 12, 26, 144, 151, 152, 154, 158
- Спасо-Задворный на Крутицах 177
- Спасо-Каменский, вологодский 148, 154
- Спасо-Преображенский, белевский 26
- Спасо-Преображенский в Казани 77, 146, 148, 154, 158, 200
- Спасо-Преображенский см. Хутынский
- Спасо-Преображенский в Ярославле 137, 165
- Спасо-Прилуцкий, вологодский 132, 143, 148, 154
- Терехов Воскресенский, рязанский 165, 166
- Тихвинский Успенский, новгородский 151
- Трифонов Успенский, хлыновский 76, 80
- Троице-Сергиев, казанский 77
- Троице-Сергиев, радонежский 8, 12, 13, 15, 17, 25, 27, 31, 42—44, 46, 47, 73, 74, 77—80, 82, 87, 89, 91—95, 97, 98, 121, 135, 137, 143, 145, 146, 149, 152, 154, 159, 176, 177, 181, 182, 185, 186, 190, 195—200
- Троице-Сергиев, свияжский 77, 200
- Угрешский Никольский, московский 117, 118, 185
- Успенский, старицкий 177
- Феодоровский, переяславский 27, 165, 166
- Феропонтов, вологодский 154
- Хутынский Варлаамиев, новгородский 146, 154
- Царево-Константиновский, владимирский 39, 45, 46, 74, 79, 80, 83, 84, 86
- Чудов Архангело-Михайловский в Москве 11, 13, 45, 74, 111, 112, 114, 135, 137, 138, 146, 154, 155, 185
- Юрьевский, новгородский 14, 146, 152, 154, 155
-
- Монатын ст. Москов. у. 189, 190
- Морда 44, 54
- Мордовские селения 54
- Москва, г. 6, 10, 69, 81, 90, 93, 94, 96, 101, 129, 132, 134, 137, 143, 146, 147, 149, 150, 176—181, 190, 199
- Московский у. 10, 11, 13, 16, 22, 25, 27, 29—31, 42, 44, 46, 51, 68, 75, 87, 88, 92—94, 100, 101, 111, 114, 115, 138, 151, 154, 158, 162, 164, 176, 179, 182—184, 186—190, 195—197
- Муром, г. 181
- Муромский у. 10, 12, 16, 25, 43, 48—50, 52, 54, 63, 64, 159, 179, 186, 194, 196, 197
- Мухортово, дер. Пошехон. у. 56, 57
- Мушковский ст. Дмитров. у. 140

Мыс, дер. Белозер. у. 112
Мытенский погост Обонеж. пятины 151

Нагорная половина Обонеж. пятины 78
Надпорожный ст. Белозер. у. 111
Наумков, поч. Белозер. у. 103
Невль, г. 174
Некрасов, поч. Белозер. у. 103, 108
Нерехта, вол. Костром. у. 92
Нижегородский у. 10, 16, 28, 29, 31, 43, 46, 48—50, 52—54, 63, 64, 66, 68, 69, 86, 101, 154, 176, 179, 193, 200
Никитский ст. Переяслав. у. 11
Никольская губа Себежского у. 53, 64
Никольский ст. Каширского у. 191
Никольское, вол. Белозер. у. 111
Никольское, с. Костром. у. 50
Никольское, с. Кашин. у. 134
Никольское-Пузырево, с. Бежецкого Вержа 80
Новгород, г. 113, 132, 134, 146, 172, 174, 182
Новгородская республика 42
Новгородские пятины 16, 17, 22, 30, 32, 43, 53, 100
Новгородский край 4, 5, 8, 10, 11, 14, 18, 19, 28, 30—32, 43, 44, 53, 78, 148, 151, 152, 154, 161, 163, 166, 167, 171—174, 179, 187, 189, 194, 195
Новики, дер. Рязан. у. 68
Новое, с. дворц. Можайск. у. 51
Новое, с. Иосифо-Волок. мон-ря 115
Новосильский у. 196, 197
Новоторжский у. 16, 17, 98, 100, 117
Новошино, с. Волоцк. у. 141
Новый городок, г. и вол. Твер. 8
Ногайская орда 124
Норская вол., Ярослав. у. 50, 52

Обобурово, с. Владимир. у. 129, 130
Оболенский у. 28, 125, 196, 197
Обонежская пятнина, Обонежье 10, 78, 151, 193, 195
Объезжий ст. Москов. у. 183
Овинец, дер. Белозер. у. 107
Огарево, дер. Коломен. у. 175
Огашинское, дер. Пошехон. у. 56
Озерецкое, с. дворц. 51, 52
Озерище, г. Псков. края 174
Ока. р. 9, 13
Окологородный ст. Рязан. у. 200
Окулово, дер. Твер. у. 134
Олексин, с. Кашин. у. 91, 97, 98
Олферовская, дер. Пошехон. у. 56, 57
Ольховицин поч., Белозер. у. 103
Онаново, дер. Дмитров. у. 140
Онциферово, дер. Белозер. у. 105, 106
Опоки, г. и вол. близ Ржева 8
Ополево ст. Переяслав. у. 11
Ополье см. Владимирско-Сузд. ополье
Опочка, г. Псков. у. 162

Орда, татаро-монг. гос-во 7, 8, 35, 52
Орловский у. 31, 199
Ортемовская пуст., Кашир. у. 191
Осташково, дер. Коломен. у. 175
Осташково, с. Тр.-Серг. мон-ря 93
Отчищево, с. Волоцк. у. 115, 126, 128
Офимкино, дер. Владимир. у. 15
Офоносово, дер. Коломен. у. 175

Павловское, с. Костром. у. 50
Павловское, с. и вол. углич. 13
Палкино, с. Волоцк. у. 20, 52, 60, 61, 114
Паникарово, с. Ростов. у. 45, 75, 80
Паозерье, с. Шелон. пятины 53
Папино, дер. Белозер. у. 107
Пасынково, дер. Пошехон. у. 56, 57
Патокино, с. Рузск. у. 126
Пенье, с. Рузск. у. 115
Перемышль, г. 162
Переяславские рыболовы 12, 14
Переяславские сокольники 11, 12
Переяславль-Залесский, г. и у. 10—12, 16, 27, 51, 79, 82, 83, 100, 115, 154, 158, 165, 196—198
Пестово, дер. Кашин. у. 98
Петрино, дер. Белозер. у. 103
Петрович, с. Рязан. у. 58
Плегузово, дер. Пошехон. у. 56
Плесцово, дер. Пошехон. у. 56, 57
Плешково, дер. Волоцк. у. 54
Повельский ст. Дмитров. у. 89
Поволжье 53, 62, 68, 77, 154, 158, 173, 189, 193, 198, 200
Подкосово, дер. Костром. у. 79
Пожарище Бабино, дер. Пошехон. у. 56—58
Покровское, с. дворц. 51
Покровское, с. Костром. у. 50
Полжихино, дер. Белозер. у. 103
Полоцк, г. 174, 176
Полоцкий повет 110
Польша 146
Поморье 74, 162
Поинзовые города, Нижегород. у. 176
Попаилово, дер. Тверск. у. 114
Поповская, дер. Пошехон. у. 56
Порховский у. 53, 194
Потребин. поч., Белозер. у. 103
Почалово, дер. Кашин. у. 98
Почернев ст. Москов. у. 183
Пошехонский у. 10, 16, 26, 30, 54, 76, 78, 80, 94, 96, 162, 196—198
Преснецово, дер. Дмитров. у. 90
Пречистенский погост Обонеж. пят-ны 151
Прикамье 200
Пришеснинские дворц. волл. 51, 52, 54, 67, 193
Пронино, дер. Волоцк. у. 54
Пронск, г. 173
Псков, г. 142, 162, 172, 174

- Псковская земля, край 4, 5, 16, 32, 53, 148, 154, 172, 173, 179, 187
 Псковская феод. респ.-ка 10
 Пудитский ст. Кашин. у. 91
 Пурок, вол. Муром. у. 50, 64
 Путивльский у. 31
 Путилово, с. Костром. у. 50
 Пушкино, с. Москов. у. 75
- Рагозино, дер. Пошехон. у. 56, 57
 Радонеж, ст. Москов. у. 92, 183, 189, 190
 Радонежский у. 10, 11, 15, 21
 Ракульская, дер. Белозер. у. 107
 Раменки, с. Волоцк. у. 132
 Раменье, вол. Вологод. у. 192
 Растокино, с. Москов. у. 92
 Ржевский у. 163—165, 199
 Рождественский, погост Вологод. у. 192
 Рокосово, с. Волоцк. у. 130, 141
 Романовский у. 16, 30, 87, 88, 199
 Рославльский у. 29, 100, 166
 Ростовец, вол. 115
 Ростовский у. 10, 45—47, 75, 78, 80, 93, 98, 100, 111, 146, 153, 154, 162, 179, 196—198
 Рпенья, р. Владимир. у. 13
 Рузский у. 13, 22, 28, 45, 74, 76, 78, 80, 88, 100, 114, 115, 126, 128, 130, 132, 141, 151, 162, 176, 177, 179, 180, 182, 186, 193, 195—197, 200
 Рукина Слободка, с. Белозер. у. 96
 Рыбная Слобода, Казан. у. 60
 Рылко, поч. Белозер. у. 103
 Рышково, дер. Ростов. у. 75
 Рязанское вел. кн.-во 10
 Рязанский у. 22, 25, 28, 31, 50, 52, 54, 58, 63, 64, 66, 68, 100, 125, 165, 173, 176, 200
 Рязань, г. 13, 173, 180
- Самит, погост Костром. у. 50
 Санково, дер. Дмитров. у. 90
 Сарычкино, дер. Переяслав. у. 79
 Свяжский у. 43, 45, 50, 52, 53, 60, 61, 77, 80, 82, 117, 146, 154, 173, 179, 196—198, 200
 Себеж, г. Псковского края 162
 Себежский у. 53, 63, 64
 Север 24, 48, 74, 81, 113, 154, 161, 171—173, 176, 179, 191, 192, 195, 196, 199
 Северо-Восточный регион России 38, 74, 75, 82, 176, 194, 196, 198, 199
 Северо-Западный регион России 4, 5, 24, 30, 32, 33, 48, 51, 53, 63, 100, 154, 161, 169, 172—174, 179, 182, 187, 189, 191
 Северский край 10, 22, 55, 151, 161
 Серпейский у. 46, 92, 196, 197
 Серпухов, г. 175, 180
 Серпуховский у. 16, 22, 24, 27, 28
 Смизгинские сс., Владимир. у. 15, 18, 39, 40, 60
- Синково, с. Дмитров. у. 90
 Ситниково, дер. Кашин. у. 98
 Скирманово, с. Рузск. у. 115, 186, 187, 193
 Слобода, резиденция Ивана IV (в Стариц. у.?) 135
 Слобода, с. дворц. 51
 Слободской у. 76, 110, 200
 Словенский Волок, с. Белозер. у. 96
 Смоленск, г. 146, 174
 Смолинское, с. Верейского у. 51
 Соломенская вол. Кашир. у. 171, 191
 Солоница, р. Казанского у. 99
 Солотчинский ст. Рязан. у. 200
 Сольвычегодский край 166
 Соль Галицкая (Солгалич), г. 15
 Соль Переяславская (Усолье) 11
 Сорин, поч. Белозер. у. 103, 104
 Сосенский ст. Москов. у. 93
 Софонов, дер. 175
 Спасское, с. Вологод. у. 64, 192
 Спасское, с. Рузск. у. 41, 131, 132
 Спирово, с. Волоцк. у. 128
 Сретенское, с. Костром. у. 50, 52, 60, 64
 Станок, дер. Волоцк. у. 54
 Старая Руса, г. 172, 174
 Старица, г. 130, 132, 133, 140, 146
 Старицкий у. 8, 17, 31, 68, 116, 127, 128, 132, 134, 140, 141, 151, 162—165, 177, 195—198
 Староволоцкий ст. Волоцк. у. 128
 Стародуб Ряполовский 16, 101, 125, 158, 196, 197
 Старое Голягино, пуст. Кашир. у. 191
 Старый Ярославль, дер. Владимир. у. 15
 Стуленово, дер. Белозер. у. 103
 Стырево, дер. Дмитров. у. 90
 Судниково, с. Рузск. у. 126, 193
 Суздальский у. 10, 12, 16, 20, 29, 31, 36, 50, 100, 125, 158, 163, 179, 186, 196, 197
 Сумаково, сс. Твер. у. 134
 Сурожский ст. Москов. у. 182, 189
 Сырой Починок, дер. Волоцк. у. 54
 Сысолье, вол. Яренского у. 194
- Талша, вол. Владимир. у. 82
 Танище, с. Белозер. у. 44, 78
 Тверская земля 8—11, 17, 29, 30, 36, 52, 114, 116, 125, 127, 128, 132, 134, 144, 151, 154, 162, 164, 177—179, 186
 Тверской удел 16, 49, 54
 Тверца, р. 12
 Темниковский у. 54
 Теремец, дер. Владимир. у. 15
 Тешиловская слобода Кашир. у. 66
 Тимофеева слобода Ржевск. у. 126
 Торгино, дер. Рязан. у. 58, 68
 Торжок, г. 7, 31, 125
 Торопец, г. 174
 Торопецкий у. 16, 18, 19, 39, 49, 99, 100, 111, 114

- Тотемский у. 179
 Троицкий ст. Дмитров. у. 89
 Трызново, с. Волоцк. у. 142
 Тула, г. 180
 Тульский у. 22, 100, 190
 Туриково, с. Москов. у. 13
 Турово, с. Твер. у. 132, 140
 Туровский ст. Кашир. у. 67
 Турунтаево, с. Вологод. у. 64, 192
 Турция 124
 Турчасовский ст., Каргопольск. у. 19, 110, 112, 113
 Тургумово, дер. Белозер. у. 107

 Уваровское, с. Москов. у. 138
 Угла, вол. Вологод. у. 192
 Угличский у. 10, 16, 41, 46, 77, 96, 179, 196—200
 Удомельская вол. Бежецк. пят-ны 19
 Умбская вол. Кольской земли 74
 Унжа, г. 179, 194
 Усмерский ст. Коломен. у. 185
 Усолье, погост Соликам. у. 76
 Успенское, с. Рузск. у. 131, 193
 Устюг, г. 173
 Устюжский у. 179
 Устюжна Железопольская, г. 110, 112

 Фаустова Гора, с. Зубцов. у. 115, 127
 Федоровское, с. Костром. у. 47, 92
 Федосын Городок, вол. Белозер. у. 52, 67, 193
 Федотьево, с. Рязан. у. 50, 52, 58, 64, 66, 68
 Филинский, поч. Белозер. у. 103, 108
 Фроловское, с. Кашин. у. 91

 Харитонов Починок, дер. Пошехон. у. 56
 Харланово, с. Рузск. у. 134
 Харлановский Починок, пуст. Кашир. у. 191
 Хлыновский у. 76, 80, 110
 Холм, г. и терр. твер. 8
 Холм, вол. Коломен. у. 185
 Холмогоры, г. 173
 Хотунская вол. Коломен. у. 93
 Хотунь, дер. Дмитров. у. 90

 Центр России 154, 161, 171—177, 179, 187—191, 198, 200
 Центральнo-Промышл. район 48
 Центральнo-Чернозем. район 48
 Цыбино, с. Костром. у. 50, 52, 60, 64
 Цылинский ез на р. Шексне 67

 Чебоксарский у. 173
 Чегодаевское поле, Муром. у. 12
 Чепчюги, с. Казан. у. 59
 Черный Бор, вол. 7, 8
 Чертаново, с. Москов. у. 51
 Чокково, с. Владимир. у. 15, 39, 40
 Чусовая, р. 200
 Чюрилово, с. Волоцк. у. 36

 Шастилово, с. Твер. у. 127
 Шеборшино, с. дворц. 51
 Шексна, р. 67, 78, 94, 111
 Шелонская пятина 10, 53, 166, 174
 Шеренский ст. Москов. у. 183, 189
 Шестаково, с. Рузск. у. 141
 Шильняг, пуст. Пошехон. у. 56, 57
 Шипулино, дер. Костром. у. 79
 Шульгино, дер. Дмитров. у. 90
 Шунга, погост Костром. у. 50

 Щонкино, дер. Кашир. у. 59

 Юг, вол. Вологод. у. 64, 192
 Юрьево-Поволский, у. 111, 112
 Юрьево-Польский у. 10, 27, 100, 159, 179, 186, 195—197

 Ягодное, с. Казан. у. 158
 Язвичье, дер. Белозер. у. 103
 Яковлевский ст. Кашир. у. 191
 Ямская Слобода в Коломне 181
 Яновец, дер. Владимир. у. 15
 Ярдышево, дер. Белозер. у. 105, 106
 Яренский у. 194
 Ярогомж, с. Белозер. 52, 64
 Ярополч, г. 8
 Ярославский у. 10, 30, 50, 52, 78, 94, 98, 118, 125, 154, 160, 163, 165, 196—199

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абрамович Г. В. 10, 16, 17, 161, 163, 169, 187, 204—206, 214—216
 Александров В. А. 36, 37, 207
 Алексинская Т. Н. 218
 Анпилогов Г. Н. 48, 208, 209
- Барашкова Н. А. 208, 209, 216, 218
 Белозерская Н. А. 139
 Беляев И. Д. 34, 207
 Буганов В. И. 207, 214
 Булгаков М. Б. 99, 210
- Валк С. Н. 219
 Васильев К. Г. 215
 Васильев Ю. С. 113, 209, 211
 Вахромеев И. А. 214, 215
 Веленчик Б. Я. 207
 Веселовский С. Б. 5, 7, 9, 11, 14, 19—21, 28, 34, 35, 63, 103, 109, 120, 142, 161, 163, 167, 184, 205, 206—209, 211—214, 216
 Воробьев В. М. 211
 Воронцова Л. Д. 206, 213, 216
 Воскобойникова Н. П. 211
- Гарскова И. М. 99, 210
 Голубцов И. А. 79
 Горская Н. А. 3, 6, 44, 48, 70, 205, 207—209
 Горский А. Д. 3, 11, 49, 205
 Горфункель А. Х. 219
 Готье Ю. В. 170, 171, 195, 198, 217
 Греков Б. Д. 30, 81, 170, 195, 210, 215, 217
- Данилова Л. В. 207
 Дегтярев А. Я. 171, 187, 193, 199, 215—217
 Демкин А. В. 217
 Дионисий 208, 216, 217
 Дмитриева З. В. 49, 208, 209, 216, 218, 219
 Довнар-Запольский М. В. 219
 Дорошенко В. В. 215
 Дьяконов М. А. 5, 18, 19, 21, 27, 206, 216, 219
- Ермолаев И. П. 208, 215, 217
- Зимин А. А. 6, 120, 126, 127, 130, 140, 156, 157, 161, 170, 171, 175, 205, 208, 211—215, 217—219
- Иванов Ю. Н. 77, 210
 Ивина Л. И. 209, 218
 Индова Е. И. 48, 208
- Кабанов А. К. 166, 206, 215, 216, 219
 Калачов Н. В. 29, 89, 219
 Каменцева Е. И. 206
 Катаев И. М. 166, 206, 215, 216, 219
 Каштанов С. М. 6, 11, 24, 79, 120, 121, 123, 125, 126, 128, 138—140, 161, 170, 171, 175, 205, 206, 212—214, 218, 219
 Кобрин В. Б. 212
 Колесников П. А. 161
 Копанев А. И. 103, 113, 161, 211, 216, 217
 Корецкий В. И. 29, 30, 120, 138, 143, 144, 184, 207, 211, 213, 214, 216
 Кучкин В. А. 216
- Лаппо-Данилевский А. С. 5, 34, 207
 Липаков Е. В. 208
 Лихачев Д. С. 212
 Лурье Я. С. 212
- Маматова Е. П. 6
 Маньков А. Г. 6, 213, 215, 217, 218
 Масленникова Н. Н. 16
 Мацук М. А. 113
 Миклашевский И. Н. 19, 206
 Милов Л. В. 33, 44, 99, 205, 207, 208, 210, 215
 Милюков П. Н. 5, 11, 14, 18, 19, 21, 27, 34, 163, 205—207
 Мордовина С. П. 162
- Назаров В. Д. 6, 211, 218
 Никольский Н. К. 34, 207, 213, 214
 Новосельцев А. П. 208
 Носов Н. Е. 120, 161
- Павлов-Сильванский В. Б. 216
 Пашуто В. Т. 208, 218
 Платонов С. Ф. 30, 170, 184

* В указатель включены имена исследователей, упомянутых в книге.

- Преображенский А. А. 6, 207
 Прокофьева Л. С. 208, 209, 216, 218
 Рождественский С. В. 157, 214, 215
 Рожков Н. А. 35, 50, 152, 161, 169, 170, 184, 199, 200, 207, 208, 214—217
 Романова Г. Я. 205, 209
 Рубцов М. 196, 210, 212
 Садиков П. А. 110, 161, 162, 206, 211, 216
 Самоквасов Д. Я. 207, 210
 Сахаров А. Н. 3
 Севастьянова А. А. 139, 213
 Сегал А. Е. 215
 Семенов В. П. 209
 Сергеевич В. И. 5, 18, 30, 34, 35, 184, 207, 216
 Симонов Р. А. 207
 Симсон П. 215
 Синицына Н. В. 212
 Скрынников Р. Г. 120, 133—137, 139, 144, 147, 148, 151, 156, 162, 213, 214, 216
 Смирнов И. И. 21, 23, 24, 206
 Смирнов П. П. 184
 Советов П. В. 205
 Спасский И. Г. 207
 Срезневский И. И. 113, 145, 212, 213
 Станиславский А. Л. 162
 Сташевский Е. Д. 206—209, 211, 215, 216
 Сторожев В. Н. 219
 Строев П. М. 136, 213
 Татищев В. Н. 7, 205
 Титов А. А. 215
 Тихомиров М. Н. 120, 180, 181, 184, 215, 216, 219
 Тихонов Ю. А. 3, 89, 207, 209, 210
 Толстой Ю. В. 213
 Устюгов Н. В. 206
 Федотов-Чеховский А. 218
 Флоря Б. Н. 6, 144, 151, 161, 213, 214
 Чаев Н. С. 213
 Черепнин Л. В. 3, 4, 10, 37, 49, 50, 120, 144, 205, 207, 208, 213, 218, 219
 Чечулин Н. Д. 184
 Шапиро А. Л. 4, 8, 32, 35, 113, 152, 169, 207, 218
 Швейковская Е. Н. 6
 Шмидт С. О. 120, 135, 213, 214
 Шумаков С. А. 48, 91, 97, 105, 196, 205—212, 215—217, 219
 Шапов Я. Н. 207
 Щепетов Н. К. 117, 212
 Юргинис Ю. М. 215
 Юшков А. И. 212, 218

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1	
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВО И ЭВОЛЮЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПОСОШНО-ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОПИСАНИЙ КОНЦА XV—XVI в. СОХА КАК ОКЛАДНАЯ ЕДИНИЦА . . .	7
Глава 2	
ФЕОДАЛЬНАЯ РЕНТА И ВЫТНОЕ ПИСЬМО	32
Влияние обычного права на формирование размеров выти и норм крестьянских повинностей	34
Сеньориальная рента в дворцовых владениях	50
Владельческая рента в вотчинах духовенства	73
Владельческая рента в имениях светских феодалов	99
Динамика денежной ренты у черносошных и владельческих крестьян	110
Глава 3	
ПРОТИВОСТОЯНИЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА И ЦЕРКВИ ПО ЗЕМЕЛЬНО-ПОДАТНЫМ ВОПРОСАМ. ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ	119
Податная и земельная политика относительно монастырских вотчин в 50—70-х годах	121
Соборы начала 80-х годов и борьба вокруг церковных земельно- податных привилегий	142
Основные государственные налоги последней четверти XVI в. . . .	161
Глава 4	
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС	
Локальные кризисные ситуации на окраинах России в 50—60-х годах .	169
Кризис 70—90-х годов	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	202
Примечания	205
Список сокращений	218
Указатель географических названий	220
Указатель имен	227

**Евгения Ивановна
Колычева**

АГРАРНЫЙ СТРОЙ РОССИИ XVI в.

Утверждено к печати
Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства А. В. Богословский
Художник Н. А. Сидельников
Художественный редактор Г. П. Валлас
Технический редактор Н. П. Переверза, М. Н. Комарова
Корректоры Н. Г. Васильева, Л. В. Щеголев

ИБ № 35934

Сдано в набор 03.04.87.
Подписано к печати 22.10.87.
А-11608. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1.
Гарнитура литературная. Фотонабор.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,5. Усл. кр.-отт. 14,3. Уч.-изд. л. 19,9
Тираж 1850 экз. Тип. зак. 1454
Цена 4 р. 20 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКА»
ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:**

Богословский М. М.

Историография, мемуаристика, эпистоляры:

(Научное наследство) /

М., 1987 — 20 л.

В сборник впервые включена подготовленная М. М. Богословским «Переписка В. О. Ключевского и С. А. Белокурова по делам Общества истории и древностей российских (1893—1910 гг.)». Воспоминания М. М. Богословского о В. О. Ключевском, Н. П. Павлове—Сильванском, П. Г. Виноградове, о Москве XIX в.

Даркевич В. П.

Праздничная жизнь Средневековья:

(По материалам изобразительного искусства IX—XVI вв.) /

М., 1988 — 20 л.

Подробно анализируются театральнo-зрелищные формы — от выступлений профессиональных жонглеров-скоморохов до массовых празднеств карнавального типа. Особый раздел посвящен народной календарной обрядности и играм, связанным с дохристианскими верованиями.

Для получения книг почтой заказы просим направлять по одному из адресов: 117192 Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин «Книга — почтой» Центральной конторы «Академкнига»; 197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7, магазин «Книга — почтой» Северо-Западной конторы «Академкнига» или в ближайший магазин «Академкнига», имеющий отдел «Книга — почтой».

480091 **Алма-Ата**, 91, ул. Фурманова, 91/97;
370005 **Баку**, 5, Коммунистическая ул., 51;
690088 **Владивосток**, Океанский проспект, 140;
320093 **Днепропетровск**, проспект Ю. Гагарина, 24;
734001 **Душанбе**, проспект Ленина, 95;
664033 **Иркутск**, ул. Лермонтова, 289;
252030 **Киев**, ул. Пирогова, 4;
277012 **Кишинев**, проспект Ленина, 148;
343900 **Краматорск**, Донецкой области, ул. Марата, 1;
443002 **Куйбышев**, проспект Ленина, 2;
220012 **Минск**, Ленинский проспект, 72;
630090 **Новосибирск**, Академгородок, Морской проспект, 22;
620151 **Свердловск**, ул. Мамина-Сибиряка, 137;
700185 **Ташкент**, ул. Дружбы народов, 6;
450059 **Уфа**, 59, ул. Р. Зорге, 10;
720000 **Фрунзе**, бульвар Дзержинского, 42;
310078 **Харьков**, ул. Чернышевского, 87.